

Белгородский государственный университет

ВЕСТНИК СНО

Сборник
студенческих научных работ

Часть II

Выпуск X

Белгород
2007

ББК 74.580.268

В 86

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Белгородского государственного университета

Ответственный редактор

В.В. Гончарова

Научный редактор

В.М. Московкин

В 86 **Вестник СНО**: сборник студенческих научных работ : в 2 ч. /
отв. ред. В.В. Гончарова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч. II. –
Вып. X. – 384 с.

Во II часть «Вестника СНО» включены статьи участников Дней науки по итогам научно-исследовательской работы студентов в 2005-2006 году. В предлагаемом сборнике рассматриваются актуальные вопросы филологии, истории, философии и теологии, педагогики, психологии и социальной работы, физической культуры, журналистики.

Читатель сможет познакомиться с научными изысканиями будущих ученых, так как авторами публикаций являются студенты всех факультетов нашего университета.

Надеемся, что такой своеобразный отчет о научно-исследовательской работе молодых исследователей даст представление о содержании, качестве и перспективах работы с талантливой молодежью нашего вуза.

ББК 74.580.268

© Белгородский государственный
университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ФИЛОЛОГИЯ

<i>Алдобаева Н.А. Н. рук. Гайдукова Н.И.</i> Формирование рекламного высказывания в начальной синтаксической экстрапозиции	9
<i>Бабенко Ю.Ю. Н. рук. Нагорный И.А.</i> Частица <i>как бы</i> в разговорной речи	12
<i>Плутахина О. В. Н. рук. Плотникова Л.И.</i> Новые слова на страницах газет	15
<i>Рабочая Е.А. Н. рук. Алефиренко Н.Ф.</i> Образные механизмы непрямой номинации в речетворчестве А. Блока	19
<i>Тарасова И.В. Н. рук. Кошарная С.А.</i> К предварительному анализу концепта «простота»	22
<i>Токаренко А.А. Н. рук. Соломахина Л.П.</i> Философско-психологические рассказы Л.Н. Андреева («У окна», «Большой шлем», «В подвале», «Жили-были»)	26
<i>Харевич О.В. Н. рук. Прокопенко З.Т.</i> Личная драма Лизы Калитиной («Дворянское гнездо» И.С. Тургенева) и Елены («Мать Агния» Ю.Н. Говорухо-Отрока) – путь к духовному возрождению	30
<i>Черницкая М.И. Н. рук. Нагорный И.А.</i> Семиотический аспект эргонимии	34
<i>Воробьева А.И. Н. рук. Пугач В.С.</i> Языковое воплощение концепта «женщина» в английской фразеологии	37
<i>Гаплевская Ю.А. Н. рук. Костина Н.И.</i> Социокультурный потенциал аутентичной англоязычной песни	40
<i>Гринько Е.В. Н. рук. Седых А.П.</i> Цветообозначения и жестовый язык	44
<i>Карпов А.В. Н.рук. Серкина О.В.</i> Foreign direct investments in Russia	49
<i>Качалова Т.В. Н. рук. Пристинская Т.М.</i> Дефразеологическая деривация как способ обогащения лексико-семантической системы немецкого языка	54
<i>Корнева И.П. Н. рук. Дзенс Н.И.</i> Мифологические образы как элемент культурной картины мира древних германцев	59
<i>Лангнер А.Н. Н. рук. Багана Ж.</i> О некоторых явлениях интерференции в речи студентов, изучающих французский язык в России	63
<i>Малинская Е.С. Н. рук. Гаврилова Е.Д.</i> Terrorism and world economy	67
<i>Марковцева А.П. Н. рук. Нерубенко Н.В.</i> Das wesen und tätigkeit der offshore-gesellschaft	69

<i>Михайлова О.А. Н. рук. Моисеева С.А. Особенности словаря дегустации «Винные термины»</i>	72
<i>Морозова А.А. Н. рук. Перевышина И.Р. Функциональные эквиваленты императивности в текстах пользовательских инструкций на немецком и русском языках</i>	77
<i>Нуриева Л.А. Н. рук. Иванова Г.В. Молодежь как особая общественная группа в социальной структуре общества Германии. Особенности речевой деятельности в молодежной среде</i>	80
<i>Плотникова Ю.А. Н.рук. Бондаренко Е.В. Трудности перевода английских газетных заголовков на русский язык (По материалам Financial Times)</i>	85
<i>Пугачёва М.Г. Н. рук. Моисеенко О.А. О соотношении письма и письменной речи на начальном этапе обучения английскому языку</i>	88
<i>Сокерчак С.И. Н. рук. Балашиова О.В. Особенности авторских неологизмов в произведениях научно-фантастического жанра</i>	92
<i>Федюнина И.Э. Н. рук. Прохорова О.Н. Особенности языковых картин мира, репрезентирующих концепт «Обман» с помощью фразеологических единиц в русском, английском и немецком языках</i>	94
<i>Черноиванова Т.В. Н. рук. Кузьмина О.В. Анализ путей интеграции и способов ассимиляции английских заимствований в немецком языке</i>	99
<i>Щербинина А.Ю. Н. рук. Карнаухова Н.А. Развитие интереса к предмету на основе страноведческого материала</i>	102
<i>Кашиникова И.Г. Н. рук. Алефиренко Н.Ф. Поэтическое слово в этноязыковом сознании поэтов Белгородчины</i>	106
<i>Куконосова О.С. Н. ук. Заикина А.И. Пространственные реалии в текстах белгородских поэтов</i>	111
<i>Ладыгина И.А., Перехватова Е.И. Н.рук. Алефиренко Н.Ф. Национально-культурный компонент семантики образного слова (На материале художественной прозы писателей Черноземья и произведений Н.С. Лескова)</i>	116
<i>Федорова Е.С. Н. рук. Озерова Е.Г. Особенности и значение рекламного заголовка (На материале рекламы современных женских журналов)</i>	122
<i>Пугачева М.Г. Н. рук. Соломахина Л.П. Топос Петербурга в творчестве Александра Блока</i>	126
<i>Зеленская Л.П. Н. рук. Семькина Е.Н. Фольклорные традиции в творчестве В.Н. Крупина</i>	131
<i>Семёнова Е.Н. Н. рук. Ширина Е.А. Интертекстуальные связи романа В. Пелевина «Чапаев и пустота»</i>	135
<i>Гатилова Е.С. Н. рук. Бардыкова Н.В. Детективная «Трилогия» Э. По</i>	139
<i>Зайцева К.С. Н. рук. Бардыкова Н.В. Тема «Возмущённого сознания» и образы бунтующих женщин в романах сестёр Бронте</i> ...	143
<i>Виноградова О.И. Н.рук. Бардыкова Н.В. Система образов в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари»</i>	146

Раздел 2. ИСТОРИЯ

<i>Агаркова Л. Г. Н. рук. Бычковский В. В. Роль народных праздников в современной культурной жизни населения Борисовского района</i>	150
<i>Гонтарева А. А. Н. рук. Дворецкая А.А. История в Интернете: аналитический обзор англоязычных источников информации по проблемам культурной истории елизаветинской Англии</i>	153
<i>Колтунова Е. Н. рук. В.В. Малай. Отношения с СССР в контексте внешнеполитической активности Италии накануне второй мировой войны</i>	157
<i>Крайник Т.Н. Н. рук. Дудка А.И. Мифологические женские образы в индийской скульптуре</i>	160
<i>Рябцева М. Л. Н. рук. Болгов Н. Н. Проблемы становления классической археологии в России в XVIII веке</i>	164
<i>Черкашина О.Н. Н. рук. Кулабухов В.С. Концепции возникновения древнерусских городов в отечественной историографии ...</i>	169
<i>Шабанова О.А. Н. рук. Шатохин И.Т. Образование в социально-экономической жизни уездных городов Белгородского края в XIX веке</i>	174

Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ

<i>Балабанова Е. А. Н. рук. Липич Т.И. Проблема патриотизма и национального самосознания в современной России</i>	178
<i>Дергалева Н.С. Н. рук. Жиров М.С. Антагонизм добра и зла в работе И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»</i>	183
<i>Кравченко А.Ю. Н. рук. Чередниченко А.Г. Приход христианства в Швецию (По книге Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» и «Житие Святого Ансгария»)</i>	186
<i>Ливенцева Т.В. Н. рук. Пенской В.В. Византийская концепция симфонии властей и ее реализация на Руси</i>	191
<i>Мартынова Г.В. Н. рук. Климова С.М. Духовное совершенство личности в свете православной антропологии</i>	196
<i>Овчинникова А.В. Н. рук. Белоножко Е.П. Возрождение православия в современной России</i>	200
<i>Трохимец Е. В. Н. рук. Климова С.М. Понимание смысла жизни в русской религиозной философии</i>	202
<i>Усольцев Е.Е. Н. рук. Носова Т.В. Символ Бабы-Яги в русской сказке</i>	204
<i>Верютина М.В., Нгуен Тху Нга Тхи. Н. рук. Жалдак Н.Н. Категория «интерес» в оценке приватизации атомной энергетики</i>	210

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

<i>Шведчикова Л.О., Лисицкая Е.А. Н. рук. Стручаева Т.М., Головки Е.В.</i> Психолого-педагогические основы современных систем воспитания младших школьников (На примере лицея №10 г. Белгорода)	214
<i>Воронкина М.Ю. Н. рук. Стручаева Т.М.</i> Современные технологии контроля навыков чтения на уроках в начальной школе ...	218
<i>Матренина Н.И. Н. рук. Курганская Л.М.</i> Воспитание любви к родной природе у младших школьников средствами художественной литературы	220
<i>Мартышова Е.В. Н. рук. Еременко О.И.</i> К проблеме формирования регионального компонента в лингвистическом образовании учащихся начальной школы	223
<i>Юрченко О.Н. Н. рук. Бусловская Л.К.</i> Умственная работоспособность студентов педагогического факультета при адаптации к учебным нагрузкам	227
<i>Скрынник Н.М. Н. рук. Черкашен Н.Е.</i> Приемы дифференциации обучения первоклассников математике	230
<i>Запара О.В. Н. рук. Маркова В.В.</i> Развитие коммуникативной культуры будущих воспитателей дошкольного образовательного учреждения на первой ступени профессионального образования	233
<i>Полетов Ю.В. Н. рук. Гуцина Т.Ю.</i> Организация здоровьесберегающей среды в дошкольном образовательном учреждении как средство формирования здорового образа жизни детей	237
<i>Шепелева Е.Е. Н. рук. Маркова В.В.</i> Формирование потребности в профессионально-нравственном самовоспитании у будущих воспитателей дошкольного образовательного учреждения	242
<i>Зубко А.Ю. Н. рук. Стариченко Н.Л.</i> Влияние освоения языка изобразительного искусства на адаптацию слабослышащего учащегося в профессионально-художественной среде	245
<i>Камаева Т.Н. рук. Стариченко Н.Л.</i> Анализ портретов, выполненных непрофессиональными художниками	249
<i>Шувалова Л.Н. Н.рук. Шкляр В.С.</i> Возможности декоративного рисования для достижения выразительности объекта	253
<i>Беляк О.А. Н. рук. Коптева О.Д.</i> Технологии логопедического обследования детей раннего возраста	256
<i>Зубенко Н.Л. Н.рук. Алтухова Т.А.</i> Особенности социально-перцептивного развития детей, воспитывающихся в условиях детского дома	259

<i>Ткачева М.В. Н. рук. Коптева О.Д.</i> Технология скринингового педагогического обследования фонаторной функции у дошкольников	264
<i>Нехорошева А. Н. рук. Гребнева В.В.</i> Исследование суицидальной направленности студентов вуза	268
<i>Абросимова А.В., Буракова А.Н., Демченко В.В. Н. рук. Годовникова Л.В.</i> Об исследовании отношения студентов Белгородского государственного университета к интегрированному обучению	272
<i>Мороз М., Шаповалова О. Н. рук. Гребнева В.В.</i> Феноменология жизни человека. Периодические изменения в природе и их влияние на здоровье человека	277
<i>Вьюн Г. Н. рук. Кормакова В.Н.</i> Трудовое воспитание школьников ...	280
<i>Шапошникова Т.В. Н. рук. Болгова А.М.</i> Положение учителя в российском обществе: история и современность	284
<i>Стаценко А.И., Понеделко А.Н. Н. рук. Холод В.Л.</i> Настоящее и будущее воспитательного пространства – в молодых руках ..	288
<i>Комарова Е. Г., Изместьева О. А., Соболев Р. В. Н. рук. Москвин В.А.</i> Парциальное доминирование и особенности волевой регуляции	290
<i>Дьякова Т.А., Ефремова Ю.В., Калашишникова Ю.О., Яценко Е.А. Н. рук. Исаева Н.И.</i> К вопросу о состоянии психологической культуры студентов-психологов	293
<i>Псарева Г. А. Н.рук. Аксенова И.В.</i> Особенности взаимоотношений сиблингов в семье	296
<i>Полякова Н.Ю. Н.рук. Москвин В.А.</i> Межполушарная асимметрия и механизмы сна	300
<i>Крыжка Р. В. Н. рук. Шутенко Е. Н.</i> Проблема воли: философско-психологический аспект	304
<i>Кошманова С.В. Н. рук. Карнаухов В.А.</i> Роль самооценки в развитии представлений студентов-психологов об отношении к ним значимых других	308
<i>Голубчикова Н.А. Н. рук. Подпоринова Н.Н.</i> Семейная дезадаптация: причины и последствия	311
<i>Дронова И.Г. Н. рук. Кожемякин Е.А.</i> Этнопсихологические аспекты социальной работы	315

Раздел 5. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

<i>Бутырина М.А. Н.рук. Спирин М.П.</i> Методика развития гибкости у девочек 6-7 лет, занимающихся художественной гимнастикой	318
<i>Хабутдинов М.Р. Н. рук. Воронков А.В.</i> Методика развития силы мышц предплечья и кисти у рукоборцев массовых разрядов	320

<i>Воробей Д.В. Н. рук. Климова В.К. Повышение эффективности тренировочного процесса стрелков с помощью технических средств подготовки</i>	325
<i>Кунахова В.Ю. Н. рук. Климова В.К. Методика тренировки сенсорных систем в учебно-тренировочном процессе гандболистов 12-13 лет</i>	329
<i>Огнева Е.А. Н. рук. Воронин Е.В. Регуляция предстартовых состояний и свойств внимания высококвалифицированных стрелков с помощью системы АГИМ (ауто-гипно-идео-моторики)</i>	335
<i>Сахаров И.С. Н. рук. Наметченко А.Г. Дифференциация специальных упражнений при совершенствовании техники бега школьников 10-11 лет</i>	340
<i>Тарабан Я.В., Сальник В.Ю. Н. рук. Климова В.К. Иппотерапия как метод комплексной реабилитации</i>	345
<i>Ястребова И.В. Н.рук. Нестеренко Г.Л. Развитие координационных способностей у юных акробатов</i>	349
<i>Махов В.И. Н. рук. Никулин И.Н. Особенности занятий атлетической гимнастикой подростков 14-15 лет</i>	352

Раздел 6. ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Горборукова Л.С. Н. рук. Ушакова С.В. Специфика темпоральной организации радиорепортажа</i>	357
<i>Скрипка А.М. Н. рук. Прохорова Т.Н. Особенности интервью в белгородской прессе</i>	361
<i>Киртилева Т.В. Н. рук. Нарожняя С.М. Вопросы истории отечественной журналистики на страницах журнала «Журналист» (конец 1990-х – 2000-е годы)</i>	366
<i>Подгорная Е.В. Н. рук. Крюкова С.В. О тенденциях в языке современных печатных СМИ</i>	370
<i>Хаустова Ю.Ю. Н. рук. Полонский А.В. Лексические симптомы культурного преобразования современной России (на примере текстов СМИ)</i>	373
<i>Иванченко Д.В. Н. рук. Крюкова С.В. Стилистические фигуры в текстах средств массовой информации</i>	377

Раздел 1. ФИЛОЛОГИЯ

*Н.А. Алдобаева
Н. рук. Н.И. Гайдукова*

ФОРМИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЭКСТРАПОЗИЦИИ

В настоящее время современная реклама представляет собой развивающееся средство межкультурного общения, и перед лингвистами стоит задача раскрыть модель формирования рекламного высказывания, найти онтологическое основание рекламного стиля.

Анализ текстов рекламы показывает, что рекламный текст строится по особым правилам, содержит информационно нагруженные элементы, помещаемые в коммуникативно релевантные позиции.

Одной из таких позиций является начальная синтаксическая экстрапозиция (ЭП). Рекламно нагруженный компонент высказывания стремится к выносу за пределы первого места предложения, за пределы субъектно-предикатной структуры, формируя позицию большей обособленности от основного высказывания. Интонационная и орфографическая выделенность компонента высказывания, формируют начальную синтаксическую экстрапозицию, а осуществление рекламного эффекта в ней на основе психологических механизмов, специфического коммуникативного оформления позволяют характеризовать её как типизированную структуру. Основным фактором формирования рекламных качеств текста в ЭП является авторская интенция, связанная, во-первых, с нарушениями синтаксической структуры, порядка слов, рамочной конструкции, во-вторых, с эмоциональным усилением, выделением свойств, признаков описываемых объектов. Некоторые типы рекламных ЭК определяют такие нелинейные мыслительные механизмы как парадокс, двусторонние связи, «механизм ореола», «механизм идентификации».

Сочетание стилистических качеств, основанных на презентативности, экстраполировании, редукации как синтаксическом механизме формирования, является онтологической основой заголовочного и рекламного стилей в ЭП.

Экстраполяция рекламного компонента повышает отделенность важной, новой, броской информации от основного высказывания, призванного уточнить, объяснить, пояснить вынесенный компонент. Внесение такого компонента в синтаксическую структуру основного высказывания способствует потере важного преимущества. В начало рекламного текста попадает рематическая информация. Высказывание, являющееся полностью рематическим, становится перегруженным, и внимание слушающего на первый компонент ослабляется, что противоречит замыслу

рекламодателя. Поэтому целесообразнее вынести информационно, семантически нагруженный компонент за пределы высказывания: Volkswagen: Der „New Beetle“ weckt Emotionen und löst den legendären Käfer ab [5:23]; Der Phaeton: Ist das nur ein Automobil? [4, с. 45]. Lufthansa: Die deutsche Airline ist vollprivatisiert [5, с. 22]. Употребление номинативных компонентов высказывания, вынесенных за пределы субъектно-предикатной структуры, вызывает в сознании потребителя более или менее изолированное представление о предмете. «Наиболее важным для рекламодателя представляется сам предмет, его бытие» [1, с.21].

Подчеркнуть незыблемость бытия, долгосрочность пребывания товара на рынке, надежность рекламируемого товара призваны частицы, усиливающие данное значение: Wie immer bei Smart: In der Karosserie steckt jede Menge Kunststoff und im Innenraum sowieso [3, с. 178].

ЭК может иметь оценочное значение: An erster Stelle die passende Mode natürlich - von den trendigsten Kleidern zum Ausgehen bis zu den passenden Accessoires verraten Ihnen unsere Beauty-Redakteurinnen das glamouröseste Party-Make-up...Rot wie die Liebe: der perfekte Begleiter bietet für die Wassermann-Frau Laurel an [3, с. 87]; инструктирующее значение: Licht aus, Spot an: Die Party-Saison geht los! [3, с. 56]; Unser Party-Servise für Sie: Tolle Produkte machen die Nacht unvergesslich! [3, с.12]

Оценка предлагаемого товара может быть разнообразнейшей и для получения требуемого эффекта автор использует яркие, лаконичные, броские, типизированные, клишированные слова, англицизмы, сленгизмы: Edel und stark: Alle Zutaten mit Eis im Cocktailshaker mixen... [3, с.188]; Sweet, soft und cool: Absolut Vanilia, Drambuie und flüssigen Honig servieren im Cocktailglas [3, с. 188]; Hot Stuff: Alle Zutaten bis auf das Gemüse mit drei Eis würfeln, in ein Longdrinksglas geben [3, с. 188]; Durstlöscher: Limetten achteln... [3, с. 188]; Glitzer, Glamour, gute Laune: Mit diesen eleganten Handtaschen haben Sie auch beim Feiern alles am Griff [3, с. 114]. В данном предложении ЭК дает оценку производителя товара, призванную привлечь, захватить внимание будущих обладателей, а также прогнозирует приобретенные качества у обладателей таких предметов. Синтаксическая позиция рекламного компонента в сочетании со стилистическим средством формирует броский рекламный образ, яркое предложение – слоган, легко запоминаемое благодаря краткости, лаконичности, эффекту «вспышки». «... Реклама с каждым днем все уверенней заявляет о себе как о создателе и апологете потребительских предпочтений, т.е. берет на себя социальную роль управления потребителем» [2, с. 484].

Рекламные ЭК могут быть выражены именами отношений, связывающих ЭК и ОВ с интенцией автора-рекламодателя представить свой товар. Презентационная стратегия выражается в намерении автора представить свой товар, проагитировать за него и может быть оформлена именами отношений между ЭК, ОВ и интенцией автора: Vorteil: Sie haben null Kosten und erst nachher Arbeit... Nachteil: Sie haben nichts in der Hand,...Faustregel: Je gediegener Sie es sich vorstellen, umso weniger Leute

einladen. Oder Alternativ: Sie schonen Ihre Wohnung und mieten eine nette Kneipe an für das Geld [3, с. 12]. Variante: Das Ganze im Las-Vegas-Style durchziehen mit Glitter und und Ami-Food [3:182].

Анализ рекламных текстов с ЭК показывает, что в ходе рекламных кампаний широко используется цитирование высказываний известных личностей, апеллирование к поступкам и личностным / внутренним и внешним / качествам известных личностей, книжных и кино героев, упоминание сюжетов широко известных произведений и кинофильмов. Основываясь на психологическом приеме «механизм ореола» рекламный образ создает положительный эффект восприятия: Ah, so wunderbar retro: Für diese Accessoire hätte Leutnant Uhura von „Raumschiff Enterprise“ auf der Stelle ihre geheimen Rezepte ... herausgerückt [4, с. 18]. Ob beim Apré's-Ski oder zum Frühstück bei Tiffaniy's – diese getupfte Brille macht jeden Tag zum Holly-Day [3, с. 16].

На основе психологического приема разрешения парадоксов, установления двусторонних связей, формируются ЭК с парадоксальной инструкцией: Literatur für die Ohren: Audio Books haben Hochkonjunktur [5, с. 45]; Weniger ist mehr: Das optimale Training ist für Figur und Gesundheit nützlicher [6, с. 1]; „Faust“ beim Autofahren oder „Sofies Welt“ beim Bügeln: Hörbücher sind keine Lektüre für Büchermuffel [5, с. 39].

Парадоксальная инструкция (как одна из разновидностей инструктивной стратегии рекламного типа ЭК), построенная на парадоксе, не может быть выполнена в полном объеме, но побуждает рассматривать предмет инструкции с большим вниманием, заставляя потребителя думать, решать простые нелинейные цепочки-связи, что и используется в рекламе.

Экстрапозиция представляет собой место формирования нелинейной языковой структуры, конструкцию, основной функцией которой является преодоление линейного развертывания речи-мысли и одновременное выражение нескольких смыслов. Презентативная стратегия автора накладывается в ЭП на оценку продукта, агитацию за него, инструкцию по его применению и т.д, т.е. осуществляет рекламную деятельность.

Экстрапозиция является местом формирования и восприятия мыслительных рекламных конструкций в сознании говорящего. Синтаксические и психологические механизмы продуцирования таких конструкций, употребление рекламно маркированной лексики являются онтологическим основанием формирования рекламного стиля, как средства привлечения внимания адресата.

Литература

1. Ксезенко О.А. Как создается рекламный текст. Функционально-экспрессивные аспекты рекламного текста. – М., 1998.
2. Юдин С. Рекламный образ: умение являть // Психология и психоанализ рекламы. – Самара, 2001.
3. Petra 12, 2003.
4. Der Spiegel 33, 2002.
5. Deutschland 2, 1998.
6. Focus 33, 2002.

ЧАСТИЦА *КАК БЫ* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Современный общенациональный русский литературный язык существует в двух постоянно взаимодействующих функциональных разновидностях, или формах: в форме письменной речи и в форме речи разговорной.

Под разговорной речью понимается устная речь правильно говорящих носителей соответствующего языка, имеющая свои характерные черты и нормы употребления и отличающаяся от «логической» и «интеллектуализированной» письменной речи эффективностью, конкретностью и индивидуальной выразительностью. [5, с.5]

Разговорная речь существует в форме диалога или полилога, которые предполагают наличие говорящего (адресанта) и слушающего или слушающих (адресатов), воспринимающих информацию, исходящую от говорящего. Основная часть информации представлена в вербальной форме (жесты, мимика второстепенны), в словах, наделённых определённой семантикой и образующих высказывание. Наряду с такими словами в высказывании присутствуют элементы, наличие которых никоим образом не видоизменяет информационную насыщенность высказывания, то есть элементы, определяемые нами как семантически опустошённые.

Важнейшей проблемой речевого процесса на современном этапе развития языка является резкое снижение уровня непосредственного вербального общения, отход от нормы. Одно из проявлений этой тенденции – качественное и количественное обилие в речи так называемых семантически опустошённых элементов: *значит, такой, короче, в общем, типа, как бы* и ряда других. Данная группа слов развилась из «полноценных» элементов, наделённых определёнными функциями в высказывании.

Частица *как бы* является одной из наиболее употребительных в этой группе. Её исходную семантику фиксирует словарь. Так, многие словари определяют значение частицы *как бы* как выражение условно-предположительного сравнения. [Кот] потёрся о ноги Кузьмина, помурлыкал и ушёл обратно в ночные комнаты, *как бы* приглашая Кузьмина за собой. (Паустовский, Дождливый рассвет). [3, с.17]

В «Словаре структурных слов русского языка» применяется дифференциальный подход к определению семантики рассматриваемой частицы, и в результате выделено два следующих модальных значения частицы *как бы*:

1) указание на предположительный характер высказывания, на сомнение в достоверности чего-либо. Синонимы *как будто, будто, вроде*. *Казалось это и самому Василию, усвоившему себе манеру, как бы в шутку, на забаву окружающим, покрикивать на Сверчка, даже помогавшего этой шутке.* (И.А. Бунин, Сверчок);

2) указание на условный характер утверждаемого, на то, что реальность только внешне похожа на утверждаемое. *И всё как бы останови-*

лось в своём росте, умирало, шум голосов гас, удаляясь, перерождался в печальные вздохи. (М. Горький, Старуха Изергиль). [5, с.159]

Анализ исторического словаря более раннего периода [4, с.27] показывает, что **как бы** как частица сформировалась достаточно поздно, путём срастания союза **как** с частицей **бы** и наделения этой комбинации соответствующим устойчивым модальным значением в высказывании, исходя из значений:

– **как** – выражение сравнения, подобия [2, с.260];

– **бы** – выражение предположительной возможности [2, с.65].

Сравнительно недавно частица **как бы** стала функционировать в разговорной речи в качестве семантически опустошённого элемента, всё прочнее утверждаясь в русскоязычной среде. Свидетельством активного участия этой частицы в коммуникативном процессе выступает факт её использования в средствах массовой информации радио- и телеведущими, политиками, деятелями культуры и искусства. А это – один из факторов, формирующих единый тип речевого общения носителей данного языка.

Таким образом, это фактор, способствующий дальнейшему распространению рассматриваемого элемента и утверждению его в общественном лексиконе.

В первую очередь частица **как бы** как семантически опустошённый элемент особенно частотна в молодёжной среде, что связано с недостаточным опытом общения и знанием правил и норм словоупотребления. Этот факт свидетельствует о снижении уровня культуры речевого общения.

Непринуждённое обращение с языковым материалом оказывается возможным в условиях существования неофициальных, даже фамильярных отношений между собеседниками (дружеских, родственных), в случае отсутствия установки на сообщение, имеющее официальный характер (лекция, доклад, выступление на собрании, ответ на экзамене и т. д.), а также элементов, нарушающих неофициальность общения (присутствие посторонних лиц, магнитофон для записи речи и др.). [1, с.5]

Но поскольку человек – это субъект, поведение которого мотивируется не только строгими установками и требованиями, но определяется в том числе факторами психологического характера, складом ума, уровнем образованности, принадлежностью к определённой социальной группе, то нарушение нормы речевого общения оказывается возможным и в ситуациях, имеющих деловой, официальный характер.

Кроме названных, к причинам употребления в устной речи семантически опустошённых элементов, в том числе частицы **как бы**, относятся, во-первых, спонтанность речевого потока, неподготовленность высказывания, в силу чего говорящий прибегает к подобным словам, выигрывая время для подбора нужных слов, заполняя возникающие паузы, заменяя вставные словечки типа *э-э, м-м* (сравните: «*Я э-э хотела узнать...*» и «*Я как бы хотела узнать...*»); во-вторых, стремление соблюдения установок так называемой «синтаксической дипломатичности», что обусловлено чувством неловкости, испытываемым говорящим при констатации

факта, желанием проявить тактичность, деликатность, смягчить категоричность. *Мы как бы не бедные люди, но деньги нам в общем достаются великим трудом.* Последний пример ярко показывает, что, невзирая на семантическую опустошенность, рассматриваемая частица всё же способна нести определённого рода информацию, но второстепенную по отношению к тем функциям, которые должна выполнять в предложении, поэтому данный факт не может в полной мере оправдать её использования в речи.

Как правило, частица **как бы** вносит определённый модальный смысл в высказывания, где раскрываются абстрактные понятия, связи. *Мужчина как бы должен брать инициативу в свои руки.* В предложениях, которые характеризуют материальный, предметный, вещественный мир, видимые отношения, эта частица обычно (не всегда) является лишним компонентом, не участвующим в построении содержания высказывания. *Приводят в деревню как бы пленных.* Употребление частицы **как бы** говорящим для выражения значения предположения, условного сравнения оправдано в случае отсутствия достоверных сведений и знаний об объективной действительности, в случае невозможной категорической констатации факта. *Биологически человек уже как бы на вершине своего развития.* При изложении фактического материала рассматриваемый элемент не несёт смысловой нагрузки. *Россия – это как бы огромная страна.*

Промежуточным звеном в цепи «**как бы** – полновесный элемент / **как бы** – семантически опустошённый элемент» выступает **как бы** – полуопустошённый, переходный элемент. *Я знаю, что я хороший человек, но как бы всё равно неуверенность есть.* В этом случае частица вносит в содержание высказывания лишь некоторую долю возможного смысла. Очевидно, что границы в цепочке постепенного перехода к полному семантическому опустошению оказываются достаточно размытыми и не всегда подлежат однозначному определению. В живой разговорной речи на определении этих границ сказывается не только смысл самого высказывания, но и контекстуальное окружение, а также интонация.

Исследования показывают, что из двух предложенных словарём модальных значений частицы **как бы** наиболее продуктивным является значение условного сравнения. *Деревья как бы шепчутся между собой.* Эта тенденция проявляет себя и в высказываниях, где частица **как бы** фиксируется в качестве переходного элемента. *Это его как бы внутреннее отношение к стиху.* Таким образом, значение предположения, сомнения является в речи достаточно неактивным и постепенно утрачивается как одна из семем частицы **как бы**. Этот процесс можно, по-видимому, объяснить наличием синонимичных данной семеме слов *как будто, будто, вроде*, что заставляет говорящего делать выбор в пользу именно этих элементов, а не частицы **как бы**.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что употребление в речи частицы **как бы** в качестве семантически опустошённого элемента, то есть употребление, не отвечающее нормам устной разговорной речи, яв-

ляется одним из многих пунктов, определяющих языковой портрет говорящего, свидетельствует о сниженной культуре речевого общения, бедном внутреннем лексиконе, неспособности мобильно воспользоваться его ресурсами или же выступает результатом следования субъективным, психологическим потребностям адресанта. Степень подчинения нормам речевого общения в свою очередь определяет уровень семантической опустошённости элемента или же её отсутствие.

В перспективе представляется актуальным более подробное изучение степеней семантической опустошённости частицы *как бы*, выявление причин дифференциации этих степеней, а также изучение механизмов их выявления, фиксации и описания.

Литература:

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 1978.
2. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
3. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1982. Т. 2.
4. Словарь русского языка XI-XII вв. – М.: Наука, 1980.
5. Словарь структурных слов русского языка / под ред. Морковкина В. В., Луцкой Н. М. и др. – М.: Лазурь, 1997.
6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960.

*О.В. Плутина
Н. рук. Л.И. Плотникова*

НОВЫЕ СЛОВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ

Наблюдения за новыми словами показали, что наиболее активно новообразования появляются в языке газеты. Очевидно, это связано с тем, что именно газета быстро и разносторонне отражает события каждого дня. В ней находят отражения все сдвиги, которые происходят в общественной жизни, поднимаются наиболее важные для общества проблемы.

Одной из основных черт газетно-публицистического стиля является сочетание двух тенденций – тенденции к экспрессивности и тенденции к стандарту. Это обусловлено функциями, которые выполняет публицистика: информационно-содержательной и функцией убеждения. С функцией воздействия на читателя связана такая черта газетно-публицистического стиля, как его эмоционально-экспрессивный характер, а с быстротой передачи общественно значимой информации связан стандарт этого стиля.

Структура функционирующих в языке газеты новообразований социально обусловлена. Данное положение можно подтвердить, например, активным созданием новых приставочных именных образований. Их

употребление соотносится с теми общественными и политическими процессами, которые происходят в жизни государства. Значение приставок сыграло определенную роль в пополнении номинативного фонда новыми словами. Так, высокую активность проявляют инновации с префиксами *анти-*, *контр-*, выражающими значение противоположности, отрицания: *антидемократ*, *антиреформатор*; *антиельцинский*, *антизаконный*, *антикоммерческий* и др.

«*Контрперестроечный*»: В исторической перспективе нынешний *контрперестроечный* поворот лишает сколько-нибудь пристойного политического будущего сторонников нашей «бессмертной» идеи». – КП, ноябрь 1998.

Не случайным является также проявление активности префикса *де-* в словах, например, *декоммунизация*, *деноменклатуризация*, *десоветизация*; *деидеологизированный*, *деполитизированный*, *децентрализованный*, *децентралистский* и др. Такие слова, как правило, называют определенные общественно-политические явления, префикс же в них обозначает отмену, движение вниз, снижение, отделение, удаление, что также по-своему характеризует нашу действительность, ср.:

«*Деиндустриализация*» : «Поскольку практически вся наша обрабатывающая индустрия неконкурентоспособна на открытом рынке, то по мере достижения финансовой стабилизации и приближения внутренних цен к мировым, будет происходить так называемая *деиндустриализация* экономики – упрощение ее структуры». – ЛГ, октябрь 2004. В данном примере контекст выявляет условия создания данного слова: *деиндустриализация* - процесс разукрупнения, упрощения структуры промышленного производства.

Своеобразной приметой нашего времени являются новообразования с префиксом *недо-*, выражающим значение «недостаточный, неполный, не доведенный до конца», например:

«*Недофинансированность*» : «Трудно богучарским саперам придется не при самом разминировании, а все от той же пресловутой армейской *недофинансированности*». – Веч., 2002. №2.

«*Недоворот*» : «Августовский *недоворот*» (загол.). – КП, 1991.

Наши наблюдения показали, что наиболее частотными в настоящее время являются препозитивные форманты *квази-*, *лже-*, *псевдо-*. Данный факт свидетельствует о том, что современная эпоха способствует актуализации многих языковых процессов. Указанные препозитивные форманты не случайно проявляют частотность: они передают значение неистинности, ложности, что по-своему характеризует многие явления нашей действительности. Например:

«*Квазиперестройка*» : «Первый этап «*квазиперестройки*» мы уже прошли. Он исчерпал себя, продемонстрировав уже свою бесплодность». – КП, 1998. Новообразование *квазиперестройка* обозначает мнимую, неподлинную перестройку.

Препозитивный формант *лже-* входит в состав новообразований *лжеакадемизм, лжедемократы, лжеобязательства, лжепредприниматель, лже-реформы, лжесенсация, лжефирмы* и др.; формант *псевдо-* отмечен в новообразованиях *псевдопатриотизм, псевдодорынок, псевдосоциализм, псевдосуверенитет* и др.

К активным словообразовательным элементам в настоящее время относится формант *супер-*, который выражает значение «превосходящий других, самый лучший»: *супербестселлер, супергруппа, супердизайн, суперженщина, суперлюкс, суперхит, суперэлита*.

Большую продуктивность обрели отдельные препозитивные форманты, наиболее активными среди которых являются: *арт-* (*арттеатр, артфильм*); *аудио-* (*аудиоальбом, аудиоплейер, аудиотекст, аудиотекстовый*); *видео-* (*видеобизнесмен, видеоредактор, видеоиндустрия, видеоканал, видеокарточка, видео контрабанда, видеокультура, видеонаркоман, видеонаркотик, видеопират*); *джаз-* (*джаз-ансамбль, джаз-клуб, джаз-фест*); *мега-* (*мегазвезда, мегаселлер, мега-шоу*); *мульти-* (*мультипрограммирование, мультипак*); *поп-* (*поп-арт, поп-концерт, поп-мюзикл*); *порно-* (*порнобизнес, порножурнал, порноскандал, порнофильм*); *теле-* (*теледискуссия, телекратия, телемост, телеприставка, телетекст, телефакс, телехулиганы, телецерковь, телешоу*); *ток-* (*ток-марафон, ток-сериал, ток-шоу*); *фото-* (*фото модель, фотоулика*) и др.

Среди новых слов, активно включившихся в деривационный процесс и сформировавших вокруг себя целые словообразовательные гнезда из новообразований, можно выделить следующие:

акция – акционировать, акционирование, акционеризация, акционерно-биржевой;

бизнес – бизнес-вумен, бизнес-леди, бизнес-класс, бизнес-клуб, бизнесменка, бизнесменский, бизнесменша, бизнес-план, бизнес-право;

бомж – бомжатник, бомжевать, бомжировать, бомжиха, бомжовка, бомжонок;

демократия, демократ – демократизатор, демократически, демократизированный, демократка, демократура;

секс – антисексуальный, секс-бизнес, секс-бомба, секс-культура, секс-меньшинства, сексотерапевт, сексотерапия, секстренинг, сексуализация, сексуально и др.

Наряду с новообразованиями, отражающими различные социальные тенденции, активно создаются и функционируют в языке газеты инновации, обозначающие человека как носителя определенных социальных признаков: *альтернативщики, бегоголики, компьютероманы, кошководы, сникерщики, уклонисты, фанерщики, шлагермены, маньяководы* и др.

Одной из отличительных особенностей языка современной газеты является активизация сниженной лексики. Данное явление объясняется как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. К последним в первую очередь относят явление универбизации, или конденсации, основным способом выражения которого является суффиксация.

Чаще всего это образования с суффиксом *-к(а)*: *аморалка, виртуалка, кассационка* – *кассационная жалоба, наружка* – *наружное наблюдение, не-сознанка, обнаженка, повременка* и др. Собранный языковой материал подтверждает высокую активность отмеченной словообразовательной модели, ср.:

«Гнетучка» : «Весенняя гнетучка» (заголовок) – о весеннем угнетенном состоянии. – АиФ, 1999. №11.

«Обнаженка» : «Схожая судьба у «Полной обнаженки» – у этой английской комедии о мужском стриптизе». – Премьер, 1998.

Активность функционирования сниженных слов подтверждается увеличением числа новообразований с другими суффиксами. Например: *медляк* – медленный танец, *медленная музыка*; *важняк* – важное дело; *верняк* – верное дело; *сходняк* – сходная цена; *тусняк* – неформальное общение; *депрессняк* – депрессия и др.; *-ух(а)*: *везуха, видуха, групповуха, депрессуха, джазуха, заказуха, отвлекуха, передовуха, порнуха, рацуха, спокуха, чернуха* и др.

Стремление во что бы то ни стало привлечь внимание читателей обусловило увеличение на страницах газет и числа сниженных отглагольных образований: *загад, наезд, напруг, облом, опохмел, откат, отлуп, отпад, оттяг, прикол, принуд*;

«Прикиды» : «Если вы собираетесь в Париж, обязательно берите с собой самые лучшие свои *прикиды* – хорошие шмотки там вы купить вряд ли сможете». – АиФ, 1994. №25.

Все эти образования, по мнению В.Г. Костомарова, синтаксически «дефективны», ограничены в своих парадигмах и встречаются в строго ограниченных функциях. Рассматриваемый словообразовательный тип вовлекает в поле своего действия новый круг основ – уже не только глагольных, но и отадективных»: *громозд, беспросвет, серьез, примитив, интим, наив, негатив, инфантил, беспредел* и др.

К основным причинам, вызвавшим активизацию подобных слов, необходимо отнести низкий уровень речевой культуры и стремление некоторых газет завоевать популярность любым путем.

Анализ новообразований, отмеченных в языке газет, выявил также активное создание составных наименований (*предприятия-лидеры, страны-кредиторы, экстрим-программы*) и аббревиатур (*НПФ* – негосударственные пенсионные фонды, *ГНИ* – городская налоговая инспекция, *НПСР* – Народно-патриотический Союз России и др.)

Таким образом, анализ новообразований, отмеченных в языке газет, позволяет выявить определенные тенденции, характеризующие язык наших дней, определить возрастание или затухание продуктивности той или иной словообразовательной модели, установить наиболее активные звенья современных словообразовательных процессов.

ОБРАЗНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ В РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Первичная лексическая номинация, под которой понимается соотнесение отображаемого в сознании предмета и означаемого языкового знака, впервые получающего функцию названия, – редкое явление в современном языке. Большинство номинативных единиц выступают во вторичной для них функции наименования. При этом они используют уже существующие единицы номинации, выбор которых предопределяется структурно-смысловой мотивацией. Вторичная номинация – многоликое явление. Одним из ее типов является непрякая номинация. Ее сущность состоит в перенаправленности смысла имени на новый фрагмент действительности, что, в конечном итоге, приводит к самостоятельной номинативной ценности языкового знака. Такие знаки содержат в своих сигнификатах все те сведения, которые необходимы для адекватного соотнесения имени и обозначаемого предмета [5, с. 73]. Все многообразие способов перенесения смысла имени с одного объекта на другой сводят к двум основным – метафорическому и метонимическому.

Метафорический перенос – это перенос наименования по сходству: *Затопили нас волны времени*. Прямое значение лексемы *волна* – ‘водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности’. В приведенном выше примере данная лексема употреблена в переносном значении, обозначая быстротечность времени. В процессе переноса слово полностью или частично утрачивает свою первичную предметную отнесенность. В результате оно приобретает метафорическое значение – контекстуально связанное значение, возникающее в речи в результате смещения устоявшихся контекстов употребления слов, передающее образное представление, которое выражает субъективную характеристику предмета или явления и реализуется в составе метафорического сочетания [3, с. 32].

Можно считать установленным, что метафорический перенос в языке подчинен жесткой закономерности и осуществляется в определенном направлении от одной семантической сферы к другой. Следуя данной закономерности, мы выделяем следующие типы регулярных метафорических переносов, характерных для речетворчества А. Блока:

1) Предмет – предмет: *За желто-красную листву / Уходит месяца отрезок*; 2) Предмет – человек: *И глаза под навесом бровей / Огоньками болотными дремлют*; 3) Предмет – физический мир: *И, когда среди мрака снопами / Искры станут кружиться в дыму*; 4) Предмет – психический мир: *На землю сумерки сходили / И вечности вставали сны*; 5) Предмет – абстракция: *Я буду одиноко ликовать / Над бытия ужасной тризной*; 6) Физический мир – психический мир: *И проникла в тишину / Моей души, уже бездумной*.

Как видим, сфера психического – самый мощный источник метафоризации в творчестве А. Блока. Подсчеты показали, что почти половину всей метафорической лексики в произведениях А. Блока составляют метафоры, обозначающие явления психического мира. Помимо регулярных метафорических переносов были обнаружены и нерегулярные, исчисляющиеся единицами: 1) Животное – предмет: *Снежинка легкою пушинкой / Порхает на ветру*; 2) Физический мир – физический мир: *В сумерках близкой весны / Плакали зимние бури*; 3) Физический мир – человек: *Дышит утро в окошко твое*; 4) Человек – психический мир: *Я любил твое белое платье, / Утонченность мечты разлюбив*.

В данном случае в большей степени метафоризации подвержены оппозиции: «физический мир – человек» и «физический мир – физический мир». Разумеется, художественные тексты А. Блока содержат в своем составе как тропы, так и общеупотребительные выражения, в том числе и стертые языковые метафоры. В спонтанной речи стертые языковые метафоры не отличаются образностью и могут заменяться лексическими эквивалентами без потери смысла. Языковые метафоры относительно свободно вступают в семантические связи и реализуются в различных дистрибуциях. Такие метафоры для поэтического творчества А. Блока не характерны, случаи их употребления единичны (*Пусть жизнь приносит людям счастье*). В лирических текстах А. Блока, как правило, встречаются художественные речевые метафоры, которые, в отличие от языковых метафор, не обладают номинативной самостоятельностью. Они всегда связаны с контекстом, обнаруживающим суть художественной метафоры. Причем каждая художественная метафора уникальна по своей семантической структуре: *Юность моя, как печальная ночь, / Бледным лучом упала на плиты, / Гасла, плелась и шарахалась прочь*. В приведенном примере абстрактное понятие «юность» становится «действующим лицом» метафорического выражения, наделяясь свойствами живого субъекта действия. Употребленные метафоры являются носителями ярких коннотативных значений ‘увядания’ и ‘беспомощности’ (*юность упала, гасла, плелась, шарахалась*).

Такого рода переносы реализуются в метафорическом контексте, который может быть как лексическим, так и синтаксическим. Лексический контекст создается одним указательным словом в составе двухсловного словосочетания (*снопы искр*). В отдельных случаях ассоциативно-смысловая энергетика художественной метафоры может пронизывать предложение или ряд предложений (*В моей душе любви весна / Не сменит бурного ненастья*). Такие метафоры могут существовать как изолировано, так и соотноситься с другими тропами, образуя своеобразные тропеические конфигурации. Следует отметить, что особо тесно связаны между собой компаративные тропы, к числу которых относится и метафора. Прежде всего, обнаруживается связь метафоры и сравнения: *И неба вышние моря / Вечерним пурпуром горели*. В небольшом стихотворном контексте А. Блоком используются метафоры-загадки: *Падают розы вечерние* (о заре).

В результате взаимодействия лексически согласованных глагольных и именных метафор возникают целые метафорические высказывания. Это свидетельствует об экспансии метафоры, которая стремится распространить свое ассоциативно-смысловое влияние, подчиняя себе относительно широкий контекст: *Только скоро ль погаснут **огни** / Заколдованной темной любви.* Такие метафоры в лирике А.Блока часто накладываются на другие тропы, например, на перифразы, осложняя их. В таком случае перифраза образует с глаголом прямо номинативное сочетание, а перифразируемое слово с этим же глаголом – непрямо номинативное: *...ветер, **пес послушный, лижет** / Чуть пригнутые камыши.*

Реже блоковская метафора накладывается на тропы других видов, образуя, в частности, оксюмороны: *И серый, как ночные своды, / Он знал всему предел. / **Цепями тягостной свободы** / Уверенно гремел.* Кроме того, в неоднородных синтаксических конструкциях, характерных для творчества А. Блока, могут сочетаться два различных принципа номинации – прямой и метафорический: 1) На первое место выдвинуто прямое обозначение, за ним следует метафора: *Холодный ветер от лагуны, / **Гондол безмолвные гроба.*** 2) Перечислительный ряд заканчивается метафорой: *Вспоминаю те вьюги, снега, / твои **дикие, слабые руки,** / **Бормотаний твоих жемчуга.*** 3) Один из глаголов в ряду перечислений является антропоморфной метафорой: ***Дышит** утро в окошко твое.* 4) Глагол в прямом значении сочетается с глагольной метафорой при характеристике человека: ***Встала** в легкой полутени, / **Заструилась** вдоль перил.* 5) Глагол-сказуемое является антропоморфной метафорой, а деепричастный оборот содержит глагол в прямом значении: *Поет, **краснея, медь.*** 6) Глагол-сказуемое в прямом значении соотносится с антропоморфной метафорой в деепричастном обороте: *Везут, **покрахтывая, дроги,** / Мой полинялый балаган.* 7) Среди глаголов, употребленных в прямом значении, выделяется метафора: *О, сердце, сколько ты любило! О, разум, сколько ты **пылал!*** 8) Чередование прямого и непрямого значения в однородных синтаксических конструкциях: *Весь город полон голосов, / Мужских – крикливых, женских – **струнных.*** 9) Один глагол-сказуемое употребляется в прямом значении, другой является метафорой: *Еще свистки **ломали** воздух, и крик еще стоял.* 10) Одно подлежащие употреблено в прямом значении, другое является метафорой: *Золотисты лица купальниц, / Их **стебель** влажен.* Чередования прямого и непрямого способов изображения создают неоднородную структуру текста. Подобные чередования особенно характерны для поэтического творчества А. Блока.

Не менее значимым образным механизмом непрямой номинации является метонимия. В речетворчестве А. Блока метонимия используется реже метафоры, поэтому ограничимся следующим замечанием. Метонимический перенос – это ассоциативный процесс, связанный с переносом наименования по смежности, отражающий соположение вещей в пространстве или во времени (*Ты взмахнула бубенцами, / Увлекла меня в поля... / **Дышишь** черными шелками, / **Распахнула соболя.***). При этом мето-

нимическое слово характерного образного значения не развивает. Образность создается тем дискурсивным пространством, в рамках которого возникает метонимическое слово. Блоковская метонимия не устойчива, т.к. ее функции окказиональны.

Итак, образные механизмы непрямого номинации играют важную экспрессивную роль в поэтической речи А. Блока. Различные типы метафорических переносов, а также конфигурации метафор с другими тропами – один из важных признаков идиостиля поэта.

Литература

1. Блок А. Лирика. – М.: Правда, 1988. – 414 с.
2. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
3. Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. – Челябинск, 1975. – 184 с.
4. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
5. ЯН – Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 360 с.

И.В. Тарасова
Н. рук. С.А. Кошарная

К ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ КОНЦЕПТА «ПРОСТОТА»

Сегодня изучение концептов национальной культуры становится все более популярным. В работах лингвокультурологов постепенно складываются единые подходы к концепту как элементу языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии, а также идет поиск общих принципов описания концептов.

Однако в настоящий момент вопрос о параметрах выделения концептов остается открытым. Мы полагаем, что концепт как устойчивое этнокультурное образование должен находить выражение в устойчивых, традиционных языковых структурах, к которым относятся фразеологизмы и паремии. Не случайно в работах лингвокультурологов концептуальный анализ в абсолютном большинстве случаев проводится на материале фразем и паремий. «Паремии составляют золотой фонд любого языка, любой культуры, ибо именно в них народ фиксирует свои наблюдения над миром и человеком, выражает свой духовный опыт» [2, с.248]. Паремии описывают типичные ситуации с участием ключевых слов культуры, то есть они могут быть рассмотрены как стереотипные структуры, сценарии с участием концепта.

В нашей работе анализу подвергается концепт «Простота» – один из ключевых элементов русской культуры. Данный концепт представлен в языковой картине русского народа посредством ряда вербализаций, где центральным элементом оказывается прилагательное *простой*. Иными

словами, содержание концепта «Простота» находит отражение в семантике прилагательного *простой*, которое имеет следующие значения:

1. Однородный по составу, не составной. *Простое вещество*.
2. Не сложный, не трудный, доступный пониманию, осуществлению. *Простое решение. Простое дело*.
3. Безыскусственный, незамысловатый. *Простое платье. Простая обстановка*.
4. Не лучшего качества, грубый по обработке. *Простой холст – небеленый. Простые чулки – хлопчатобумажные*.
5. Добродушный, простодушный, не церемонный. *Не стесняйся его, он человек простой*.
6. Самый обыкновенный, не выделяющийся среди других. *Простые люди – трудовой народ*.
7. Принадлежащий к непривилегированным сословиям, не дворянский (устар.). *Простой народ*.
8. Глуповатый, недалекий. *Этот дурачок не так прост, как кажется*.

Рассмотрим, как данные смыслы находят выражение в семантике паремий (в качестве источника мы используем материал сборника пословиц и поговорок русского народа В.И. Даля и сборника пословиц и поговорок А.С. Спирина). Анализ паремий с точки зрения общности семантического наполнения лексем с корнем *-прост* позволил выделить несколько тематических групп пословиц и поговорок (в качестве примеров мы приводим наиболее яркие паремиологические единицы).

1. Значение ‘не сложный, доступный пониманию, осуществлению’ нашло отражение в семантике следующих паремий:

Замысловато, да туповато, просто, да остро;

Все гениальное просто;

Не все творится, что просто говорится;

А ларчик просто открывался;

Что хитро, то и просто.

2. Значение ‘безыскусственный, незамысловатый’ запечатлено в таких пословичных словоупотреблениях, как:

Одет просто, а на языке речей со сто;

Живи просто, доживешь до ста.

3. Значение ‘добродушный, простодушный’ имеет место в поговорке:

Народ простой: хоть всю ночь у ворот простой – в избу не пустят и в сени не зайдешь (в данном случае присутствует ирония, которая основана на противоречии лексического значения: *простой* – ‘простодушный’ – и его контекстуального осмысления – на самом деле ‘хитрый, непростой’). Кроме этого, здесь иронически обыгрывается факт омофонии – *народ простой* (прил., ед.ч., муж. р., им.п.) и *всю ночь простой* (глагол, повелит. накл., ед. ч. 2 л.).

4. Значение ‘самый обыкновенный, не выделяющийся среди других’ имеет место в употреблении:

А нас простых и Бог простит.

5. Значение ‘добродушный, простодушный, не церемонный’ обнаруживается в таких случаях, как:

Всякий дом большаком прост, а горшок – большухой (здесь подразумевается сердечная простота, ласковое, открытое отношение к гостям хозяев дома, то есть большака и большухи).

6. Значение ‘не дворянский, принадлежащий к непривилегированному сословию’:

Не гонись за простым воров, гонись за атаманом;

Мужик простой, как кисель густой.

7. Значение ‘глуповатый, недалекий, наивный’ имеет место в таких случаях, как:

Прост, а головой об стену не ударит;

Прост, как свинья, а лукав, как змея;

На вид простой, а в душе хитряк.

Однако нужно заметить, что в данных пословицах подразумевается лишь внешняя глуповатость, то есть человек производит впечатление простака, но на самом деле он не так прост, а напротив, хитер, расчетлив.

Прилагательное *простой* (кр. форма *прост*) в своем прямом значении ‘глупый, незадачливый, непригодный к чему-либо’ употребляется в следующих поговорках:

И толст, да прост, и не телен, да делен;

Комар тонок, да звонок, слепень толст, да прост.

Как видим, концепт «Простота» в том виде, в котором он находит отражение в русском паремиологическом фонде, соотносится, скорее, не с внешними проявлениями характера человека, а с сущностью человека как таковой, то есть с тем, как он оценивает свое место в окружающем мире, каким видит идеал человеческих взаимоотношений, каково его мировоззрение, отношение к Богу. При этом данный концепт предстает как элемент различных картин мира (религиозной, наивно-бытовой), о чем свидетельствуют нижеследующие примеры.

Так, в религиозном аспекте *простоту* нужно рассматривать как беспрекословное подчинение воле Господа, следование божьим законам. Именно простота, по мнению носителя религиозного сознания, избавит человека от греха и обеспечит не только вечную жизнь в раю, но и благополучие на земле:

Простота – половина спасенья;

Простота человека к Богу приводит;

За простоту Бог дает толстоту (раньше полнота считалась признаком крепкого здоровья и символом достатка).

Но *простота* может быть проявлением и более земных отношений, связанных с повседневной жизнью человека, с его бытом. Например, значение ‘открытость, бесхитростность’ представлено в таких поговорках, как:

Кабы не барский разум, да не мужичья простота, все бы пропали;

Простота святая, да ее ж и на зубы подымают;

Простите на глупости, не осудите (не взыщите) на простоте.

Подобные умозаключения народа говорят о том, что открытость может иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

Довольно часто концепт «Простота» соотносится с концептом «Глупость»:

Бывает и простота хуже воровства;

Прост до глупости и глуп до простоты;

Вить тебе волком за твою овечью простоту (в данном случае подразумевается не ограниченность умственных способностей, а наивность, излишняя доверчивость).

Зачастую подобная простота приносит больше вреда, нежели самые тяжкие из человеческих пороков.

Еким-простота: рукавицы потерял, двое за поясом. (Здесь простота отождествляется с хитростью, то есть человек пытается казаться наивным, но на самом деле он хитер, умен, умеет предвидеть события).

Нередко концепт «Простота» вбирает представления народа о человеческой красоте, причем как физической, так и духовной:

Простота и прямота – наилучшая лепота;

Простота, чистота, прямота – наилучшая красота;

Не спесь красит человека, а простота.

Простота подразумевает не только отсутствие помпезности в одежде, но и сдержанность поведения человека, скромность.

Нужно также отметить, что смыслы, заключенные в концепте «Простота», в народной речи оказываются шире, чем значения слова *простой*, зафиксированные в Толковом словаре С.И. Ожегова.

Например, в поговорках содержание концепта «Простота» достаточно часто соотносится с таким понятием, как «Пустота», то есть отсутствие какого бы то ни было содержимого:

Среди поста и матушка проста (не употребляет скоромной пищи, то есть мясного и молочного, а следовательно, желудок ее практически пуст);

Что ступишь, то и рублем прост (в данном случае подразумевается то, что, какие бы действия человек не предпринимал, что бы не совершал, все для него оборачивается денежными потерями);

Попросту, что попусту – и зацепки нет.

Наш предварительный анализ доказывает, что поговорка может быть рассмотрена как путь к содержанию концепта. Поскольку поговорки репрезентируют типичные ситуации с участием концепта, то в когнитивном аспекте они могут быть рассмотрены как структуры, заключающие в себе стереотипные представления, входящие в содержание концепта «Простота».

Литература

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М., 1984.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 296 с.
3. Ожегов С.И., Реведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: «Сюита», 1996. – 544 с.

**ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
Л.Н. АНДРЕЕВА («У ОКНА», «БОЛЬШОЙ ШЛЕМ»,
«В ПОДВАЛЕ», «ЖИЛИ-БЫЛИ»)**

Современник Леонида Андреева, редактор газеты, литературный критик Н.К. Михайловский высоко оценил творчество молодого, тогда еще неизвестного писателя, обнаружил в нем огромный художественный потенциал, которому еще только предстоит раскрыться. По его словам, «сборник рассказов г. Леонида Андреева резко выделяется из... тусклой, серой массы... вы ясно видите если не все черты и подробности физиономии автора, то по крайней мере несомненную оригинальность этой физиономии. Настоящую, подлинную оригинальность, а не подделку под нее...» [6, 543]. Михайловский же выделяет две «топором намеченные рубрики», в русле которых философствует и творит Андреев, – это страх смерти и страх жизни.

Рассказы «У окна», «Большой шлем», «В подвале», «Жили-были» можно объединить по типу отношений героя со средой, с миром. По словам исследовательницы Л. А. Иезуитовой, «герой отрешился от самого себя, жизнь для него – страх и ужас, подчинение чему-то, что выше его, но чего понять или чему противостоять он не может» [5, 75].

Действительно, это люди, всеми силами пытающиеся отгородиться от жизни и весьма преуспевшие в этом (исключением, пожалуй, являются только дьякон и студент из рассказа «Жили-были»). Все они оказываются в предельно сжатом, ограниченном пространстве комнаты или больничной палаты, что их очень устраивает. Хижняков из рассказа «В подвале» даже позу принимает характерную, сжимается весь в комок, подогнув под себя ноги, чтобы казаться незаметнее и защищеннее под грудой тряпья. Всегда герои организуют свой маленький мирок, отрезанный от «большого мира», отгороженный стенами, не пропускающими внутрь ни звуков, ни красок реальной жизни. Так, в рассказе «Жили-были» больничная палата «с ее высокими потолками казалась... узким и душным закоулком, в котором нельзя протянуть руки, чтобы не наткнуться на стену. Голос улицы не проникал в клинику сквозь двойные рамы...» [10, 286]. Информация извне также не доходит до сознания обитателей больницы: «какая-нибудь неправильность в отпращивании желудка у соседа волновала и трогала больше, чем война и те события, которые потом получают название мировых» [1, 83].

Очевидной становится «футлярность» существования героев, «футлярность» их психологии. Они не стремятся разомкнуть пространство, вырваться из «крепости», «могилы» (так Андрей Николаевич представляет свою комнатку), они сводят на нет общение с другими людьми. Например, о существовании героя рассказа «У окна» знает только помощник секретаря в канцелярии, квартирная хозяйка да несостоявшаяся невеста Наташа. В рассказе «Большой шлем» герои, собираясь три раза в неделю

за одним столом, не знают друг о друге абсолютно ничего. У Хижнякова «нет во всем мире никого, кто пришел бы к нему и за ним», жена, родственники «умерли, а может быть, кто-нибудь и жив, но так затерян в бесконечном мире, как будто бы умер» [1, 345]. Кошеверов беспокоится о том, чтобы к нему даже посетителей не пускали.

Л. А. Иезуитова отмечает «омертвление, окаменение, омеханичивание ума и сердца» [5, 76] как общие черты с чеховским «футлярным человеком». Но, в отличие от Чехова, у которого «футляр» является символом общественного поведения, способа удушения живой жизни внутри и вне себя, у Андреева это средство самозащиты слабого человека.

Очень верно исследовательница подметила, что опорой философского содержания рассказов оказывается их оригинальная композиционная организация. Композиция, по Л.А. Иезуитовой, представляет собой круг, кольцо, разорванное в одном или нескольких местах и почти обязательно разомкнутое в конце, а сами герои «находятся в «круге железного предначертания», куда попали под воздействием «рока», но и не без собственных усилий» [5, 77]. Разрывами кольца для Андрея Николаевича становится любовь к Наташе, несостоявшееся повышение по службе, для Хижнякова – встреча с новорожденным.

Философское разрешение вопросов жизни и смерти у Леонида Андреева трагично и безнадежно, в духе пессимистического учения Шопенгауэра. Как пишет Н.К. Михайловский, «г-н Андреев и к жизни, и к смерти подходит больше... со стороны их бессмысленной жестокости. «Жили-были» – это не только заглавие едва ли не лучшего из его рассказов, а и как бы итог всех их» [6, 553]. Философскую концепцию писателя можно сформулировать так: обычному, рядовому, «маленькому» человеку нет и не может быть радости, счастья в жизни, потому что вся жизнь, весь жизненный круговорот подчинен одному страшному, извечному, безжалостному закону, злему року, всем правит смерть.

Злой рок, смерть неизменно присутствуют в андреевских произведениях, мало того, их присутствие становится реально ощутимым, а образ гиперболизируется. Например, герой рассказа «У окна» живет в постоянном ощущении тревоги, страха и ужаса: жизнь его «так, серенький туман какой-то, да та особенная жуть, которая охватывает человека в тумане, когда перед самыми глазами стоит серая, непроницаемая стена» [1, 112]. В «Большом шлеме» герои постоянно чувствуют «что-то роковое и злобное», фатальное [1, 153], нагнетаемое по мере приближения к развязке. В рассказе «В подвале» смерть подстерегает Хижнякова повсюду, она «как хищная серая птица, слепая при солнечном свете и зоркая в черные ночи... он <Хижняков> видел то, чего никогда не видят другие: колыхание серого огромного тела, бесформенного и страшного. Оно было прозрачно, охватывало все, и предметы в нем были как за стеклянной стеной» [1, 342]. В «Жили-были» смерть становится до того привычным делом, что на нее уже не обращают внимания.

В рассказе «Большой шлем», построенном на реально-бытовой сюжетной основе, но в углубленном философско-психологическом аспекте,

воплощается характерный для Андреева мотив недолговечности и прозрачности человеческого счастья, уже прозвучавший в «Ангелочке» и развитый в последующих произведениях писателя.

Еще одним ключевым мотивом, общим для всех рассказов, становится непроницаемость людей друг для друга, фикция общения (эту тему Андреев также развивает в дальнейшем творчестве). Не вкладывая себя, своей души ни во что вокруг, человек отчуждается от мира, от общей жизни, от людей. Это реальный процесс, характерный для общества, где властвует разобщающий людей капитал.

С огромной художественной силой передан в «Большом шлеме» ужас от внутренней разьединенности людей, от холодно-жестокоего равнодушия друг к другу. Спокойный и плавный ритм рассказа, снисходительная, едва ли не доброжелательная обрисовка персонажей в сочетании с тонкой авторской иронией, преднамеренным заострением образов и ситуаций – все эти художественные средства способствуют более глубокому и полному раскрытию духовной отчужденности героев.

Герои рассказа «Большой шлем» предельно безлики, лишены индивидуальности, схематичны. Читателю ничего неизвестно о наклонностях, роде занятий, семейных связях персонажей, точно так же, как ничего не знают, да и не хотят знать друг о друге и они сами. Внешний облик героев обрисован весьма лаконично, скупой: Яков Иванович «был маленький, сухонький старичок, зиму и лето ходивший в наваченном сюртуке и брюках, молчаливый и строгий», Николай Дмитриевич – «толстый и горячий», «краснощекий, пахнувший свежим воздухом» [1, 150].

Более того, безликость человеческих фигур подчеркивается фантастической условностью: карты одушевляются и оживают. В картах оказывается больше индивидуального и живого, чем в людях: «...каждая масть, а в масти каждая карта в отдельности, была строго индивидуальна и жила своей обособленной жизнью... карты делали свое, как будто они имели свою волю, свои вкусы, симпатии и капризы» [1, 151]. Л.А. Иезуитова пишет об этом рассказе так: «Закон, норма, круг человеческого предначертания («рок») обретают в нем символично-фантазмагорические черты. Будни настолько обесценивают духовное содержание человеческой жизни, что она становится похожей на бессмысленное верчение, на фантастическую игру» [5, 78]. А БС. Бугров считает, что «одушевленный мир карт... олицетворяет в рассказе высшие роковые силы, властвующие над человеческими помыслами и устремлениями. Между миром людей и миром карт нет и не может быть взаимопонимания: слепое везение, выпадающее на долю Николая Дмитриевича, стремительно и резко оборачивается трагедией. Оба эти мира близки друг другу лишь в одном – в тупом и холодном равнодушии ко всему окружающему. Даже смерть не в состоянии всколыхнуть естественно-человеческое: все поглощено, задавлено, уничтожено бессмысленной игрой» [3, 40].

Философской идее подчиняется и особенный, андреевский стиль, изобилующий яркими художественными образами, в том числе образами-

символами, богатый также цветовой символикой. Возьмем рассказ «У окна». Возможно, уже в нем зарождается то, что позволило впоследствии увидеть в творчестве Леонида Андреева истоки импрессионизма и экспрессионизма. Писателю удается мастерски, очень ярко и живо создать картину, на фоне которой происходят события: осень, дождь, серые печальные дома, одинокие деревья, почерневшие листья, потемневший кривой домик с отвязавшейся ставней... Кажется, все это написано одним росчерком, похоже на эскиз, зарисовку по первому впечатлению, передающий основное настроение художника (как в живописи импрессионизма). Нарисованный мир наполнен мелкими, на первый взгляд, незначительными деталями, бесчисленным множеством звуков и красок.

Уже в этом раннем рассказе, по нашему мнению, можно говорить об использовании Андреевым цветовой символики (исследователи обычно обращают внимание лишь на «Красный смех»). Нетрудно заметить главенство трех цветов: желтого, черного и красного. Желтый – цвет самого героя («желтые от табака пальцы» [1, 110], «желтоватый и худой господин» [1, 104]), его окружения и всей его скучной, никчемной, пустой жизни, это цвет тоски, безжизненности, мертвого оцепенения. Черное и красное появляются в его жизни в кризисные моменты, на разрывах композиционного кольца. Так, на невесте Наташе «красная ситцевая блуза, запачканная сажей», у нее «большие черные глаза» [1, 109], в памяти при воспоминании об их свиданиях всплывает образ багрово-красной луны над черной землей (образ луны неоднократно появляется в тексте, играет значительную роль, несет концептуальную нагрузку, ведь не зря Андрея Николаевича донимает вопрос «При чем здесь эта луна?» [1, 118]). Свадьбу Наташа справляет на Красной горке. Красное, черное – это жизнь и смерть, это то неведомое, что не дает покоя герою ни днем ни ночью, что могло воскресить его, но не воскресило, а только тревожит постоянно.

Несмотря на своеобразие и оригинальность философско-психологического плана и его художественного воплощения, «в первых рассказах Андреева, – как пишет А.Г.Соколов, – ощутимо влияние не только Помяловского и Г.Успенского, но и Толстого, Достоевского, Чехова, Салтыкова-Щедрина» [7, 380]. В.В.Боровский, современник Андреева, называет ранние его рассказы подражанием Горькому и Чехову, причем, на его субъективный взгляд, очень неудачные, в результате чего «получились только слабые, натянутые, нехудожественные вещицы», в которых лишь «надуманность, искусственность, нехудожественность» [4, 321].

Очень верной и ценной для нас представляется точка зрения Л.А. Иезуитовой: «По существу Андреев... отстаивает право художника на эксперимент, поиск, который ему необходим, чтобы открыть новые сферы жизни, чтобы по-новому выражать новое для литературы содержание. Катастрофизм и «фантастичность» социальной действительности начала века, границы непознанного и иррационального, «рокового» и свободного в объективном мире и субъективном мире человека – целый комплекс «андреевских» вопросов породил в его творчестве многообразные виды гротеска, реали-

стической символизации, экспрессионистской плакатности и условности, – все те новые формы, которые он вводил как необходимые и органические в творчество и которые, по мнению Андреева, были способом расширения границ реализма, содействовали его обогащению. Вот почему с середины 1900-х годов Андреев определяет собственный творческий метод словами-терминами: неореализм, ретушированный или фантастический реализм, реализм универсального психологизма (панпсихизм) и т.п.» [5, 72].

Таким образом, проблема отчуждения, разобщенности людей, одиночества в толпе, затронутая Андреевым в рассмотренных нами рассказах, выходит на первый план в некоторых последующих произведениях, оформляясь уже в виде сложившейся авторской позиции, философской концепции.

Литература

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Рассказы, 1898 – 1903. – М.: Худож. лит., 1990. – 683 с.
2. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Рассказы. Пьесы, 1904 – 1907. – М.: Худож. лит., 1990. – 557 с.
3. Бугров Б.С. Леонид Андреев. Проза и драматургия. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 112 с.
4. Воровский В.В. Статьи о русской литературе. – М.: Худож. лит., 1986. – 447 с.
5. Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1892 – 1906). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 240 с.
6. Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века / Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. – Л.: Худож. лит., 1989. – 608 с.
7. Соколов А.Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. – М.: Высш. шк.; Изд. центр Академия, 1999. – 432 с.

*О.В. Харевич
Н. рук. З.Т. Прокопенко*

ЛИЧНАЯ ДРАМА ЛИЗЫ КАЛИТИНОЙ («ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И.С.ТУРГЕНЕВА) И ЕЛЕНЫ («МАТЬ АГНИЯ» Ю.Н. ГОВОРУХО-ОТРОКА) – ПУТЬ К ДУХОВНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

Имя Ю.Н. Говорухо-Отрока всё чаще мелькает на страницах исследований современных литературоведов, несмотря на то, что тексты беллетриста разрозненно существовали в различных периодических изданиях XIX века. Мы получили возможность познакомиться с литературным творчеством Говорухо-Отрока благодаря изданию в 2005 году первого тома его произведений нашим научным руководителем профессором БелГУ, доктором филологических наук З.Т. Прокопенко. Говорухо-Отрок, как свидетельствуют энциклопедические справочники и небольшое коли-

чество статей, больше известен как критик. Так, Н.Н. Страхов называл критическую деятельность Говорухо-Отрока «светлым явлением нашей литературы за последние годы». Однако, как оказалось, он был и замечательным беллетристом. Перу Говорухо-Отрока принадлежат 14 рассказов, пьеса и повесть. Особенно наше внимание привлёк рассказ «Мать Агния». Представляется, что произведение написано не без влияния романа Тургенева «Дворянское гнездо». И.С.Тургенев был любимым писателем Говорухо-Отрока. По свидетельству современников, в скромно меблированной квартире Говорухо-Отрока среди других книг особенно выделялось 12-томное собрание сочинений Тургенева в роскошном кожаном переплётё с золотым обрезом.

К 10-летию со дня смерти Тургенева Говорухо-Отрок публикует значительное количество статей в газетах и журналах, которые в 1894 году обобщает в критический этюд «Тургенев». В этом исследовании Говорухо-Отрока большое внимание уделено роману «Дворянское гнездо» и в частности образу Лизы Калитиной. В этом критическом этюде, на наш взгляд, выразилось понимание Говорухо-Отроком образа Лизы, отразился ряд мыслей, характеризующих мировоззренческую позицию беллетриста.

Даты написания произведений, главными персонажами которых являются героини, разделяет значительная временная дистанция. В промежуток между 1858 и 1893 годами уместился целый ряд исторических событий, изменивший как систему государственного управления в России, так и подготовивший перелом в сознании общества. Мельчают дворянские гнёзда, в рассказе «Мать Агния», уже нет подробного описания усадьбы и быта владельцев. Читатель ничего не знает о родных Елены, даётся лишь краткое указание на то, что «по возвращении домой из Смольного Леночка не застала уже в живых ни отца, ни матери, а только одного брата».

Принадлежность авторов разным историческим эпохам обуславливает и различную расстановку смысловых акцентов. «Дворянское гнездо» – роман прежде всего о судьбе дворянства в России. Характеры героев Тургенева подлинно национальны, выражают то здоровое начало русского дворянства, без которого, по мысли писателя, невозможно обновление России. В центре внимания Говорухо-Отрока – «Елена, Леночка, как называл её брат», – русская девушка, история её несчастной любви, совершение внутреннего переворота в её душе, обращение к Богу и принятие монашеского сана.

Внешне судьбы героинь сходны. Лиза и Елена влюбляются, но из-за ряда внешних обстоятельств (неожиданное появление жены Лаврецкого Варвары Павловны, которую считали умершей, предательства жениха Елены – Владимира Ивановича) приводят их к пониманию невозможности земного женского счастья. Лиза и Елена выбирают жизнь в Боге. Такова внешняя, сходная канва их судеб. Внутренние предпосылки для ухода в монастырь у героинь различны.

Говорухо-Отрок пишет о Лизе: « Пусть её лицо бледно и неясно, пусть она не облечена в плоть и кровь, но это лицо достойно стать центром великой исторической картины», в ней показана «мера душевной красоты русской женщины». Лиза скромна и религиозна. Большое влияние на становление её характера оказала няня Агафья, вместо сказок рассказывавшая девочке о подвигах святых. «Христа она познала не непосредственно из Евангелия», – пишет Говорухо-Отрок, – а через святых и мучеников Его». Лиза познала веру «в живом откровении самой веры». В неожиданном появлении Варвары Павловны Лиза видит знак свыше, указывающий, что её любовь к Лаврецкому грешна и запретна. Героиня воспринимает мир через призму евангельских истин, ни один поступок не совершает вопреки христианской морали. Жизнь для Лизы – это воплощённые евангельские сюжеты и образы. Неслучайно в разговоре Лизы и Марфы Тимофеевны всплывает образ «козлиной бороды», иначе мужчины, Лаврецкого. Образ козла актуализируется в 2 значениях. С одной стороны, чёрт – вечный искушитель человеческих душ, часто наделяется приметам этого животного. С другой, в еврейской традиции козёл использовался для отправления культа, символическим образом принимавший на себя грехи людей.

Пройдя через искушение любовью, Лиза решает, что единственным приемлемым решением для неё станет отречение от земной жизни и уход в монастырь.

Главную героиню своего рассказа Елену (в монашестве мать Агнию) Говорухо-Отрок не идеализирует. Перед читателем возникает образ девушки-дворянки, выпускницы Смольного института, светски образованной. Возвратившись в имение, временами читает «божественную книжку», но не в силу своей религиозности, а потому что у навещавшего их с братом батюшки другой не было. Показателен эпизод в церкви во время венчания Владимира Ивановича. Осознав, какую жестокую шутку сыграл с ней её жених, Елена не в состоянии помешать совершению брака. От тяжести навалившегося горя, героиня решает покончить жизнь самоубийством. В последний момент её спасает сторож Силантьич. Без утайки, предельно искренно, она рассказывает старику о своём несчастье. Ощувив поддержку простого человека, Елена начинает видеть в своей жизни новый смысл.

Как представляется, большое влияние на героинь оказывают люди из народа. Так, Лиза, принимая монашеский сан, буквально повторяет судьбу своей любимой набожной няни Агафьи. Мудрость и доброта Силантьича спасают Елену от совершения самого страшного греха-самоубийства.

Возлюбленный Лизы ни в чём перед ней виноват, роковое появление жены оказалось для него неожиданностью. Случайная встреча матери Агнии с бывшим женихом, напротив, выглядит как наказание, ниспосланное ему свыше. Она случайно попадает в дом Владимира Ивановича. Его жена, гостеприимно принявшая странствующую монашку, к своему

ужасу, догадывается о прошлом мужа и понимает, что он женился на ней из-за денег.

Различно складываются судьбы Лизы и Елены после ухода с земного поприща. Лиза стала монахиней в «отдаленном монастыре». Она сосредоточена на собственной духовной жизни, своих чувствах и переживаниях. Говорухо-Отрок, напротив, не оставляет свою героиню в замкнутом мире кельи. Мать Агния – вечная странница – «пошлёт мать-игуменья, она котомку за плечи и пошла колесить с тарелочкой, да с книжкой, и в грязь и в вьюгу, и в жару...». Несмотря на восхищение высоконравственным поведением Лизы и её духовной силой, Говорухо-Отрок тем не менее скрыто полемизирует с Тургеневым. Беллетристу чужд религиозный аскетизм, которому посвящает себя Лиза. Верующий человек, по мнению Говорухо-Отрока, не должен ограничивать своё общение с мирской жизнью. Поэтому героиня Говорухо-Отрока много трудится, помогает нуждающимся. Смысл её жизни – служение людям.

В произведениях Тургенева и Говорухо-Отрока большую роль играет человеческое коварство, непорядочность, нечестность. Любовь в произведениях писателей хоть и не принесла Лизе и Елене женского счастья, но предстала как сила, способная расширить их души, открыть новые перспективы жизни. «Цельной, целомудренной, нетронутой» душе Лизы чужда злоба и мщение. Для её православного мироощущения естественнее взять вину за несостоявшееся счастье на себя, отмаливать и свои, и чужие грехи, отказаться от личных желаний и устремлений. Говорухо-Отрок называет Лизу Калитину «лицом трагическим». Трагизмом проникнут и образ его героини. Елена обращается к вере, переживая при этом глубочайший внутренний переворот. От желания отомстить обидчику, приходит к прощению и примирению со случившимся. Мать Агния стойко переносит все трудности иноческой жизни. Образ героини близок и самому Говорухо-Отроку. После Злетнего заточения в Петропавловской крепости, имея возможность размышлять над событиями российской действительности, о путях её дальнейшего развития, Говорухо-Отрок полностью отказывается от идей народников. Достоинно перенесся страдания узника, Юрий Николаевич становится религиозным человеком. Позже в своих работах он утвердит особую важность веры в Бога для русского человека.

И Тургенев, и Говорухо-Отрок в своих произведениях создают образ русской женщины, наделяя его такими чертами и характеристиками, как способность на глубокое чувство, самопожертвование, высокая духовность, искренняя вера в Бога. В произведениях писателей чувствуем определённую пушкинскую тенденцию, прозвучавшую в романе «Евгений Онегин». Татьяна, если и не ушла в монастырь, то, пережив разочарование в любви, находит успокоение в преданности мужу-герою Отечественной войны.

В обрисовке образа русской девушки, восхищении её духовной силой и мужеством кроется, на наш взгляд, общность в понимании и Пушкиным, и Тургеневым и Говорухо-Отроком сущности русской женщины.

Рассказы Говорухо-Отрока пронизаны светом вечных истин и, на наш взгляд, могут быть с успехом рекомендованы читателям всех возрастов, и в особенности молодому поколению.

Литература

1. Говорухо-Отрок Ю.Н. Сочинения. Т.1. – Белгород: Издательство Шаповалова, 2005.
2. Тургенев И.С. Сочинения. Т. 6. – М.: Наука, 1981.

*М.И. Черницкая
Н. рук. И.А. Нагорный*

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭРГОНИМИИ

В последнее время появляются все больше работ, посвященных теме эргонимии. Однако, лингвистические проблемы нейминга являются недостаточно изученными. А.А.Ветров определяет знак как чувственно воспринимаемый предмет, указывающий на другой предмет, отсылающий к нему организм или машину. [1, с. 25] Проблема знака является одной из центральных в особой науке – семиотике. Эргонимы являются знаками, поскольку отвечают основным критериям языкового знака, являются средством передачи, сохранения и накопления информации. Поэтому характеристика эргонимов в семиотическом аспекте является необходимой. Задачей, которую мы ставим в статье, является освещение с точки зрения семиотики такой проблемы эргонимии как разница в понимании одного и того же эргонима разными субъектами. Теоретической основой описания являются труды Ф. де Соссюра, Р.Барта. Целью нашей работы является описание знакового процесса (семиозиса) и выявление ролей знаковых составляющих применительно к эргонимам. Мы рассмотрим конкретные знаки в конкретных знаковых ситуациях, что поможет создать классификацию объективных причин различного понимания эргонимов.

Прежде всего, отметим, что эргоним имеет двустороннюю сущность. С одной стороны, он материален (имеет план выражения, или денотат), с другой – он является носителем нематериального смысла (план содержания). Структуру эргонима можно изобразить в виде так называемого треугольника Фреге:

В основе семиозиса эргонимии лежит намерение номинатора передать адресату конкретное сообщение. В роли номинатора чаще всего выступает владелец фирмы//предприятия, реже это профессиональная дизайн-студия, занимающаяся разработкой брендов. В России услуги нейминга в настоящее время распространены недостаточно. Но в тех рекламных агентствах и дизайн-студиях, которые существуют, работают специалисты в области лингвистики, психологии, маркетинга, рекламы. Таким образом, проявляется синтетический характер семиотического подхода при выборе эргонима. «Семиотический подход к проблеме знака отличается синтетическим характером: в этом случае учитываются данные многих наук, что дает возможность приобрести ту широту кругозора и достичь таких обобщений, какие недоступны каждой отдельно взятой науке»[1, с. 61]. Номинатору необходимо выбрать среду (или канал связи), по которой будет передаваться 1)сообщение и 2)код.

1) Под средой в эргонимии понимается как сама вывеска, так и акустический образ эргонима, и образ, воспроизводимый в памяти человека. Для вывески очень важно графическое оформление: цвет, шрифт, использование элементов рисунка и т.д. При создании акустического образа номинатор обращает внимание на произношение и ритмику как важные составляющие процесса восприятия. А.П.Журавлев отмечал, что любое слово воспринимается человеком на уровне подсознания. Он отразил это в работе по описанию значения звуков русского языка. В сознании человека эргоним порождает образ, поэтому важность таких эмоциональных критериев, как ассоциативность, запоминаемость, выразительность, уместность, неоспорима.

2) Код задает соответствие означаемых и означающих. Воспринимаемая означающие, посланные номинатором, адресат с помощью кода может перевести их в означаемые. При этом среда и означающие должны быть воспринимаемы, а код должен быть известен адресату. В противном случае адресат не сможет принять сообщение номинатора. Например, в эргониме "Сакура" означающим в коде является японская этимология. Если адресату знаком код, то он легко переведет означающее в означаемое и будет ассоциировать магазин автозапчастей "Сакура" с Японией. В результате семиозиса эргонимии адресат получает сообщение номинатора о реализации именно японских автозапчастей. К тому же сакура в Японии имеет символическое значение. Цветущая сакура– это счастье и благоволение судьбы, с ягодами – счастливый дом. Вероятно, и это значение отражено в концепте, и в том случае, если код знаком адресату, возможна дешифровка скрытого символического значения. Таким образом, эргоним включает не одно означающее и одно означаемое, а их сумму.

Существует разница в понимании одного и того же эргонима разными людьми. В чем причины? Во-первых, одному субъекту эргоним может быть знаком, другой догадывается о смысле, а третий ассоциирует эргоним лишь акустически. В этом случае разница очевидна, поэтому при нейминге особое внимание следует обращать на неологизмы и заимствованные слова. Главным критерием в данном случае, на наш взгляд, должен выступать фоносемантический. Приведем в пример 2 эргонима, отно-

сящихся к магазинам декоративной косметики, «Эманси» и «Дзинтарс». В ходе опроса выявилась закономерность предпочтений: молодежь предпочитала в основном название «Дзинтарс», люди более старшего возраста выбирали «Эманси». Основной причиной разных предпочтений, на наш взгляд, акустический образ эргонимов. Сочетания групп согласных в первом случае создают напряженность, реципиент представляет что-то активное, чуть наивное, ассоциирует «Дзинтарс» с молодежным образом жизни. В названии «Эманси» гласные [э] и [а] способствуют созданию образа женственности, нежности. Отметим, что этим доказывается важность фоносемантического критерия при выборе эргонима.

Во-вторых, индивидуальные понятия у разных людей могут варьироваться. Скажем, когда 2 человека представляют дерево, в воображении первого возникает дуб, а другого – береза. Однако, и дуб, и береза остаются деревьями. То же происходит и с эргонимами. Эргоним «Каштан» в воображении порождает образ как дерева, так и плода этого дерева – так реализуются 2 означающих. Означающее каштана как дерева – спешка, мимолетность, как плода – радость в жизни, успех в делах и любви.

В-третьих, может происходить изменение значения эргонима, замещение основного значения периферийным или возникновение нового. В качестве примера приведем эргоним «Радуга». «Радуга – разноцветная дуга на небесном своде, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях». [2, с. 278] Это значение реализуется в означающем эргонима, принадлежащего кинотеатру. Означающее здесь великолепная палитра цветов. Таким образом, адресат легко ассоциирует основное значение с эргонимом кинотеатра. Но в названии «Радуга» магазина бытовой химии уже другое означающее.

«Радужный – 1) имеющий цвета радуги, многоцветный;
2) перен. приятный, радостный, сулящий счастье.»

Вероятнее всего, переносное значение слова «радужный» стало основным, а затем заместило и основное значение слова радуга. То есть, в названии магазина означающее – нечто приятное, радостное, сулящее счастье, а означаемое – приятное обслуживание, хороший товар. Действительно, происходит изменение в структуре эргонима, изменяется и его значение, и его знаковые составляющие.

Подводя итоги, отметим, что в результате проведенного анализа определенных знаковых ситуаций выявлены 3 основные причины в различии понимания одних и тех же эргонимов разными людьми. Развитие семиотического подхода в эргонимии, на наш взгляд, является актуальным. Прежде всего, интересно в перспективе рассмотреть знаковые составляющие более подробно и выявить закономерности в их связях между собой. Кроме того, перспективой дальнейшей разработки темы эргонимии в семиотическом аспекте является детальное описание критериев для выбора эргонимов.

Литература

1. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М., 1968.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Антропологический подход к изучению языка, господствующий в гуманитарных науках, позволяет рассматривать языковые явления в тесной связи с самим человеком, его культурой, мышлением, когнитивной и практической деятельностью. Современные лингвистические исследования отличает повышенный интерес к реконструкции концептов культуры путем когнитивного и культурологического анализа определенных средств и способов репрезентации концептов в языке.

Объектом исследования является объективация культурного концепта «женщина» фразеологическими средствами английского языка.

Предметом исследования являются фразеологические единицы английского языка, семантически ориентированные на «лицо женского пола» и актуализирующие концепт «женщина» в английском языке.

Цель исследования – выявить, систематизировать и описать признаки концепта «женщина» через анализ его объективации фразеологическими единицами английского языка.

Материалом исследования послужили данные одноязычных толковых и фразеологических словарей, словарей сленга и эвфемизмов, а также двуязычных словарей английского языка и фразеологии.

Актуальность работы определяется высокой значимостью исследуемого концепта в системе национально-культурных ценностей носителей англоязычной культуры. Изучение фразеологии в контексте культуры и в связи с когнитивной деятельностью человека является одним из приоритетных направлений современной лингвистики, а также концептуальных и гендерных исследований.

Концепт является основной единицей концептосферы. Термин «концепт» (лат. *conceptus* «понятие»), заимствованный из когнитивной психологии, в недавнее время прочно вошел в понятийный аппарат когнитивной лингвистики и многих междисциплинарных направлений.

Е.С. Кубрякова определяет концепт как «квант» знания: «Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых «квантов» знания» [1, с. 90].

Наравне с когнитивным подходом к пониманию природы концепта выделяется культурологический подход, в рамках которого концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека», как «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» и «посредством чего человек...сам входит в культуру» [3, с. 40–41].

Выбор концептов, объективированных в том или ином языке, далеко не случаен и обусловлен национально-культурными ценностями и

приоритетами данного народа. В настоящей работе полностью разделяется точка зрения Дж. Лакоффа, согласно которой количество номинаций того или иного концепта в языке прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа [2, с. 27].

Концепт «женщина» является одним из базовых концептов культуры, поскольку пол рассматривается в данном контексте не как биологическая сущность (*sex*), а как совокупность психологических, социальных и культурных характеристик (*gender*), закрепленных в самосознании народа, отражающих национальный менталитет и мировидение данного этноса и объективированных в его языке.

В ходе исследования были рассмотрены ФЕ, актуализирующие внешние, внутренние и интерперсональные признаки концепта «женщина».

Что касается внешних признаков, то здесь интересным и важным для понимания особенностей концепта «женщина» в современной англоязычной культуре представляется толкование ФЕ *earth mother* в словаре DELC: *a woman who thinks it is more important to be kind and look after other people, and to feel close to nature, than it is to worry about money, success or her appearance; often used in a disapproving way by people who think that this sort of woman is rather silly ... , disagree with what they see as her sentimental ideas about nature and caring for people, and believe that her political opinions are too left wing* ('женщина, которая считает, что доброта, забота о ближнем и слияние с природой важнее, чем деньги, успех или внешность ...; часто употребляется неодобрительно людьми, которые считают такую женщину глупой, не согласны с ее сентиментальными мыслями о природе и заботе о людях и убеждены, что у нее ультралевые политические взгляды'). Из данной интерпретации следует, что те качества, которыми женщину как продолжательницу жизни на земле наделила природа, не всегда получают положительную оценку у тех представителей современного англоязычного общества, которые живут иными ценностями (*money, success*).

В ходе исследования было отмечено, что при описании женской привлекательности, часто используется фразеологизм *wolf bait* (букв. 'приманка для волков') 'физически привлекательная молодая женщина' (СТЭ). Данный фразеологизм примечателен тем, что через лексику *bait* концепту «женщина», помимо признака «съедобный», приписывается признак «опасный» и, возможно, «ядовитый». (Анималистический признак «волк» характерен для концепта «мужчина», что подтверждается ФЕ *wolf whistle* (букв. 'волчий свист'): *a whistle made by a boy or man as an expression of sexual attention to a girl or woman* (AHD) 'свист, издаваемый юношей или мужчиной в знак выражения сексуального внимания к девушке или женщине' и *wolf call* (букв. 'волчий крик'): *a whistle, shout, or the like, uttered by a male in admiration of a female's appearance* (WED) 'свист, крик или подобный звук, издаваемый мужчиной в знак восхищения женской внешностью').

В разделе о внутренних признаках концепта «женщина» были рассмотрены такие признаки, как: «сексуальность», «асексуальность», «сексуальный объект».

Итак, наиболее яркими примерами языкового воплощения рассматриваемого концепта в рамках выше указанных признаков являются ФЕ: *sweet little thing* (сл.) 'сексапильная девушка' (СТЭ); *fever frau* (букв. 'жаркая женщина'): (сл.) 'страстная женщина' (СТЭ); *hot tamale* (букв. 'горячее мексиканское блюдо мяса, толченой кукурузы и перца')

В главе, посвященной интерперсональным признакам концепта, были проанализированы ФЕ, эксплицирующие признаки «целомудренность» и «половая распущенность». Часто встречаемыми здесь оказались следующие фразеологизмы: *nice girl* 'девушка, не позволяющая вольностей мужчинам' (СТЭ); *all right girl* 'целомудренная девушка' (СТЭ); *slow girl* 'недотрога'; *a bit of stuff* 'женщина легкого поведения' (СТЭ); *town bike* (букв. 'городской велосипед') (сл.) 'распутная женщина' (СТЭ) (*so called because she is available for all men to ride* (DE) 'названа так потому, что на ней могут «поездить» все мужчины'); *alley cat* (букв. 'бродячая кошка'): 'распутная женщина' (*from the reputation of stray cats for promiscuity* (ODS) 'бродячие, бездомные кошки считаются символом распутства'); *bed bunny* 'женщина легкого поведения' (СТЭ).

В результате проведенного исследования отдельный пункт был посвящен профессиональному признаку «проституция». Ни один другой вид женской профессиональной деятельности не получил такого широкого и детального освещения на материале фразеологии, как проституция. В связи с этим актуализация данного признака рассматривается отдельно от остальных профессиональных признаков, входящих в структуру концепта «женщина».

Следует отметить, что большинство ФЕ со значением «проститутка» являются эвфемизмами, призванными заменять прямые номинации представительниц этой «древней профессии» (*the oldest profession*), употребление которых в обществе считается неприличным [4, с. 255].

Например: *Piccadilly commando* (букв. 'солдат десантно-диверсионных войск на Пикадилли'); *fruit fly; jam tart* (букв. 'пирог с вареньем'); *dead meat: an older prostitute who still lives by prostitution* (DE) 'старая проститутка, продолжающая заниматься проституцией'; *light skirts; nymph of the pavement* (букв. 'нимфа улицы'); *nymph of delight* (букв. 'нимфа восторга'); *Piccadilly daisy* (букв. 'маргаритка с улицы Пикадилли) 'проститутка' (СТЭ).

Таким образом, в настоящей работе была предпринята попытка выявления, описания и систематизации признаков концепта «женщина» через их объективацию фразеологическими единицами английского языка.

Концепт «женщина» определяется в контексте исследования как сложное ментальное образование, объединяющее в себе все национально и культурно обусловленные представления о женщине, сложившееся в англоязычном сознании и отражающие обыденную философию народа и своеобразие национального менталитета.

Как известно, формирование и развитие концептов происходит под влиянием целого ряда социальных, исторических и национально-культурных факторов, что находит свое отражение в языке, в том, числе в его фразеологии-

ческом составе. Проанализированный фразеологический материал английского языка, объективирующий концепт «женщина», позволяет сделать вывод о том, что подавляющее число ФЕ отражает стереотипные представления о женщине как об объекте, вещи, находящейся в собственности мужчины и призванной восхищать и приносить эстетическое и сексуальное удовольствие. Данные стереотипы складывались веками под влиянием религии, национально-культурных традиций и устоев, социальных и исторических условий в патриархальном обществе, где женщина занимала зависимое положение по отношению к мужчине.

Настоящее исследование не носит исчерпывающего характера и является лишь попыткой проникновения в концептуальную картину мира носителя англоязычной культуры и реконструкции некоторых когнитивных механизмов представления тех или иных признаков концепта «женщина», объективированных фразеологическими средствами английского языка.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – С. 90–93.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40–78.
4. Stanley J.P. Paradigmatic Woman: The Prostitute // Papers in Language Variation / Shores D. L. and Hines C.P. (eds). – Alabama: University of Alabama Press, 1977. – pp. 303–321.
5. СТЭ - Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь справочник табуизированной лексики и эвфемизмов. – М.: КОМТ, 1993. – 304 с.
6. AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language. – InfoSoft International, 1994. – 584 p.
7. DE – Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 470 p.
8. DELC – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 1568 p.
9. ODS – Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 474 p.
10. WED – Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York: Gramercy Books, 1996. – 1693 p.

*Ю.А. Гаплевская
Н. рук. Н.И. Костина*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСНИ

Развитие деловых и личных контактов, расширение и укрепление экономических и культурных связей между народами выдвигают на первый план перед школой в области обучения иностранным языкам задачу,

состоящую в воспитании человека, главным достоянием которого являются общечеловеческие ценности и культура.

Поскольку целью обучения иностранному языку является не только приобретение знаний, формирование у школьников навыков и умений, но и усвоение ими сведений страноведческого, лингвострановедческого и культурно-эстетического характера, познание ценностей другой для них национальной культуры, а также соотносимых с ними коммуникативных норм и форм общения, то при определении содержания обучения, бесспорно, встает вопрос о социокультурном компоненте.

Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам совершенно необходимо, т.к. она позволяет говорящим на иностранном языке чувствовать себя практически на равных с носителями языка (в отношении культуры), оперировать необходимыми знаниями-концептами и адаптировать (если это необходимо) своё поведение к поведению, адекватному или близкому к носителям языка, что является шагом к адекватному владению иностранным языком.

Важную роль, бесспорно, может сыграть использование аутентичных образцов музыкального, в частности песенного, творчества на уроках. Песенный жанр, благодаря наличию вербального текста, способен точно и образно отразить различные стороны социальной жизни народа страны изучаемого языка. Песне присуща коммуникативная функция, т.е. передача заложенного её автором содержания адресату. При этом в отличие от учебных текстов общестрановедческого характера, которые, прежде всего, информируют читателя, т.е. воздействуют на его интеллект и память, песня в качестве страноведческого материала оказывает воздействие на эмоции человека и его образно-художественную память.

Но для того, чтобы песня сыграла свою положительную роль, нужно придерживаться определенного алгоритма ее использования. Начинать нужно с тщательного отбора песни. Здесь следует придерживаться некоторых принципов, а именно: песня должна быть аутентичной, она должна соответствовать возрасту и интересам учащихся (в идеальном варианте – выбрана самими учениками). Также необходимо соответствие песни уровню языковой подготовки учащихся, методическая ценность песни и некоторая корреляция с учебными программами. Если выбор песни соответствует данным принципам, то потенциально она может быть очень полезной. Далее учитель разрабатывает систему упражнений по данной песне. Если перед преподавателем стоит цель формирования социокультурной компетенции, то и система упражнений будет направлена на то, чтобы сосредоточить внимание учащихся на тех элементах культуроведческой информации, которые содержатся в тексте.

Для развития социокультурной компетенции важно наличие в тексте следующих сведений: география и история страны изучаемого языка, факты политической и социальной жизни, факты повседневной жизни, наличие этнокультурной информации, различного рода символики, наличие информации о поведенческой культуре, включающей особенности

поведения в различных ситуациях, разговорные формулы, нормы и ценности общества.

В большинстве своем все эти факты в той или иной степени нашли свое отражение в текстах песен. Так, например, существует множество песен, отражающих проблемы общества.

В песне “Taxman”, Beatles, выражается точка зрения на налоговую политику Великобритании (1960-е года XX-го века). В этой иронической песне встречаются такие слова: “Вы водите машину – я обложу налогом дороги, Вы пытаетесь присесть – я обложу налогом сиденье. Вы замерзли – обложу налогом тепло. Хотите прогуляться – я обложу налогом ваши ноги”. (If you drive a car – I’ll tax the street; if you try to sit, I’ll tax your seat; if you get too cold, – I’ll tax the heat; if you take a walk, – I’ll tax your feet). Кроме того, в тексте встречаются такие слова, как: пять процентов (налоговая ставка), пенни – денежная единица Великобритании.

В песне Стинга (Sting) “Англичанин в Нью-Йорке” (“Englishman in New York”) вырисован традиционный образ английского джентльмена, неспешно прогуливающегося с тростью в руках по улицам Нью-Йорка.

I don't take coffee I take tea my dear,
I like my toast done on one side.
And you can hear it in my accent when I talk
I'm an Englishman in New York.

Здесь британский джентльмен, верный своим традиционным взглядам, встречается с непониманием американского общества. С помощью этой песни можно отследить становление британского менталитета: какие факторы могли повлиять на него, какой идеал поведения возник у британцев в историческом развитии (образ джентльмена и леди), наконец исчезло ли это явление, или же просто джентльмены изменили манеру одеваться.

Таким образом, очевидно, что песенный материал действительно богат информацией, необходимой для развития социокультурной компетенции, с помощью песни действительно можно поднять ее уровень.

Однако следует заметить, что не все песни несут одинаковую культуроведческую нагрузку. Некоторые песни можно использовать для изучения какой-либо темы, другие содержат в себе лишь отдельные факты, которые могут повлиять на развитие социокультурной компетенции. Перед нами встает проблема: как можно максимально эффективно использовать учебное время, используя при этом интересные, мотивирующие виды работы, в данном случае аутентичный музыкальный материал.

Решением данной проблемы может стать такой вид работы, как использование попури. Попури – это “нарезка” фрагментов различных песен, которые содержат какие-либо факты жизни страны изучаемого языка, объединенные одной тематикой. Это может быть, к примеру, религия страны изучаемого языка, политическая система, культура, досуг и тому подобное. С помощью попури будет легче представить информацию, собрать ее воедино. Недостатком данного вида работы является не-

обходимость в технических средствах и большие временные затраты (кроме основной работы необходимо еще найти песни, содержащие в своих текстах нужную информацию и представляющие при этом интерес для молодежи). Однако это может окупиться, так как использование песни является огромным стимулом для учеников.

Для иллюстрации предлагается один из возможных вариантов, посвященный отношению к погоде представителей стран изучаемого языка. Ведь не секрет, что менталитет отдельной нации складывается под влиянием определенных климатических условий, а наше настроение часто зависит от погоды. Данное попурри составлено из отрывков песен различного направления:

1) Everywhere you go you always take the weather with you (Crowded House “Weather with you”)

2) Everybody wants to talk about whatever,
Anything that doesn't matter, talk about the
Weather... (Precious Death “Talk about the weather”)

3) So I'm listening for the weather to predict the coming day
Leave all thought of expectation to the weather man
(Bic Runga “Listening For The Weather”)

4) And no one can change the weather
We all have to try to suck it in (Casino Drive “The Weather Report”)

5) Bless the weather that brought you to me
Curse the storm that takes you away (John Martyn “Bless The
Weather”)

6) Don't know why
There's no sun up in the sky;
Stormy weather
Since my gal and I ain't together
Keeps raining all the time.
Life is bare,
Gloom and misery everywhere
Stormy weather
Just can't get my poor old self together (Ethel Waters “Stormy
Weather”)

7) In the news today
I guess we're in for heavy weather.
In the world today
We're heading for some heavy weather.
The rain is falling harder each day.
The faces keep changing
But the problem remains. (Diana Ross “Heavy Weather”)

На основе данного попурри учащиеся могут сделать вывод о том, что погода играет большую роль в жизни людей англоязычных стран. На основе лексики, используемой в попурри, дети могут проследить за эмоциями представителей стран изучаемого языка, какая погода является для

них плохой, какие ассоциации вызывает дождь, снег, ветер, и сравнить их с нашими. Можно обсудить, например, что означают слова «всегда бери с собой погоду», какой смысл закладывается в них автором. Работа же над подобным попури может заставить осознать русскоговорящего учащегося значение погоды для представителей английского и американского обществ, а значит, и повысить уровень социокультурной компетенции. Наиболее значимое достоинство данного вида работы – информативная ценность попури. Кроме того, попури позволяет сэкономить время. Использование песен различных направлений позволит добиться того, что самые различные музыкальные пристрастия могут быть удовлетворены, а это поможет добиться более высокого процента личностной индивидуализации, что также приведет к повышению мотивации к обучению, а значит, и развитию социокультурной компетенции.

Таким образом, работа с песнями активизирует мыслительную деятельность учащихся, развивает их интерес к культуре стран изучаемого языка, формирует художественный вкус, расширяет кругозор, углубляет знания языка, поскольку при этом происходит процесс запоминания не только слов, но и выражений, целых строф, куплетов.

Литература

1. Никитенко З.Н., Осиянова О.М. О содержании национально-культурного компонента в обучении английскому языку младших школьников // ИЯШ. – 1994. – № 5.
2. Носонович Е.В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // ИЯШ. – 2000. – №1.
3. Перскас С.В. Американская песня в качестве музыкальной иллюстрации при изучении страноведческого материала // ИЯШ. – 2004. – №1.
4. Поспелова Н.В. Лингвокультуроведческий подход к изучению иностранных языков // ИЯШ. – 2005. - №1.
5. Синькевич Г. С. Песня на уроке английского языка // ИЯШ. – 2002. – № 1.
6. Сысоев П.В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // ИЯШ. – 2001. – №4.

*Е.В. Гринько
Н. рук. А.П. Седых*

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ И ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК

Цвет и жест представляют собой ярко выраженный этнокультурный пласт явлений в коммуникативном поведении представителей конкретного языкового сообщества.

Рассмотрим национально-культурные особенности цветообозначения во французском языке. По мнению В.Г. Гака: “Даже такое объективное, общее для всех людей ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке слож-

ную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения” [2, с. 198].

По своей природе понятие цвета лежит на границе фоновых и собственно языковых знаний, что дает возможность исследовать цветообозначения с привлечением этнографических, этнокультурных и социолингвистических факторов. По мнению В.К. Харченко: “Цветовые восприятия в меньшей степени индивидуально обусловлены, чем это обычно представляется на первый взгляд. Здесь мощный, веками формировавшийся диктат национально обусловленной цветовой символики и вместе с тем – независимо от национальности человека – биологически обусловленные общечеловеческие цветовые предпочтения” [6, с. 116].

Мы считаем, что все значения слов (кроме прямого, указывающего на цвет и не требующего участия образного аппарата мышления, когда значение языковой единицы механически соотносится с конкретным цветом), например, при употреблении в составе фразеологизмов ассоциативно связываются в сознании говорящего с представлением об определенном цвете на уровне архетипа. Иными словами, носитель языка, используя в речи “цветовые” идиоматические выражения, ясно представляет о чем идет речь, но сема цветообозначения активизируется параллельно с актуализацией семантико-смысловой структуры высказывания. Национально обусловленная формула цвет-значение продуктивно функционирует в языковом и коммуникативном поведении этноса и непосредственно связана с его культурным симболарием.

Итак, к французским цветовым «этноэйдемам» [1] обычно относят – **bleu, blanc, rouge** (синий, белый, красный). Исходя из идиоматики национального языка, проиллюстрируем способность цветообозначений к передаче определенной коммуникативной информации:

BLEU – синий: романтическая мечта, грезы, сентиментальность (*voyager [nager] dans le bleu, cultiver la petite fleur bleue, être très fleur bleue*); наивность (*voir tout en bleu, contes bleus, bibliothèque bleue, n’y voir que du bleu*); естественность (*naturel comme le bleu du ciel*); чрезмерность чувств (*colère bleue, envie bleue, peur bleue*); неопытность (*brimer les bleus, n’être plus un bleu*); льготы, преимущество (*zone bleue, période bleue, carte bleue*); элитарность (*cordon-bleu*); недостижимость (*oiseau bleu*); забвение, сокрытие (*passer au bleu, faire la bleue*); педантичность (*bas-bleu*); море (*col bleu, houille bleue*); вино, сыр (*gros bleu, truite au bleu, bleu d’Auvergne, bleu de Bresse*); ругательство (*nom de bleu, corbleu, morbleu, parbleu, palsambleu, sacrebleu, têtebleu, ventrebleu*).

BLANC – белый: неопытность, неведение (*blanc-bec*); известность (*connu comme le loup blanc*); чрезмерность (*ivresse blanche, blanc de peur, colère*); невинность, чистота (*être blanc comme un cygne, comme la neige, page, copie blanche, salle blanche*); несоответствие последствий, слабость признака (*examen blanc, mariage blanc, nuit blanche, voix blanche*); болезненность, незагорелость (*être blanc, blanc comme un cachet d’aspirine, être blanc comme un linge*); пустота, холостое действие, неудача (*tirer à*

blanc, saigner à blanc, chèque en blanc, faire chou blanc, voter blanc); наркотики (fée, dame blanche); смерть (blanc comme un mort).

ROUGE – красный: изысканность (talon rouge); стыд, смущение (rougir comme un coq, une écrevisse, un coquelicot, une tomate, être rouge jusque derrière les oreilles); недоступность (être sur la liste rouge); опасность (être dans le rouge); обращение внимания (marquer à l'encre rouge); свежесть, здоровье (rouge comme un chérubin); чрезмерность, высший предел (pousser au rouge); ярость (se fâcher tout rouge, voir rouge).

Примечательно, что популярность трех цветов отражается в выражении En bleu, blanc, rouge (Всех цветов, любого цвета): "Je me tombe deux beautés athéniennes en moins d'une plombe et voilà qu'elles s'appellent toutes deux Alexandra. Y a de quoi se la faire peindre en bleu, blanc, rouge [...]" (San-Antonio, Salut, mon pope!). Сборную команду Франции по футболу называют Les Bleus – букв. 'синие', по цвету футболок команды. В 1998 году французы стали чемпионами мира по футболу, что, несомненно, будет способствовать устойчивому положению синего цвета в картине мира, отражаемой во французском языке.

1. Цветообозначения репрезентируют значимые национальные концепты и реалии из различных сфер человеческой деятельности: изысканность, льготы, преимущество, элитарность, недостижимость, вино, сыр.

2. Все цветообозначения совпадают в одном признаке: "запредельная степень ощущения вплоть до небытия" (colère bleue – ivresse blanche – voir rouge).

Коммуникативность данной цветовой гаммы, как правило, связана с передачей максимального признака: peur bleue (очень сильный страх), fleur bleue (крайняя сентиментальность), en rester bleu (крайнее удивление), il n'y voit que du bleu (полный разрыв с реальностью), voyager dans le bleu (крайняя степень мечтательности); j'ai passé une nuit blanche (полное отсутствие сна), donner carte blanche (полная свобода действий), un coup blanc (полная безрезультатность действия), voix blanche (лишенность всякого тембра), blanc comme un linge (болезненность или сильное волнение), blanc comme neige (непогрешимость), connu comme le loup blanc (общеизвестность); tirer à boulets rouges sur quelqu'un (ярость и безжалостность), se fâcher tout rouge (свирепость до белого каления), être écrit sur le livre en lettres rouges (плохая репутация, "поставить крест на человеке"), la liste rouge (недостижимость), voter rouge (коммунизм как одна из "крайних" идеологических доктрин).

Таким образом, рассмотренный языковой материал обладает высокой степенью коммуникативной информативности (от простейшего выражения чувства до передачи нюансов интеллектуальной информации) и может быть отнесен к ключевым хроматическим компонентам французской коммуникации.

Национально-культурную информацию в речевом акте могут также нести жесты, позы, мимика, движения тела, выражения лица, то есть соматический язык. Нередко участники коммуникации выражают свои

мысли только неречевыми сигналами, когда последние берут на себя лингвистические функции.

На уровне так называемых описательных жестов невербальный язык можно считать универсальным (зажигание спички, курение сигареты, стрижка, бритье и пр.). Такие жесты основаны на имитации и не требуют знания родного языка собеседника. Тем не менее, если жест и его значение не совпадают по зрительному образу, то адекватное общение нарушается. Такие жесты передают значение проективно, в соответствии с готовыми, усвоенными с детства соматическими моделями. В этом случае можно говорить о жестовой коммуникации как национально-культурном феномене.

Итак, невербальное повседневное поведение имеет яркую национальную специфику, при этом "кинеммы находятся в теснейшей связи с вербальными единицами и, можно полагать, также системны" [5, с. 107]. Паралингвистические единицы (фонационно-артикуляторные, просодические, кинетические) не имеют грамматической функции, а относятся, как правило, к ситуации в целом, играя роль смысловой поддержки. Следует, однако, отметить, что "паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, т.е. та коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы" [3, с. 215]. Интерпретация вербальной и невербальной информации образует сложное единство, функционирующее в русле лингвистической и общей моделей поведения.

Жестовый язык французов отличается большим разнообразием и вариативностью. Французы подвижны во время разговора, жестикуляция и мимика очень активны. Следует отметить тенденции употребления невербального алфавита французов, в которых отражаются идиоэтнические особенности коммуникации и выявляются характерные элементы узуса. Например, тенденцию партикулярность [4, с. 99] можно обнаружить в жесте подсчета на пальцах. Французы считают, разгибая пальцы (начинают с большого пальца). В результате у французов пальцы растопыриваются. Символически этот жест подчеркивает у французов индивидуальное начало.

Наиболее ярко проявляются национально-культурные черты поведения в так называемых безэквивалентных способах передачи коммуникативной информации. Безэквивалентными мы называем такие жесты, которые, будучи использованными представителями одной нации в неизменном виде в интеркоммуникативном процессе, являются репрезентативно непригодными для данного случая.

Так, во французском жестовом алфавите есть элементы, не имеющие аналогов, например, в русском языке. Подобные жесты прозрачны для представителей одной нации и непонятны для другой. Речь здесь идет о смысловых лакунах или коммуникативных загадках.

Приведем элементы французского безэквивалентного жестового алфавита:

1. Тыльной стороной кисти руки (обычно правой) проводят несколько раз на уровне шеи от уха к подбородку и обратно. Жест используется

скрытно от того, кому он адресован. Значение: “Надоел со своими разговорами”. (Аберрантный жест для русского).

2. Обеими руками почесывают бока возле ребер. Значение: “Очень смешно” (Аберрантный жест, у русских подобный жест может означать момент удовольствия от ожидания чего-либо приятного или удовлетворения от сделанного).

3. Кончик большого пальца помещают под верхние зубы, на лице изображается страх (слегка приседая). Два значения (как правило, в студенческой среде): а) “экзамен не сдан, полнейший провал”; б) “собеседник не понимает, о чем идет речь, полный "ноль" (некомпетентен)” (Абсолютная лакуна для русского).

4. Правой ладонью слегка обхватывают нос (или имитируют это движение), слегка заламывая его влево. Значение: а) “он(а) очень пьян(а)”; б) обозначает сам процесс питья или приглашение к оному (Абсолютная лакуна).

5. Выпрямленным указательным пальцем правой руки энергично помахивают из стороны в сторону (правая рука опущена, чуть согнута в локте) – выражение запрета (Абсолютная лакуна для русского).

Аберрантными мы называем жесты, имеющие похожую (очень близкую) форму выражения и различную смысловую наполняемость в ином типе культуры. Такие жесты попросту сбивают с толку иноязычных участников коммуникативного процесса в силу своей национально-культурной специфики.

Приведенные выше проективные жесты могут быть рассмотрены как ключевые национальные этноэидемы французского этноса. В них выражены безэквивалентные способы передачи этеокультурной информации, отсутствующие в другой культуре.

Рассмотренные в данной статье особенности употребления цветообозначений и жестовый корпус не исчерпывают всего многообразия данных явлений, но позволяют увидеть характерные особенности функционирования данного фактического материала во французской коммуникации.

Литература

1. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 151–173.

2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

3. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: 1975. – 150 с.

4. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). – М.: Компания Спутник +, 2004. – 269 с.

5. Формановская Н.И. Речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1982. – 194 с.

6. Харченко В.К. Поведение: от реального к идеальному. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1999. – 192 с.

FOREIGN DIRECT INVESTMENTS IN RUSSIA

Foreign investments are traditionally divided into portfolio and direct investments. Foreign direct investment (FDI) is more preferable for the host-country's economy because it is made to acquire lasting interest in enterprise. In this case the foreign investor is interested in a long-term growth of this enterprise. As for the portfolio investment, often it is made only to speculate with shares, and that is why it represents a sort of "hot money" and can leave the economy at the first sign of trouble.

FDI can have positive as well as negative effects on the host country's economy. The most important gains are the following: promotion of the economic growth, increasing the employment rate, import of know-how, technology spillovers, international trade integration, a more competitive business environment and enterprise development. Among the major disadvantages of FDI we can mention here "crowding out" domestic investment and lowering certain regulatory standards. With the increase of competition, local companies can be affected adversely, leading to a loss of profits, lay-offs or even bankruptcies. That is why FDI brings distributional changes and a necessity for restructuring and modernizing the economy. The negative impacts of FDI can be lessened through providing effective regulatory and legal policies.

The role of FDI in the modern world economy is increasing. More than ever, countries at all levels of development seek to leverage FDI for development. FDI was booming in 2000 and grew to 1396.5 billion dollars [8]. Major part (1134.3 billion dollars) of all the world FDI was received by the developed countries. But then FDI started to decrease in developed countries and, on the contrary, it increased in developing countries. In 2004, FDI amounted to 380 billion dollars in developed countries and to 232 billion dollars in developing countries. According to the official forecast available from the World Bank, FDI will most likely grow in 2006-2008. In middle-term perspective (5-10 years) FDI has all the chances to reach the level of 2000. And the role of developing countries in the world investment processes will increase.

Undoubtedly, FDI is of great importance for the Russian economy. Nowadays, the economic safety of the country depends directly on what role it will assume in the world economy in the nearest future – the role of a competitive country or just a raw materials-producing appendage. FDI is a good resource for the economic recovery and development, and Russia has a great potential in attracting large amounts of FDI due to the following factors [4]:

1. Vast natural resources. Russia is one of the richest countries in the world in terms of its natural "wealth" of metals, minerals, oil, gas and timber. It has great potential for agricultural development.

2. Very favorable geographic location. Russia is strategically located between most developed countries and emerging markets. It has major transportation links connecting Scandinavia and Western and Eastern Europe with Central Asia and the Far East.

3. Vast consumer market. Russia has a large and booming internal market with a population of 145 million and increasing income per capita.

4. Huge investment potential in priority sectors (Oil, gas and petrochemicals, scientific and technical areas, defense and conversion industries, machinery, transport, pharmaceuticals, telecommunications, agriculture, food processing and distribution make up limitless potential for investment. Other priority sectors are consumer goods manufacturing, infrastructure, medical services and health care.)

5. Fast growth of competitive export-orientated industries. Foreign investors can use modernized Russian factories to produce competitively priced goods for the world markets.

6. Highly technological niches. Russia is one of the leaders in the world in many areas of fundamental research and development, from eye microsurgery to space technology. This resource is now available to foreign partners. Moreover, the conversion of former military enterprises to civilian production offers an opportunity to invest into highly qualified, disciplined personnel and into access to modern technology and equipment.

Source: <http://dell3.izvestia.ru>

7. Highly educated population. Russia has well-educated workforce which is keen on acquiring new skills, if necessary.

8. Low labor costs. Labor is relatively inexpensive in Russia, the average wages making up only a fraction of those in OECD countries. (OECD stands for the Organization of Economic Cooperation and Development.)

Before making a final decision about capital allocation in global marketplace, a potential investor has to evaluate carefully all the factors, risks and constraints present in various regions world-wide.

Among the most influential factors experts consider the following: geographic location, lower cost advantages, labor skills and education, infrastructure, legislation, tax regime, market size and regulatory environment, ease of starting and doing business in the country, consumer demand and quality of life, macroeconomic stability, and economic growth potential.

Major international investment risks can be caused by economic instability, political and social disturbance, government regulatory and legal decisions, geopolitical risks, employee sabotage, natural disasters, lack of efficient laws, larceny of intellectual property, product quality and safety problems, and competitor presence.

A lot of aspects of the country's performance can be viewed as constraints on the FDI inflow: economic and regulative policy uncertainty, bureaucracy, anti-competitive practices, cultural barriers, corruption and lack of transparency, protectionist policies, lack of quality control and modern management techniques, foreign exchange and capital controls.

Keeping in mind all the above-mentioned, we can say that Russia has many advantages along with a number of significant restraints for FDI. First of

all, it should be mentioned that the Russian economy remains quite complicated for running economic entities (both domestic and foreign). Russia has unfavorable conditions for doing business, starting from obtaining licenses and registering property to getting loans.

In 2005, the World Bank highlighted the following barriers for FDI in Russia: 1) economic and regulatory policy uncertainty, 2) tax administration, 3) macroeconomic instability, 4) access to cost of financing, 5) tax rates, 6) corruption, 7) skills and education of workers, 8) anti-competitive practices, 9) business and licensing permits, 10) access to land.

Taxation in Russia represents a serious restraint for FDI. In particular, its implementation is not quite transparent, though the tax rates are not very high in comparison with those in the developed countries: if a foreign investor is a resident of Russia, he has to pay 15% on his dividends, if not –30 %. The government of Russia shows a strong intention to decrease tax rates and implement reforms in the system of taxation. But it is a very slow and painful process.

Political and regulatory policy uncertainty along with macroeconomic instability now, after the depressive 90th, still remains number one barrier for the potential foreign investors in Russia. That is why it appears necessary to provide a brief overview of these factors in dynamics in Russia.

From the late 1920s to the late 1980s a foreign investment was not encouraged, to put it mildly, in the Soviet Russia because it would have undermined the state's decision-making prerogatives on investment, production, and consumption. The perestroika economic reforms of the late 1980s permitted limited foreign investment in the Soviet Union in form of joint ventures. The first joint-venture law, which went into effect in June 1987, restricted foreign ownership to 49% of the assets and required that Soviet administrators fill the positions of chairmen and general managers. By 1991, however, the Soviet government allowed foreign entities to have 100% ownership of subsidiaries in Russia [6].

After the 1991 dissolution of the USSR, a reform program was initiated to effect the transition of the economy to a market-oriented system. This program was to implement privatization of economic entities without big losses in 500 days (“shock therapy”). But the result was the economic collapse. The voucher method, which was chosen as the means of privatization, didn't bring about the expectant results.

Due to very difficult economic situation foreign investment in Russia in mid-90s was extremely low. By the end of 1995, foreign investment in Russia since 1991 had totaled an estimated 6 billion dollars, a small amount considering the size of the Russian economy. Of that amount, 3.2 billion dollars had been invested between 1991 and 1993 and 1 billion dollars in 1994 [6]. As for FDI, in 1985-1995 on average it amounted only to 1.3 billion dollars in comparison with 11.7 billion dollars in China and 44 billion dollars in the USA [8].

In August of 1998, Russia suffered a great financial crisis. Millions of people lost their savings. The ruble was redenominated with three zeroes fewer

in the new bill. Russia's financial markets crashed and banks defaulted on their debts. But as the crisis effects continued to dissipate, together with the strong commitment of the Government to push through major tax reforms and to maintain a tight fiscal discipline, it seemed that the country was back on the track of favorable economic recovery. The cheap ruble made many Russian products more competitive in the world markets, the high prices for oil and other commodities gave a stimulus to GDP growth of 3% in 1999, which resulted in a significant budget surplus.

In 2000 after Vladimir Putin becoming president of Russia, the socio-economic reforms were put in place with the main focus on: social, healthcare and education sectors, as well as improvement of business and investment climate in the country. These reforms along with high world prices for oil and gas enabled the country to achieve not only certain economic stabilization but also considerable growth rates so that now Russia has become one of the fastest growing economies in the world.

Within a period from 2001 to 2005 GDP grew on average by 6% a year, and industrial production grew by 5.5% a year. Inflation decreased from 20.71% to 10.9% in 2005. Average personal incomes have also considerably grown [5]. In 2005 Russian stock market grew by 86% [3]. But a weak point of the Russian economy is its big dependence on the world prices for oil and gas. As long as restructuring the economy has not been completed, it is impossible to reach a long-term stabilization, economic growth and high investment activity.

Source:

<http://dell3.izvestia.ru>

Now Russia is gradually obtaining recognition in the world. In 2006 it presides at the summit of "G8" in St.-Petersburg. Russia has already declared about its plans to write off 668 billion dollars of debts to 16 principal country-debtors. Also Russia is about to become one of the major donors for the International Association for Development, the World Bank's aid program for the poorest countries. As for its own debts, Russia has paid off the greater part of all its own external debts ahead of schedule.

Entry into the World Trade Organization (WTO) is now of great importance to Russia. According to the experts, it will create a transparent situation for investors and most likely it will significantly increase foreign investment activity in the country. Russia is to enter the WTO by the middle or the end of 2006 at the latest. For now, it is only the USA left to hold bilateral negotiations with. The Minister of Economic Development of the Russian Federation German Gref said that Russia has all the possibilities of becoming a net-importer of capital. He forecasts that FDI will increase threefold in 2006-2008 [1].

Recent investment climate in Russia has become much better than it used to be in the 90s. Andrea von Knopf, Head of the Representation of the German Economy in Russia and Chairman of the Board of the Union of the German Economy in Russia says about German investment in Russia: "Recent tendencies have shown that the amount of foreign investment will constantly grow,

proportionally to the improving of the market conditions in Russia. Willingness of German enterprises to invest into the Russian economy is worthy of acknowledgement. They are confident of the possibilities of this country. It is important that an average German entrepreneur now actively invests in Russia, the situation being absolutely different from his restraint behavior in the 90s” [2].

In 2005, Russia moved up from the 5th to the 4th position, overtaking Brazil in the list of the most attractive business locations globally. FDI grew from 11.8 billion dollars in 2004 and 18.1 billion dollars in 2005. But still Russia is significantly lagging behind the leaders of FDI country-recipients - China and the USA. The most attractive sectors of the Russian economy for foreign investors are the following: 1) manufacturing industry (34,653 million dollars had been accumulated by 2005), 2) wholesale and retail trade (28,373 million dollars), 3) extraction of minerals (21,660 million dollars), transport and communications (9,918 million dollars), 4) real estate business (8,329 million dollars), financial business (5,612 million dollars) [5]. Foreign investment is still very low in construction, agriculture, healthcare and education, but these sectors have great potential, especially now when they have been declared “national priorities” and given much attention to. It is estimated that Russia is 10 years behind the advanced world in terms of electronic technologies. In order to catch up with the rest of the world, government has recently showed strong signs of encouragement toward FDI by providing foreign companies that want to bring modern technologies into Russia with certain tax breaks and other incentives.

At the moment the government of Russia recognizes the importance of attracting FDI into the country and is increasingly improving the domestic market conditions. President Vladimir Putin said: “We have firmly opted for freedom, democracy and market reforms. Russia today is an increasingly attractive partner for the business community /.../ Capital always flows to where the best conditions exist for its use, whatever you might say or desire. So our task is above all to create such conditions” [7]. The economic reforms that the government of Russia has been implementing have brought about the first positive results - the process of restructuring of the economy is under way, and the economy is getting more open and market-oriented. The reforms must continue now to maintain the achieved results and to increase the investment attractiveness of the country.

Литература

1. Греф: Россия может стать чистым импортером капитала. Gazeta.Ru. – Режим доступа: <http://www.integrum.ru>.
2. Емерханов В. Российско-германский товарооборот бьет все рекорды // Профиль. – 2006. – Режим доступа: <http://www.integrum.ru>.
3. Россия демонстрирует экономическую силу. ИноСми. – М. – Режим доступа: <http://www.integrum.ru>.
4. Russian Investment Promotion Center. – Режим доступа: <http://www.fipc.ru/fipc/investment.ru/10reasons.html>.
5. <http://www.gks.ru>
6. http://www.russiansabroad.com/russian_history_215.html.
7. <http://www.cdi.org/Russia/Johnson/7241-6.cfm>
8. UNCTAD World Investment Report, 2005.

ДЕФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В данной статье предпринимается попытка на основании анализа языкового материала дать многоаспектную характеристику дефразеологических дериватов (далее – ДД) немецкого языка.

Под дефразеологической деривацией понимают образование лексем, которые возникают на базе фразеологизмов [1, с. 209]. Ср.: *jmdm. den Hals abschneiden* → *der Halsabschneider "Wucherer" (ugs.)*. Дефразеологическими дериватами являются, таким образом, слова, возникшие в результате словообразовательного процесса, в котором участвуют один или несколько компонентов фразеологической единицы.

М.Д. Степанова и И.И. Чернышева отмечают, что при дефразеологической деривации решающее значение имеют такие морфологические способы словообразования, как сращение и словосложение [там же]. Однако ДД могут возникать и в результате лексико-семантического способа образования слов, который заключается в образовании слов-омонимов на базе фразеологизмов, например: *der Bock* (1) "*männliches Tier bestimmter Arten – Ziegen, Rehen u.ä.*"; *der Bock* (2) "*Fehler, peinlicher Verstoß*" (ugs.). Последнее значение слова *der Bock* возникло на базе фразеологизма *einen Bock schießen* → "*einen primitiven Fehler machen*" (salopp). Другим ярким примером возникновения омонима в результате дефразеологической деривации является слово *der Korb*. Его основное значение - "*geflochtener Behälter*", другим, производным значением, сформировавшимся на базе фразеологизмов *jmdm. einen Korb geben, einen Korb bekommen* "*ablehnende Antwort auf ein Angebot, einen Heiratsantrag*" является → *der Korb "Zurückweisung eines Heiratsantrags: Ablehnung (ugs.)"*. Лексико-семантический способ образования ДД возможен тогда, когда лексические конститuentы в составе фразеологизма могут развивать в связи с интегрированным значением новую семантику.

К ДД следует отнести и субстантивные словосочетания типа *des Pudels Kern, stilles Wasser*, образованные путем усечения пословиц, поговорок и афоризмов и широко используемые в речи в качестве самостоятельных оценочных номинаций.

Анализируемый эмпирический материал свидетельствует о том, что чаще всего ДД имеют морфологическую структуру сложнопроизводного слова, причем наиболее продуктивной группой являются существительные со значением носителя действия, например: *den Kopf hängen lassen* "*pessimistisch sein*" → *der Kopfhänger "Pessimist"*.

Все ДД-сращения, образованные от фразеологизмов, в отличие от дериватов, возникших на базе устойчивых глагольных словосочетаний

(например, den Bericht erstatten → der Berichterstatter), стилистически окрашены, как правило, указывают на положительные или отрицательные качества человека, характеризуют действия. ДД являются одним из источников обогащения разговорного языка. Многие из них появляются в разговорной речи как экспрессивные синонимы или жаргонизмы. По мнению М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, ДД особенно многочисленны в тематических рядах с грубой отрицательной окраской, ср.: sich mit etw. dick tun → der Dicktuer; das Maul aufreißen → der Maulaufreißer [там же]. Редко они используются как метафорически переосмысленные, но не рационально оценочные номинации, ср.: die Tapeten wechseln "umziehen, sich am Arbeitsplatz, im Beruf verändern" → der Tapetenwechsel "die Veränderung der gewohnten Umgebung".

Другими продуктивными группами сложнопроизводных существительных и субстантивных имплицитных дериватов, возникших в результате дефразеологической деривации, являются существительные, обозначающие негативные действия, процессы или лиц, осуществляющих эти процессы. Они образуются при помощи суффикса -(er)ei или как имплицитные дериваты-конверсивы. Ср.: Haare spalten "übergenau, allzu pedantisch sein" → die Haarspalterei "Spitzfindigkeit"; Phrasen dreschen "wohltönende, aber nichtssagende Reden führen" → das Phrasendreschen "nichtssagendes Reden".

Субстантивные ДД с суффиксами -ung, -e не очень продуктивны, хотя в лексикографии такие сращения кодифицированы: jmdm. die Hand reichen "helfen" → die Handreichung; jmdm. den Kopf waschen "jmdn. scharf zurecht-weisen" → die Kopfwäsche "scharfe Zurechtweisung".

В результате дефразеологической деривации возникают и сложнопроизводные прилагательные, например: eine große Fresse haben "laut und grob reden" → großfressig. Однако, как показывает эмпирический языковой материал, они представлены незначительным количеством примеров.

Следует отметить, что в процессе дефразеологической деривации сложные слова менее продуктивны, чем сложнопроизводные слова, или сращения. В рамках сложных слов доминирующую позицию занимают адъективные ДД со структурой детерминативных композитов, которые образованы от компаративных фразеологизмов, благодаря чему они приобретают значение интенсификации или сравнения, например:

- glatt wie ein Aal "nicht zu fassen sein, sich aus jeder Situation herauswinden" → aalglatt; stark wie ein Bär → bärenstark; grob wie ein Sack → sackgrob, fleißig wie eine Biene → bienenfleißig.

Семантическая мотивированность некоторых адъективных ДД завуалирована, в частности, в случае, когда они состоят из двух компонентов, а фразеологизмы, от которых они образованы, трехкомпонентны и выполняют усилительную функцию: nackt wie ein geschorener Pudel → pudelnackt; tot wie eine erschlagene Maus → mäusetot.

Субстантивные ДД-композиции не очень продуктивны, они тоже образуются на базе сравнительных фразеологизмов. С точки зрения семантики

различают два вида таких дериватов: абстрактные и вещественные имена. Говоря об абстрактных именах, имеют в виду ДД-композицы с семантикой качественной характеристики. Они возникают благодаря переходу адъективных компонентов фразеологизмов в существительные и имеют структуру детерминативного композита: hungrig wie ein Wolf (sein) "sehr hungrig (sein)" → die Wolfshunger; treu wie ein Hund (sein) "sehr treu" → die Hundetreue. Другой класс ДД-композицы - вещественные имена - четко мотивируется фразеологизмами, соответствующими им, и представляет собой грубые отрицательно оценочные обозначения человека: saufen wie ein Loch "unersättlich trinken" → das Saufloch "Trinker".

Глагольные ДД не продуктивны. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что компонентом фразеологической единицы, на базе которого путем суффиксального или безаффиксного словопроизводства возникают глагольные ДД, является имя существительное. В большинстве случаев глагольные ДД образуются от предикативных или компаративных фразеологизмов, например: jmdm. den Hof machen "ein Mädchen, eine Frau in galanter Weise umwerben, sich um ihre Gunst bemühen" → hoffieren; wie ein Dachs schlafen "sehr tief und lange schlafen" → dachsen; Kohl machen "Unsinn reden" → kohlen "(fam.) (besonders in Bezug auf Kinder) aufschneidend und übertreibend über etw. erzählen; schwindeln".

В ходе анализа примеров из художественной и научно-популярной литературы мы рассматривали ДД не только с точки зрения их морфологической типологии и способа словообразования, но и генетической, синтаксической и стилистической характеристики.

Изучая "первооснову" дефразеологических дериватов, т.е. фразеологические единицы, от которых они образованы, мы установили, что наибольшее количество ДД образовано от компаративных фразеологизмов, например: bleich wie Kreide werden "sehr bleich werden" → kreidebleich; groß wie ein Riese "sehr groß" → riesengroß.

Значительная часть ДД возникла на базе фразеологических единств или фразеологических сочетаний:

– предикативных: jmdm. den Hals abschneiden "jmdn. zugrunde richten, ruinieren" → der Halsabschneider "Wucherer" (ugs.); die Schnauze halten (ugs., grob) "den Mund halten, schweigen" → das Schnauzehalten "das Schweigen";

– субстантивных: der schwarze Markt "der illegale Markt" → der Schwarzmarkt; die braunen Hemden (die Uniform der Faschisten) → die Braunhemden "Faschisten".

– адвербиальных (чаще всего парных фразеологизмов): ab und zu "manchmal" → dieses ewige Ab und Zu; mit Ach und Krach "mit Mühe und Not (ugs.)" → das Ach und Krach.

Ряд ДД образован путем усечения пословиц, поговорок, афоризмов, например: Stille Wasser sind tief [Sprichwort] "hinter stillen, ihre Gefühle und Ansichten nicht äußernden Menschen verbirgt sich mehr, als man denkt" →

stilles Wasser; Das also war des Pudels Kern [Goethe, Faust I] "der bislang verdeckte Hintergedanke dabei" → des Pudels Kern.

Каждый из рассмотренных нами дефразеологических дериватов выполняет в предложении определенную функцию. ДД-прилагательные могут быть в предложении:

– определением: Evas stahlblaue Augen gingen über ihn hin (B.Kellermann. Das blaue Band). Leukos schob die pechschwarzen Brauen hoch (B.Kellermann. Das blaue Band).

– предикативом: ... Kinsky wurde augenblicklich kreidebleich vor Eifersucht (B. Kellermann. Das blaue Band).

– предикативным атрибутом: ... Heute morgen lag der Kohlenstaub fingerdick (B. Kellermann. Das blaue Band). Riesengroß stand ihr Unglück vor ihr (B. Keller Mann. Das blaue Band).

Адвербиальные ДД выполняют в предложении роль обстоятельства образа действия: Daran glaubte sie felsenfest (B. Keller Mann. Das blaue Band).

Для субстантивных ДД характерны несколько функций в предложении:

– подлежащего: Sieh dir das Foto an! Dieser Schwarzseher hat alle Hoffnung verloren! (Juma, 1999, №3, S.15).

– дополнения: Ich kenne sogar welche, die nur durch Schnauzehalten vorwärts gekommen sind (W. Reinowski. Die Versuchung). Im Phrasendreschen war ich schon immer eine Null (E. Neutsch. Spur der Steine).

ДД-причастие II выполняет синтаксическую функцию предикативного атрибута: Der Kapitän schlief, er antwortete schlaftrunken, er schlief weiter (B. Kellermann. Das blaue Band).

Стилистический (прагматический) потенциал ДД достаточно богат. Употребление в современном немецком языке дефразеологических дериватов неслучайно, потому что они, как правило, стилистически окрашены, благодаря чему речь становится яркой и насыщенной. Основная сфера их употребления - разговорная речь. При построении высказывания говорящий часто, сам того не подозревая, образует новые слова, которые помогают ему дать яркую характеристику или меткую оценку тому или иному предмету или явлению.

Представляется целесообразным дать краткую стилистическую характеристику ДД. Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что ДД могут иметь в высказывании следующие стилистические функции:

– быть средством создания образности / наглядности, например:

Im gleichen Augenblick erblaßte sie tief, selbst die apfelroten Flecken auf ihren Wangen wurden fahl und farblos (B. Kellermann. Das blaue Band).

Evas Stimme geht durch ihn hindurch wie ein haardünnes Messer, das ihn entzweischneidet (B. Kellermann. Das blaue Band).

– выступать как средство интенсификация признака / качества, например:

Blitzschnell fährt das scharfe Messer durch das Haar (J. Heyne. Yildiz heißt Stern).

– служить средством лаконичного, но емкого обозначения вследствие действия принципа языковой экономии, например:

Der Kapitän schlief, er antwortete schlaftrunken, er schlief weiter (B. Kellermann. Das blaue Band).

– быть средством положительной / отрицательной оценки, например:

Daran glaubte sie felsenfest (B. Kellermann. Das blaue Band).

– использоваться в роли ироничного/шутливого обозначения предмета/ явления, например: der Nichtstuer, die Hundeterue, das Schnauzehalten.

Строго дифференцировать стилистические функции дефразеологических дериватов невозможно, каждый ДД может выполнять несколько функций. Так, например, адъективный ДД-комполит fleischrot выполняет в высказывании Eine Dame in einem schweren Wagen rollte heran, den Pelz lässig um die Schultern gelegt, den Arm voll fleischroter Rosen (B. Kellermann. Das blaue Band) в комплексе следующие функции:

– создание образности;

– стремление к емкому обозначению вследствие действия принципа языковой экономии;

– интенсификация качества.

Отдельная функция может преобладать только в конкретной ситуации.

В заключение отметим лишь, что ДД очень широко распространены в разговорной речи, позволяют метко и емко обозначать и характеризовать лица, предметы, качества предметов или явлений, процессы и действия, помогая избежать ненужных языковых нагромождений. Процесс образования ДД является, таким образом, одним из важных способов обогащения лексико-семантической системы немецкого языка.

Литература

1. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр.яз. – 2-е изд., перераб. и доп. (на нем. яз.). – М.: Высш. шк., 1986. – С. 208–211.

2. A. Iskos, A. Lenkowa. Deutsche Lexikologie. – Leningrad, 1960.

3. B. Kellermann. Das blaue Band. – Moskau: Tsitadel, 2001.

4. I. Heyne. Yildiz heißt Stern.- Berlin: Langenscheidt, 1992.

5. Juma, 1999. - №3.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Раскрытие механизма формирования картины мира в целом и языковой картины мира в частности, сущности языкового отражения представлений этносов о мире, в котором они живут, является актуальным направлением исследования как философии, так и лингвистики.

Наш язык отражает представления носителей культуры о характере явлений действительности, стоящих за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей. Антропологическая парадигма в лингвистике предполагает смещение акцента культурно-речевых исследований в сторону феномена языковой личности, интерпретативной способности языка, отражающего характер мироощущения, национально-специфическую «версию» отражения реалий действительности на разных этапах развития того или иного этнокультурного социума.

Лингвострановедение и лингвокультурология представляют собой отрасли лингвистической науки, занимающиеся исследованием языка как зеркала культуры того или иного этноязыкового сообщества на разных исторических этапах его развития, обнаруживающих специфическое мироощущение, своеобразное видение мира, трактуемое в рамках данных наук как концептуальный образ познаваемого мира, или концептуальная (культурная) картина мира, получающая отражение в структуре языка, или языковой картине мира.

Предметом нашего исследования является семантика культурных концептов древних германцев и немцев, с целью приближения к пониманию культурной и языковой картины мира.

Вместе с тем следует иметь в виду, что германская религия не есть религия одного цельного народа, поэтому остаётся верным, что в германской мифологии необходимо разграничивать отдельные периоды и национальные особенности резче, чем это часто делается; но в то же время нет никакого основания отстранять северную мифологию как совершенно чуждое, привнесённое извне или искусственно выдуманное образование. При всём различии, родство этой группы народов, как и всего индоевропейского сообщества, остаётся несомненным также и в области религии [1, с. 437]. Если сравнить имена германских богов с именами богов, которым поклонялись другие индоевропейские народности, то налицо общие корни. Так, одним из главных германских богов считался бог Тиу (Tiu, Ziu); древние греки поклонялись Зевсу (deus - Zeus); главным богом у римлян был Юпитер (ср.: Jupiter = diu-pter); восточные славяне, в свою очередь, поклонялись богу Дый (diu). В ранних германских мифах Тиу предстаёт как родоначальник прочих богов. Он считался богом света и покровителем важнейших сфер жизни древнегерманского общества. Ми-

фы, связанные с этим божеством, встречаются довольно редко. Вероятно, это можно объяснить тем, что впоследствии его функции «слились» с функциями бога Тора и культ Тиу перешёл в культ Тора.

Возвращаясь к мифам, следует отметить следующие моменты. Понятие мифа имеет неоднозначную трактовку. «Миф» трактуется в трёх аспектах: как древнее предание, рассказ, как мифотворчество, мифологический космогенез либо как особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное.

Наибольший интерес для нас представляет миф как особое состояние сознания. Мифологическое мышление – это особый вид мироощущения, специфическое образное чувственное представление природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Оно представляет собой творение (в воображении или с помощью воображения) иной действительности – субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определённых («священных») установлений, для санкционирования определённого сознания и поведения [3, с. 90–91].

Человек интуитивно распознавал закономерность и упорядоченность явлений природы – ритмичность, цикличность, но в силу слабости абстрактного мышления он их персонифицирует – отсюда появляются образы богов [3, с. 94–95].

Представления древних германцев о богах связывались с дарующими жизнь силами природы: светом, воздухом, огнём, землёй. Противниками этих первоначально персонифицированных, а в последствии олицетворённых доброжелательных и благодетельных божеств света (богов-ванов), были демоны (великаны, карлики, драконы), которые властвовали над враждебными жизни стихиями (темнота, холод, смерть). И до сих пор в народных сказаниях великаны предстают как нечто, не отличающееся особым умом, воплощение разрушительной силы, а карлики – как нечто коварное, недоброжелательное. В смене времён года германцы видели борьбу, победу и поражение небесных сил, которые в глубокой древности представлялись в основном в виде мифологических существ женского пола. Изначально древние германцы поклонялись богине земли Эрде (Erda). Она была символом жизни и плодородия. Унаследованные от матриархата черты в условиях патриархата постепенно ослабевают, что выражается в возникновении аналогичных божеств мужского пола, получивших сходные имена (Фрейя – Фрейр). Также древние германцы поклонялись небесным светилам: Луне (Mond) и Солнцу (Sunna > Sonne). Этим божествам посвящены дни недели понедельник (Montag) и воскресенье (Sontag). Боги внешне похожи на обычных людей, они смертны, но способность к возрождению и сверхъестественные способности делают их сильнее и выше людей [6, с. 91]. Однако историческое верховенство обуславливается тем, что в доисторический период асопоклонники одержали победу над ванопоклонниками и покорили их себе, ассимилировались с ними позднее, но сохранили своё верховенство.

Германский пантеон богов объединяет две иерархии божеств: главенствующих богов «асов» и занимающих более низкую ступень богов «ванов». Историки синкретизм божественного пантеона объясняют тем, что одна (возможно, коренная) народность была покорена пришедшей на их территорию индоевропейской группы племён.

Первые проявления общественного разделения труда, занятие земель и военные столкновения ведут к дифференциации социальных отношений, воззрений и божеств. Сущность и деятельность богов становятся теперь отражением общественных отношений древних германцев. Боги-асы не уничтожают и не поработают богов-ванов, а лишь «отодвигают» их на более низкую ступень иерархии, продолжая при этом существовать параллельно с ними. К асам возводились роды германских и скандинавских королей и знати; таковы генеалогии Инглингов, Скъельдунгов, Вельсунгов, англосаксонских королевских династий [4, с. 9].

Что касается происхождения мира, то, согласно мифологии древних германцев, изначально его не существовало, пока высшие небесные боги – асы не подняли землю из мировой бездны. Социальная иерархическая структура древнегерманского общества отражена в символическом представлении мира в виде «мирового дерева» Иггдрасиль: вершину занимают боги асы (Асгард «обитель богов»), в середине дерева находится мир людей Мидгард, «средний мир», досл. «срединный хутор», привычная для германцев форма поселения.

Обитель богов ванов располагается ниже Асгарда и в основном локализуется вокруг Мидгарда (древние земледельческие боги остаются для германцев покровителями и защитниками). Ваны защищают германцев от великанов, даруют свет, дождь, плодородие, охраняют посевы и стада. Это свидетельствует о том, что коренное население, вероятно, численно преобладало.

У германцев принято возводить свой род или племя к какому либо божеству: сын богини-матери Туиско(н), или Туисто, породил первого человека Манна, а его дети, согласно мифам, являются родоначальниками трёх западногерманских племён – это Инг(в)е (ср.: ингвеоны), Иске (искевоны), Эрмине (эрмионы); Ингве/Ингви считается также прародителем шведов (династия Инглингов). В этих преданиях запечатлена традиция общегерманского единства.

Общественная жизнь германцев отразилась так же в структуре божественного пантеона. Функции единого верховного божества, характерная для древних мифологических традиций, в германской мифологии распределены между тремя божествами: Одином, Тором и Фрейем. Во главе пантеона богов стоит Один. Его имя сохраняется в целом ряде географических названий в видоизменённом облике: например, Оденсе (родина Г.Х. Андерсена) трактуется как выражение Odins ve – святилище Водана/Одина, а также Wednesbury, Gudensberg, Gutenswegen и др. [5, с. 83].

О́дин – покровитель воинства (в том числе и павших воинов, обитающих с Воданом–Одином в небесных чертогах – Валгалле, ср.: Walhall = погибший на поле боя воин + чертог, зал), а также искусств (особенно

поэтического), поэтов, художников, певцов (ср.: wōd – дух, страсть, вдохновение). Некоторые ученые объясняют этот факт тем, что Один, вероятно, был вождём племени, который после своей смерти был возведён в сан божества. Вероятно, он одновременно был и жрецом, и сказителем этого племени, а, следовательно, и покровителем искусств.

Один одноглаз, что необычно для образа божества: возможно, он утратил глаз в бою, но мифы объясняют это по-своему: он отдал глаз за великие тайные знания, полученные в мире ином у богини Хель. Этот сюжет даёт косвенное свидетельство о том, что Один, вероятно, был не только вождём, но и жрецом племени. Это свидетельствует также и о том, что у германцев существовал культ знания.

О воинской отваге Одина свидетельствует стремительность его коня Слейпнира, имевшего – согласно мифу – шесть или восемь ног; о его мудрости и «всезнании» – наличие двух волков и двух воронов (Hugin – «Понимание» и Munin – «Память»), которые ему приносили вести со всего света. Они были посредниками между миром реальным и миром духовным.

Необычной является манера Одина, надев чёрный плащ и широкополую шляпу, скрывающую отсутствие глаза, которое могло бы его выдать, появляться среди людей и узнавать, кто и чем недоволен, чтобы потом принять соответствующие меры (это более черта вождя, нежели бога). Таким образом, если сейчас представитель немецкого этноса произносит имя этого бога, то следует иметь в виду, что у него возникает образ воплощения отваги, мудрости, таланта.

Позднее, в период христианства, имя Водан дегероизируется и возводится к глаголу «wüten» (от слова «wuot, Wut» – «ярость»): Водан и его воинство предстают как некая грозная сила, появление которой в бурные ночи навевало ужас на людей и, согласно поздним преданиям, приносило несчастье. Позднее образ Водана воплотился в образе юноши, который приходит к детям на Рождество и приносит подарки (Weinachtsmann, Knecht Ruprecht) [6, с. 90]. Богу Одину посвящён день недели – среда (ср.: др. нем. Wodanesdag, англ. Wednesday).

Небесными стихиями управляет Тор. Громовержец Тор – рыжебородый силач, разъезжающий по небу в своей колеснице, запряженной двумя козлами. Грохотом его колесницы германские племена объясняли громозвучные раскаты грозы. Название оружия Тора – молот Мёлльнир – означает молнию, громовой удар. Этим оружием он постоянно сражается с великанами, иначе они захватили бы Мидгард и Асгард. Тор в большей мере воплощает силу, чем магическую мудрость. Возможно, до появления культа Одина Тор был верховным божеством. Это бог дождя, плодородия, оберегавших древних земледельцев от засухи и неурожая. Отголоски культового поклонения Тору дошли до нашего времени в виде амулетов, которые называют молоточками Тора, и в некоторых географических названиях, таких как Торсхавн (столица Фарерских островов), которое может переводиться как «гавань Тора» [5, с. 85]. Итак, образ Тора является воплощением физической силы, это образ героя-защитника. Тору посвящён четверг (Donarestag > Donnerstag).

Третьим главным богом считался Фрей, получивший в синкретическом божественном пантеоне некоторые функции Тора, он стал богом плодородия. Благодаря ему светило солнце, шел дождь и всходили посевы. В тёплые дни весны Фрей оплодотворял землю дождями и выводил из-за рассеянных туч ясное солнце; его силою пробуждалась природа к жизни как бы вновь создавался прекрасный мир. Следует отметить, что культ божества плодородия у древних германцев регионально различен; в северной Германии это – Нерта (Nerthus), в Скандинавии – Нерт (Njörd) и его дети Фрейр (Frey/r/) и Фрейя (Freya); культовый предмет, символизирующий этих богов – корабль [там же: 83]. Во время уборки урожая статую Фрея возили в повозке по всей округе или в лодке, если в этой местности была река, крестьяне верили, что так можно обеспечить богатый урожай. Западные германцы почитали Фрейю (жена Водана, богиня плодородия и семьи), ей посвящена пятница (Frījtag > Freitag).

Мир, согласно мифологии германцев, не вечен, ему грозит гибель. Но он не исчезнет бесследно и возродится вновь. Эта идея цикличности загадочно перекликается с восточными религиями, а также с современной научной теорией космогенеза, согласно которой мир возник в результате Большого Взрыва из раскалённой первоматерии, а затем может вернуться в прежнее раскалённое, «огненное» состояние. Есть мнение, что бог Локи, по вине которого гибнет мир, символизирует первоначало и конец мира (ср.: Loki, Loge, Lohe –«пламя»).

Литература

1. Иллюстрированная история религии в двух томах / Ред. Д.П. Шантепи де ля Соссей, Российский фонд мира, 1992.
2. Энциклопедия для детей. Религии мира. – М.: Аванта +, 1999. – Т. 6.
3. Введение в культурологию: учеб. пособие / Отв. ред. Е.В. Попов – М.: ВЛАДОС, 1995.
4. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. – М.: Наука, 1979.
5. Дзенс Н.И. История германских народностей и государств. – Белгород, 1989.
6. Die deutsche Sprache. – Bd 1. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1969.

*А.Н. Лангнер
Н. рук. Ж. Багана*

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В РОССИИ

Изучение языковых контактов в современной лингвистике представляет собой самостоятельное направление. Некоторые ученые говорят даже о “лингвистике языковых контактов”, “контактной лингвистике”, или “linguistique de contact”. Если понимать эти термины впрямую, то можно подумать, что речь идет даже не о направлении в рамках лингвистики, а о самостоятельной науке, стоящей в одном ряду, например, с исторической или социальной лингвистикой [5, с. 50].

Основателем этого направления по праву считают выдающегося современного ученого Уриэля Вайнрайха (Uriel Weinreich). Именно его монография “Languages in contact” (1953) и другие работы 50-60-х гг. заложили основы этого направления.

Принято считать, что основополагающий термин (“language(s) in contact”, “langue(s) en contact”, “language contacts”) был предложен французским лингвистом Андре Мартине в начале 50-х гг. [10, 3, 9, 7].

Однако существуют языковые явления, которые неотделимы от языкового контакта и тесно с ним связаны. К таким явлениям можно отнести билингвизм, двуязычие (многоязычие, мультилингвизм), диглоссию, интерференцию и конвергенцию.

Довольно интересным выступает вопрос языковой интерференции, которые становится все более и более актуальным в связи с ростом обучения студентов иностранным языкам, в частности французскому языку (ФЯ) не только в пределах Белгородского государственного университета, но и в масштабах всего российского государства.

Впервые термин “языковая интерференция” (interférence) был введен Пражской школой [11, с. 33]. Ученые Пражского лингвистического кружка – Vogt, Вайнрайх, Хауген, – определяют интерференцию как процесс отклонения от норм контактирующих языков. Однако отдельные ученые этой школы по-своему уточняют и дополняют общее представление.

У. Вайнрайх предлагает называть интерференцией случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т.е. вследствие языкового контакта [1, с. 22].

По мнению Э. Хаугена, интерференция – это “случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками” [9, с. 62]. Однако ученый указывает на то, что интерференция не всегда представляет собой отклонение от нормы, поскольку явление может быть ненормативным уже в первичном языке. Поэтому “точно определить интерференцию, – пишет он, – можно лишь в случае, когда мы принимаем в качестве исходной базисной линии то состояние языка, которое непосредственно предшествовало установлению двуязычия” [10, с. 12].

Российские ученые в основных чертах разделяют позицию своих предшественников. Так, А. Климов (вслед за У. Вайнрайхом) полагает, что интерференция является результатом наложения двух систем в процессе речи [4, с. 287]. Н.Б. Мечковская называет интерференцией ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка [6, с. 368].

Современное определение, предлагаемое В.А. Виноградовым, формулируется следующим образом: “Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка”, а отклонения от нормы и системы неродного языка, вызванные влиянием родного, он считает выражением процесса интерференции [2, с. 197].

Опыт преподавания ФЯ русскоговорящим студентам свидетельствует о том, что интерферирующее взаимодействие языков – явление сложное и многостороннее. Значительные трудности в освоении российскими студентами ФЯ обусловлены тем, что изучаемый и родной языки представляют собой разные языковые семьи. Глубокие различия в языковых системах, являющиеся отражением разных культур народов, обуславливают различия не только в фонологических или грамматических системах, но также принципах и способах словообразования, словоизменения двух языков. Поэтому сопоставительное изучение языков проводится на всех уровнях: фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом.

В методике обучения неродному языку используется не просто описание того или иного языка, а “методические типологические классификации” лексических, грамматических и фонетических средств сопоставляемых языков. В основе такой классификации для каждого языкового яруса лежит степень совпадения и расхождения соответствующих языковых единиц двух (или более) языков. Задача методики состоит в устранении отрицательного влияния (интерференции) русского языка (РЯ) на формирование речевых механизмов, специфичных для ФЯ. В этом плане создание эффективной методики невозможно без учета лингвистических данных об основных типологических особенностях каждого изучаемого языка и сведениях о совпадениях и расхождениях в системах контактирующих в сознании учащихся языков.

Механизмы интерпретации связаны с различными видами речевой деятельности и в каждом из них имеют свою специфику. Так, установлено, что при восприятии на слух меньше интерферирует родной язык, но с трудом воспринимаются слова и словосочетания, сходные по звучанию, реалии, имена собственные, слова – омофоны. При распознавании письменной речи интерферирует омография. Психологами также установлено, что интерферирующее действие языков различно в зависимости от возраста.

При контакте ФЯ и РЯ наблюдаются разные случаи как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференции. Источником межъязыковой интерференции является РЯ.

Распространенным видом межъязыковой лексической интерференции является межъязыковая полисемия – отождествление семантической структуры слова во ФЯ с семантической структурой слова в РЯ. Внутриязыковая интерференция является следствием отклонений от нормы ФЯ, которые вызваны взаимодействием форм и моделей внутри изучаемого языка. Интерференционные ошибки внутри ФЯ составляют большой процент ошибок как на начальном, так и на продвинутом этапах обучения ФЯ как иностранному. В зависимости от действий различных психофизиологических механизмов можно выделить несколько типов внутриязыковой интерференции: парафразию, контаминацию и образование по ложной аналогии.

При парафразии в сознании учащихся устанавливаются ошибочные ассоциативные связи между словами ФЯ в силу формального звукового

сходства. Так, в частности, студенты Белгородского государственного университета на начальном этапе обучения ФЯ склонны употреблять вместо слова *jeune* (молодой) слово *jaune* (желтый): *Des jaunes filles traversent la place.* – *Желтые девушки переходят площадь.* Соответственно правильный вариант приведенного предложения будет звучать следующим образом: *Des jeunes filles traversent la place.* – *Девушки переходят площадь.*

На начальном этапе обучения, когда еще не действуют механизмы автоматизации французской речи, российским студентам свойственно непроизвольное соотнесение некоторых грамматических категорий, например, рода имен существительных, который совпадает далеко не всегда: *книга (ж. р.) – livre (m), письмо (ср. р.) – lettre (f)*. Кроме того, наблюдается соотнесение лексических единиц ФЯ с соответствующими аналогами РЯ, например: глагол *смотреть*, который в РЯ требует после себя употребления косвенного дополнения: *Посмотрите на доску!* Во ФЯ эквивалентом данному глаголу является глагол *regarder*, который в отличие от русского варианта требует после себя употребление прямого дополнения: *Regardez le tableau!* Русскоговорящие же студенты по аналогии с русским вариантом ставят предлог *sur*, что естественно является ошибкой.

Другим примером непроизвольного соотнесения лексических единиц ФЯ и РЯ может служить ошибочное употребление притяжательного прилагательного *ses* (его/ее, свои) вместо *leurs* (их, свои): *Donnez cela à ses enfants.* – *Отдайте это его (ее) детям.* Тогда как правильный вариант имеет следующий вид: *Donnez cela à leurs enfants.* – *Отдайте это их детям.* Ошибка подобного плана частотна и наблюдается как на начальном, так и на продвинутом этапах обучения.

Значительные трудности в настоящее время возникают и при построении французского предложения. Относительно свободный порядок слов в РЯ слепо, часто не к месту передается на изучаемый язык: *Вчера вечером мы ходили в кино.* – *Hier au soir nous sommes allés au cinéma.* В то время как традиционная же схема построения предложения ФЯ предполагает конечное положение обстоятельства времени: *Nous sommes allés au cinéma hier au soir.* Более того, в письменных работах российских студентов имеют место такие ошибки, каких не могло быть в начале обучения, что можно объяснить возрастанием в письменной речи студентов удельного веса самостоятельно продуцируемых текстов, увеличением их объема, усложнением содержания и лексико-грамматического оформления.

Сегодня многие специалисты полагают, что выявление ошибок российских студентов, их корреляция с потенциальными факторами интерференции должны способствовать получению достоверных данных о характере и устойчивости ошибок, на которые можно будет опираться при определении реальных зон трудности узнавания и понимания атрибутивных словосочетаний устной и письменной речи. Сокращению числа ошибок в речи русскоговорящих студентов, изучающих ФЯ, может способствовать последовательное сопоставление двух исследуемых идиом. В таком случае студенты смогут сознательно контролировать свою речь. Кро-

ме того, очень важно, по мнению преподавателей, научить учащихся пользоваться всеми видами словарей ФЯ. Студентам необходимо запоминать приведенные в словарях ФЯ случаи сочетаемости слов, встречающихся в произведениях французских авторов.

Как видно, проблема интерференции ФЯ и РЯ является весьма актуальной в реалиях современного российского государства. Ее можно охарактеризовать как сложный процесс взаимодействия различных влияний как между контактирующими языками, так и внутри изучаемого языка, результатом которых являются отклонения от языковой нормы и системы.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вища школа, 1979.
2. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Ильяшенко Т.П. Языковые контакты. – М.: Наука, 1970.
4. Климов В.В. Языковые контакты: Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970.
5. Кондакова М.Ф. Языковые контакты как объект лингвистического исследования // Уральские лингвистические чтения (№ 14). – 2001. – Екатеринбург: УрГПУ.
6. Мечковская Н.Б. Языковой контакт. – Минск: Высшая школа, 1983.
7. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972.
8. М.М. Фомин. Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). – М., 1998.
9. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972.
10. Haugen E. Language Contact // Reports for the Eighth International Congress of Linguists. – Oslo, 1957.
11. Vogt H. Actes du VIe Congres International des linguistes. – Paris, 1948.
12. Weinreich U. Languages in Contact (2d ed.). – The Hague, 1963.

*Е.С. Малинская
Н. рук. Е.Д. Гаврилова*

TERRORISM AND WORLD ECONOMY

The Terrorism is recognized today, probably, as the main danger, threatening to mankind.

The Terrorism is the policy of frightening the enemy by all available means up to physical destruction. The International terrorism is a type of the terrorism, under which the place of act of terrorism does not matter; the terrorist group consists of people of different nationalities; the object of the fight may be political or religious questions, or international organizations, agreements, institutes. The terrorist activity is financed by foreign state or private organization, not being resident of the country in which terrorists act [1].

Russia is not the only country in the world, which faces with wave of the terror.

Events on September 11 in American airports caused the strengthening of the security measures, wasting much time for passengers, also the additional expenses of air companies. Industry of air transportations had the serious decline - the people simply were afraid to fly. The underground in Paris carried additional costs after acts of terrorism 10 years ago. The costs are concerned with the ensuring of safety, and simply with cleaning, for example, there were not dustbins in the underground as in Moscow. And Spain lost so many tourists and income after spring acts of terrorism in 2004 [2].

Terrorism and safety of the economy were the main questions of the forums this and last year, from the measures in trade up to transportation. The theme of safety is on top for many countries. Their economies powerfully depend on tourist income, that's why connected with safety [3].

The terrorism in all its aspects threatens to economic stability all over the world. Acts of terrorism strike the economy of each country. It is necessary to use the different measures to restore them. Acts of terrorism cause the abuses fixed in the majority companies. In this connection the rules of corporative management are improved, the standards of accounts and the responsibility of the general directors for them are strengthened, there is a threat of the prison – these factors reduce probability of the similar abuses in the future.

It is necessary to increase the costs for the defending and financing military-industrial complex. The fast grow of the costs is capable to break stable economy, to cause the reduction of the investment, consumer's expenses, the government will be forced to use hard measures not to bring about imbalance of the political situation, the budgetary deficit and increasing of the interest rates. The companies will have to advance the price on their product to balance the growing of the costs on safety. As the result, inflation will be growing and the standard of living will reduce. But the influence of the terrorism war on economy remains comparatively insignificant. The majority of the companies expands the staff of specialist, makes the new safe systems.

What about other branches of the economy? Insurance companies assess the amounts of the insurance payments on covering the acts of terrorism's damage. They receive the serious measures to restrict risks, connected with acts of terrorism. Changing the methods by the insurance industry can bring about greater costs of companies because of the inability to get the insurance police.

Industry of passenger transportation suffers from acts of terrorism. The service in the hotels and profits of their owners depend on the tourists who refuse them. Every year our country are visited by more than 100 thousand people from the USA. And their number increased from time to time. Such tour costs for Americans more than 1000 dollars, as a result Russia can lose near 200 mln. dollars annually. We can add sum of money that we lose from the reducing tourists of other countries, first of all Germany, Finland, France, Italy, GB, Japan and South Korea.

The different industrial companies also bear risks of production and selling. The direct costs are constantly growing. For example, installing the safety mechanism at the entry of the movie and the guard. Additional checks conduct additional expenses.

The main part of costs – both business and state – is finally replaced on usual people, consumers and taxpayers. As a result, they pay more taxes, get little social support and state services, overpay for goods and facilities. The growing of the costs causes the reducing of the competition on the markets and the appearance of additional obstacles to come into the market [4].

Today, they say not only about person who had committed suicide, had exploded planes, had derailed the train, had made the sabotages in public transport. On agenda is a problem of the nucleus weapon. The data collected by the international agency on atomic energy, witnesses that "ALI_KAYEDA" dreams to enter in nucleus organization. The protocols of MAGATE witness the grow of contraband radioactive materials, which are used in "dirty bomb". Such bomb is intended for spreading of radiation on great areas. It does not remain the strong destruction, but does the buildings and territory unfit to use [5].

It is not enough the counsels and agreements on the high the level to cope with the terrorism. It is necessary to develop and to realize the comprehensive program, including political, social, economic, legal, and the other aspects.

The heads of the states must joint and ensure the warning and localization religion conflicts.

The tragic results of the terrorism must be the important precaution to all political powers.

That's why, the terrorism in Russia not only exists, but is annually intensified. It must be solved on the most high state level and to ensure national safety of the country as a whole.

Литература

1. <http://referats.protoplex.ru>
2. <http://finance.rol.ru>
3. <http://www.izvestia.ru>
4. <http://usb.com.ua>
5. <http://ruskayagazeta.com>

***А.П. Марковцева
Н. рук. Н.В. Нерубенко***

DAS WESEN UND TÄTIGKEIT DER OFFSHORE-GESELSCHAFT

Heute werden solche Begriffe wie das Offshore oder die Offshore-Gesellschaft verwendet, die früher ganz unbekannt waren. In den Zeitungen sehen wir die Anzeige mit dem Titel « Für hundert Dollars kann man die Gesellschaft in der steuerfreien Zone registrieren und das Konto in den größten Banken der Welt öffnen. Wir können unsere Unternehmer wegen des Wunsches ihr Geld im Ausland zu halten und bestimmten Steuerermäßigungen zu haben beschuldigen. Das ist aber mit der Instabilität des politischen und ökonomischen Lebens bedingt.

In diesem Artikel wird es die Rede vom Wesen der Offshore-Gesellschaften, ihre Vorteile und Nachteile gehen. Aber um alle Seiten von

der Offshore-Tätigkeit zu verstehen, muss man zuerst den Begriff Offshore definieren.

Was ist die Offshore-Gesellschaft?

Der Offshorer (offshore-“ außer den Grenzen”) ist eine juristische Person, die in die Jurisdiktion mit der privilegierten Besteuerung und bei der Abwesenheit der Devisenkontrolle registriert wurde. Das ist eine Gesellschaft, die die wirtschaftliche Tätigkeit im Land seiner Registrierung nicht führt und ihre Besitzer sind keine Devisenausländer dieser Länder. Die Grundlage der Entstehung der Offshore-Gesellschaften sind die Gesetzgebungen der Länder, die ganz oder teilweise die Gesellschaften von der Besteuerungen entlassen, die das Business im Land der Registrierung nicht führen.

Es ist wichtig, zu bemerken, dass nur der Teil der Offshore-Tätigkeit mit Steuern nicht belegt wird. Das bedeutet, dass der andere Teil von Produktion in seinem Land besteuert wird. Die Offshore-Gesellschaften werden dafür geöffnet, um die Besteuerung zu meiden oder die Größe der Steuer herabzusetzen. Muss man berücksichtigen, dass die Produktion nicht nur im Land der Schaffung von Offshore-Gesellschaften, sondern auch in jenem Land, wo die Produktion hergestellt wird, mit Steuer belegt wird. Hier geht die Rede von der doppelten Besteuerung. Es ist für die Besitzern der Gesellschaften nicht vorteilhaft. Für die vollwertige Arbeit von Offshore in jedem Land ist es das zwischenländliche Abkommen über die Vermeidung der doppelten Besteuerung des gegebenen Landes mit dem Land der Registrierung vom Offshore nötig. Andernfalls, wird das Offshore in dem Land besteuert, wo er seine Tätigkeit führt.

Aus der Sicht des internationalen Rechtes heraus ist die Offshore-Gesellschaft eine selbständige juristische Person und führt seine Tätigkeit nach den Gesetzen des Landes der Registrierung. Gegenwärtig werden in der Welt etwa 60 Länder aufgezählt, die die Steuerermäßigungen für die Offshore-Gesellschaften gewähren. Die Offshore-Gesellschaften sind berechtigt, die unbeschränkte Menge der Kontos in beliebigen Banken der Welt zu öffnen. Ihre Tätigkeit ist tatsächlich niemand abrechnungspflichtig. In der Mehrheit der "Steuerhäfen" wird das jährliche Berichtswesen auf die Aufzählung der fixierten Erhebung zurückgeführt.

Wofür ist das Offshore nötig?

Es gibt einige Antworten auf diese Frage:

a) Der Safe/ der Geldschrank. Vermuten wir, dass der Unternehmer die bestimmte Mittel gespart hat und will sie in eine sichere Stelle anlegen und dazu den unverzüglichen Zugriff haben, frei über sie verfügen, und frei sie in der ganzen Welt versetzen, von der politischen Instabilität jenen Staates bewahrt werden, wo er lebt, von den überflüssigen Steuern bedeckt zu werden. Dafür braucht man die Bank in einem sicheren und stabilen Land. Aber wenn er das Konto auf seinen Namen geöffnet wird, so wird es ein Verstoß gegen das Gesetz. Dafür ist es die Lizenz von Russischer Föderation nötig und ist die Wahrscheinlichkeit des Verstoßes der Vertraulichkeit auch möglich. In den

Zahlungsaufträgen in der Rubrik der "Empfänger" wird sein Name stehen; die persönliche Kreditkarte mit seinem Namen sagt darüber, dass er ein Konto im Ausland usw. hat. Das begrenzt die Möglichkeiten die Nutzung vom Konto. Die Lösung des Problems besteht in der Öffnung der Offshore-Gesellschaft, wo er Direktor war, über das Konto der Gesellschaft verfügte (darüber, dass er auch der Besitzer ist, niemand erfährt), was das Gesetz nicht verboten wird.

b) Der Teilnehmer des Business. Wenn die Gesellschaft den Außenhandel führt, so muss man die Steuern optimieren, den Dokumentendurchlauf vereinfachen, die finanziellen Ströme beschleunigen und ihre Zuverlässigkeit gewährleisten. Die Offshore-Gesellschaft ist der Ausweg, der viele Probleme zu lösen hilft. Sie spielt die Rolle des Vermittlers zwischen der lokalen Gesellschaft und dem Verkäufer, mit denen die Gesellschaft sein internationales Business hat.

c) Der Import der Hauptmittel. Um die Linie der Getränkeabfüllung zu importieren, das Zoll und die Mehrwertsteuer nicht zu zahlen, muss man diese Linie für Offshoregesellschaft erwerben und diese Linie wie den Eigenmittelfonds in seiner Gesellschaft beitragen. Man kann das Leasing dieser Ausrüstung für die russische Gesellschaft auch organisieren, ins Ausland die Prozente nach dem Leasing aufzählen und alle Zahlungen auf die Kosten zu beziehen. Auf solche Weise besteht der besondere Wert vom Offshore in Russland in der Möglichkeit, das Kapital in die ökonomisch stabilen und sicheren Länder juristisch tadellos zu versetzen.

Die Bedingungen der Registrierung der Offshore-Gesellschaften

Bevor die Offshore-Gesellschaft zu erwerben, ist es nötig, deutlich den Kreis der Operationen festzustellen, die durch sie geleitet werden und, ob für diese Ziele das Land der Registrierung passt. Außerdem ist die Frage von Prestige der Gesellschaft von Bedeutung.

Die Länder, wo die Offshore-Gesellschaften registriert werden, kann man in einige Kategorien aufteilen:

a) Das sind die kleinen Staaten, die Inseln mit dem niedrigen Niveau der Entwicklung der eigenen Wirtschaft, aber mit der genügend hohen politischen Stabilität (Bahamas, Britische Virginia - Insel, Vanuatu, Seychellen usw.). In der Regel legen diese Staaten keine Forderungen zum Berichtswesen vor, die einzige Forderung ist, die jährliche fixierte Sammeln zum Staatsschatz beizutragen.

b) Die Staaten, wo außer der Offshore-Gesellschaften das Onshore existieren, die zu den Devisenausländern gehören können, aber wegen der Führung der wirtschaftlichen Tätigkeit innerhalb dieses Landes können sie den steuerfreien Status verlieren.

Die Registrierung der Offshore-Gesellschaft

Die Registrierung der Offshoregesellschaft vergeht auf folgende Weise. Der Unternehmer gibt einige Varianten des Namens der zukünftigen Gesellschaft, und von seinem Namen beginnt der lokale Registrierungsagent zu handeln. Da der zukünftige Besitzer Devisenausländer in jenem Land ist, wo

die Gesellschaft registriert ist, so ist er sich mit den Regierungsorganen durch den lokalen Agenten umgehen zu erzwingen, der seine juristische Adresse gewährt. Für solche Tätigkeit, in der Regel, sollen die Agenten die spezielle Lizenz bekommen. Die Rede geht von den professionellen Agenten.

Erstens wird der Name geprüft, dann geschieht die Registrierung des Statuts und des Gründungsvertrages (Memorandum and Article of Association), die wieder der Agent unterschreibt. Weiter erstellt der Agent die Bestimmung des Unternehmens vom ersten Direktor und unterschreibt das Papier, in dem gesagt ist, dass er das Eigentum der Gesellschaft nicht beansprucht und nur als der Agent auftritt.

Die Besteuerung

Alle Gesellschaften, die außerhalb Russlands registriert wurden, sind die ausländischen juristischen Personen, deren Besteuerung von den Gesetzgebungsakten über die Besteuerung der ausländischen juristischen Personen angepasst wird. Es ist das Prinzip der Vermeidung der doppelten Besteuerung der ausländischen juristischen Person nach den Sätzen, die den Arten der Tätigkeit entsprechen, die das Einkommen auf dem Territorium von Russland bringen. Die aufmerksame Untersuchung der Gesetze, die die Tätigkeit der ausländischen Firmen reglementieren, ermöglicht die Bezahlung der Steuern zu minimisieren, und für einige Fälle im Allgemeinen sie zu meiden. ~~Zun~~ Schluss kann man betonen, dass insgesamt die Schaffung von Offshore-Gesellschaften ein wirksames Werkzeug der Steuerplanung, der Devisentätigkeit ist. In der Zukunft, mit dem Aufstieg der industriellen Produktion und der weiteren Konzentration des Kapitals, braucht man das neue Plätschern der Schaffung von den russischen Firmen der Offshore-Gesellschaften ~~schaffen~~ ~~steht~~ das Problem des Swap der finanziellen Mittel ins Ausland besonders heftig. Die Leute glauben an den Russischen Staat nicht mehr und sehen keine Weise des legalen Business. Die Beziehungen sind mit den ausländischen Partnern gesprengt.

Die Literatur

1. Оффшорные территории. – Режим доступа: <http://www.icsl.ru/rus/offshore.html>.
2. Offshore Express. Электронный журнал. – Режим доступа: <http://www.offexp.east.ru/rus/index.html>.
3. Что такое оффшорная компания. – Режим доступа: <http://www.latconclav.ru/Serv61.htm>.

*О.А. Михайлова
Н. рук. С.А. Мусеева*

ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРЯ ДЕГУСТАЦИИ «ВИННЫЕ ТЕРМИНЫ»

Объектом исследования данной работы является профессиональный язык дегустаторов. Как пишет Кристиан Р. Сен Рош, «язык этот – совершенно особый; он еще не оформился окончательно, но в нем уже звучит

много поэтичных нот, это – язык чувственный, музыкальный и психологически тонкий» [4]. Винный словарь полон транспозиций и метафор и отнюдь не изобилует объективными определениями вкусовых и обонятельных ощущений

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается сегодня профессиональный дегустатор, это невозможность передать на словах вкусовые и обонятельные впечатления от вина. Дело в том, что количество марок вин – необъятно, оно составляет десятки тысяч, к тому же каждый год появляются новые, они вырабатываются из винограда нового урожая, а следовательно, не могут в точности повторить вкусо-ароматические качества вин предыдущих урожаев. Как же правильно оценить вино? Именно эту задачу решает дегустация. В переводе с латинского термин *degustare* означает ‘пробовать на вкус’, но дегустация оценивает не только вкус, она производит всестороннюю органолептическую оценку вина. Органолептическая оценка, или анализ вина – это определение с помощью зрения, обоняния, вкуса, осязания и даже слуха (например, оценка игристых вин) его внешнего вида, вкуса и аромата. Оценка внешнего вида включает в себя анализ окраски и прозрачности напитка. Вкус и аромат вина составляют его основу, и им уделяется особое внимание. Это непросто, поскольку вкус вина многогранен, если принять во внимание сумму различных первичных и вторичных показателей. Таким образом, чтобы удерживать в памяти свои впечатления и ощущения, дегустатору приходится сочетать слова-образы с точными терминами. И здесь дегустаторы сталкиваются с определенными трудностями.

Некоторые стандартные технические термины, касающиеся производства вина, существовали ещё в дореволюционной России, в дегустационной терминологии приходится констатировать заметный разнобой, как в написании, так иногда и в переводе некоторых вкусовых реалий [3]. Некоторые из уже вошедших в обиход терминов ещё окончательно не кодифицированы, и значение их порой трактуется по-разному. Наконец, небольшое количество слов, таких как «торрефакция», отсутствующие в академических словарях русского языка, можно считать неологизмами. Рассмотрим самые важные термины, слова и выражения, необходимые для понимания весьма специфического словаря дегустации. В этом словаре можно выделить несколько глав, они посвящены “телу” вина, его винным свойствам, “темпераменту” и, наконец, “вкусу” и “букету”.

Тело вина 'le corps' – это осязательное ощущение “плотности” вина во рту, которое зависит, главным образом, от спиртовой крепости, но в равной степени и от консистенции, и силы вкуса напитка. “Скелетом” вина, на котором держится тело, является, в первую очередь, алкоголь – он придает вину характеризующий его «вес». В соответствии с этим критерием дегустатор может дать вину следующие определения: *водянистое 'aqueux'*, *тощее 'maigre'*, *лёгкое 'léger'*, *среднетельное 'de corps moyen'*, *полное 'plein'*, *обильное 'ample'*, *щедрое 'généreux'*, *хмельное 'capiteux'*, *тяжёлое 'lourd'*, *спиртуозное 'alcoolique'*, *крепкое 'chaud'*. Про вино, ко-

торое уже не способно проявить все свои качества, говорят, что у него *тело подурнело* или, что оно *утратило тело 'sans corps'*. Вино может быть *укомплектованным 'complet'* и *уравновешенным 'équilibré'*, когда его компоненты гармонично сочетаются, и ни один из них излишне не выделяется. Хорошие вина гармонично уравновешены, и в них нет ни одного недостающего или лишнего элемента. Но если одна из субстанций явно довлеет над другими, или, наоборот, незаметна, вино считается *неуравновешенным 'deséquilibré'*.

В процессе знакомства с вином дегустатор может «пожевать» вино во рту *'mâcher le vin'*, чтобы лучше почувствовать и оценить его *плоть 'chair'*. Вино можно *жевать*, когда оно *мясистое 'charnu'*, т.е. дает ощущение полноты и гибкой текстуры. Благодаря «жеванию» вкусовые ощущения от напитка становятся ярче, и вино может быть охарактеризовано как *плотное*. Противоположностью плотного вина является *худое* или *тощее вино 'maigre'*, такое вино – *водянистое* и обладает скудным вкусом и ароматом.

Там где есть *тело*, должна быть и *душа*; лишь тогда вино будет живым. Живым делают винное *тело* его главные компоненты – кислоты и сложные эфиры. В вине протекают настоящие жизненные процессы, чудо жизни. При минимальном количестве сложных эфиров и кислот вино считается *нервным 'nerveux'*, т.е. обладающим сильной кислотностью, но приятным. При достаточном количестве – *угловатым 'anguleux'*, т.е. терпким и жестковатым, а при их избытке – *щедрым 'généreux'* или *благородным 'noble'*, а значит, обладающим самыми лучшими качествами. Вино, в котором слишком мало сложных эфиров и кислот, признается *лишенным нервов* или *нейтральным 'neutre'*.

Платье вина 'robe du vin', пожалуй, одна из самых выразительных метафор в языке, посвященном вину. *Платьем вина* называют его внешний вид и окраску. И одной из задач дегустатора является дать визуальную оценку *платью вина*, рассматривая его на белом фоне. Это – первый психофизиологический контакт, который предваряет последующие впечатления от вина, приятные или неприятные. В данном случае цвет – это обещание. Платье вина может быть *чистым 'nette'*, *сверкающим 'éclatante'*, *светящимся 'lumineuse'*, *переливчатым 'chatoyante'*, *блестящим 'limpide'*, *'brillante'*, *кристально прозрачным 'cristalline'*, *интенсивным 'intense'*, *легким 'légère'*, *строгим 'stricte'*. При определении его цвета, дегустаторы отмечают, что оно *бывает рубиновым 'rubis'*, *соломенным 'jaune paille'*, *канареечно-желтым 'jaune sérin'*, *золотистым 'jaune doré'*, *красновато-коричневым с золотистым оттенком 'mordoré'*, *янтарным 'ambré'*, *коричневым 'rouge brun'*, *гранатовым 'grenat'*. Бывает, что *платье вина* не обещает ничего хорошего, и тогда про вино говорят, что оно – *подозрительное 'louche'*, *неоткровенное 'fermé'*, что оно чего-то *не договаривает 'il ya du louche là-dedans'* либо что оно – *мутное 'flou'*, *тусклое 'trouble'*, *пасмурное 'sombre'*, *грязное 'sale'*, *перегруженное 'chargé'* [2]. А

если цвет у платья голубоватый или коричневый с металлическим оттенком, значит, вино заболело, и оно считается *сломанным* 'cassé' [5].

У каждого вина есть не только свое *тело*, винные свойства и *платье*, но и свой *темперамент* 'caractère', – самый важный параметр при дегустации, поскольку *темперамент* – сугубо индивидуальная характеристика вина; от него зависит его ценность и «личные качества», на основании которых напиток относится к разряду вин *превосходных* 'superbe' или *заурядных* 'passable', *породистых* 'c'est du Chambertin' или *обычных* 'c'est du Surène', 'simple'. Вкус, или “*рот вина*” 'bouche' – это комплекс ощущений, возникающих во рту во время дегустации. Вкус виноградных вин формируют летучие и нелетучие вещества, которые воздействуют на язык. Специальные шишечки, расположенные в определенных базовых вкусовых зонах языка, передают вкусовые ощущения. Как известно, существует четыре вида базовых вкусовых ощущений: сладкий, кислый, горький и соленый. Остальные – производные от этих четырех базовых ощущений. К основным вкусовым признакам вина дегустаторы относят кислотность, сладость, спиртозность, терпкость и полноту. Терминов, употребляемых для характеристики вкуса вин, очень много. Например, вино с излишней кислотностью называется *кислотным* 'acide', с ее недостатком – *плоским* 'plat'. Различают оттенки кислотности, она может быть *мягкая* 'souple', *нежная* 'tendre', *благородная* 'noble', *свежая* 'frais', *колючая* 'pointu', *жесткая* 'dur'. Если в вине содержится мало спирта, оно называется *малоспиртуозным*, или *слабым* 'faible', если много спирта – *излишне спиртуозным* 'alcooolique'. Очень важной для оценки вкуса вина является его характеристика с точки зрения полноты. *Полными* 'plein' считаются вина с большой долей экстракта, густые и плотные, содержащие значительное количество глицерина, дубильных и пектиновых веществ. По этому критерию вина подразделяют на *пустые* 'creux', *бестельные* 'sans corps', *легкие* 'léger' и *тонкие* 'fin', *полные* 'plein' и *экстрактивные* 'extractif', *маслянистые* 'onctueux', *густые* 'dense' и *тяжелые* 'lourd'. Вина, оптимальные по полноте, часто характеризуют как *бархатистые* 'velouté', *мягкие* 'souple', *круглые* 'rond'.

И наконец, еще один параметр, тоже очень сложный, с множеством симфонических вариаций; параметр, которым открывается список поэтических и психологических характеристик вина, – его *букет* 'bouquet'. Оценка этого параметра производится с помощью обоняния. *Букет* – это совокупность и сочетание ароматических оттенков, развивающихся в напитке с выдержкой. Его формируют альдегиды, летучие эфиры и другие легко испаряющиеся вещества. Ярко выраженный гармоничный букет – отличительная черта качественных и выдержанных вин. Как правило, вину присущ не один какой-то аромат, а их совокупность с преобладанием самого мощного. Сложение ароматов вина – это искусство создания гармонии. Таким образом, оценить букет означает не просто оценить запах вина, но проанализировать весь комплекс ощущений, вызванных данной совокупностью ароматов.

Характеристики букета вина, используемые во Франции, особенно любопытны. Описывая букет, французские дегустаторы применяют выразительнейший арсенал понятий и сравнений. Так, вино, у которого нет или уже нет букета, считается *больным* 'malade', *изношенным* 'usé' или *усталым* 'fatigué' вином, про него скажут, что оно *валится с ног, стареет* 'le vin vieillit'. Если вино, напротив, предлагает дегустатору целый веер гармоничных запахов и ароматов, то оно признается *многообещающим* 'c'est un vin a attendre encore pour le voir a son apogée'. Положительная оценка букета позволяет ожидать пленительного продолжения. И если таковое имеет место, про вино говорят, что оно *держится* 'le vin a une belle tenue' [5].

Букет меняется вслед за вином, реагирующим на пространственно-временной факторы; букет – это душа вина, и душа эта переживает все, что испытывает тело. Букет можно сравнить с постоянно развивающейся личностью. В своем развитии он проходит все этапы – от простого винного запаха в момент рождения вина до *копченого* запаха 'fumé', свидетельствующего о том, что букет состарился и многие из его ароматов уже исчезли. И тогда у вина появляется странный запах, который скрывает букет вина или даже занимает его место: вместо букета слышен запах земли, сырости и дубильного вещества. Вино может *высохнуть* 'vin desseché', то есть утратить свои вкусовые и ароматические качества. Бывает даже, что вино приобретает запах гнили 'croupi' и плесени 'moisi'. Ничего не поделаешь: букет – вещь тонкая и хрупкая. Вот почему винодел и энолог прилагают столько усилий и знаний, проявляют столько заботы и любви с одной-единственной целью – чтобы вино сохранило прекрасный букет, а значит – душу.

Язык дегустаторов находится в становлении и пока еще не может передать всех особенностей того или иного вина, и когда речь идет не о самом очевидном, а о тонких нюансах, начинаются споры. И это неудивительно. Как указывает в своей работе И.Т. Касавин, «профессии, связанные с постоянной и целенаправленной игрой чувственными качествами, предоставляют нам примеры того, как трудно сделать выразимым в языке структурирование чувственного мира [3]. Пупырышки на языке дегустатора дрожат от возмущения, когда тонкий букет старого коньяка приходится выражать в рамках двух десятков квалификаций, являющихся, по существу, метафорическим расширением обыденного языка (густой, легкий, прозрачный и т.п.). “Какое блестящее исполнение!” – скажет музыкант, желая похвалить коллегу. “Потрясающая палитра!” – отвесит комплимент художник. “Чудесный букет!” – подтвердит качество вина дегустатор. Данная экспертная оценка, по-видимому, понятна и принимается только посвященными, поскольку не дает логически оправданного метода различения чувственных качеств, а лишь постулирует данное различие. Эксперт выбирает между разными наборами чувственных качеств, отдавая предпочтение одному из них, и он счастлив, когда может использовать стандартный (пусть столь же логически нестрогий) метод аналогии (“Играет как Рихтер!”),

“Краски как у Гогена!”, “Настоящий Реми Мартен 1980 года!”) в качестве обоснования своего выбора. Экспертное различение чувственных качеств строится по примеру прецедентного права, когда не универсальный закон, но решение предшественника в подобных обстоятельствах избирается, так сказать, большей посылкой рассуждения» [1].

Литература

1. Винный путеводитель. – М.: Дайжест, 2004.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1997.
3. Касавин И.Т. Опыт как знание о многообразии. – М.: Наука, 1990.
4. Кристиан Р. Сен Рош. Вкус вина и слова. – Париж: 1995.
5. Энциклопедия вин мира. – Париж: Larousse, 2000.

*А.А. Морозова
Н. рук. И.Р. Перевышина*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ИМПЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТРУКЦИЙ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Инструктирующий текст является одним из наиболее важных средств передачи социально значимой информации. Для этого требуется использование эффективных средств передачи. Поскольку инструкция относится к так называемым директивным речевым жанрам, основное назначение которых заключается в побуждении адресата к выполнению определенных действий, то арсенал способов побуждения в текстах такого плана весьма разнообразен.

Доминанту микрополя побуждения составляет морфологическая категория императива, который является наиболее распространенным средством выражения значения побудительности. Формы повелительного наклонения могут выражать все оттенки побуждения от приказа до предложения [3, с. 7].

Императив как одно из наклонений глагола, в отличие от многих глагольных категорий, представлен во всех описанных до сих пор языках. Императивные предложения отличаются от неимперативных отсутствием подлежащего, порядком слов и интонацией.

В немецком языке императив имеет 4 формы:

- 1) 2-е лицо единственного числа;
- 2) 2-е лицо множественного числа;
- 3) вежливая форма;
- 4) 1-е лицо множественного числа.

В текстах инструкций представлена лишь вежливая форма императива, которая используется в случае описания действий, при предостережениях, а также для выражения запрещения:

Nehmen Sie alle Discs heraus, bevor Sie das System umstellen (Olympus Microkassette Rekorder S711).

Команды и предписания в инструктирующих текстах оформляются также с использованием различных императивных конструкций.

В немецких инструкциях мы выделили следующие эквиваленты императивности:

1. Глагол в форме инфинитива. При этом предложение является односоставным, безличным и безвременным. Эта конструкция часто встречается в небольших по объему и общих по содержанию инструкциях и является наиболее употребительной формой выражения императивности после вежливой формы повелительного наклонения:

Den Mixer nur mit aufgedecktem Deckel verwenden (Standmixer Mod. 90).

2. Модальные глаголы в настоящем времени в сочетании со смысловым глаголом в инфинитиве:

- глагол *müssen* выражает требование, выполнение которого строго обязательно:

Dazu müssen Sie jedoch zuerst alle verfügbaren Sender als Festsender einstellen (Micro Hi-Fi Component System XR-FA500);

- глагол *sollen* представляет собой требование, связанное с предписанием какой-либо инстанции, или настоятельную рекомендацию:

Verpackungen und Packungsmittel [...] sollen grundsätzlich der Wiederverwertung zugeführt werden (Kühlmaschine Siemens);

- *dürfen* выражает запрет на какие-либо действия:

Das Netzkabel darf nur in einem Fachgeschäft gegen ein anderes ersetzt werden (Micro Hi-Fi Component System XR-FA500);

- модальный глагол возможности *können* представляет собой не прямое побуждение, автор инструкции утверждает тем самым наличие возможности определенных действий при эксплуатации того или иного бытового прибора для реципиента:

Sie können die Helligkeit des Displayfensters wählen (Micro Hi-Fi Component System XR-FA500).

Вышеприведенные примеры показывают, что модальные глаголы часто употребляются в сочетании с пассивным залогом. При этом используется форма Infinitiv I Passiv:

Ist das Anschlusskabel beschädigt, muss es ausgetauscht werden (Standmixer Mod. 90).

3. Пассивный залог позволяет выдвинуть объект действия на позицию подлежащего и, что очень важно, подчеркнуть само действие и его результат [1, с. 43]:

Um Qualitätsmilderungen des Gefriergutes zu vermeiden, ist es wichtig, dass zulässige Lagerdauer nicht überschritten wird (Kühlmaschine Siemens).

4. Конструкции *es ist nötig, Sie sind verpflichtet*, служат синонимами модальных глаголов *müssen* и *sollen*:

Gelegentlich sind bestimmte Pflege- und Wartungsmaßnahmen am Gerät und dessen Software nötig, damit Ihnen das Gerät optimale Leistungen bieten kann (Samsung Fino 15SE).

Sie sind gesetzlich dazu verpflichtet, die Batterien zu entsorgen (Handgelenksblutdruckcomputer Sanitas SBM 04).

5. Эллиптические (безглагольные предложения), чаще всего сопровождаемые схемами и рисунками, чем объясняется простая структура данных предложений:

Betriebsart 1 – nur zum Wählen eines Programmplatzes mit einer einstelligen Nummer (Farbfernsehgerät JVC AV-J21T).

6. Вопросительные предложения, ответы на которые реципиент может найти в тексте или в самих вопросах [1, с. 43]. Вопросы касаются шагов, которые следует предпринять для правильной эксплуатации прибора:

Das Gerät arbeitet nicht. Ist der Stecker in der Dose? (Rowenta Sign 1300W Haartrockner 030117/41-03).

7. Глаголы в изъявительном наклонении в форме настоящего времени используются при описании последовательности выполнения действий (при подключении или сборке прибора) либо в таком разделе инструкции как “устранение неполадок”:

*Die glänzende Seite des Papiers ist bedruckbar. Sie bedrucken die andere Seite nicht (DURABright[™] Photo Paper 10*15 cm/4*6 in).*

8. Глаголы в условном наклонении в форме настоящего времени редко используются в пользовательских инструкциях. Однако данная форма выражения побуждения характерна в основном для полезных советов по домоводству, рецептов, аннотаций к медикаментам. Наиболее часто употребляемый в условном наклонении глагол – это модальный глагол *sollen*:

Sie sollten das Gerät vor Stößen schützen (Handgelenksblutdruckcomputer Sanitas SBM 04).

9. Оптативные конструкции или формы с глаголами желания, предполагающие желательность выполнения действия, но не его обязательность, например:

Um Ihnen unnötige Muhe zu ersparen, ist es empfehlenswert, dass Sie die Bedienungsanleitung Ihres Gerätes sorgfältig lesen (Philips Bass Reflex Speaker System).

10. Конструкция *sein+zu+Infinitiv* служит для выражения необходимости совершения определенного действия, синонимична глаголу *müssen*:

In diesem Fall ist der Abstand zwischen Gerät und Ohrhörer zu vergrößern (Olympus Microkassette Rekorder S711).

Коммуникативный смысл периферийных форм выражения императивности обусловлен в определенной степени их языковой семантикой и тесно связан с условиями успешности осуществления директивного речевого акта, пропозициональным содержанием и прагматическими пресуппозициями директива. Так, использование форм настоящего времени со значением ближайшего будущего для выражения побуждения обусловлено тем, что эти формы также как и императив, обозначают потенциальное действие, которое будет совершено после момента речи.

Использование модальных и других глаголов со значением необходимости объясняется стремлением говорящего сигнализировать о попытке побудить слушающего к действию. Конструкции с модальными глаго-

лами в большей степени нейтральны, поскольку не дают указания на субъект действия.

Для того чтобы неимперативные по своей семантике формы воспринимались как директивные, необходимы определенные прагматические условия, определенный прагматический контекст.

Таким образом, в нашей работе мы попытались представить систему средств, при помощи которых достигается основная цель речевого акта инструктирования – побуждение к действию. Это не только морфологические формы императива, но и структуры, различные по своей языковой модальной семантике. В единую систему эти средства можно объединить на основе их способности в определенных контекстах выражать директивную установку говорящего.

Литература

1. Кан Е.Н. Интра- и экстралингвистические параметры текста “инструкция по эксплуатации бытовых электроприборов” // Яз. как структура и социальная практика. – Хабаровск, 2001. – С. 39–48.

2. Лобанов И.Б. Принципы построения инструктирующего текста в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов, 2003.

3. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология русского императива. – Л., 1986. – 272 с.

4. Цветков О.Ю. Коммуникативная среда побудительного высказывания (на материале англ. яз.): Дис... канд. филол. наук. – Череповец: Ун-т Российской академии образования, 2002.

5. Яковлева Т.А. Семантика и прагматика императивных и прохибитивных конструкций в текстах полезных советов и инструкций // Актуальные проблемы семиологии. – Л.: 1991. – С. 133–141.

6. Eberhard Fleischman Probleme der Kulturspezifik in der fachlichen Kommunikation: Produktlokalisierung und die Translation instruktiver Texte – Das Wort 99: germanistisches Jahrbuch // Moskau DAAD.

*Л.А. Нуриева
Н. рук. Г.В. Иванова*

МОЛОДЕЖЬ КАК ОСОБАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГРУППА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА ГЕРМАНИИ. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Согласно данным, приводимым в социологическом справочнике "Tatsachen über Deutschland", почти каждый пятый житель Федеративной Республики Германии моложе 18 лет. Среди 15,5 миллионов детей и подростков почти у каждого десятого иностранное происхождение. Около трети всего населения, а это приблизительно 26 миллионов, моложе 27 лет. В Германии насчитывается около 80 молодежных организаций, в которых объединена четверть молодежи страны [1].

Большинство молодежных организаций, которые действуют по всей стране, объединены в федеральные союзы молодежных организаций, например, в такие, как "Объединение евангелистской молодежи", "Союз молодых католиков Германии", "Союз немецких скаутов", молодежные объединения профсоюзов, земельные молодежные организации. Самая многочисленная молодежная организация "Спортивная молодежь Германии".

Однако при характеристике данной социальной группы необходимо быть очень осторожными, ибо данные, приводимые в разных источниках, содержат довольно противоречивую информацию. Некоторые источники позволяют сделать вывод о том, что светлое будущее немецкой молодежи "не за горами". За последнее десятилетие для большинства из них значительно повысились перспективы и надежды, связанные с будущим. Никогда ранее молодежь так много не путешествовала по стране и за рубежом. И поэтому нет ничего удивительного в том, что 95 процентов западнонемецкой и 83 процента восточнонемецкой молодежи довольны своей жизнью.

В последние годы, однако, наблюдается рост детской преступности по всем показателям. Особенно резкий рост преступности наблюдается в восточных федеральных землях.

Т. Крюгер полагает, что политики и общественность расплачиваются за многолетнее пренебрежение интересами детей и подростков. Детская преступность является вызовом существующему положению[2]. Директор исследовательского института в Нижней Саксонии, занимающегося проблемами преступности, К. Пфайфер полагает: "Растущие социальные противоречия готовят почву, на которой растет молодежная преступность" [3, с.2]. Безработица многих родителей, растущее число людей, нуждающихся в социальной помощи, служат основой для отчетливого роста детской и юношеской преступности.

Количество подростков, живущих в неполных семьях, увеличилось почти на 50%. По всем показателям наблюдается также рост безработицы среди молодежи.

Основными вопросами, которые волнуют молодежь в возрасте от 14 до 24 лет, являются проблемы образования и дальнейшей работы (Ausbildung und Arbeitsplatz).

По мнению К. Фарин, понятие "die Jugend" ("молодежь") не существует вообще. За последние несколько десятилетий данная возрастная группа растворилась на Cliguen und Gangs. Crews und Tribes, Stamme und Posses, Gegen- und Subkulturen. В молодежной среде представлены всё те же расслоения, что и во взрослом мире (расисты и пацифисты, правоконсерваторы и леворадикалы и т.д.). Нынешняя молодежь отличается от своих предшественников, т.к. она живёт в других общественных условиях. Она биологически взрослее, длительнее период обучения, что делает её более зависимой от поддержки родителей или государства.

Огромное влияние на формирование мировоззрения молодёжи оказывают средства массовой информации (в 60-70-ые годы 3 TV-программы и 5 радиостанций; сегодня – до 40 TV-каналов и бесчисленное количество радио-

программ, а также Internet). "Ни одно живущее в Германии поколение не было так "multikulturell sozialisiert", как сегодняшняя молодежь" [4].

Такого рода разноплановость интересов и устремлений молодежи представляет большой интерес не только для социологов и психологов, но и для лингвистов, исследующих особенности социальной дифференциации языка в молодежной среде.

Как уже отмечалось, значительную долю населения Германии составляет молодежь, представители которой используют в общении своеобразный жаргон, отличный от общепринятого стандарта. По этой теме накоплена обширная литература, однако лингвисты продолжают вести интенсивные разработки данной проблемы.

В социологической литературе нет пока единой точки зрения по вопросу о статусе молодежи и входящих в ее состав групп. Естественно и понятно, что молодежь – это не однородный объект, и изучать особенности речевой коммуникативной деятельности среди представителей данной общественной группы требуется с учетом фактов социальной дифференциации внутри нее. Поэтому вряд ли можно обозначить речевые особенности в молодежной среде в качестве "социолекта молодежи", как это делает А.В. Ролик. На сегодняшний день наиболее ясно сформировалось представление о двух социальных коллективах в среде молодежи – школьниках и студентах. Учитывая мнение социологов и лингвистов, рассматривающих школьников и студентов в качестве "слоя интеллигенции", "прослойки" или "социальных", "социально-демографических" и даже "социально-профессиональных" групп, можно сделать вывод, что школьники и студенты, не являясь носителями классовообразующих факторов, представляют собой, тем не менее, самостоятельные групповые общности производственного характера, служащие источником пополнения различных социальных слоев.

В рамках данного исследования принимался во внимание также тот факт, что процесс обучения школьников и студентов в средних и высших учебных заведениях, т.е. относительно длительное их пребывания в достаточно узком коллективе сверстников, объединенных совокупностью и единством социальных признаков, представляет специфический процесс социализации этих молодых людей.

Большое число школьников и студентов заявляют, что они испытывают определенные сложности, заметный языковой барьер в общении со старшими (родителями, учителями), а также с представителями других социальных групп. По данным социологического опроса, проведенного среди учащихся гимназии Граф Энгельберт в г. Бохум при поддержке министерства культуры федеральной земли Северный Рейн Вестфалия, 84 % старшеклассников отмечает, что и школьники и студенты употребляют в общении друг с другом особый жаргон, недоступный и непонятный многим представителям старшего поколения.

Данный факт нашел подтверждение и в беседах с учителями школы (сводный отчет опубликован в статье "Russischunterricht einmal ganz anders" в газете "Bochumer Stadtspiegel" от 17. 06. 1996). Материалы, соб-

ранные в ходе опроса учащихся старших классов и учителей Вальдорфских школ и гимназий в Гамбурге и Гейдельберге (285 школьников), а также студентов немецких университетов (более 300 опрошенных слушателей института иностранных языков земли Северный Рейн Вестфалия), дали аналогичные результаты.

Одной из основных черт юношеской психики (независимо от принадлежности подростка к определенной общественной группе) является жажда самовыражения. Этим и объясняется поиск собственных форм выражения, к которым наряду с одеждой, прическами, определенными жестами и ритуалами принадлежит также и молодежный социолект. Поведение подростка определяется прежде всего промежуточностью его положения. Переходя из детского мира во взрослый, подросток не принадлежит полностью ни к тому, ни к другому. Эта особенность его социальной ситуации проявляется не только в психике, для которой типичны внутренние противоречия, неопределенность уровня притязаний, повышенная застенчивость и одновременно агрессивность, склонность принимать крайние позиции и точки зрения, но и накладывает весомый отпечаток на языковые средства выражения своего отношения к окружающему миру:

Jeden Tag 'ne gute Tat:
Heute scheid ich auf den Staat .
Ich antworte mit einem entschiedenen Vielleicht.
Ich bin ganz meiner Meinung.
Ihr habt uns in Beton geboren.
Warum wundert ihr euch dass wir Steine
In den Händen halten?
Ich bin klein und gemein.
Der Student studiert,
Der Arbeiter arbeitet,
Der Chef scheffelt.

Любое общество, как отмечает И.Кон, представляет собой систему взаимодействия возрастных слоёв, а его развитие может быть представлено как последовательная смена и преемственность поколений. При этом преемственность поколений всегда избирательна. Одни ценности и нормы усваиваются предыдущими поколениями, а другие, которые не соответствуют изменившимся социальным условиям, отвергаются или же видоизменяются [8]. "Различия между поколениями (привычка к определённым, усвоенным в годы собственной юности стилю поведения, музыке, танцам и т.п.) усугубляются здесь возрастными: юношеская жажда новизны контрастирует с присущей зрелому возрасту ориентацией на стабильность" [9, с.98].

Подтверждения мы находим в речи немецкой молодёжи:

2) Ob Eltern oder keine, entscheiden wir alleine.
Lehrer sind Vorbilder und Bilder hängt man auf.
Wissen ist Macht, nichts wissen macht auch nichts.
Lieber sechs Stunden Uni am Tag als gar keinen Schlaf.

Ordnung ist das halbe Leben,
Ich lebe in der anderen Hälfte.
Wir sind nicht auf der Welt, um so zu sein,
Wie andere uns haben wollen.
Kommt Zeit, kommt Bart.

Именно стремлением к независимости можно объяснить наличие в молодежном социолекте таких лексических единиц, как Erzeuger вместо Vater, Regierung, die Alten, Oldies вместо Eltern; Bob, Chef вместо Lehrer, которые как бы символизируют пренебрежительное, насмешливое, критическое отношение к действительности.

Одна из главных тенденций переходного возраста – переориентация подростка и юноши с родителей и учителей на ровесников, более или менее равных себе по положению. И уличное общение, и спонтанные юношеские группы тесно связаны с особенностями юношеской субкультуры. При всей её расплывчатости юношеская субкультура, по мнению И. Кона, имеет несколько постоянных компонентов: специфический набор ценностей и норм поведения, вкусы, формы одежды и внешнего вида; чувство своей групповой общности и солидарности; характерную манеру поведения, способы общения и т.д. [9].

В юношеских увлечениях проявляется и реализуется чрезвычайно важное для формирующейся личности чувство принадлежности: чтобы быть вполне "своим", нужно и выглядеть "как все", и разделять общие увлечения. То же самое можно сказать и относительно молодёжного социолекта. Юношеское словотворчество часто воспринимается взрослыми как коверкание языка. Вводимые ими термины подчёркнуто условны, сплошь и рядом словам придаётся смысл, противоположный их нормальному значению:

" Eier " steht bekanntlich für Geld.

"Brot" steht für Bier.

"Ofen" – für Motorrad.

Юность всегда торопится, поэтому в её языке много сокращений, экономящих время и позволяющих (иногда в ущерб ясности) одним словом передать несколько значений:

"Bock" – positive Einstellung: Drauf hab'ich unheimlich Bock!

Negative Einstellung – "Null Bock"

"Verschwinde – Mach'n Abflug! Mach die Flatter! Mach'ne Fliege!

Многие слова изобретаются специально для передачи переживаний, которых взрослые не знают или которым не придают значения. Эта хитрая словесная игра служит также средством отделения "своих" от "посторонних" и укрепления столь ценимой юношами возрастно-групповой солидарности:

"Cannabis" – der Fachausdruck für Marihuana.

"tote Hose" – Bezeichnung dafür, dass nichts los ist.

"Torte" – Bezeichnung für ein recht hübsches Mädchen.

"Tonne" steht für Hundertmarkschein.

"Tante" – junges Mädchen.

Как показывают проведённые лингвистами исследования, особенности молодёжного языка проявляются практически на всех уровнях языковой системы. В то же время сам термин "молодёжь" с социологической точки зрения довольно неоднозначен, ибо современная точка зрения заключается в том, что молодёжь так же подвергается расслоению на отдельные социальные группы, как и взрослая часть населения.

Следовательно, при проведении лингвистического исследования языка немецкой молодёжи необходим комплексный подход: учёт как возрастных, так и стратификационных и ситуативных параметров, влияющих на характер языковой коммуникации.

Литература

1. Tatschen über Deutschland. Societats-Verlag, Frankfurt/Main. 1993. – S. 370–371.
2. Krüger T. Neue Diskussion über Jugendkriminalitat, in: dt. jugend, 45, Jg. 1997, H.6. – S.254-255.
3. Pfeiffer C. Strafrecht statt Judenhilfe? In "Die Zeit" vom 21.03.1997. – S.2.
4. Farin K. Mutter Coca Cola statt Vater Marx. Jugend und Zivilgesellschaft, in: dt. jugend, 45, Jg. 1997, H.7-8. – S. 309–314.
5. Ролик А. Социолект молодежи в системе современного немецкого языка ГДР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988. – С. 8-9.
6. Russischunterricht einmal ganz anders, in "Bochumer Stadtspiegel" vom 17. 06. 1996. – S.3.
7. Петренко А. Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1985. – С. 9-12.
8. Кон И. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 1980.
9. Кон И. Психология юношеского возраста. – М., 1979. – 98 с.

*Ю.А. Плотникова
Н.рук. Е.В. Бондаренко*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (По материалам Financial Times)

Заголовок в английских газетах играет весьма важную роль. Ведь он является первым сигналом, побуждающим нас читать газету или отложить ее в сторону. В лаконичной форме нужно не только передать основной смысл статьи, ее содержание, но и привлечь, заинтересовать читателя. Именно поэтому так важно журналисту правильно выбрать заголовок для своей публикации.

Важная роль заголовка в газете выражается в его многофункциональности, на которую указывают многие исследователи. Выделяют следующие основные функции заголовка: *графически – выделительная; рек-*

ламная – привлечь внимание читателя, заинтересовать; *информационная* – в краткой форме изложить содержание статьи; *оценочная* – выразить индивидуально-авторское отношение к информации, содержащейся в статье; *воздействующая* – оказать определенное влияние на читателя, внушить ему основную идею публикуемого материала.

Вышеперечисленные функции заголовков оказывают влияние на характер их оформления. Заголовки, как правило, написаны «телеграфным языком», т.е. с помощью максимально сжатых, предельно лаконичных фраз, в которых опущены все семантически второстепенные элементы. Вместе с тем, с целью обеспечения максимальной доходчивости, заголовки строятся на базе общеупотребительной лексики и простейших грамматических средств.

Рассмотрим некоторые специфические особенности английских заголовков, представляющих интерес для переводчика.

Для английских газет характерно преобладание глагольных заголовков, которые встречаются довольно редко в российской печати [2]. Поэтому английские глагольные заголовки передаются на русский язык безглагольными заголовками: *US beef faces long ban from Japanese market.* – *Запрет ввоза американской говядины в Японию.* *Countries pledge \$1.9bn in bird flu fight.* – *Пожертвование 1,9 миллиарда долларов на борьбу с птичьим гриппом.*

Переводчику следует постоянно иметь в виду и некоторые особенности употребления временных форм в заголовках. Когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом, обычно используется настоящее неопределенное время. При переводе на русский язык в тех случаях, когда приходится сохранять глагольность заголовков, часто сохраняется то же время.

Однако, если действие, указанное в заголовке, уже закончилось к моменту публикации материала, в русском переводе следует использовать прошедшее время [2]: *Russia accuses British diplomats of spying.* – *Россия обвинила британских дипломатов в шпионаже.*

Прошедшее неопределенное время употребляется в заголовках, относящихся к прошлым событиям в тех случаях, когда в заголовке есть обстоятельство времени, либо если читателю просто известно, что событие относится к прошлому. Перевод таких заголовков особой проблемы не представляет: *Terror leader plotted raid on Los Angeles.* *Террористический лидер планировал атаку Лос-Анджелеса.*

Для обозначения будущего времени в заголовках широко используется инфинитив. *US to monitor China trade compliance.* При переводе заголовков такого типа очень часто либо употребляется настоящее время глагола, в семантике которого заложена будущность. Например: *США собираются контролировать китайское торговое соответствие.* Либо прибегают к безглагольному заголовку с введением слова *предстоящий*, например: *Chirac to seek nuclear cooperation with India.* *Предстоящая попытка Ширака наладить нефтяное сотрудничество с Индией.*

Важной особенностью английских газетных заголовков является пространенность в них эллипсов [2, 3]. Особенно часто встречается опущение артикля, вспомогательного глагола *to be*, знаменательных глаголов, оборота *there is/are*: ***Putin (is) urged to liberalise Russian energy.*** Путин призвал снять ограничения на вывоз российского газа. ***Mobile industry looks to (the) third world.*** Индустрия мобильных телефонов – в странах третьего мира.

Отличительной особенностью английской «заголовочной лексики» является частое употребление жаргонизмов и других элементов разговорной лексики, чуждое для русских газет. В таких случаях при переводе следует использовать более нейтральную лексику [1]. ***China's virtual cops pinpoint web dissent.*** – Китайские виртуальные полицейские нацелены на борьбу с разногласиями во всемирной паутине.

Часто заголовки имеют образный характер [1]. ***Briton's heads are expanding.*** После обращения к тексту статьи становится понятным значения заголовка: *Объем мозга британцев увеличивается.*

Практически не представляется возможным перевести на русский язык игру слов [1]. ***To control a pandemic we must also control panic.*** Можно предложить следующий перевод этого заголовка: *Для подавления эпидемии необходимо подавить панику.*

Подводя итоги, можно отметить, что в силу ряда специфических особенностей английских газетных заголовков их перевод представляет трудность и требует навыка. Нередко необходимо предварительное ознакомление с содержанием текста статьи для правильного понимания значения заголовка. Английский газетный текст, известный своей лаконичностью, принимает в заголовках форму сжатых сообщений, построенных в отрывистом ритме. Русский перевод, сохраняя краткость, должен быть более плавным, как это свойственно и всему русскому газетному стилю в целом.

Литература

1. Комисаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа, 1965. – 268 с.
2. Паршин А. Теория и практика перевода. – М.: Русский язык, 2000. – 161 с.
3. Galperin I.R. Stylistic. – М.: Higher School Publishing House, 1977. – 344 с.

М.Г. Пугачёва
Н. рук. О.А. Моисеенко

О СООТНОШЕНИИ ПИСЬМА И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Среди четырех основных видов иноязычной речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение и письмо), обеспечивающих общезыковую подготовку и формирование языковой личности обучающегося,

письмо в теоретическом плане наименее осмысленно, а в методическом аспекте недостаточно разработано.

Может оказаться, что письмо в сравнении с другими видами речевой деятельности обладает «незначительным дидактическим потенциалом и поэтому «обречено на вечную роль Золушки» в изучении иностранных языков» [1]. И для теории, и для практики обучения иностранным языкам чрезвычайно важно получить ответ на данный вопрос.

Прежде всего выясним, какова роль письма в жизни современного человека и общества в целом.

Письмо как феномен культуры и образования и, одновременно, важнейший фактор их развития *является*:

1) надежным способом и средством хранения информации (например: в книгах, словарях);

2) важнейшим средством оперативной связи людей, находящихся в отдалении друг от друга (благодаря компьютеризации);

3) надежным способом межкультурного взаимодействия людей друг с другом (при условии владения этим средством: почта, письма);

4) способом и средством концептуализации знания (например, труды и работы, посвященные определенной теме) [2];

5) универсальным способом продуцирования и материализации нового знания (учебники);

6) важнейшим условием совершенствования устной формы общения (особенно говорения);

7) условием развития языкового (абстрактного) мышления человека [3];

8) условием развития самого иностранного языка (например, развитие синтаксиса языка связано исключительно с письменной формой речи) [4];

9) универсальным способом самовыражения личности;

10) способом интеллектуального обогащения и развития личности;

11) универсальным способом передачи культурно-исторического опыта от поколения к поколению;

12) одним из базовых условий существования социума, а также всех его институтов.

Очевидно, что человеческая жизнь существенно осложнилась бы, лишившись этого простого, но поистине бесценного дара тысячелетней истории человечества.

Изучая методическую литературу по иностранному языку, мы констатируем мысль о том, что овладение письменной речью на иностранном языке долгие годы не являлось целью обучения в школе в силу доминирующего положения устной речи в программах и, соответственно, не было отражено в отечественных УМК по иностранному языку. Письмо выступало лишь как средство обучения другим видам речевой деятельности, позволяющее учащимся лучше усвоить программный языковой материал, а также как средство контроля сформированности речевых навыков и умений обучающихся.

Между тем мы выяснили, что письменная форма общения в современном обществе выполняет важную коммуникативную функцию. Поэтому в настоящее время отношение к письму и обучению учащихся умениям выражать свои мысли в письменной форме резко изменилось. Письмо как цель обучения присутствует в программах для всех типов учебных учреждений, на всех этапах обучения иностранному языку.

Кратко разграничим понятия «письмо» и «письменная речь». В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой письмо определяется как «дополнительное к звуковой речи средство общения при помощи системы графических знаков, позволяющих фиксировать речь для передачи ее на расстояние, для сохранения ее произведений во времени» [5]. Таким образом, письмо – понятие более широкое, чем письменная речь и включает:

во-первых – графику – систему знаков-графем;

во-вторых – орфографию – правописание, систему правил использования знаков;

в-третьих – запись – письменную фиксацию языковых единиц разной протяженности;

в-четвертых – письменную речь – письменную фиксацию устного высказывания для решения определенной коммуникативной задачи.

В практике обучения «под письмом понимают технологический, или процессуальный аспект, а под письменной речью – сложную творческую деятельность, направленную на выражение мыслей в письменной форме» [6]. Каково же соотношение письма и письменной речи при обучении школьников иностранному языку на начальном этапе?

На начальном этапе обучения иностранному языку овладение графикой и орфографией составляет *цель* усвоения техники письма в новом для учащихся языке. Далее письмо рассматривается как важное *средство* в изучении языка: оно помогает прочному усвоению языкового материала (лексического, грамматического) и формированию навыков в чтении и устной речи. Естественно, свою вспомогательную функцию письмо может выполнять в том случае, если учащиеся усваивают технику письма: учатся писать буквы, овладевают орфографией слов. Сам же процесс овладения техникой письма на иностранном языке оказывает положительное воспитательное воздействие на учащихся, на развитие их памяти, волевых качеств и т.д.

Английский язык пользуется латинской графикой. Графика английского языка существует в двух вариантах: печатном и рукописном. Каждый в свою очередь имеет прописные и строчные буквы, поэтому каждая графема представлена набором алфавитных единиц. Сравнение этих вариантов показывает, что рукописный шрифт содержит много несоответствий с буквами печатного шрифта. Расхождение в печатном и рукописном шрифтах, а также сложности начертания букв письменного шрифта в определенной степени создают трудности при обучении письму младших школьников. Использование двух систем письма, которые не поддерживают друг друга из-за несоответствия между буквами разных шрифтов, отрицательно сказывается на овладении как письмом, так и

чтением. Поэтому в УМК по английскому языку предлагается полупечатный шрифт (print script), который облегчает овладение графикой.

Известно, что орфография языка может строиться:

– по фонетическому принципу – пиши, как говоришь. Опорой для написания является произношение;

– по морфологическому принципу, когда та или иная морфема на письме в родственных словах или формах сохраняет единый графический образ независимо от фонетических условий;

– по историческому или традиционному принципу, при котором написание отражает исчезнувшие нормы произношения, различные орфографические приемы, либо вообще являются случайными написаниями, традиционно закрепившимися.

Г.В. Рогова и И.Н. Верещагина выделяют 5 групп слов, орфографией которых необходимо овладеть учащимся.

К группе I относятся односложные слова с закрытым слогом типа **bed, not, sit**, подчиняющиеся фонетическому принципу орфографии. Это наиболее легкие с точки зрения написания слова. В этих словах число звуков и букв совпадает, что и обеспечивает быстрое установление устойчивых графемно-морфемных соответствий.

Группа II включает слова с открытым слогом типа **name, like** и др. Орфография этих слов сложнее, но наличие одной и той же «немой» **e** в конце слова облегчает правописание, поскольку основная гласная имеет свое алфавитное звучание.

Группу III составляют слова, содержащие буквосочетание гласной +**r**, например, **arm, form**.

К группе IV можно отнести слова, содержащие типичные буквосочетания гласных **ee, ea, oo, ou, oi, oy, ai, ay, ei, ey**, согласных **wh, wr** и др. Сложность написания слов этой группы состоит в том, что в них нет однозначных звукобуквенных соответствий.

Группа V анализируемого школьного лексического минимума составляет так называемую трудную группу слов, орфография которых подчинена историческому принципу написания, например, **busy, answer, two, daughter**. Овладение орфографией подобных слов возможно только на основе зрительных представлений при многократном повторении действий и установлении звукобуквенных соответствий [7].

Усвоение написания даже несложных слов вызывает у школьников на первых порах большие трудности. Для преодоления трудностей учащимися нужна длительная тренировка в чтении и письме, чтобы прочно усвоить графемно-фонемные соответствия. В целях облегчения овладения чтением и письмом учащиеся, как указывалось выше, пишут полупечатными буквами.

Для отработки навыков графики и орфографии целесообразно использовать следующую последовательность подачи материала при изучении новой буквы:

1. Написать звук (зукосочетание).
2. Перевести его в графический символ.

3. Написать слово.
4. Написать сочетание слов.
5. Написать предложение и так далее.

Таким образом, письмо может выполнять ту вспомогательную роль, которая ему отведена программой, при условии, конечно, что у учащегося вырабатываются необходимые графические и орфографические навыки. Они должны позволять ему пользоваться письмом (записью) при выполнении письменных заданий разной степени сложности – от простого списывания до заданий, требующих творческого подхода к решению поставленных в них задач, таких, как, например, озаглавить смысловые отрезки текста, написать вопросы к тексту и др.

Таким образом, определяя соотношение письма и письменной речи на начальном этапе обучения, мы приходим к мысли о том, что основной задачей является обучение письму, так как в этот период происходит формирование умений каллиграфии и умений, связанных со звукобуквенными соответствиями. Указанные умения представляют собой необходимое условие формирования чтения и письменной речи. Затем центр тяжести в работе над письмом переносится на орфографию в связи с накоплением нового языкового материала. Одновременно с этим развивается письменная речь, как средство, способствующее формированию умений и навыков устной речи.

На этом этапе учащиеся учатся выражать свои мысли в письменной форме на базе упражнений репродуктивного характера. В эту группу упражнений входит написание текста с опорой на образец (письма, открытки другу, сообщения).

Таким образом, в обучении английскому языку на начальном этапе письмо играет большую роль. Оно способствует более прочному усвоению лексико-грамматического материала, а также совершенствованию навыков в чтении и устной речи. Но чтобы исполнить эту важную роль, именно на начальном этапе и, в частности, на первом году обучения, учащиеся должны усвоить технику письма, научиться писать буквы и овладеть орфографией слов, усвоенных в устной речи и используемых в письменных упражнениях. С этой целью в УМК для начальных классов предусмотрены *рабочая тетрадь (Activity Book)* для самостоятельной работы учащихся; письменные задания начинаются с написания букв алфавита и транскрипционных значков и заканчиваются написанием письма другу в англоязычную страну.

Литература

1. Мазунова Л.К. К вопросу о системе обучения иноязычному письму в языковом вузе // ИЯШ. – 2005. – №4. – С. 9, 7.
2. Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983. – С. 23.
3. Амирова Т.А. К истории и теории морфемики. – М.: Наука, 1977. – С. 15.
4. Николаева Т.М. Письменная речь и специфика ее изучения // Вопросы языкознания. – 1963. – №3. – С. 20.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1966. – С. 323.

6. Методика обучения иностранным языкам в начальной и общеобразовательной школе / под ред. В.М.Филатова. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – С. 315.

7. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях. – М.: Просвещение, 1998. – С. 198–201.

С.И. Сокерчак
Н. рук. О.В. Балашова

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЖАНРА

Современная наука проникла во многие области жизни общества. Благодаря накопленному человечеством научному и культурному опыту, колоссальным техническим возможностям наука поднялась на качественно новую ступень. Отражение этого в сознании людей обуславливает интерес к научно-фантастическому жанру литературы и объясняет успех его развития.

Авторские неологизмы как средство выражения новых понятий образов, вводимых автором, являются неотъемлемой частью любого научно-фантастического произведения (неологизмы (от греч. нео... – новый и λόγος – слово) – новые слова или выражения, свежесть и необычность которых ясно ощущается носителями данного языка).

Для выявления и анализа неологизмов мною были выбраны следующие рассказы американского писателя-фантаста Рея Брэдбери: «И грянул гром», «Февраль 1999 Илла» (из «Марсианских хроник»).

Предложенная Огородниковой Е.С. классификация неологизмов придерживается традиционного деления на инновации языка (собственно неологизмы, семантические неологизмы, лексические неологизмы) и инновации речи (лексические и семантические окказионализмы; лексические и семантические квазинеологизмы). Так как целью является рассмотрение слов и выражений, созданных писателями-фантастами, следует подробнее остановиться на речевых неологизмах. Речевые неологизмы подразделяются на окказиональные неологизмы и квазинеологизмы. В зависимости от соотношения категорий новизны формы и содержания, они могут являться лексическими или семантическими.

Лексические окказионализмы (ЛО) часто создаются поэтами, писателями, журналистами с целью придания определённого стилистического оттенка своим текстам. В произведениях фантастики ЛО призваны поддерживать созданный автором образ чужого мира или другого времени. Они передают знакомые нам понятия другими словами. В зависимости от того, в каком из жанров фантастики написано то или иное произведение, ЛО могут нести нейтральный или юмористический оттенок, либо походить на научный термин. Например, anti-everything man – «этот тип против всего на свете» (Bradbury “A Sound of Thunder”). К этой же категории можно отнести имена людей и существ, встречающиеся в фантастических романах. Рождая

в своём воображении космических героев будущего, фантастических монстров или волшебников, писатель не всегда может без ущерба для образности своего произведения дать персонажам обыденные имена. Поэтому зачастую личные имена или прозвища действующих лиц в таких романах являются окказиональными. К примеру, в рассказе Bradbury “February 1999: Ylla” имена и фамилии главных героев-марсиан такие как Mr. K, Mrs. K, Ylla, Yll, Nlle, отражают общую атмосферу упорядоченности, рациональности, монотонности жизни на Марсе. А имя диктатора Deutscher в рассказе Bradbury “A Sound of Thunder” отражает его принадлежность к немецкой нации, его поведение рождает ассоциации с немецким диктатором Гитлером.

Семантические окказионализмы (СО) это новые значения слов, употребляемые (как и предыдущая категория – лексические окказионализмы) только в определённом контексте (художественного произведения, газетной статьи и т.д.) и образованные с целью придания какого-либо стилистического оттенка. Например: hunters – охотники, путешествующие в поисках «дичи» в прошлое, path – устройство для передвижения по земле в прошлом в виде тропинки. Эти слова хорошо знакомы читателю, но в контексте произведения они приобретают несколько иной оттенок значения.

Лексические (ЛК) и семантические квазинеологизмы (СК) имеют важную отличительную черту, отделяющую их от лексических и семантических неологизмов и окказионализмов: они называют не существующие объекты, созданные воображением писателей, или объекты, которые могут появиться в будущем, о чём свидетельствуют научные исследования.

Лексические квазинеологизмы: Time Safary (Сафари во времени), electric spider (электронный паук), metal insect (металлическое насекомое), magnetic dust (магнитная пыль), wine trees (винные деревья), fire table (огненный стол для приготовления пищи).

Семантические квазинеологизмы: bees – огромные хищные животные, на которых ведётся охота.

ЛК и СК в произведениях фантастики не всегда привлекают внимание читателя, в отличие от рассмотренных выше категорий неологизмов ввиду своей более низкой окказиональности. Зачастую это слова, очень похожие на узуальные. Они действительно узуальны в воображаемом мире художественного произведения, поэтому авторы стремятся создать их по образу существующих в языке названий или терминов. Иногда писатели не «изобретают» новых слов, а только меняют, каким-либо образом маркируют их на письме: заключают в кавычки, выделяют курсивом или прописными буквами. Эти маркеры должны сигнализировать читателю, что выделенные слова употреблены в несколько ином значении, чем те, которые определены словарями русского языка.

Названия организаций, сообществ, механизмов, приборов, научных направлений, состояний, характеристик, качеств и т.д. также представляют собой чаще всего лексические и реже – семантические квазинеологизмы.

Если рассмотреть неологизмы фантастики с точки зрения их семантики, то можно выделить ряд семантических полей. В том числе:

- имена и прозвища людей и существ: Mr. K, Mrs. K, Ylla, Yll, Nlle, Deutscher;
- названия населённых пунктов: Xi City, Bao, Green Valley, Blue Mountains;
- названия физических и природных явлений: Chemical Fire, Silver Lava;
- названия профессий, специализаций и видов деятельности: Safari Leaders, Hunters;
- названия веществ и предметов: magnetic dust, fire table;
- названия видов оружия и доспехов: paint bomb;
- названия рас и национальностей: Martian;
- названия средств и способов транспортировки: time machine, flame bird.

Научно-фантастический жанр предполагает введение автором новых понятий, характеризующих созданный писателем несуществующий волшебный мир, либо вероятный мир будущего. Средством выражения новых понятий, образов, вводимых автором, являются авторские неологизмы, отличающиеся многообразием видов и особенностями их употребления.

Литература

1. Огородникова Е.С. Об особенностях окказиональных неологизмов и квази-неологизмов в произведениях фантастики // Разноразмерные черты языковых и речевых явлений: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. VIII. Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2005. – С. 119–125.
2. Огородникова Е.С. К проблеме классификации нового слова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 2. Междунар. сб. науч. тр. Пятигорский государственный лингвистический университет. – М.: Пятигорск, 2005. – С. 89–100.
3. Ray Bradbury. A Sound of Thunder. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2005.
4. Ray Bradbury .Martian Chronicles. – М.: Spectra, 1984.

*И.Э. Федюнина
Н. рук. О.Н. Прохорова*

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ОБМАН» С ПОМОЩЬЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Одна из важнейших задач когнитивной лингвистики состоит в выявлении роли языка как условия и орудия познания, в построении модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями. Когнитивная лингвистика «нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания» [3, с. 13].

Главным объектом исследования когнитивной лингвистики является концепт. В.А. Маслова определяет концепт как ментальную сущность, отражающую знания и опыт человека, а также как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и определенным обра-

зом характеризующее носителей данной этнокультуры [3]. Познание, собственно, и есть процесс порождения и трансформации концептов. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для носителя языка знания о мире и отброшено несущественное. Анализ концепта и исследование концептуального устройства языка позволяют получить достаточно достоверную, надежную информацию об универсальных и индивидуальных чертах мировидения любого народа.

С понятием «концепт» тесно связано понятие «языковая картина мира» (ЯКМ). Каждый носитель языка – это носитель определенных концептуальных систем. Система концептов и образует КМ (мировидение, мировосприятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого и мыслится мир. Так как каждый язык имеет свою специфику, возникают и специфические ЯКМ у представителей различных народов – национальные ЯКМ. Это, разумеется, не значит, что Язык «выстраивает» разные КМ и что у носителей разных языков разные типы мышления. Язык лишь придает специфическую окраску, национальный колорит как результат культурных различий. Именно ЯКМ обуславливает коммуникативное поведение человека, восприятие им внешнего мира и, до определенной степени, дает понимание внутреннего мира носителей языка, необходимое для осуществления межкультурной коммуникации.

Поэтому сегодня очевидна актуальность поиска эффективных способов описания базовых концептов и выявления особенностей ЯКМ разных народов. На наш взгляд, эти особенности наиболее полно раскрываются при сопоставлении.

Объектом нашего исследования послужил концепт ОБМАН. Такой выбор был не случаен. ОБМАН – один из самых древних, сложных и противоречивых концептов, вызывающий огромный интерес философов, психологов, лингвокультурологов и т. д. Кроме того, исследования показывают, что различия в восприятии и оценке данного явления создают трудности в межкультурной коммуникации, приводя к появлению таких стереотипов как «Russians are constantly lying», «Англичане неискренни и лицемерны» и т. д.

Наиболее эффективным средством раскрытия концепта ОБМАН и особенностей ЯКМ, репрезентирующих его в русском, английском и немецком языках (РЯ, АЯ и НЯ) мы сочли фразеологические единицы (ФЕ). Во-первых, в ФЕ «наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и культурной жизнью народа» [5, с. 83]. Во-вторых, ФЕ носят метафорический, образный характер и, в отличие от нейтральной лексики, обладают огромным коннотативным потенциалом, являясь средством выражения чувств, эмоциональных оценок и ярких характеристик явлений, предметов и человека. По мнению В.Ф. Петренко, ФЕ можно рассматривать как некоторую форму рефлексии внеязыковой действительности, отражения человеческих отношений, восприятия другого [4].

В результате исследования были выделены следующие сферы (категории), составляющие концептуальное поле ОБМАНА.

– ДЕЗИНФОРМАЦИЯ (ее репрезентируют такие ФЕ как *вешать лапшу на уши*, *втирать очки* (РЯ), *to pull smb's leg*, *to double-cross smb* (АЯ), *j-m ins Gehirn spucken* (НЯ) и др.)

– КЛЕВЕТА (*обливать кого-л. грязью* (РЯ), *to lay the blame at smb's door* (АЯ), *j-m eins auswischen* (НЯ) и др.)

– ИЖДИВЕНЧЕСТВО, ИЗБЕГАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (*на чужом горбу в рай въезжать* (РЯ), *to dodge the column* (АЯ), *seinen Suppchen am Feuer anderer kochen* (НЯ) и др.)

– ВЫМЫСЕЛ (*рассказывать охотничьи басни* (РЯ), *to tell cock-and-bull stories* (АЯ), *Garn spinnen* (НЯ) и др.)

– УКЛОНЧИВОСТЬ (*морочить голову* (РЯ), *to do the snow job on smb* (АЯ), *blauen Dunst vormachen* (НЯ) и др.)

– ДВУЛИЧИЕ, ЛИЦЕМЕРИЕ (*работать на два лагеря* (РЯ), *to carry water on both shoulders* (АЯ), *zweileisig fahren* (НЯ) и др.)

Ядром концептуального поля ОБМАНА во всех трех языках является сфера ДЕЗИНФОРМАЦИЯ, остальные категории можно назвать ядерными, или смежными. Исследование восприятия и эмоциональной оценки различных «разновидностей» обмана дало интересные результаты. Однозначно негативное отношение прослеживается лишь к ДВУЛИЧИЮ, КЛЕВЕТЕ, ПРЕДАТЕЛЬСТВУ (во всех трех языках) и к разного рода ИЖДИВЕНЧЕСТВУ (в НЯ). Большинство ФЕ, объективирующих эти сферы, несут отрицательную коннотацию.

Ты докажи, раз начал... Если соврал – зачем врешь? Зачем грязью людей поливаешь? [2, с. 74].

They acted in bad faith using my name to bolster up their dishonest scheme. [7, с. 128].

Manche Menschen verstehen es großartig, ihr Süppchen am Feuer anderer zu kochen. Die anderen haben die Ideen, und sie selbst scheffeln das Geld. [1, с. 426]

В оценке остальных сфер наблюдается флуктуация, т. е. отношение может быть отрицательным, терпимым или даже положительным в зависимости от ситуации и менталитета носителей языка. Последнее особенно характерно для русской культуры.

– Любую хитрейшую бестию вокруг пальца обведет, – улыбнулся Раевский, – молодец ваш Алексей Петрович! [2]

Заслуживает внимания также отношение к жертве обмана. Она чаще вызывает презрение, чем сочувствие. Четко прослеживается следующая тенденция: обманутый отчасти сам виноват в том, что его обманули, т. к. оказался слишком глуп, доверчив и т. п. Иными словами, обманывают лишь того, кто позволяет себя обманывать. Особенно ярко эта установка заметна в НЯ, где многие ФЕ употребляются с оборотом *sich(...) lassen*, т.е. *позволить себя (обмануть)*.

Sei kein Dummkopf! Laß dich nicht ins Gehirn spucken. [8, с. 179]

Вы не запудрите мне мозги! Я вам не Настасья. У меня есть глаза. У вас на лбу написано. Что вы решили поживиться. [6, с. 151]

Столь же неоднозначно восприятие ПРАВДЫ, являющейся, на первый взгляд, антиподом ОБМАНА. Многие ФЕ, репрезентирующие такие понятия как «правда», честность», «прямота», несут в своем значении сему травматичности, агрессии (*Правда глаза колет*, *резать правду-матку*, *to hit from the shoulder*, *Wahrheit bringt Naß*)

Особенно четко проявляется противоречивая оценка ПРАВДЫ в русских пословицах и поговорках: *Правда груба, да Богу любя, Все минется, одна правда останется*, но, вместе с тем, *Хороша святая правда, да в люди не годится, С кривдой жить не хочется, с правдою не можется* и т. п.

ПРЯМОТА, ЧЕСТНОСТЬ позитивно воспринимаются в НЯ, но ФЕ АЯ и РЯ чаще репрезентируют их негативные последствия – дискомфорт, страдания, разрушение межличностных отношений

“It was Elsa who insisted on spilling the beans...but she did at least want to be honest”. “A lot of additional pain and grief is caused by honesty”. [7, с. 67].

– Нам было так хорошо... теперь не будет так... вы увидите. То есть пока мы не назвали вещей своими именами? [2, с. 68]

Находит отражение и тот факт, что честность не способствует успеху в делах (*В трудах праведных не наживешь палат каменных, Honour and profit lie not in one sack* и т. д.)

ЯКМ, репрезентирующие восприятие ОБМАНА и ПРАВДЫ в РЯ, АЯ и НЯ, в целом можно представить в виде схемы-таблицы, где знак + означает позитивную оценку, знак – - негативную и знак = - флуктуирующую.

РЯ

+	=	–
• «излияние души»	←———— соккрытие —————→ ←———— нарушение закона —————→	• двуличие, лицемерие
• «красивый» вымысел	←———— обман в бизнесе —————→ ←———— обман ожиданий —————→	• ненадежность, предательство
• правда (абстр.)	←———— уклончивость —————→ ←———— дезинформация —————→	• «бестактная», унижающая правда
• «белая ложь»	←———— лесть —————→ ←———— прямота —————→	• клевета • ложь в интимно-личностной сфере

АЯ

+	=	–
• безобидный вымысел	←———— соккрытие —————→ ←———— нарушение закона —————→	• двуличие, лицемерие • ненадежность, предательство
• «белая ложь»	←———— обман в бизнесе —————→ ←———— обман ожиданий —————→	• клевета
• социальная ложь	←———— уклончивость —————→ ←———— дезинформация —————→ ←———— лесть —————→ ←———— прямота —————→ ←———— откровенность —————→	• самообман • откровенность в интимно-личностной сфере

НЯ

+	=	–
---	---	---

• прямота	←	сокрытие	→	• двуличие, лицемерие
• «белая ложь»	←-----	нарушение закона	→	• ненадежность, пре-
	←-----	обман в бизнесе	→	дательство
	←	обман ожиданий	→	• клевета
	←	откровенность	-----▶	• самообман, довер-
	←-----	дезинформация	→	чивость
	←	лесть	-----▶	• иждивенчество, из-
	←	вымысел	→	бегание ответственно-
				ности
				• уклончивость

Очевидно, что оценочной оппозиции, в которой ОБМАН во всех своих проявлениях находился бы на негативном полюсе восприятия, а ПРАВДА – на позитивном, не существует. Одни сферы концепта ОБМАН воспринимаются негативно, другие – терпимо и даже позитивно, большинство же их располагается в нейтральной зоне, т. е. их оценка флуктуирует, тяготея, в зависимости от ситуации и особенностей менталитета носителей языка, к позитивному или негативному полюсу.

Итак, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Традиционно считаясь негативным явлением, ОБМАН, тем не менее, получает неоднозначную оценку, а его категории по-разному воспринимаются носителями РЯ, АЯ и НЯ, что обусловлено, на наш взгляд, особенностями исторического развития и социокультурных традиций, накладывающих определенный отпечаток на национальный менталитет. Фразеологизмы же действительно являются эффективным средством раскрытия данного концепта, позволяя не только выделить и описать его сферы, но и отразить сходства и различия в восприятии и оценке ОБМАНА носителями разных культур. Разумеется, полное раскрытие концепта ОБМАН требует комплексного подхода. Уяснение же сущности ОБМАНА как психического феномена позволит углубить представления о природе естественной коммуникации и мышления человека в целом.

Литература

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 704 с.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Устинова Т.В. Хроника гнусных времен: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – 352 с.

7. Christie A. Five Little Pigs. – New York: Berkley edition, 1984. – 216 p.
8. Kosalik H.G. Schicksal aus zweiter Hand. – Berlin, Der Goldmann Verlag, 1984. – 313 S.

*Т.В. Черноиванова
Н. рук. О.В. Кузьмина*

АНАЛИЗ ПУТЕЙ ИНТЕГРАЦИИ И СПОСОБОВ АССИМИЛЯЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Германия, являясь частью объединённой Европы, неминуемо подвергается процессам, происходящим внутри этого сообщества. Это и политическое взаимодействие, и экономическое единство, и, естественно, языковая интерференция. И, как правило, взаимодействие английского и немецкого языков характеризуется расширением ареала влияния именно английского языка. С каждым годом появляется все больше слов, заимствованных в немецкий язык из английского.

Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [1, с. 158].

Заимствование происходит двумя путями: устным – через разговорное общение, в условиях контакта с носителями другого языка, и письменным – через книги, периодическую литературу, официальные документы и т.д.

Мы выявили причины, ведущие к активному перенесению слов английского языка в немецкий, и проследили те изменения, которые происходят со словами, перенесенными в немецкий язык.

Все выявленные причины заимствований были разделены на две группы: экстралингвистические причины и собственно лингвистические причины.

Экстралингвистические причины:

1. Преобладание в официальной пропаганде объединительных тенденций.

2. Переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов на общечеловеческие.

3. Осознание себя как части одной общности (европейской) в области культуры, политики, экономики и т.д.

Лингвистические причины:

1. Необходимость в обозначении новых предметов, лиц, местностей, понятий, например, *online, Snowboard, Rock*.

2. Низкая частотность слов родного языка, в связи с чем для удобства перенимается иностранное слово, например, *geselliger Abend, Abendgesellschaft – Party*.

3. Наличие вредной омонимии (слово заимствуется с целью найти выход из столкновения омонимов), например *das Laden* – погрузка и *der Laden* – магазин. Предложение типа „*Die Ware ist im Laden*“ может быть переведено двояко: «товар в магазине» или «товар грузят». Во избежание подобной ситуации целесообразно заменить немецкое *Laden* (магазин) заимствованным *Shop*.

4. Тенденция аффективных слов терять свою выразительность. В некоторых семантических полях ощущается постоянная потребность в синонимах. Когда такие синонимы обнаруживаются в другом языке, их охотно перенимают, например, вместо немецкого *Liebling* часто используются англицизмы *Lover, Darling, Boyfriend*. Посредством заимствования может также удовлетворяться постоянная потребность языка в эвфемизмах и жаргонных выражениях, например, слово *Womanizer*, используемое вместо исконного *Schürzenjäger*.

В немецком языке не появляется понятия «отчуждённости» неологизма. Слово постепенно органически вливается в язык-реципиент. Процесс вхождения и приспособления иноязычной единицы к системе языка – рецептора, заключающийся в приобретении её вторичной формы, релевантной именно для данного языка, называется интеграцией заимствования. Заимствованная лексика на каждом этапе развития языка может быть разделена на две группы:

1) единицы кодифицированные, вошедшие в словари, признанные полноправными лексемами литературного языка (*das Outfit, der Boss, die Party*);

2) слова, употребляемые в текстах (литературных, публицистических, научных, деловых), но пока не нашедшие отражения в словарях. Широко употребляемые в речи, они проходят этап письменной фиксации более или менее быстро и включаются в словари (*Curl, Trading*).

Охотно принятые новые слова активно включаются в процесс дальнейшего словообразования. Наиболее часто встречающаяся словообразовательная модель – словосложение, причем английское слово присоединяет к себе как немецкие, так и английские слова, а так же слова из других языков: *Webseite, Web-Inhalt, Software-Ingenieur, Online-Dienst*.

При переходе из одного языка в другой слово обязательно подвергается ассимиляции. Оно может терять или приобретать какие-либо грамматические категории, изменять фонетический облик и содержательную сторону. Поскольку система фонем английского и немецкого языков различна, возникает закономерный вопрос: как будет произноситься заимствованное слово? Как правило, англицизмы в немецком языке сохраняют свой фонетический облик.

При переносе слова в языке появляется и новая фонема. Это фиксируется словарем заимствований и отмечается в устной речи носителей языка. Ярким примером является произнесение слов *Web, Manager, Thanksgiving Day, Girl, Newcomer, Job* на английский манер [web], [mænidʒə], [θæŋksgivɪŋdeɪ], [gz:l], [nju:kʌmɐ], [djɒp].

Грамматическая ассимиляция затрагивает все части речи: глаголы получают личные окончания, прилагательные склоняются, существительные приобретают категорию рода.

Определение грамматического рода может происходить по форме и по значению заимствованных английских существительных.

По значению:

– в соответствии с биологическим полом обозначаемого: *der Boy, der Chef*;

– по наследству от замещаемых немецких слов: *das Mädchen – das Girl, der Laden – der Shop*.

По форме:

– существительные, оканчивающиеся на *-ing* получают средний род: *das Yachting, das Peeling, das Shopping*;

– существительные, оканчивающиеся на *-y* относятся к женскому роду: *die Ability, die Story, die Party* (исключение составляют слова *das Handy, das Hobby*);

– существительные, оканчивающиеся на *-er* получают мужской род: *der Fatburner, der Volumenkiller*.

В немецком языке у существительных существует два маркера родительного падежа: артикль и суффикс (для среднего и мужского родов). У многих заимствованных существительных для передачи формы родительного падежа используется описательная форма, образуемая при помощи предлога *von*. В английском языке также имеется аналитическая форма притяжательного падежа, образуемая при помощи предлога *of*. Видимо, именно по аналогии с этой формой англицизмы образуют родительный падеж в немецком языке: “*Die nach einem Anpuff vom Boss in Tränen ausbrechen?*” [2, с. 10].

Многие английские существительные сохраняют форму множественного числа при переходе в немецкий язык. Она образуется простым прибавлением суффикса *-s*: *Bodylotions, Outfits, Cuts*. Исключение составляют слова, оканчивающиеся на *-er*: *der Killer – die Killer*.

Заимствованные прилагательные ведут себя в языке-реципиенте так же, как и исконные немецкие слова. Они получают суффиксы при склонении и образуют формы степеней сравнения по тем же правилам: *drei simple Rezepte, die zehn coolsten Musiker*.

Английские глаголы при переносе в немецкий язык получают окончание *-en*: *jobben, joggen, charten, surfen*. При образовании форм прошедшего времени глаголы изменяются по слабому типу: “*Nach jedem Tag, an dem man gejoggt hat, sollte man einen Tag Ruhe einplanen, so dass der Körper sich regenerieren kann*” [4, с. 17].

Рассматривая немецко-английское взаимодействие, следует сказать о том, что слова, перешедшие из английского языка в немецкий, могут быть полностью или частично идентичны. Под полной идентичностью мы подразумеваем фонетическую и содержательную эквивалентность лексических единиц, т.е. полностью идентичная лексема сохраняет свой фонетический облик и семантическое содержание. Частично идентичные слова

претерпевают изменения либо материальной формы (звучания), либо лексико-семантических характеристик (значения). Примерами полностью идентичных слов могут служить следующие: *der Trend, der Job, das Management*; частично идентичных: *high* (изменение значения). В языке-доноре последнее слово имеет основное значение «высокий» и, как одно из второстепенных сленговых значений, «возбужденный, под кайфом». Немецкий словарь заимствований фиксирует только это одно последнее значение: «*in Rauschmittel-euphorie*» [3, с. 220].

В заключение следует отметить, что заимствования способствуют обогащению словарного состава заимствующего языка. Однако злоупотребление иноязычными словами, неоправданное использование их без необходимости приводит к засорению литературного языка.

Литература

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. *Freundin*. – 2005. – №17.
3. *Neues grosses Wörterbuch. Fremdwörter*. Buch und Zeit Verlagsgesellschaft mbH. – Köln, 2003.
4. *Unicum Beruf. Das Magazin für Einstieg und Aufstieg*. – 2002. – №5.

*А.Ю. Щербинина
Н. рук. Н.А. Карнаухова*

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К ПРЕДМЕТУ НА ОСНОВЕ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Образование в настоящее время становится более интернациональным, многоязычным и поликультурным. Большое количество студентов овладевают иностранным языком, читая книги, газеты, журналы на иностранном языке. Часть дисциплин в лингвистических вузах в соответствии с Государственным образовательным стандартом нового поколения преподаётся на изучаемом иностранном языке. Студенты получают доступ к иноязычным материалам через глобальную сеть Internet, общаются с носителями языка, слушают музыку, знакомятся с предметами искусства, таким образом приобщаясь к культуре стран изучаемых языков. А это значит, что овладение иностранным языком способствует пониманию иных культур. В то же время, познавая культуру страны изучаемого языка, гораздо глубже проникаешь в суть самого языка и понимаешь его значительно лучше. Следует также отметить, что и культура собственной страны раскрывается в новом свете, когда смотришь на неё как бы через призму иных страноведческих реалий.

Как утверждает А.В. Вартанов, обучение иноязычной культуре сегодня сводится, как правило, к выявлению страноведческой информации

и “снятию культурологических трудностей”, которое осуществляется через объяснение страноведческих реалий.

В пример можно привести французов. В Париже, входя в любое общественное заведение, будь то магазин, ресторан или даже общественный транспорт, человек здоровается со всеми находящимися там людьми. Это совершенно нормально и воспринимается как само собой разумеющееся. Однако русского человека, не знающего об этом, такое поведение может слегка шокировать. Трудно себе представить, чтобы у нас человек здоровался со всеми присутствующими в автобусе или магазине. Таким образом, можно сделать вывод, что совершенно необходимо объяснять человеку страноведческие реалии страны изучаемого языка.

Люди изучают иностранный язык на протяжении многих столетий, но только последние годы это социальное явление переживает настоящий бум. Социальный заказ заставляет образовательные структуры расширять сферу услуг по изучению иных культур через языки, параллельно развиваются исследования в этой области.

Краткий экскурс в историю обучения иностранным языкам даёт представление о его динамике. В Европе показателен пример Германии, в которой на разных исторических этапах подход к преподаванию иностранных языков был различным и менялся в зависимости от потребностей общества, которыми и определяются цели обучения иностранному языку.

На современном этапе в изучении иностранных языков всё больше преобладает тенденция к коммуникации, обмену информацией с носителями языка, что, на мой взгляд, невозможно без изучения культуры и быта другой страны.

Р.В. Хохлова в своей статье “Особенности восприятия культуры страны изучаемого языка” отмечает, что политика европейского единения потребовала расширенного изучения языков. Образовательные концепции этого периода выдвинули на передний план анализ стереотипов, демонтаж предрассудков. В учебных планах появились контуры нового предмета – страноведения. Таким образом, культуроведческие образовательные концепции уступают место страноведческим, а в основание процесса преподавания иностранных языков ложится новый принцип – страноведческий. Он определяет субъективную ориентацию педагога и реализуется не только в учебной аудитории, но и за её пределами, интегрируя взаимообмен и культурное сотрудничество с носителями языка. В опоре на этот принцип изучение иностранных языков не ограничивается знакомством с государственными структурами и социальными институтами, а охватывает всё культурное пространство страны изучаемого языка со всеми его особенностями и контрастами, с национальными и региональными феноменами.

На наш взгляд, страноведческий материал, дающий представление о повседневной жизни другой страны, может явиться мощным стимулом для изучения иностранного языка. Ведь небезынтересно знать, чем же на самом деле отличается жизнь одной нации от другой; действительно ли во Франции пьют много вина и приветствуют каждого встречного, а в Анг-

лии без конца льют дожди. Бесспорным является тот факт, что взаимопонимание с иноязычным коммуникантом может быть достигнуто лишь тогда, когда собеседник имеет представление о видении картины мира носителя другого языка. Однако следует отметить, что при изучении другой культуры, совершенно необходимо знать и понимать родную культуру.

Её изучение является неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранному языку и культуре, так как она является ключом к пониманию культуры иностранной. В самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное взаимодействие представителей различных общностей с учётом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения изучаемой и собственной культур. Обучать культуре страны изучаемого языка означает учить узнавать, понимать, оценивать коммуникантов, постигать другие народы посредством языка, в результате чего мы начинаем лучше познавать и себя. Установлено, что контакт культур и менталитетов через языки (родной и изучаемый) обеспечивается достаточным уровнем владения другим языком и культурой. Изучение иностранной культуры посредством языка становится возможным только на сформировавшейся национально-культурной базе родного языка. Следовательно, родная культура является той базой, которая делает возможным приобщение личности к культуре другого народа, изучению и пониманию её с помощью языка.

Таким образом, можно выделить цели изучения иностранного языка на основе страноведческого материала:

- 1) *приобщение и изучение другой страны;*
- 2) *понимание родной культуры через культуру другой страны;*
- 3) *более глубокое понимание языка как своего, так и изучаемого иностранного.*

Несколько слов хочется сказать о таком предмете, как страноведение в вузах и школах. Если раньше этот предмет существовал исключительно в высших учебных заведениях, то теперь его элемент в значительной степени вводится и в школьную программу. Кабинеты и аудитории иностранных языков в школах оснащены аудиовизуальными средствами обучения страноведческого характера: различные книги, плакаты, иллюстрации, карты, фильмы, газеты и журналы; всё это, я считаю, может заинтересовать и помочь в изучении языка. Ролевые игры, основанные на страноведческом материале, помогают лучше понять обычаи и традиции того или иного народа, когда учащийся на основе полученных знаний по страноведению и, используя иностранный язык, пытается, как бы пропустить всё через себя.

На начальных этапах обучения иностранному языку интерес к предмету появляется сам по себе, желание узнать что-то новое является основным мотивом, однако позже интерес падает, если обучение сводится исключительно к грамматике, фонетике и лексике языка. В этом случае и приходит на помощь страноведение и изучение культуры и повседневной жизни в стране изучаемого языка, который, как уже было отмечено выше, не только интересно, но и необходимо для понимания собеседника.

Более того, страноведение должно стать неотъемлемой частью изучения иностранного языка ещё и потому, что существует опасность возникновения прагматической интерференции; в широком смысле это означает перенос навыков общения и поведения, усвоенных на родном языке, на язык иностранный. И как следствие – ошибки в вербальном и невербальном поведении, которые часто не осознаются иностранцами, но на которые очень чутко и даже болезненно могут реагировать его собеседники – носители языка. Ярким примером может служить эпизод, произошедший с французским журналистом в Афганистане. Переодевшись в женское платье и скрывшись чадрой, журналист тем не менее был немедленно опознан и схвачен талибами, которые готовы были его казнить. А причиной его разоблачения было нарушение им норм поведения мусульманской женщины, не имеющей права проходить между двумя говорящими мужчинами.

Как видно, ошибки и даже просто нарушения прагматических норм, принятых в том или ином обществе, могут вести к недоразумениям и даже конфликтам. Некоторые лингвисты считают, что диалог между двумя представителями разных культур чаще терпит фиаско не из-за чисто языковых факторов, а из-за незнания культурного фона.

В заключение хотелось бы определить понятие “культура” как предмет изучения на основе страноведческого материала и привести примеры, демонстрирующие различия между двумя культурами. Согласно С.Г. Тер-Минасовой, изучение иноязычной культуры подразумевает усвоение разнообразных познавательных сведений об истории, литературе, архитектуре, быте, нравах, обычаях и ритуалах народа страны изучаемого языка, а также его менталитете и мировоззрении.

Так, говоря о ритуалах и церемониях, хочу упомянуть процедуру принятия гостей в Англии. Там большое внимание уделяется не столько обилию блюд, как у нас, а сервировке, посуде, которая должна быть изысканной и выдержанной в определённом стиле. Гости собираются скорее для того, чтобы пообщаться, а не поесть; причём общение происходит перед тем как сесть за стол. Пока гости беседуют, немного выпивая, хозяйка накрывает на стол. Темы для беседы обычно являются погода, кризисы, газетные новости, но ни в коем случае не личная жизнь и семейные проблемы.

Рассаживать гостей за столом – это тоже целое искусство. Необходимо учесть их пол, профессию и языковые различия.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение страноведческого материала в процессе обучения иностранному языку не только увлекательно, но и совершенно необходимо во избежание возникновения конфликтных и казусных ситуаций между различными коммуникантами.

Литература

1. Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранный язык в школе. – 2000. – №5. – С. 72–77.
2. Орехова И.А. Формирование лингвокультурологической компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Иностранный язык в школе. – 2004. – №5. – С. 28–31.
3. Сысоев П.В. Культурное самоопределение учащихся в условиях языкового поликультурного образования // Иностранный язык в школе. – 2004. – №4. – С. 14–21.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО В ЭТНОЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОЭТОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ

В последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание» – оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др. Однако до сих пор этот термин интерпретируется по-разному. Например, И.А. Стернин определяет языковое сознание как «психические механизмы порождения, восприятия и хранения языка в сознании» [7, с. 3]. Фактически это совокупность всех знаний человека о своем языке, существование которого невозможно без погружения в контекст культуры. Язык – сердцевина культуры. Так, Н.Ф. Алефиренко называет язык – «приводящим ремнем» культуры, её пятым элементом, стихией, естественной средой её обитания» [1, с. 270].

Русский мыслитель С.Н. Булгаков писал: «В языке мы имеем неисчерпаемую сокровищницу возможностей культуры, а вместе с тем отражение и создание души народной...» [5, с. 9]. Таким образом, черты характера народа становятся характерными признаками самого языка, поэтому целесообразно применять понятие «этноязыковое сознание». Как отмечают В.Г. Бабаков и В.М. Семенов, «этноязыковое сознание представляет собой комплекс представлений, идей, знаний, теорий об окружающем пространственно-временном континууме; в структуру этнокультурного сознания входит и знание об этносоциальном, политико-государственном и духовных процессах, об исторических перспективах развития определенной национальной идентичности, ее самореализации в полинациональной и полиэтнической структуре человечества» [4, с. 118].

Осмысление феномена «сознание» в контексте региональной культуры предполагает обращение к конкретным фактам культуры с целью выяснения принципов организации этноязыкового сознания поэтов Белгородчины в целом.

Будучи неотъемлемым компонентом сознания, язык является его инструментом, выступая посредником между человеком и концептуальной картиной мира, отображаемой им в языковых формах. Основным элементом концептуальной картины мира служит концепт.

Система концептов образует концептосферу творческой личности.

Под концептами, вслед за Н.Ф. Алефиренко, нами понимается «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы – от чувственно-наглядных структур до рационального отражения окружающего мира» [2, с.225]. Следовательно концепт – это «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 40], основная ячейка культуры и национального сознания творческой личности.

Н.Ф. Алефиренко в качестве основных средств вербализации (объективации) концепта отмечает слово, фразеологизм, словосочетание, структурную схему предложения и даже текст, «если в нем раскрывается сущность какого-либо концепта» [3, с. 8].

Среди концептов как элементов этноязыкового сознания Белгородчины можно выделить национальный концепт «Русь», вокруг которого образуется особая группа представлений (*Россия, Родина, Отчизна, земля родная*):

<i>Россия...</i>	А за ней другая
<i>Родина...</i>	И еще, еще...
В высоком	Спит <i>земля родная</i>
Сиянье звездном небосклон,	Под ночным плащом.
А в чистом поле за проселком	(К. Мамонтов)
Вечерний наковальни звон.	

(В. Молчанов)

Эти синонимически ряды дополняются словосочетанием *славянская земля, славянский простор*:

Возведите меня на костер,
Если предал я русское дело...
Пусть услышит *славянский простор*,
Как гудит сумасшедшее тело.
В предрассветной больной полумгле,
На горячем еще пепелище
Нищий только подкову отыщет
На сожженной *славянской земле*.
(И. Чернухин)

Это словосочетание связано с историей народа в эпоху расселения славян: ведь Белгородская земля была населена славянскими племенами издавна.

С концептом «Родная земля» в этноязыковом сознании ассоциируется концепт «Святая земля»:

Родина *святая* –
Тихая *земля*.
Вот погост там, знаю,
Бабушка моя...
(А. Форов)

В концепте «Святой» отражена система ценностей, сформированных русским этноязыковым сознанием и составляющих систему ценностей русского народа.

Характерно, что любовь к родному краю пронизана ощущением все-русского единства, с принадлежностью к великой славянской культуре.

Человек тесно взаимодействует с окружающей природой, наблюдает ее и отражает в языке особенности природно-географической среды, в которой он живет. С концептом «Земля» в этноязыковом сознании Белгородчины связано представление о *черноземе*:

Видно, прелых трав немало
Растопил теплом
Ты, лоснящийся как сало,
Мощный *чернозем*.
(В. Федоров)

С концептом «Поле» у жителей Белгородчины связано понятие огромных просторов, вольных широких равнин:

Чу! Земля задрожала, зашлась от далекого гула –
И, коня придержав в борозде, обернулся Микула.
Это скачет дружина, летит по *широкому полю*
Собирать с городов непомерную княжескую долю.
(В. Черкесов)

В правилах, нормах, стереотипах речевого мышления поэтов Белгородчины, выработанных предшествующими эпохами, запечатлен опыт освоения и осмысления окружающего мира, закодирована народная культура, организованная как некий язык.

Важную роль в создании концептосферы Белгородчины играет топонимика:

Дозволь остановку,
Струится *Донец* неласковый,
Дозволь, не суди меня строго,
Дымятся внизу руины.
Деревня Репьевка –
А там, за *горою Харьковской*, –
Репейник густой по дорогам!..
Рукой подать – Украина.
(Н. Краснов) (В. Федоров)

Топонимы *Репьевка*, *Донец*, *Харьковская гора*, *Украина* в общем контексте данных четверостиший создают завершенный фрагмент картины мира Белгородчины.

Этнокультурное сознание Белгородчины – это отчасти продукт взаимодействия двух лингвокультур – русской и украинской. Об это пишут сами белгородские поэты:

Эта милая *мова*
Наших общих корней
То же русское слово,
Но чуть-чуть понежней.

И при каждой утрате
Слов *коханий* настрой
Буду я *проливати*
Тоже *дрибною* слезой.
(П. Мелехин)

Формы языка народной культуры и формы знания образуют некое единство, которое обладает исторической изменчивостью, т.е. на каждом этапе исторического развития сущность этого единства предстает в новой конфигурации, в ином облики. Так, современное обыденное сознание, характеризуется такими формами своей внутренней организации, которые существенно отличаются от структурирования мифопоэтического сознания.

Каждый народ обладает национальной спецификой – особенными, характерологическими чертами своего этноса, сложившимися в результате самобытного этнического развития и творчества. Совокупность таких специфических характеристик нации представляет собой национальную особенность народа. Сюда относится, прежде всего язык, а национальные особенности проявляются в духовной культуре, в лексико-семантических особенностях языка. Так, для словесного творчества Белгородчины типичным является стилизации под народно разговорную речь:

И счастлив был,
И падал я в траву,
Ни соловья, ни дятла
Не спугнув *задаром*,
И думал я, простак,-
Лет с *тыщу* проживу
И свою песню
Миру дам в подарок.
(В. Буханов)

Люблю *стрекающие* росы
И пляску красок на лугу.
Сполох зари высоко вскинут,
А над макушками раки
Подойник неба опрокинут
И дужка месяца звенит.
Спешу на *выпас* до рассвета
И здраво думаю о том,
Что в мире стоит быть поэтом
И даже просто пастухом.
(В. Михалев)

Представления, связанные с концептом «Жильё», являются основополагающими у любого народа, в любой культуре. В нашем регионе вплоть до XVI века не было каменного монументального жилого строительства. Все древнерусские постройки были деревянными или деревоземляными.

Такие жилые постройки назывались на Белгородчине *хатами*. Эта диалектная лексема в творчестве поэтов Белгородчины наиболее употребительна:

Село мое тонет в сирени,
И пчелы его сторожат,
В полуденной неге и лени
Они над цветами дрожат.
Намазаны крылья нектаром,
И веет медовым угаром
От *хат*, от людей и от плах.
(Т. Рыжова)

Сады в сплошном цветении,
Над ними пчел гудение,
А там в кустах за *хатаю*
Пропах весь воздух мятою.
(М. Тверитинов)

Этнокультурное своеобразие этой лексемы высвечивает её сопоставление с лексемами *изба, дом*.

Употребляя диалектные слова в своей лирике, поэты Белгородчины способствуют повышению интереса к историческому прошлому края, к культурному и духовному наследию наших предков.

Культурные концепты – это важнейшие понятия, в которых представитель определенной этнокультурной общности (в нашем случае это поэты Белгородчины) категоризирует мир, в которых он аккумулирует свои знания и представления об универсуме. Культурно-маркированные концепты представляют собой ключ к разгадке национального миропонимания. Так, в поэтическом творчестве Белгородчины реализуется концепт «Зима»:

Окна –
Синие колодцы –
Полны снежной тишины,
И задумчиво *морозцем*
По краям опушены.
(В. Белов)

Здесь лексему *морозец* необходимо рассматривать как территориальный вариант репрезентации концепта «Зима», который вызывает определенные ассоциации в этноязыковом сознании поэтов Белгородчины.

Поскольку концепт является единицей культуры, то он непременно должен включать в себя ценностную составляющую. Характерной чертой современной поэзии является поиск смыслов и языковых доминант русского этнокультурного сознания. В иерархии философских, этических и психологических концептов первое место принадлежит концепту «Душа».

А. Вежбицкая отмечает, что концепт «Душа» – одно из трех универсальных понятий русской культуры (наряду с понятиями «Судьба» и «Тоска»), поэтому оно в наибольшей степени выражает особенности русского национального сознания.

В толковом словаре В. Даля значение слова *душа* раскрывается следующим образом: 1) «бессмертное духовное существо, одаренное разумом»; 2) «жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела»; 3) «душевные и духовные качества человека»; 4) «бесплотное тело духа». При рассмотрении поэзии Белгородчины, содержащей понятие *душа*, замечаем, что в них главным образом актуализируется значение «бессмертное духовное существо, одаренное разумом»:

...И звезда обожгла меня взглядом...
И *душа* к небесам потянулась,
Не убит я упавшим снарядом –
Это просто земля содрогнулась.
(Ю. Шумов)

Одиночество – как лавина
Овладело пустынной *душой*, -
И сливаются дни воедино...
Стал я будто бы камень большой.
(В. Батраков)

Это значение символично для данной духовной этнокультуры.

Таким образом, концепт – ведущая когнитивная структура, представляющая не только универсальные, но и национально-специфические особенности менталитета белгородских поэтов. Эти понятия представляют собой единицы ментально-понятийной сферы, которая отражает особенность мышления, мировоззрения, культуры нашего региона.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 186 с.
4. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Языковые контакты: заимствование морфем // RES LINGUISTICA. Сборник статей. – М.: Academia, 1999. – 336 с.
5. Книжное обозрение. М., 1990. – 389 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 695 с.
7. Стернин И.А. О понятии «языковое сознание» // Язык и национальное сознание. – Вып.5. – Воронеж, 2004. – 183 с.

*О.С. Куконосова
Н.рук. А.И. Заикина*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ В ТЕКСТАХ БЕЛГОРОДСКИХ ПОЭТОВ

Понятие «пространство» издавна интересовало ученых и исследователей. К этой категории обращались И. Ньютон, Г.В. Лейбниц, оставившие немалый след в изучении пространственных реалий.

Любое литературное произведение так или иначе воспроизводит реальный мир – как материальный, так и идеальный: природу, вещи, события, людей в их внешнем и внутреннем бытии. Естественными формами существования этого мира является время и пространство.

Понятие «пространство» – многозначно. Этот термин издавна закрепился в философии. При этом существует несколько пониманий этой категории. Одни исследователи говорят, что «пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается» (Кубрякова Е.С.), другие – что «пространство – это нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» (Селиверстова О.Н.). Академический «Словарь русского языка» трактует пространство как «место, способное вместить что-либо» [1, с.709].

Художественное пространство, являющееся образной моделью действительности, формируется говорящим и является результатом его выбора, обусловлено определенной авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художест-

венного текста и даже настроением писателя; это одна из форм эстетической действительности, творимой автором.

В качестве важнейших характеристик пространства, отмечаемых обычно исследователями данной категории, выделяются следующие:

1. Антропоцентричность – связь с мыслящим субъектом, воспринимающим окружающую среду и осознающим пространство, и с его точкой зрения.

2. Отчуждаемость от человека, осмысление его как вместилища, вне которого находится человек.

3. Круговая форма организации пространства, в центре которого находится человек.

4. Предметность – заполненность пространства вещами, предметами (в широком смысле слова).

5. Непрерывность и протяженность пространства, наличие разной степени удаленности: близкое и далекое пространство.

6. Ограниченность пространства: закрытое – открытое.

7. Направленность пространства: горизонтальная и вертикальная его ориентации.

8. Трехмерность: верх – низ, спереди – сзади, слева – справа.

9. Включенность пространства во временное движение.

Реальное художественное пространство достаточно правдоподобно, но и с возможной долей вымысла описывает существующий (или существовавший) мир действительности. Исследователи (Гальперин И.Р., Тураева З.Я.) выделяют:

1) объективно представленный (перцептуальный) мир. В этом случае говорящий (рассказчик, «образ автора») изображает это пространство, повествуя от 3-го лица или пребывая в области «вненаходимости» (термин М.М. Бахтина):

Она несла кувшин
И под ноги глядела.
(М. Дьяченко)

2) субъективный (концептуальный) мир описывается от 1-го лица говорящего с включением образных пространственных измерений:

Я вам дал орешек грецкий
Под ветвями белых ив...
(М. Дьяченко)

Поскольку сама категория пространства неоднозначна, сюда входят единицы различных семантических полей. Так, при идеографической классификации поле пространства обычно включает такие группировки, как:

- пространственные границы – граница, пределы, край, черта;
- ограниченное пространство – дорога, шоссе, площадь;
- нахождение в пространстве – лежать, сидеть, стоять;
- локализация нахождения в пространстве – слева, сзади, около, возле, рядом, далеко;

- изменение положения – падать, поднимать, вставать;
- направление – смотреть, выходить;
- расстояние – длина, далеко, рядом;
- пространственные координаты – бок, верх, низ, центр, правый, левый.

Важную роль в оформлении пространственных отношений играют наречия места или направления действия: здесь, там, вверху, внизу, вперед, назад. Они легко преобразуются в производные предлоги, например: идет впереди – наречие; впереди отряда – вторичный, производный предлог. Однако вторичный предлог, произведенный от наречия, сохраняет значение пространственного указателя. Такую же роль выполняют и многие первичные предлоги. Они могут указывать движение к объекту: поехать в лес; перемещение в пространстве в обратном направлении: ехать из леса; движение с поверхности предмета: со стола; на поверхность: на стол; между предметами: между кустами; местонахождение: находиться (быть) в лесу.

Во внешнем пространстве принято выделять две координаты: вертикальную и горизонтальную. Каждый поэт выбирает для себя тот радиус зрения, который в наибольшей степени отвечает его восприятию окружающего мира. Так, белгородский поэт Николай Гладких использует в основном горизонтальные координаты пространства:

Поле. Полдень. Воздух звонок.

Речка. Луг. Скирда.

Быстрокрылый жаворонок.

Летняя страда.

Для Александра Гириявенко характерно восприятие окружающего мира сверху вниз:

В солнечном мареве сонном

Пыльные дремлют цветы.

Выцвело небо бездонное,

Смотрит на них с высоты.

В данном четверостишии поэт, точно спускаясь и поднимаясь по лестнице, переходя от строчки к строчке, меняет свой угол зрения, то есть сначала он находится в «солнечном мареве», затем спускается на землю к дремлющим и пыльным цветам, потом вновь взлетает в высь, в небо и, наконец, оттуда кидает свой взор на цветы.

В одном из стихотворений Анатолия Форова можно найти такие строки:

За лесом, за полем,

за речкою дальней

Стоит деревушка,

что многих печальней

С надеждой глядит

в серебристую осень,

Давно к ней не едут

веселые гости.

Хотя в этом отрывке и указаны лес, поля, речка, но, тем не менее, координатных координат пространства здесь нет: лирический герой устремляется неизведанную даль довольно быстрыми темпами, – ведь он не описывает лес или поле, не дает им никаких эпитетов и определений, что придает скорость передвижения по пространству. К тому же он «с надеждой глядит в серебристую осень». Осень – это конкретная временная и пространственная координата. Но в данном тексте ее нельзя назвать таковой, так как лирический герой смотрит не *на* осень, на ее прелести и красоты, а *в* осень, то есть сквозь нее.

Таким образом, предлоги играют немаловажную роль в образовании пространственных значений.

В горизонтальном пространстве принято выделять объективную или субъективную перекрестную перспективу, которая содержит в описании указание на все или на отдельные стороны света, на географические или геометрические параметры: на севере – на юге – на востоке – на западе; направо – налево, впереди – сзади, с одной стороны – с другой стороны, за ним – передо мной и другие. Белгородские поэты довольно часто прибегают к использованию этой перспективы:

Одни холмы по левой стороне,
По правой – на ольхе гнездятся птицы...
(А. Гирявенко)

Слева –
пропасть, свинец и безбожье;
Справа –
пустошь, измена, отравы.
(И. Чернухин)

И клонит к югу
Ветром северным
Раскосый парус журавлей.
(В. Михалев)

Горизонтальное пространство заметно преобладает в творчестве белгородских поэтов. Но, тем не менее, в их лирике можно встретить использование вертикальных координат, которые указываются с помощью глаголов, имеющих значение передвижения сверху вниз или снизу вверх, противопоставление земли и неба, использование таких показателей, как высота, выше, книзу, вниз, ниже:

И когда их, брошенные наземь,
Подымает шепотом поэт,
Предстает он с ними перед князем,
И обоим утешенья нет.
(Н. Гладких)

В данном случае представлено действие сверху вниз и снизу вверх одновременно: сначала «стихи» бросают наземь, то есть пространство смещается вниз, а затем их поднимают, передвигая вверх по одной и той же линии координат.

Художественное пространство в тексте может представлять собой два противопоставленных мира: реальный, показанный выше, и ирреальный мир, характеризующийся нарушениями основных свойств категории пространства и времени.

И к Богу в небо тычется
Дворцами – ого-го! –
Его Демократичество,
Величество его.

(Н. Гладких)

Реальный и ирреальный миры различаются субъектами и объектами, заполняющими пространство, реальными географическими и геометрическими ориентирами. Реальный мир отличается стабильностью, привычным ходом и логикой событий. Ирреальный мир создается автором с установкой на изображение нереальных явлений, на нестабильность всех объектов пространства.

Ирреальное пространство может быть описанием космического (астрального) пространства, инфернального, волшебного, мира сказок.

Термин «астральный» восходит к латинскому – *astralis* – «звездный». Корень этого слова греческого происхождения, где *aster* – «звезда». «Инфернальный» – в переводе с латинского языка (*infernalis*) – значит «адский».

Оба космологических пространства противопоставлены друг другу, являются внеземными сферами, вмещающими внеземные объекты.

Астральное пространство представляет собой «воздушный океан» со странствующими в нем облаками, звездами, кометами и метеоритами. Это – место обитания Творца. Присутствие человека (с позиции знаний XIX века) в «звездном мире» невозможно. Однако душа его может заглянуть за пределы тайного:

Душа уже не чует тела,
Летит на свет ночной звезды.
Она как бабочка слепа,
И словно бабочка прекрасна.

(И. Чернухин)

Соловья именитого пьесы
И магнитные чары земли
Осенили мой дух,
к поднебесью
Тихо думы мои вознесли.

(И. Чернухин)

Героем inferнального мира чаще всего является Демон и связанные с ним образы бездны, ада, подземелья, дна:

Я, на дно опустившись по самые уши,
Пью захлеб увядания злой суррогат.
(В. Игин)

В широченном дворе
В бездну летнего мора
На ладони уносит Творец
И Садам и Гоморру.
(Н. Гладких)

Изображаемое автором пространство неба и бездны, в отличие от реального мира не имеет точных географических и геометрических измерений и границ. Оно открытое, бескрайнее, бесконечное.

Основа модели мира – человек и окружающая его среда в их взаимодействии с указанием пространственно-временных характеристик – наиважнейших параметров Вселенной.

Пространство – одно из основных проявлений реальности, с которым сталкивается человек, как только он начинает осознавать себя и познавать окружающий мир, и является неотъемлемой частью его жизни.

Литература

1. Словарь русского языка. Т.3. – М., 1959.

*И.А. Ладыгина, Е.И. Перехватова
Н.рук. Н.Ф. Алефиренко*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ОБРАЗНОГО СЛОВА (На материале художественной прозы писателей Черноземья и произведений Н.С. Лескова)

Образное слово представляет объект и инструмент этнокультурологии. Оно реализует видимую часть лингвокультурного содержания. Такое содержание выражается присущими данному этнолингвистическому сообществу языковыми средствами. Их исследование дает возможность выяснить механизмы взаимодействия языка и культуры, в результате чего конструируется достаточно информативная языковая картина мира. В этом отношении наиболее информативными являются знаки вторичной номинации и, прежде всего, метафора и фразеологизм, являющиеся важным механизмом в смысло-

производстве. Метафора представляет собой эффективный способ вербализации метафорических концептов путем использования имеющихся в данной семиотической системе номинантов. Именно в этом и заключаются особенности содержания и понимания метафоры (паутина доказательств, пропитан песнями, слепой вечер, звездь программы, уронить в глазах). Источником выбора означающего, уже существующего в языковой системе, для использования его в иной денотации служит его смысловая сходство с сигнификатом вторичной номинации. Семантические свойства знака первичной номинации переносятся в сигнификат знака вторичной номинации.

Экспрессивно-образная семантика метафоры сложна и многоступенчата. Например: “Ну погоди, я эту тихоню так сейчас турну, дорогу в мой дом забудет... Вползла змея...”. На первичном уровне данную метафору формирует пространственно-образное мышление: змея – ‘пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног’ (Ож.). В этом случае змея напоминает человека-тихоню, то есть человека “смирного”. Данная лексема имеет неодобрительную коннотацию. На втором уровне формирование метафоры создается знаково-символическим мышлением: змея – ‘символ опасного, злого обмана’. В этом плане образ змеи, хотя уже и не так откровенно, ассоциируется с человеком тихим, незаметным. В повести тихоней называют человека, который является причиной ссор, скандалов между супругами, что и послужило ее ассоциации со змеей. На вербально-логическом уровне формируется метафора – змея, значение которой определяется горизонтальным контекстом. В этом случае метафорическое значение утрачивает видимое сходство с первичным значением метафоризирующегося слова. В данном случае метафорическое значение с исходным значением не сближаются, а наоборот, разъединяются, и даже исключается возможность общего семантического элемента. Змея (метафора) – “об опасном, злом и корыстном человеке”. В прямом значении данной словоформы обнаруживаются такие характеристики пресмыкающегося, как “извивающееся тело”, “отсутствие ног”, которые должны были быть реализованы в метафорической семантике. Однако в анализируемой метафоре актуализируются иные семы – “обман”, “хитрость”, “коварство”. Данные семы отсутствуют в семантической структуре номинанта и являются результатом переосмысления знаний о денотате (о змее).

Как показал анализ доминирующий признак метафорического значения отсутствует в одноименном знаке первичной номинации. Однако в повести Г.Н. Александрова “Сельские просветители” доминирующий признак метафоры содержится в семантике его прототипа. “Но нынче не та ситуация. Антонов – действительно мелочь и с него достаточно Клавдии Сергеевны. Она опутывает беднягу нитями доводов, паутиной доказательств”. Мелочь – ‘мелкие, менее крупные (по сравнению с другими однородными) предметы, мелкий товар’ (Ож.); мелочь (метафора) – ‘маломощный, малозначительный по своему общественному положению человек’. “Всю дорогу она была магнитом”. Магнит – ‘кусочек железной руды или стали, обладающий свойством притягивать или притягиваться к

железным или стальным предметам'. *Магнит* (метафора) – 'надоедливый, неотвязный человек'. Метафора в этих случаях прозрачна, механизм ее образования понятен, и очевидно наличие общего семантического элемента: это сема "мелкий, незначительный" в словоформе *мелочь*, а в словесном знаке *магнит* общей семой является "притягивание, прилипание".

В исследуемых текстах встречаются и ассоциативные метафоры, базирующиеся на аналогии между предметами (явлениями) действительности. Такая метафора демонстрирует универсальность мыслительной деятельности исследуемой лингвокультурной общности. При возникновении ассоциативного метафорического образования актуализуются избыточные компоненты семантики первичного лексического значения, находящиеся в периферийной зоне. Ассоциации, образующие такие метафоры вают двух типов: актуально-денотативными и виртуально-денотативными. В одних случаях репрезентируются признаки, объективно присущие денотату. В других случаях в метафоре возникают признаки, не входящие в семантический ореол первоначального значения словоформы. Например: "Ха-ха-ха! – он засмеялся. – *Крепкий орешек* Полина, крепкий". *Крепкий орешек* – 'о человеке, у которого трудно выведать тайну, к которому трудно найти подход' (Ож.). *Орех* – 'плод некоторых деревьев или кустарников со съедобным ядром в твердой оболочке'. Приведенный пример содержит информацию, которая извлекается не непосредственно из семантической структуры первичного значения, а из имеющихся знаний о денотате, то есть из реалии, обозначенной метафорой: *орех, орешек* - это плод определенных деревьев со съедобным ядром, которое трудно обнаружить, не приложив силы, так как его оболочка очень твердая. Именно с таким труднодоступным ядром сравниваются мысли, тайны человека, к которому трудно найти подход для того, чтобы их узнать.

Основой формирования метафоры виртуально-денотативного типа являются отдаленные, опосредованные ассоциативные связи, что особенно наглядно обнаруживается в метафорах-зооморфизмах. Например: "Ну Сеня! Ну *гусь*! Никому ни полслова: что? Чего? Как?". *Гусь* – 'крупная домашняя или дикая водоплавающая птица с серым или белым оперением, длинной шеей' (Ож.). *Гусь* (метафора) – 'пренебрежительное или отрицательное отношение к человеку с намеком на его отрицательные качества: плутовство, глупость'. "Они настоящие *свиньи*, они грязь найдут". *Свинья* – 'парнокопытное млекопитающее с крупным телом и короткими ногами, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины'. *Свинья* (метафора) – 'о человеке, который поступает низко, подло' (Ож.). В данных примерах семантика метафорического образования опосредовано влияет на первичное значение, то есть метафорическая семантика включается в ореол толкования исходного номинанта.

Фразеологизмы – единицы косвенно-производной номинации с осложненной семантикой этнокультурного характера. Национально-культурная специфика наиболее ярко представлена в области ФЕ, в кото-

рых человеческий опыт концептуализируется в форме образных когнитивных структур.

Так как предметно-логическая связь с денотатом у таких слов крайне ослаблена или совсем утрачена, лексическая сочетаемость в таких случаях обуславливается не экстралингвистическими, а внутренними закономерностями лексико-семантической системы языка. Так, в предложении: «Сергею сказал, что сему не верю, а дьякону изрядно намылил голову» глагол *намылить* реализует значение «делать строгий выговор, бранить» только в сочетании со словом *голова*. В данном примере сочетание *намылить голову* является модификацией фразеологизма *намылить шею*.

Необходимо отметить, что этнокультурные возможности таких языковых единиц обнаруживаются только в контексте, богатство ее содержания раскрывается во взаимосвязи с другими элементами высказывания. В этом плане особый интерес представляет функционирование ФЕ в текстах произведений Н.С.Лескова, взаимосвязь их лексической и грамматической семантики, а также средства выражения национально-специфического компонента значения.

Взаимосвязь лексики и грамматики позволит комплексно раскрыть национально-культурную специфику фразеологизмов, так как информационный смысл предложения создается взаимодействием грамматической семантики формы и лексической семантики наполнителя этой формы [1, с.268].

Среди исследуемых фразеологизмов можно выделить следующие типы:

1) предметные фразеологизмы – «Что за капитан! Это совсем *душа общества*», «...это была типичная *кисейная барышня*...», «он был и *телом и душой наш человек*», «*здравый смысл* никогда его не покидал...»;

2) процессуальные фразеологизмы – «Бледный Ахилла дрожал и с замиранием сердца *ловил каждое слово*», «Акцизница *вспыхнула до ушей* и готова была расплакаться», «Термосесов, не задумываясь ни на одну минуту, *сорвался с места*...», «... ибо *ударился об заклад* с кем-то, что, стоит ему захотеть, я месяц просижу дома», «Николая Афанасьича наперебой *засыпали вопросами* о различных предметах», «Препотенский язык *проглотил* от неожиданности» и др.;

3) призначные фразеологизмы – «... но этого никогда не будет, и зато я буду *нем яко рыба*», «я прошу верить, что моя *память* совершенно *свежа*», «...а у Термосесова *память первый сорт*...», «надо кончить дело миролюбно, а то я заключаю, что у вас в прошедшем *хвост не чист*...», «мне немножко жаль сказывать об этой привычке *скорого на руку* доктора Зеленского...» и др.;

4) модальные фразеологизмы – «вот, *бог меня убей*, шельма какая у нас этот Николавра!», «а *бог его знает*, отец протопоп: он, наверное, оробел и где-нибудь от вас спрятался», «фу ты, *прах вас возьми*, да уж это не шутка ли глупейшая?», «нет, это *черт знает* что такое...».

Это основные типы фразеологизмов Н.С.Лескова, среди которых значительное место занимают первые три типа.

Связанность возникающих структур и их значений заключаются в том, что в двучленной структуре «субъект – предикат» оба компонента не могут существовать отдельно друг от друга. В лексическом наполнении предикатной позиции употребляются глаголы прямого и часто переносного значения, чаще всего выражающие ощущения человека, его состояние в определенный момент: «идучи с этою бумагой, Термосесов *кусал себе губы*», «...не высказывая уже никаких догадок, продолжал тайно *сгорать любопытством*», «но дьякон не только не сконфузился, но опять *закаптался со смеху*», «Савелий *рассмеялся до слез*», «...по его лицу выступает холодный пот, по телу его *бегут мурашки*», «...при этих словах у дьякона *закипали в груди слезы...*». В выражении субъектного компонента наблюдается расчлененность на общесубъектную часть, например, «глагол + сущ. в косв. падеже» и локализованную, называющую, допустим, часть тела человека в форме косвенного падежа с предлогом. У Н.С.Лескова подобные образования встречаются довольно часто: «нам только бы его *в свои руки достичь*, а то он, наш хранитель, за себя постоит», «*скажешь себе слово под руку*, да и сам не обрадуешься», «если б я мог слышать, что он обо мне *за глаза говорит...*» и др.

Из всех исследуемых ФЕ по схеме «глагол + компонент в косв. падеже» наиболее часто актуализируются ФЕ с винительным и творительным падежом, в которых компоненты в форме данных падежей носят значение действия: «так он этим забредил и с бреду составил план, как *обнажить совесть Рыжова...*», «не могу вам ничего объяснить, потому что *слово дал*», «пусть только будет готово письмо, а уж он *отвечает головой*, что оно завтра будет доставлено по адресу», «приземистый дьякон и длинноногий дьячок в стихаре с священной водой в чаше, которая *ходунном ходила* в его оробевших руках», «ну, будь ты сам Вельзевул, а уж тебе это *даром не пройдет*», «Ахилла проездил целую неделю и, возвратясь домой *с опущенной головой*, отвечал, что ничего с этого письма не было». Как мы видим, в форме Вин. п. /Твор. п. чаще выступают имена существительные. Такие ФЕ чаще всего имеют значение общего состояния человека. Среди исследуемых ФЕ доминируют единицы, образованные по модели словосочетания: «*со стыда* разве надо всем нам *сгореть*», «не могу сказать, чтобы совсем *ни капли не испугался*, но не убежал», «... но здесь, помилуйте, *духу не взведешь...*», «Препотенский окончательно *вывел* меня *из терпения*». При этом в этих ФЕ наиболее часто актуализируются такие предлоги, как *в*, *на*, *с*, а также частицы *не* и *ни*: «Так, например, он *ни к селу ни к городу* начинал с того...», «Туберозов послал его в погоню за испуганною лошадью, которой между тем *уже не было и следа*», «До последней минуты он все-таки *не поступился ни на йоту...*».

Таким образом представлена внутренняя сторона исследуемых ФЕ, в которых отмечаются специфические черты как для русского языка вообще, так и для языка художественных произведений Н.С.Лескова.

Однако наиболее ярко национально-культурный компонент значения ФЕ представлен их семантической структурой. Семантическое пространство

русского языка всегда обусловлено специфическим видением мира и играет большую роль в когнитивно-коммуникативном пространстве русского языка. Среди семантических групп предметных ФЕ выделяются фразеологизмы, которые заключают в своём значении элемент качественной характеристики, типа *кисейная барышня* – ‘девушка с мещанским кругозором, не приспособленная к жизни’, *золотые руки* – ‘так говорят о человеке, обладающем высокой степенью мастерства в чем – либо’, *звезда первой величины* – ‘прославившийся, знаменитый человек’. Довольно часто встречаются ФЕ, заключающие в обозначении лица оценку, отношение других лиц к обозначаемому лицу: «...да не можете вы исправиться, потому что вы *набитый дурак*», «...его маленькая протопопица чтילה его и *не слыхала в нем души*». Самую большую группу составляют фразеологизмы, обозначающие различные качества человека – душевные, нравственные, социальные и др. Например: *у него (Ахиллы) длинные руки*, «...и *сравненья нет; из женатого, – говорит, – хоть веревку вей*, он все стерпит...», «Но этого были те свойства, которые дала ему его мать, сообщившая живым примером строгое и трезвое настроение его *здоровой душе*...», «...теперь мы нашли его *слабое место*». А также ФЕ, обозначающие деятельность и состояние человека – «Да вы, говорю, хоть бы *мозгами* то, если они у вас есть, *шевелили*...», «...тут нежно было *умом подвигать*», «конь дико всхрапнул и в испуге понесся, *не чуя под собой земли*», «от отчаянья протопоп *пал духом*», «Препотенский *пришел в ярость* от всего услышанного» и др.

Процесс становления фразеосочетания – это формирование коннотативных семем в результате развития денотативных семем. Так, например, в предложении: «*Клюнула моего червячка, клюнула, – мигнул себе Термосесов и удесятерил свою очаровательную любезность...*» денотативная ситуация, представленная в словосочетании *клюнуть червячка* (глагол *клюнуть* имеет значение – *хватая насадку, попадаться на удочку*, а лексема *червячок* – ‘бескостное ползающее животное с вытянутым телом; наживка) мотивирует ФЗ: «удачный улов, попадание на крючок удочки». Затем происходит развитие денотативной ситуации в коннотативную. Денотативная ситуация в результате мыслительных процессов, основанных на ассоциативных связях, переходит в коннотативную, происходит перенос выделенных мыслительных признаков на любое другое действие, которое связано с ситуацией, в которой необходимо, чтобы кто-либо попался на уловку. Так происходит расширение значения до обобщенно-целостного устойчивого словосочетания.

Таким образом, вторичная номинация, вербализующая результаты лингвокультурного мыслительного процесса, является неотделимой частью русской лингвокультуры.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. – М., 2002.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.
3. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла. – Астрахань: Астрах. ун-т, 2004.

4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1986.
5. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 2004.
6. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
7. Харитончик И.Е. Функционирование языковых единиц в речи и в тексте. – Воронеж, 1987.
8. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1983.

Е.С. Федорова
Н. рук. Е.Г. Озерова

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ РЕКЛАМНОГО ЗАГОЛОВКА (На материале рекламы современных женских журналов)

Основную смысловую нагрузку в тексте несет заголовок, который дает рекламируемому объекту сжатую, точную характеристику.

В зависимости от ситуации заголовок может присутствовать в объявлении вместе с иллюстрацией или без нее. Когда, кроме заголовка, есть фотография, то он дополняет, конкретизирует изображенное. В отсутствии основных фотографий или рисунков заголовок берет на себя также и функцию по привлечению внимания потенциальных покупателей.

Исследователи отмечают, что есть только 1,5 секунды, чтобы заголовок привлек внимание потребителя [4, с. 156]. Именно столько времени в среднем читатель задерживает свой взгляд на каждом сообщении. С помощью заголовка – первых слов объявления – читатель быстро определяет для себя, относится ли видимая им в данный момент реклама к интересующему его делу. Если заголовок соотносится с потребностями человека, то он будет читать и все объявление. Если нет – переведет взгляд дальше.

Если заголовка в объявлении вообще нет, то читатель не сможет принять решение о необходимости прочесть предлагаемую ему рекламу и также переведет взгляд дальше.

Заголовок должен быть понятным, простым. Если его суть невозможно понять быстро, адресат не будет воспринимать данную информацию.

*Забота начинается с малого (магазин детской одежды Mothercare)
Журнал MINI–максимум жизни! (журнал MINI)*

Если заголовок «притянут» к объявлению, не отражает информацию, содержащуюся в тексте, то он едва ли привлечет внимание тех, кто заинтересован в предмете рекламы. Текст начнут читать совсем другие люди, те, которым данная покупка не нужна. Поэтому не стоит использовать механически возбуждающие любопытство заголовки. Возможна си-

туация, когда просто любопытный человек прочтет текст, в то время как потенциальный покупатель пройдет мимо объявления. Лучше обойтись без таких заголовков, которые возбуждают любопытство без смысловой связи с товаром или услугой.

*Наперегонки с мечтой! (журнал Playboy)
Вырвись на свободу! (нижнее белье Ardy)*

Чтобы привлечь внимание определенной целевой группы, продукта, нужно прямо сказать человеку, о каком товаре идет речь [3, с.70]. Тем самым снимаются все возможные разночтения. То же самое происходит, когда мы называем тех, для кого товар предназначен.

*Красота – это сила густых волос (средства по уходу за волосами Pantene Pro-V)
Купаемся в нежности! (средства гигиены Jonson's baby)*

Менее эффективным является указание названия товара, профиля фирмы, собственно фирмы, места производства или происхождения товара, объекта применения товара, его цвета, материала, формы, размера, процесса воздействия, процесса использования потребителем, ситуации для применения товара, сопутствующих предметов и так далее. В этом случае человек не всегда может сразу определить, нужен ему данный товар или нет.

Губы, будто одетые в облегающий винил (блеск для губ Dior) Восполняет запас волокон дермы, чтобы «вытолкнуть» глубокие морщины (крем Vishy)

Чем прямее указание на товар или на аудиторию его пользователей, тем эффективнее заголовок. Самые же лучшие заголовки всегда ориентированы на основные потребности и интересы человека. Безусловно, строки, обещающие личную выгоду, скорее привлекут внимание, чем просто упоминание товара, провозглашение превосходства какой-либо характерной черты товара или хвастливое заявление о достижениях его производителя. Как уже отмечалось ранее, потенциальных покупателей, в первую очередь, интересует не то, что производитель заложил в товар, а то, что они из этого товара могут извлечь [1, с. 60].

*Питание и защита для нежной кожи губ (блеск для губ Lumene) Чистая и здоровая кожа в три счета (средства по уходу за кожей Garnier)
Максимальный загар (солнцезащитный крем Estee Lauder)*

Еще раз подчеркнем, что наиболее эффективным рекламным подходом является прямое обращение к потребностям человека. Это может быть апелляция к потребности в любви, потребности в уважении, потребности в само-

реализации, физиологическим потребностям, потребности в самосохранении. Как правило, лучшие заголовки подчеркивают низкую стоимость товара, его высокое качество, другие важные покупательские выгоды.

Все в твоей власти (сигареты ESSE)

Люкс-маникюр для Ваших прекрасных рук (средства по уходу за ногтями Sally Hansen)

Твоя кожа любима (средства по уходу за кожей OLAY)

Я влюблена? Просто у меня новый тональный крем (тональный крем Harry Light Bourjois)

Если в одном заголовке удастся совместить обращение сразу к нескольким потребностям человека, то результат окажется значительно выше.

Прямая связь между натуральностью и пользой (детское питание ФрутоНяня)

Среди заголовков можно выделить четыре основных вида [2, с.30]: информативные, побудительные, вопросительные и интригующие.

Информативные заголовки обычно дают прямое обещание выгод, предоставляемых товаром.

Максимальный комфорт для самой нежной кожи (подгузники Huggies)

Сохраняет цвет, а не пятна (стиральный порошок Ariel)

Побудительные заголовки обычно рассчитаны на эмоциональное воздействие. Они уместны в рекламе, направленной на людей с низким уровнем интеллекта и образования.

Зарядись энергией здоровья! (витамино-минеральный комплекс Multitabs)

SOS! Спаси свои волосы! (средства по уходу за волосами Sunsilk) Будь взбалмошной! (краска для волос Wella)

Вопросительные заголовки хорошо возбуждают интерес. Вместе с тем если на заданный вопрос легко ответить, то человек, сделав это, не станет читать весь текст. Если же человек ответит не так, как хотелось создателю рекламы, то об эффективности такого заголовка вообще говорить не приходится.

Нужна помощь в создании прически? (лак для волос Sunsilk) Может ли лучшая защита быть такой мягкой? (гигиенические прокладки Always)

Интригующие заголовки составлены так, что вызывают любопытство у читателя. Однако они могут привлечь внимание не целевой аудитории, а просто любопытных людей.

*1200 минут в подарок, чтобы досмотреть все сны... (эпилятор Braun)
Просто, как все гениальное (телефон Siemens)*

Для того чтобы избежать риска при использовании вопросительных и провоцирующих заголовков, их лучше всего сопровождать подробными иллюстрациями.

В связи с тем, что люди любят подчеркивание индивидуальность даже тогда, когда они стремятся быть частью группы, лучше всего обращаться к потребителю, как к единственному читателю. Использование слова «Вы» в прямой и понятной форме будет весьма уместным.

Оттените Вашу кожу солнечной вуалью перламутра (косметическая серия Glam Bronze L'Oreal)

Ваш цвет без страха и упрёка (помада Max Factor)

Для создания ощущения сиюминутности заголовков лучше давать в настоящем времени.

Кожа дышит. Она не должна задыхаться под тональным кремом (тональный крем Vichy)

Когда постель становится облаком... (кондиционер для белья Lenor)

Особенно это важно, когда заголовок сопровождает фотографию – запечатленный миг, в который, собственно, и «попадет» читатель рекламы.

Всегда стоит изучать опыт конкурентных объявлений, но прямое использование чужих, даже очень удачных, находок не оправдано.

Искушающий блеск помады для бесконечно соблазнительных губ (блеск для губ Avon)

Соблазнительная роскошь (блеск для губ Sally Hansen) Сияние соблазна на губах (помада-блеск Clinique)

Интерес вызывает только новое, нешаблонное. Очень часто свежий, отличный от общепринятого подход заинтриговывает читателя, заставляет отнестись к рекламе с повышенным вниманием.

Ты войдешь в новый Интернет быстрее, чем покрасишь губы! (сотовая связь МТС)

Заголовок не может заканчиваться точкой. Прочитав первые слова объявления, человек должен тут же перевести свой взгляд дальше, на текст.

При создании заголовка важно помнить, что, опубликованный в журнале, он будет конкурировать не только с сотнями других рекламных творений, но и с сотнями журналистских находок.

Только кропотливо, мастерски созданный заголовок сможет эффективно решить стоящую перед ним задачу и привлечь внимание максимального количества потенциальных покупателей.

Литература

1. Акша Роберт Создание эффективной рекламы. – М.: ООО «Вершина», 2003.
2. Имшинецкая И. Жанры печатной рекламы или сундук с идеями для копирайтера. – М.: РИП-Холдинг, 2002.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999.
4. Кромптон А. Мастерская рекламного текста: Пер. с англ. – Тольятти: Издательский дом «Довгань», 1995.

М.Г. Пугачева

Н. рук. Л.П. Соломахина

ТОПОС ПЕТЕРБУРГА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

...Город блоковских стихов, главный герой его повести, его биографии.

Этот город, этот Петербург Блока – наиболее реальный из Петербургов, нарисованных художниками новейшего времени.

Б. Пастернак

Понятие топос (греч. *topos* – место), означавшее в античной традиции «общие места», то есть готовые элементы, используемые ораторами в своих выступлениях, приобрело новый смысл в середине XX века благодаря книге Эрнеста Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье» (1948), где показано, как система риторических топосов «проникла во все литературные жанры». «По мнению Курциуса, «топос – нечто анонимное. Он срывается с пера сочинителя как литературная реминисценция. Ему, как и мотиву в изобразительном искусстве, присуще временное и пространственное всеприсутствие...» [5, стб. 1076]. Подобную категорию в литературоведение ввел М.М.Бахтин для обозначения «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе», назвав ее *хронотопом* (дословно – «времяпространство»). Характерной особенностью литературно-художественного хронотопа, по мысли Бахтина, является то, что «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [2, с. 121].

Санкт-Петербург стал так называемой «вечной темой» русской литературы, сопряженной с мифопоэтическими символами, то есть *топо-*

сом. Основанный на болоте, выросший, по словам В.Г.Белинского, «чуть ли не в воздухе», похоронивший под гранитными набережными тысячи русских людей, этот город уже в середине XVIII столетия получил к себе двойное отношение. С одной стороны, он воспринимался как символ победы разума над стихиями, а с другой, – как извращенность естественного порядка. Как пишет Ю.М.Лотман, «вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла мифологии» [6, с. 321]. Первый вариант мифа широко пропагандировала официальная литература указанного времени; второй же образ Санкт-Петербурга создавался в народных сказаниях, то есть в неофициальном устном творчестве.

К теме Петербурга обращались десятки русских поэтов и писателей. Среди них были и гении, и писатели «второго» или даже «третьего» ряда. Еще Н.П.Анциферов, знаток темы, в начале XX столетия в своей книге «Душа Петербурга» отмечал, что литературные произведения, посвященные этому городу, обладают немалой степенью внутреннего единства. Они образуют как бы цепочку текстов, точнее – целую разветвленную сеть, в которой каждое звено подключено под общее смысловое напряжение. И на этом основании можно говорить об этих произведениях как о едином петербургском тексте, в котором город выступает как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное смысловое единство. Это единство можно понять лишь через круг основных текстов русской литературы, связанных с городом, а также через отображение эволюции самого образа города [1].

А.С.Пушкин в своем петербургском тексте – «Медном всаднике» – предпринял попытку, единственную в своем роде, создать синтетический образ Петербурга, где традиция литературная оказалась бы дополненной традицией устной, фольклорной. Петербург вступления к поэме (город Петра, перед которым «померкла старая Москва») и Петербург собственно поэмы (город Медного всадника и несчастного Евгения). В сущности, – это два главных облика северной столицы. Следует отметить также, что Пушкин оказался первым представителем письменной литературы, кто выразил роковую и трагическую роль Петербурга в судьбе человека.

Продолжателем петербургской темы, создавшим свои тексты, посвященные «русской Венеции», был Н.В.Гоголь. Именно с его именем связано восприятие Петербурга как города с «двойным бытием». С одной стороны, это скучное, пошло-прозаическое обиталище мелких чиновников, торгашей, мастеровых. С другой, – самый фантастический из всех городов земного шара. Нельзя не согласиться с Вл. Орловым, который утверждал, что петербургские повести Гоголя гениальны. Именно в них особенно наглядно раскрывается двойственность города: блистательный Невский проспект и трущобы Гороховой и Мещанской улиц, роскошь и вседозволенность элиты и безысходное отчаяние «маленького человека», которому остается одна свобода – свобода незаметно умереть или сойти с ума.

Достоевский оказался самым вдохновенным и пророческим поэтом Петербурга. Он сотворил свой неповторимо самобытный миф. Как никто, Достоевский проникся ощущением города как живого существа со своими привычками и повадками. Топос Петербурга становится неотъемлемым компонентом почти каждого произведения автора, дробясь на более мелкие части, он может присутствовать в тексте на уровне интертекстуальности. Примером может служить топос комнат и домов, топос пейзажа. Первый, как правило, представляет собой маленькую каморку неправильной геометрической формы с низким потолком; второй – постоянно и неизменно туманный, дымный, сырой, холодный и пасмурный. В данном случае топос пейзажа трансформируется в понятие более широкое – образ, который, в свою очередь, приобретает психологический подтекст: пейзаж – это «состояние души» героя.

Таков петербургский текст Достоевского, традиции которого получили дальнейшее развитие в творчестве А.А. Блока.

Безо всякой натяжки Блок мог бы повторить вслед за Тютчевым:

О, Север, Север, чародей!

Иль я тобою околдован,

Иль, в самом деле, я прикован

К гранитной полосе твоей?..

Коренной петербуржец – А. Блок с детства дышал столь глубоко проникшей в сознание и быт петербургской культурой. И не только дышал, но сразу сделал ее средой и материей своего искусства. Он посвятил Петербургу всю свою жизнь, прекраснее северной столицы для него не было ничего на свете. Даже осматривая удивительные, овеянные громкой славой и красотой старинные итальянские города, он замечал, что самым царственным городом в мире остается Санкт-Петербург.

Как верно отметил Вл. Орлов, «Блок прекрасно знал свой город, в длинных пеших прогулках, по большей части одиноких, исходил его вдоль и поперек в разное время года, в разные часы дня и ночи. Изучил самые глухие уголки города и его окрестности. Любил подолгу бродить без цели – куда глаза глядят, и любовь эту пронес через всю жизнь» [7, с. 19]:

Иду – и все мимолетно.

Вечереет – и газ зажгли.

Музыка ведет бесповоротно,

Куда глядят глаза мои...

При этом Петербург менее всего описан в произведениях Блока. В них обнаруживается на удивление мало известных топографических примет. Такие реалии можно сосчитать буквально по пальцам: одна из конных групп на Аничковом мосту, Медный всадник, латник на кровле Зимнего дворца, фиванские сфинксы на правом берегу Невы, Елагин мост, Петропавловский шпиль, «Невская башня», площадь Сената... Но Петербург неизменно присутствует во всем, что написал Блок, образуя своеобразный петербургский текст поэта. Мы можем выделить семантически однородные показатели такого текста. Это – сложная симфония целого и

деталей: «синяя города мгла», «тусклых улиц очерк сонный», «безлюдность низких островов», «май жестокий с белыми ночами», «ледяная рябь канала», «непомерная стужа», «пыль переулочная», «колодцы дворов», «скука загородных дач» и т. д. Поэт избегал собственных имен даже на уровне эпитета. Кажется, единственные стихи, где город назван, – это «Петербургские сумерки снежные» и знаменитые строки «Петроградское небо мутилось дождем...».

Поэт предпочитает говорить, не отмечая определенных мест. Чаще всего вводится какой-нибудь мотив, характерный для Петербурга, затем он исчезает, давая место описанию какой-нибудь уличной сцены, и в заключение вновь прозвучит.

Так, например, введена в картину города синяя мгла:

Помнишь ли город тревожный,

Синюю дымку вдали...

Тема города прерывается. Как робкие, тени проходят двое влюбленных, которых любовь обманула:

Шли мы – луна поднималась

Выше из темных оград.

Город, намеченный как фон, проникает в душу идущих:

Только во мне шевельнулась

Синяя города мгла.

(«Помнишь ли город тревожный...», 1911) [3, с. 80]

Сжатые, мимолетные общие мотивы (топосы) Петербурга рассеяны по всему полю творчества А.Блока. Их необходимо собрать воедино, так как, оторванные от своего целого, они теряют значительную долю своего содержания. Все же сопоставление их дает некоторую возможность наметить развернутый образ Петербурга.

А.А.Блок, как и его предшественники в русской литературе, двояко понимает родной город. Это – и город смерти, и город сказки. Образ смерти гуляет по городу, являясь то карликом, то скелетом. Как и Достоевского, Блока интересует темная сторона города, его внимание обращено на униженных и оскорбленных, на тех, «чей самый сон проклятье», на согнутые тяжелой работой спины, на покинутых детей. Особенно внимателен поэт к тем, кто раздавлен и нуждой своей, и страстями других:

Улица, улица...

Тени беззвучно спешащих

Тело продать,

И забвенью купить,

И опять погрузиться

В сонное озеро города – зимнего холода.

(«Улица, улица...», 1907)

Отличительной чертой блоковского Петербурга также является цвет. Если у Достоевского мы видим «желтый» город, то у Блока, помимо этой цветовой маркировки, жизнь Петербурга имеет еще несколько цветов. Во-первых, это черный:

Богоматерь!
Для чего в *мой черный город*
Ты младенца привела?
(«Ты проходишь без улыбки...», 1907)

Но в этом черном заключены многие тона, из которых выделяются два основных, дающие переливы города. Первый – синий всех оттенков, переходящий в серый. Это основной фон Петербурга, «где почивает синий мрак»: «помнишь ли город тревожный, синюю дымку вдали»; «только в душе колыхнулась синяя города мгла»; «дымно-сизый туман»; «серо-каменное тело»; «прекрасное серое небо», «безнадежная серая даль».

На мосту, вблизи дремлющих голубых кораблей, в голубых снегах является «Незнакомка». «Снег вечно юный одевает ее плечи, опускает стан. Она, как статуя, ждет. Такой же Голубой, как она, восходит на мост из темной аллеи. Так же в снегу, так же прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя.... Закрутился голубоватый снежный столб, и кажется, на этом месте и не было никого» [4, с. 75].

Целая поэма голубого цвета, и мнится, что сам Петербург, ставший призраком, колеблется, как тихое синее пламя.

Переливы серого и синего переходят во мрак – основной фон Петербурга. Но на сине-сером проступает кроваво-красный цвет северных зорь:

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.
На все светит красное солнце:
Красный дворик плещет ведра
С пьяно-алою водой.
Город переполнен жуткой фантастикой:
И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.
(«Город в красные пределы...», 1904)

Блок наполняет свои стихи цветовыми эпитетами, которые приобретают семантику топоса. Из приведенных выше примеров мы смогли увидеть, как цвет раскрывает образ города, наполняет его предчувствием апокалипсиса, определяет его демоническое содержание.

Итак, создавая образ Петербурга, А.Блок вписал свою самобытную и неповторимую страницу в петербургский текст русской литературы.

Литература

1. Анциферов Н.П. Непостижимый город. – Л.: Лениздат, 1991. – 336 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 486 с.
3. Блок А.А. Соч.: В 6 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Л.: Художественная литература, 1980. – 512 с.

4. Блок А.А. Соч.: В 6 т. Т. 3. Театр. – Л.: Художественная литература, 1980. – 430 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М., 2001. Стб.1076
6. Лотман Ю.М. Символика Петербурга // Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 703 с.
7. Орлов В. Поэт и город // Звезда. – 1980. – № 10. – С. 4-86.

Л.П. Зеленская
Н. рук. Е.Н. Семькина

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. КРУПИНА

Проблема связи творчества писателя с фольклором вызывает интерес особенно тогда, когда известно, что народная культура существенно повлияла на формирование автора. Сегодня одним из таких прозаиков, вобравших и органично преломивших традиции народного творчества в литературе, является В.Н. Крупин, автор множества рассказов, повестей. Для него фольклор – бездонный кладезь народной мудрости, неповторимой поэтической образности, богатства родного языка. В одном из отзывов о его произведениях В.Г. Распутин с чуткостью мастера подметил: «Это какая-то особая манера повествования – живая, даже бойкая, яркая, воодушевленная, образная, в которой русский язык «играет», как порою весело и азартно «играет» преломляющееся в облаках солнце» [3, с. 5]. Этот дар менее всего можно считать сознательно приобретенным, он так же органично пришел к писателю, как естественно человек усваивает нормы родной речи, традиции народной жизни.

В отечественной литературе немало художников, соединивших в своих произведениях законы литературы и фольклора, обращавшихся к фольклорным традициям с тем, чтобы выразительнее сказать о современности. Среди писателей XX века, многопланово преломивших каноны различных жанров устного народного творчества в произведениях, М.А. Шолохов, М.М. Пришвин, В.М. Шукшин, В.П. Астафьев и др. Обращение этих художников к народной культуре не было надуманным, она являлась неотъемлемой частью их жизни, фиксировала практический опыт народа, выступала сокровищницей духовной жизни.

Своеобразие прозы В.Н. Крупина складывалось под воздействием фольклора. Еще в юности у него появилась тетрадь, куда будущий писатель вносил все, что узнавал о крае отцов: наблюдения о характере вятча, записи о встречах и беседах с земляками, раздумья о людях, о родной земле, об истории Вятки, описания обрядов, этнографические, этимологические изыскания, пословицы, поговорки, частушки. Впоследствии эти записи вошли в рассказы и повести, составили произведение очеркового характера «Вятская тетрадь».

Среди ранних сочинений В.Н. Крупина, соединивших в себе законы устного и письменного слова, повесть «Варвара». Написанная в 1974 году и посвященная матери Варваре Семеновне Крупиной, она сразу привлекла внимание. Уже здесь выразилась такая особенность, которая впоследствии будет названа В.Г. Распутиным «сильным рассказывательским элементом» [3, с. 5]. Эта манера письма формирует не только стиль современного автора, но и раскрывает истоки его личности и творчества, уходящие в народную почву.

В поэтике повести «Варвара» существенную роль играет сказовое начало, которое проявляется, в первую очередь, в особой форме повествования, ведущегося от лица простой, умудренной жизненным опытом женщины – Варвары. Героиня делится историями, в свое время взволновавшими ее и прочно врезавшимися в память: рассказывает о военном лихолетье («Суп с крапивой», «Уголок», «Кольцо»), об отношениях в семье, рождении детей («Семечко», «Пятая клятва», «Не понимаю», «Как мужиков учат», «О правде и лжи»), об отчем доме, генетической привязанности к родному гнезду («Вологодская старуха», «Разбитое окно», «Наш дом»). При этом дистанция между читателем и рассказчицей сокращается, автор достигает эффекта сиюминутного присутствия молчаливого собеседника (читателя) в момент повествования. И истории Варвары из простого рассказа превращаются в негромкую доверительную беседу с читателем.

Сказовость проявляет себя и в непринужденных зачинах, где личностное начало выступает на первый план: «Со старухой в поезде ехала. Да не как-нибудь – в плацкартном вагоне. В общий-то сейчас не больно народ загонишь» («Вологодская старуха»); «Старею, конечно. Совсем дырявой голова становится» («Наш дом»); «Всю жизнь рядом с Максимовной жила. Призвали мужа, осталась я с четырьмя. Лапша лапшой» («Отросточки»); «Нонче летом я за малиной ходила, в деревне ночевала» («Молитва»). В результате и перед слушателями сказа, и перед читателями предстает не просто сообщение о случаях из повседневности, а жизненный эпизод, оформленный в глубоко прочувствованное, образное и художественно изложенное повествование. Сказовая форма позволяет автору и героине вести откровенный разговор о наблевшем, читателям – погрузиться в богатый духовный мир простой русской женщины. Сказовость становится ведущим средством создания народного образа, обрисовки характера героини, вобравшей зерна многовековой культуры.

Сказовое начало обнаруживается в «Варваре» и на языковом уровне. Языковые средства, организующие сказ, отличает лаконичность, точность, выразительность, сказ всегда несет на себе приметы местной принадлежности сказителя. Колоритную речь Варвары характеризует обилие разговорной лексики («рассолодел», «шпынять», «брезгуша», «проташушь», почтальонка», «поназаказывал», «порассказывал», «исказнюсь»,

«смолчу», «страшенное» в значении «великое», «больно» в значении «очень»), здесь много пословиц, поговорок, в ряде случаев давших названия миниатюрам («Старый старится, а молодой растет», «Как рукой сняло», «В семье не без урода», «Что нальешь, то и выпьешь», «С маленьким горе, с большим вдвое» и др.). Они раскрывают особенности мировоззрения героини, вносят вятский колорит, интонации народной речи, придают повести художественную сжатость, проявляют себя как на субъектно-объектном (рассказчик-собеседник), так и на композиционном, языковом уровнях. Именно «живым словом», как указывал Ю. Селезнев, «выражает человек свою сущность, потому что слово – это зеркало внутреннего, духовного состояния мира» [4, с. 48]. Писательскую задачу В.Н. Крупин видит в том, чтобы созданными характерами пытаться «сохранять великие духовные ценности, показывать их нетленность» [5, с. 102].

Отметим, что уже в период создания повести «Варвара» В.Н. Крупин работает над новым произведением – повестью «Живая вода», которая увидит свет лишь в 1980 году и станет событием литературной жизни. Многие современники выделяют в ней среди других особенностей сильное фольклорное начало, ее будут именовать и повестью-сказкой, и социально-философской притчей. Так, А. Латынина писала, что произведение В.Н. Крупина вырастает из современного быта, но ориентировано оно не только на литературную традицию, а и на фольклор [2, с. 39].

Фольклорное начало в повести «Живая вода» проявляется, в первую очередь, в сближении художественных форм со сказочными элементами. Так, она открывается зачином, традиционным для фольклора: «Жили-были...» [1, с. 13]. Этот зачин вводит в атмосферу сказки, эмоционально настраивает на чудо. Мир, в котором происходят аллегорические метаморфозы, предельно условен, как и мир народной сказки, описываемые явления приобретают гиперболический размах. Только в условном сказочном пространстве герои наделяются необыкновенными способностями, а у неодушевленных предметов проявляются фантастические свойства: главный герой Кирпиков по физической силе уподобляется богатырю; «почтальонка» Вера, подобно героям в сапогах-скороходах, дважды пробегает поселок, прежде чем ей удастся затормозить; вода приобретает метафорические свойства воды «живой» и «мертвой»; чудодейственная сила «хрустальной зюкинской» омолаживает людей, делает их «на одно лицо», приравнивает в росте, весе; «тявканье собак становится мелодичным» [1, с. 116], «курицы увеличивают яйценоскость», из яиц досрочно вылупляются цыплята, мгновенно обсыхают и строем маршируют к источнику» [1, с. 116]; пожар в лесу заливают из бутылок, подобно тому, как это происходит в сказках.

Центральным образом, давшим название повести, наделенным метафорическим, символическим значением, становится заимствованный из фольклора образ «живой воды». Писатель с раннего детства познал муд-

рость народных сказок, где «живая вода» оказывается в числе ключевых образов, выступает одним из основных помощников героев. Она возвращает прежний облик, дарует молодость, благополучие, исцеляет от болезней, оживляет, делает героя сильным. Упоминание о «живой воде» встречается и в других произведениях В.Н. Крупина («Ямщицкая повесть», «В заливных лугах», «Вятская тетрадь», «Православная азбука»), где идет речь о ее животворной силе, и в то же время этот образ приобретает православное звучание, в нем можно обнаружить связь с библейским образом «чистой реки воды жизни, светлой, как кристалл, исходящей от престола Бога и Агнца» (Откр. 22, 1), с духовными заповедями Священного Писания.

В повести современного автора источник «живой воды» наделяется обманными свойствами. Она меняет внешний облик человека, ввергает его в пучину сладостных обольщений, еще дальше уводя от проблем жизни души: помолодевший пенсионер Деляров остается подлецом, монополист на живительный источник Вася Зюкин рвется к власти. Обольстительная сила «живой воды», которая на самом деле оказывается «мертвой», подобна магическому действию загадочных гастролеров в булгаковском театре «Варьете». Поэтому неожиданное превращение чудесного источника в фонтан спирта несет отрицание порядка жизни, опустошающего, разрушающего человеческую душу.

Следовательно, животворным источником, припадая к которому можно «распрявиться», утолить жажду души, по Крупину, должны стать нравственные усилия самого человека. И сторож лесобазы Александр Иванович Кирпиков – единственный герой, который понял это. Он проходит длительный путь духовной эволюции, чтобы однажды увидеть «начало дня»: «Ему ничего больше не нужно, он никому не в тягость, а сам знает, что нужно другим, и будет стараться помочь. И <...> успеет еще многое» [1; с. 167].

В целом, можно отметить, что творческое преломление фольклорных традиций в прозе В.Н. Крупина весьма разнообразно. Жанровый диапазон фольклора в его творчестве (помимо сказов, сказок, пословиц, поговорок) охватывает былины, песни, частушки, загадки, формы включения которых в каждом отдельном случае продиктованы творческими задачами.

Литература

1. Крупин В.Н. Живая вода. – М.: Дет. лит., 2001. – 316 с.
2. Латынина А. Кирпиков и вечные проблемы // Лит. обозрение. – 1981. – № 9. – С. 38-41.
3. Распутин В.Г. Слово о писателе // Крупин В.Н. Живая вода. – М., 2001. – С. 5- 10.
4. Селезнев Ю.И. Василий Белов. – М.: Сов. Россия, 1983. – 144 с.
5. Трудное поле: Писатели о деревне Нечерноземья // Лит. учеба. – 1980. – № 5. – С. 100-111.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

Постмодернизм – видное художественное направление конца XX и начала XXI веков. Одной из основных характеристик постмодернистского произведения является интертекстуальность. Данная литературоведческая категория в контексте постмодернизма обладает своими смысловыми параметрами и специфическими условиями использования. «Постоянные отсылки к чему-то другому» [4, с.37], т.е. другому художественному тексту становятся многофункциональными. В постмодернистской эстетике особое внимание уделяется не просто использованию каких-либо реминисценций, более или менее узнаваемых, а отстраненно дистанцированная работа с ними. При этом имеет место рассеивание смысла оригинального текста путем деконструкции, результатом чего является потеря чужим текстом своего первоначального, «оригинального» содержания. Наполнение цитации новым смыслом дает большую свободу в ее использовании и интерпретации.

Роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996) – знаковое произведение русского постмодернизма, одно из ярких воплощений постмодернистской эстетики. Его появление вызвало бурный отклик критиков, что нашло свое выражение в дискуссиях, а также в многочисленных газетных и журнальных статьях. Чаще всего анализ текста осуществлялся либо с позиции рассмотрения ремифологизации советского мифа о Чапаеве (например, В.Цыганов), либо путем интерпретации текста как иллюстрации теории дзэн – буддийской философии (Д. Быков, П. Басинский, Г. Ишимбаева, С. Ульянов, С. Корнев и др.). Исследователи не уделили должного внимания интертекстуальным связям романа, которые выполняют множество специфических функций. Выявление цитации и их деконструированного смысла поможет установить особенности их функционирования в тексте, а также интерпретировать роман на конкретных сюжетных уровнях.

Интертекстуальные связи воплощаются в форме реминисценций. Под реминисценцией мы будем понимать «содержащуюся в произведении неявную, косвенную отсылку к другому тексту, напоминание о другом художественном произведении, факте культурной жизни» [1, с.870]. Все цитаты в роман В.Пелевина «Чапаев и Пустота» можно классифицировать по двум основаниям: по степени выявленности и по тематическому принципу.

Почти все реминисценции являются имплицитными (невыявленными), что дает большую свободу их переосмысления, наполнения иным содержанием. Только одна аллюзия романа является эксплицитной. В романе одним из персонажей является Фурманов, занимающий незначительный пост при Чапаеве. Однажды между ними происходит разговор, заключи-

тельная фраза которого такова: «Можешь даже написать, – сказал он [Чапаев] с ухмылкой, – что у меня были усы и после этих слов я их расправил» [2, с.257]. Данная аллюзия отсылает нас к знаменитому роману Фурманова «Чапаев», ставшего хрестоматийным в эпоху существования СССР. Да и в целом весь роман «Чапаев и Пустота» – это отсылка к каноническому тексту Фурманова. Пелевин выразил сомнения в способности человека объективно отобразить реальность, не говоря уже об истории. В приведенной фразе прослеживается мысль о фальсифицировании исторических фактов на примере мифологизации биографии Чапаева. Эта догадка находит своё подтверждение в предисловии романа Пелевина: «Заметим, кстати, что, хотя господин Фурманов и встречался с историческим Чапаевым по меньшей мере дважды, он никак не мог быть создателем этой книги [«Чапаев»] по причинам, которые будут видны из нашего повествования» [2, с.9]. Так автор рушит стереотипы и создает новые мифы.

Классифицируя интертекстуальные связи по тематическому принципу, можно выделить две основные группы: реминисценции философской и литературной тематики. Философские реминисценции романа представляют собой метафорическое осмысление различных философских концепций. Володин, пациент психбольницы, в которой находится и Пустота, объясняя ценность какой-либо вещи, говорит: «Был главный небесный автомобиль, по сравнению с которым твой шестисотый «Мерседес» г...но полное. Этот небесный автомобиль был абсолютно совершенным. И все понятия и образы, относящиеся к автомобильности, содержались в нём одном» [2, с.141]. Данная аллюзия представляет собой метафорическое объяснение философии Платона о мире идей, содержащем идеальные образы предметов, проекции которых нас окружают в повседневной жизни. Аналогичным аллегорическим переложением философии Ницше о сверхчеловеке, который должен стать «по ту сторону добра и зла», является разговор между новым русским Володиным и Коляном: «Ницше написал. Короче, этого твоего внутреннего мента грохнуть надо, и всё. И тогда никто не заберёт, понял?» [2, с.312-313]. Кроме того, в тексте представлено заземленное понимание категорического императива И.Канта («Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне»), причём принадлежит он Чапаеву, главному «философу» романа: «Что меня всегда поражало, – сказал он, – так это звёздное небо под ногами и Иммануил Кант внутри нас» [2, с.181]. Таким образом, наличие философских аллюзий в романе, с одной стороны, отражает тенденцию популяризации философии в современном обществе, сближение литературы и философии (что особенно характерно для постмодернизма), а с другой стороны, адаптацию философских идей для человека с достаточно низким уровнем мышления. Подтверждением этого являются слова Коляна, одного из паханов: «Ницше написал. Там витиевато написано, чтоб нормальный человек не понял, но всё по уму. Вовчик специально одного профессора нанял, посадил с ним пацана, который по-свойски кумекает, и они вдвоём за месяц её до ума довели, так, чтоб вся братва прочесть могла» [2, с.312].

Среди них можно выделить ряд семантически менее значимых. Когда Ленин ищет своего тайного соглядатая и вдруг «с кривой улыбкой» грозит пальцем и говорит: «Мисюсь! Где ты?» [2, с.96], прямая концовка чеховского «Дома с мезонином» приобретает комический оттенок. Кроме того, в этой ситуации отражается осколочность сознания человека вообще и героя постмодернистского произведения в частности. При упоминании о Лермонтове обращается внимание на его поэму о Зле, которая в результате оказывается «поэмой о каком-то летающем гусарском полковнике». Это отождествление Лермонтова с изображённым им Демоном указывает на частое отсутствие разграничения между автором и созданным им персонажем.

Стереотипность мышления показана Пелевиным как неотъемлемое свойство сознания человека. Так, например, пациент психбольницы отождествляет себя с главной героиней сериала «Просто Мария», что само по себе уже выявляет некую запрограммированность. Мария определяет себя чужими, блоковскими словами «прекрасная дама» и «незнакомка».

Помимо «проходных» в романе присутствуют и более семантически «нагруженные» цитаты. Важно определение Пустоты, которое он даёт доктору Тимуру Тимуровичу: «Он определённó умён, подумал я. Но какой подлец» [2, с.49]. Прослеживается чёткая параллель с романом М.Булгакова «Мастер и Маргарита» как на образном, так и на структурном уровнях, на что справедливо указывает А.Руднев [3, с.551]. В обоих романах образ клиники - это образ замкнутого мира, в котором Стравинский или Тимур Тимурович, что по сути одно и то же, устанавливают свои законы.

«Сад расходящихся Петек» [2, с.9] как вариант названия романа «Чапаев и Пустота» представляет собой своеобразную реализацию принципа одной из новелл Х.Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок», где герой может иметь абсолютно любую судьбу, причем все эти варианты одинаково возможны, так же, как возможна жизнь Пустоты и в начале XX века в качестве подручного Чапаева и в конце XX века в качестве пациента психбольницы отделения Тимура Тимуровича.

Особое внимание Пелевин уделяет творчеству Ф. Достоевского, в частности, его роману «Преступление и наказание». Имя Ф. Достоевского связано с образом Петербурга, Раскольниковым и его теорией и «достоевщиной». Определяя характер психической болезни П.Пустоты как «петербургский период – условное обозначение по самой устойчивой характеристике бреда», Пелевин проводит параллель между жизнью Пустоты и убийством им фон Эрнера в Петербурге с жизнью и убийством старухи-процентщицы Раскольниковым в том же Петербурге, причём дальнейшее воспоминание и размышления о содеянном и у Пустоты, и у Раскольникова носит характер бреда. Буквально в одной фразе излагается воплощение теории Раскольникова в жизнь и его последствия: «Как Раскольников, который бабку завалил. Думал, что его внутренний адвокат отмажет, а не вышло» [2, с.311]. Убийство Пустотой фон Эрнера соотносится с аналогичным моментом у Ф. Достоевского: «Но тут было другое, тут была

какая-то тёмная Достоевщина – пустая квартира, труп, накрытый английским пальто, и дверь во враждебный мир, к которой уже шли, быть может, досужие люди... Усилием воли я прогнал эти мысли – вся эта Достоевщина, разумеется, была не в этой двери с пулевой пробойной, а во мне самом, в моём сознании, поражённом метастазами чужого покаяния» [2, с.220]. Пустота ощущает чужое покаяние, которое его заразило, что свидетельствует о реальности так называемой «Достоевщины», своеобразной литературности жизни. Апофеозом деконструкции романа «Преступление и наказание» в романе «Чапаев и Пустота» является стихотворная драма в форме диалога между Мармеладовым и Раскольниковым. Стихотворная драма – это своеобразная дань условиям исполнения: драма, где действуют Мармеладов и Раскольников. Образ Мармеладова в основном сохраняет свои исходные черты (например, любовь к спиртному).

Раскольников изображен с топором как своим обязательным атрибутом. Мармеладов настойчиво просит продать ему топор и Раскольников уступает его мольбам. Продав топор, он теряет свою неотъемлемую часть, а значит, становится беззащитным и в физическом и в идейном плане: «Меняется что-то... Уже / рушится как бы... настигло... И ветер / холодно дует в разъятой душе» [2, с.33]. Эта потеря становится причиной его гибели, так как Мармеладов – это переодевшаяся старуха-процентщица, которая в итоге убивает Раскольникова его же топором. Финал в определённой степени водевилен, что также обусловлено местом постановки драмы. В этой драме переосмыслен роман Ф. Достоевского, а также присутствуют сугубо пелевинские мотивы, например, в словах Мармеладова: «чтоб за лица неподвижную кожей / гордою силой цвела пустота / и выходило на бога похожее» [2, с.31], подразумевается пустота как центральное понятие дзен-буддизма, которая является лейтмотивом всего романа.

Таким образом, интертекстуальные связи проявляются на образном, сюжетном и композиционных уровнях повествования. Использование Пелевиным реминисценций с деконструированным смыслом ломает стереотипы, заставляет по-новому взглянуть на хорошо известные философские и литературные аксиомы. Интертекстуальные связи выполняют ряд основных функций: деконструируют первоначальный смысл, ломают сложившиеся стереотипы, выступают в качестве строительного материала произведения. Аллюзии из романа «Преступление и наказание» показывают значимость творчества Ф. Достоевского в контексте русской и мировой литературы, несмотря на положение постмодернизма об отсутствии авторитетов.

На первый взгляд хаотичный набор реминисценций на самом деле структурирован. В романе встречаются аллюзии философского и литературного плана. Литературные аллюзии охватывают русскую литературу XIX и XX веков, а также мировую литературу; особенно значимы отсылки к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание», воплощенные в аллюзиях самого разного характера: от упоминания о Достоевщине до стихотворной драмы с участием Мармеладова и Раскольникова.

Литература

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Николукина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600с.
2. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2003. – 416с.
3. Руднев А. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: «Аграф», 2001. – 608с.
4. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 1999. – 608с.

Е.С. Гатилова
Н. рук. Н.В. Бардыкова

ДЕТЕКТИВНАЯ «ТРИЛОГИЯ» Э. ПО

Всю жизнь Э. По верил в Разум, который один только в его глазах способен вывести человека и человечество из трагических противоречий бытия. Недаром критики считают его главным рационалистом в американском романтизме. Естественно, что огромный интерес для писателя представляла интеллектуальная деятельность человека. В наиболее концентрированном виде он проявлен в так называемых «логических» его рассказах, которые сам Э. По называл «tales of ratiocination» (повести логического рассуждения): «Убийство на улице Морг», «Похищенное письмо» и «Тайна Мари Роже», составляющие своеобразную детективную «трилогию».

Понятие «логического рассказа» у Э. По шире, чем понятие «рассказа детективного». Из «логического» рассказа в «детективный» перешёл основной сюжетный мотив: раскрытие тайны или преступления. Сохранился тип повествования: рассказ – это задача, подлежащая логическому решению. Перешла в детективный рассказ и устойчивая пара характеров: герой – рассказчик. Герой – человек широкообразованный, тонко мыслящий, эксцентричный, наделённый мощной логической способностью. Рассказчик – персонаж симпатичный, энергичный, простоватый, хотя и благородный. Функция героя – раскрывать тайну, находить преступника; функция рассказчика – строить неверные предположения, на фоне которых пронизательность героя кажется гениальной. Следует заметить, что образ рассказчика у По существенно отличается от последующих модификаций. Он отнюдь не глуп, но ум его ординарен, лишен способности интуитивных прозрений и диалектической тонкости суждений.

Существенная особенность «логических рассказов» По состоит в том, что главным предметом, концентрирующим на себе внимание автора, оказывается не преступление и не расследование, а человек, ведущий

его. Сюжетная структура этих рассказов стереотипна. Она имеет два слоя: поверхностный и глубинный. На поверхности – поступки героя, в глубине – работа его мысли. Поверхностный слой беден событиями, но бедность физической динамики компенсируется напряжённым внутренним, интеллектуальным действием. Герой анализирует, сопоставляет факты, подвергает сомнению всякую деталь и всякое предположение. В ход идут его огромная эрудиция и мощная способность к логическому рассуждению. Его интеллект разрушает ошибочные построения и на их месте возводит неуязвимую концепцию, содержащую решение задачи. При этом По раскрывает сам процесс мышления, его принципы и логику. Пафос детективных рассказов не только в раскрытии тайны, но, прежде всего, в демонстрации красоты и огромных возможностей Разума.

В логических рассказах писатель рассматривает два типа сознания, которые Ковалев Ю.В. [2, 225] условно обозначил как тривиальное и нетривиальное. Тривиальное сознание представлено всеми персонажами, кроме Дюпена. Оно более или менее равнозначно здравому смыслу. «Аналитические способности» Дюпена – это продукт нетривиального сознания, которому доступны интуитивные прозрения и которое способно поставить их под железный контроль логического анализа. По высоко ценил этот тип сознания, полагая, что ему доступно решение любых проблем и задач, не только криминальных, но и научных, социальных, философских. В его иерархии интеллектов он уступает лишь сознанию творческому.

Специфика повествования в логических рассказах По состоит отчасти в том, что момент интуитивного озарения – всего лишь исходная точка «аналитических» рассуждений героя. Она теряется посреди множества фактов, газетной информации, полицейских донесений, рассуждений рассказчика, посреди разъяснений самого Дюпена, насыщенных дедуктивными умозаключениями.

Дюпен – аристократ, интеллектуал, ведущий уединенный и странный образ жизни, единственной страстью которого являются книги, а единственным занятием – умственные упражнения. Как нам сообщается, Дюпен имел привычку жить за закрытыми ставнями, и темноту освещали «два-три светильника, которые, курясь благовонием, отбрасывали тусклое, призрачное сияние» [3, 454]. Из этой цитадели он выходит лишь вечерами, «находя в мелькающих огнях и тенях большого города ту неисчерпаемую пищу для умственных восторгов, которую дарит тихое созерцание» [3, 454]. Он также любит поразить своих друзей анализом их скрытых умственных процессов и испытывает глубокое презрение к методам сыска, практикуемым полицией. Занятие детективными разысканиями – для него такое же эстетическое наслаждение, такая же «прекрасная игра», как для другого игра на скрипке. Детективная деятельность для него – своего рода «искусство для искусства», способ уйти от жизни. Не случайно Ш. Бодлер утверждал, что жизнь Дюпена – это своего рода интеллекту-

альное бытие в чистом виде, и отождествлял героя По с личностью автора: «Герои По или, вернее, герой его – человек со сверхъестественными способностями, человек с расшатанными нервами, человек, пылкая и страждущая воля которого бросает вызов всем препятствиям; человек со взглядом, острым, как меч, обращенным на предметы, значимость которых растет по мере того, как он на них смотрит. Это – сам По» [1, 102].

Дюпен обладает математически четкой логикой, но он не лишен и черт творца-поэта: воображения, интуиции. Все это вместе взятое и определяет его уникальные аналитические способности. Соединение романтической меланхолии с рационалистическим, исследовательским складом ума, согласно Прозорову В.Г.[4, 67], делает Дюпена типичным героем прозы По.

Разгадка тайны необычайного убийства старухи Л'Эспанэ и ее дочери («Убийство на улице Морг») строится на основе сопоставления газетных заметок и свидетельских показаний. Дюпен действует с умелостью сыщика-профессионала: он отправляется на место убийства, чтобы собственными глазами увидеть картину. Он исследует обстановку, трупы, дом, двор. Но все это только своеобразная «экспозиция». Основной интерес повести заключается в разъяснениях, которые Дюпен дает своему приятелю; это своеобразный дневник работы ума, составляющий, собственно, сюжет детективных новелл По.

«Гениальный» и по-своему вдохновенный анализ Дюпена строится на сочетании внимательного изучения мельчайших фактических подробностей со смелой интуицией, с порывами творческой фантазии. С одной стороны, он производит кропотливое обследование шляпки гвоздя в оконной раме, благодаря чему становится ясным, что именно таким путем, через окно, обладая сверхчеловеческой ловкостью, убийца имел возможность скрыться. С другой стороны, Дюпен дает рискованное объявление в газете о будто бы пойманном им орангутанге, целиком являющееся результатом его «творческой» гипотезы. Дюпен делает выводы (на которые оказалась неспособна полиция) на основе показаний свидетелей и находит улики, которые полицейские, одержимые одной версией, и не думали искать. В этом рассказе также впервые сформулированы два ведущих принципа детективной «науки». Первое: когда исключаются все варианты, кроме одного, он и будет истинным – при всей его кажущейся невероятности, и второе: чем сложнее и запутанней дело, тем легче его решить.

В «Похищенном письме» речь идет о пропавшем документе, от которого зависит судьба весьма влиятельного лица (хотя о его содержании нам ничего не известно). Полиция подозревает в похищении одного министра. В его доме устраивают тщательнейший обыск, но безрезультатно. Дюпен же, исходя из характера подозреваемого, убежден, что коварство можно победить лишь коварством. Он наносит министру визит и обнаруживает письмо, вывернутое наизнанку и небрежно положенное на полку, на виду у всех. Здесь мы имеем дело с методом психологической дедукции (вывод по правилам логики; цепь умозаключений, звенья которой

связаны отношением логического следования) и решением загадки с помощью формулы «самого очевидного места».

У Дюпена есть свой двойник. Это некий префект Г. Двойник отличается своей честностью и неподкупностью, но принадлежит к разряду людей ограниченных, лишенных всяческого воображения. По описанию самого Дюпена, префект – человек «сообразительный», и его по праву можно назвать «добрым малым», однако он не годится для решения сложных интеллектуальных задач, что осознает и сам префект.

Банальная логика, при всей изощренности методов, которые пускает в ход префект полиции, не способна обнаружить письма. Для Дюпена – обладателя безупречного аналитического мышления – это не составляет труда. Логика возводится Э. По в разряд искусства, поскольку именно посредством искусства можно постичь механизмы человеческой психики. Соединение научного подхода и романтического мировоззрения и в этой новелле составили неотъемлемую черту поэтики новелл Э. По.

В антитезе Дюпен – префект налицо проявление одной из особенностей романтического мироощущения: противопоставление талантливой яркой индивидуальности скучной запрограммированной посредственности. По мнению самого Э. По, созданный им мир противостоит реальной жизни Америки, что доказывается даже национальностью Дюпена: не американец, а француз.

Третий рассказ «Тайна Мари Роже» всецело состоит из газетных вырезок, связанных с исчезновением и убийством продавщицы, и комментариями Дюпена, который восстанавливает не только картину смерти девушки, но и историю ее жизни. Однако убийца так и не найден, лишь выясняется, что это моряк – поклонник Марии, с которым та собиралась бежать. Рассказ снова иллюстрирует тот факт, что Дюпена в принципе не интересует конечная цель расследования, ему интересен сам процесс и доказательства разгадки любой тайны.

В своих детективных новеллах писатель ставит способность к анализу выше изобретательности и соотносит анализ с воображением, а изобретательность с фантазией. В его эстетической системе анализ занимает центральное место, а задача художника оказывается сходной с задачей воображения – создавать гармонию, все ставить на свои места, прояснять непознанное.

Литература

1. Бодлер Ш. Избранное. – Минск, 1989.
2. Ковалев Ю.В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография. – Л., 1984.
3. По Э.А. Избранное. В 2 т. – М.: 1996.
4. Прозоров В.Г. Мечта и трагедия: По страницам американской классики XIX–XX веков. – Петрозаводск, 1993.

**ТЕМА «ВОЗМУЩЁННОГО СОЗНАНИЯ»
И ОБРАЗЫ БУНТУЮЩИХ ЖЕНЩИН
В РОМАНАХ СЕСТЁР БРОНТЕ**

Среди представителей «женской литературы» в Англии 1840-х годов (Ф.Троллоп, Г.Мартино) самое видное место по праву принадлежит сёстрам Бронте – Шарлотте и Эмили, внесшим весомый вклад в развитие жанра английского романа.

Произведения Шарлотты Бронте привлекли внимание современников значительностью проблематики, связанной с обличением социального неравенства, защитой женского равноправия, своеобразием художественного мастерства, одной из особенностей которого стало соединение реалистического начала с романтической традицией.

В решении женского вопроса Шарлотта Бронте сближалась со своей любимой французской писательницей Жорж Санд, которая в 1840-е годы пришла к выводу, что спасение для женщины – не только в праве на свободу и равенство в любви, но и в упорном самостоятельном труде. Постоянно восхищаясь талантом Жорж Санд, она называет его «титаническим» и «проникновенным», считает лучшим её романом «Консуэло». Образ талантливой и трудолюбивой Консуэло сыграл определенную роль при создании образа Джен Эйр. Подобно Жорж Санд, Шарлотта Бронте не отделяет судьбу и борьбу женщины от судьбы неимущих: её героиня подвергается обидам и унижениям, прежде всего потому, что она бедна. Роман «Джен Эйр» был воспринят как манифест участников движения за права женщин. Созданные позднее «Шерли» и «Городок» закрепили это представление.

Принципиальная новизна романа «Джен Эйр» сразу же привлекла внимание читателей и критики. Прежде всего, поражала его свобода от привычных условностей в образной системе, необычность художественного воплощения образа героини, особенно ее облика – некрасивой, бедно одетой, так явно пренебрегающей всеми вещественными материальными преимуществами богатства и привилегированного положения. Более того, личность, неповторимая индивидуальность Джейн Эйр, как в фокусе, вобрала в себя мятежность чувств и настроений эпохи сороковых.

Роман являл собой удивительное сочетание злободневной общественно-политической актуальности и высокой художественности. И главным художественным открытием писательницы явилось умение выявить красоту и драматизм становления человеческого духа в борьбе с социальной «судьбой», причем духа, воплощенного не в традиционном романтическом герое или героине. Идеал человеческой воли, неподвластной словесной регламентации, был воплощен в образе неимущей труженицы, молодой гувернантки, больше всего ценящей свою независимость и человеческое достоинство. Бронте вывела на авансцену английского романа

нового героя, обладающего новым общественным и личным самосознанием, и ввела в современную литературу тему женского равноправия, понимая его как право на приносящий радость труд и на яркую эмоциональную жизнь.

Эта мысль получит дальнейшее развитие в романе «Шерли», в котором внимание Шарлотты Бронте приковано к «средним классам» и тем, кто непосредственно их обслуживает. Главные коллизии и проблемы романа – взаимоотношения фабриканта и рабочего, судьбы детей и женщин, буржуазная благотворительность и буржуазный реформизм. Но так же, как в «Джен Эйр», автор вновь размышляет над проблемой общественного положения женщины.

Образ Шерли интересен и сложен, в нём воплощена авторская мечта о сильной духом, морально независимой и деятельной женщине. В уста героини вкладываются страстные речи о душевной силе женщин, помогающей им вынести вековое рабство и вырастить новые поколения. В сознании Шерли возникает романтическая картина тысячелетней борьбы женщины со смертью, мощный образ Евы, матери титанов, сливающийся с образом природы. Шерли самостоятельна в своих решениях и, игнорируя кастовые предрассудки своей аристократической семьи, выходит замуж за бедного учителя Луи Мура (брата фабриканта Роберта).

В «Шерли» есть и авторское обращение к «отцам Англии», из которого видно, что для Бронте женская проблема – это «часть общего положения всех зависимых и угнетаемых»[1, 100].

Последний роман Шарлотты Бронте «Городок» – ещё один вариант женской судьбы: бедной учительницы Люси Сноу, само имя которой символизирует и её внешнюю бесстрастность и тот жизненный холод, с которым она столкнулась (первоначально Шарлотта Бронте даже хотела назвать её мисс Фрост). Но под этим спокойствием таилось огромное нерасстраченное душевное богатство, страстная жажда любви, деятельности, счастья.

В историю литературы Эмилия Бронте вошла как автор романа «Грозовой перевал», вызвавшего бурю эмоций у критиков. Его называли «романтичным произведением» (У. Пейтер), «дьявольской книгой, объединившей все самые сильные женские наклонности» (Д.Г. Россетти), «одним из манифестов английского гения... романом, перерастающим в поэзию» (Р.Фокс). И действительно он уникален во многих отношениях.

Сложная композиция романа позволяет держать читателя в постоянном напряжении в момент, когда разворачиваются перед ним перипетии отношений Хитклифа и Кэти, отец которой взял когда-то на воспитание этого мальчика. В детстве они были очень дружны и вполне счастливы, бегая по цветущей вересковой пустоши, которая казалась им раем. Но позже любовь столкнулась с моральными и социальными правилами, жёстко продиктованными обществом. Кэти вышла замуж за Эдгара Линтона. Потрясённый Хитклиф становится воплощением ужасной мести, превращая в жертвы тех, кто, по его мнению, лишил его

права на счастье и любовь, сделал изгоем. Тема неистовой любви переплетается здесь с темой униженных и оскорблённых. События в романе происходят в течение одного года, но ретроспектива расширяет временные рамки до трёх десятилетий. Столь значительный пласт времени, на первый взгляд, контрастирует с крайне ограниченным пространством: два имения, удалённые друг от друга на четыре мили. Упомянутый в романе указательный столб из нетёсаного песчаника приобретает характер символа, как камень на перепутье: Грозовой Перевал – Мыза Скворцы, Север – Юг, Холмы – Долина.

Два имения поданы в романе как два полюса этого маленького мира. В описании Мызы преобладают мягкие, пастельные тона: тепло долины, зелень парка, шелест травы. Второе имение расположено на вершине холма. События, происходящие здесь, чаще всего даются на фоне природных катаклизмов: гроза, буран, ураганный ветер, – что придаёт им особую значительность и масштаб.

Между имениями существует взаимное притяжение. Противоположный полюс манит, искушает главных героев, но позже наступает прозрение, понимание невозможности прижиться на чужой почве. Все попытки героини изменить себя, принять законы иного существования обречены, ибо изменить – означает только одно – предать себя и заплатить за это жизнью, как и происходит с Кэтрин. Э. Бронте, чтобы подчеркнуть несовместимость двух миров, прибегает к библейской символике. Кэтрин, увидев себя во сне в раю, умоляет ангелов вернуть её на вересковые пустоши у Грозового Перевала. Изабелла, «ликуя, как душа, вырвавшаяся из чистилища», бежит на огни Скворцов, воспринимая Мызу как островок устойчивости.

В замкнутом пространстве, ограниченном четырьмя милями, Э. Бронте создала модель трагически противоречивого мира. Два полюса, существующие в этом мире, находятся в состоянии взаимного притяжения и отталкивания, что и определяет драматизм судьбы главной героини романа, любовь которой к Хитклифу была лишена гармонии и созидания. Кризис души Кэтрин подчёркнут и сценами с призраком, появление которого автор объяснил как символическое воплощение обид и человеческих страданий. Рассказчик, от лица которого ведётся повествование, ночуя в бывшей комнате Кэтрин, слышит стук в окно, видит «бледное лицо», прижатое снаружи к стеклу, и «маленькую окровавленную руку», просунувшуюся сквозь разбитое стекло. Призрак просится в комнату: «Уже двадцать лет, – жаловался дрожащий голос, – двадцать лет... Я скитаюсь уже двадцать лет!». Призрак Кэтрин блуждает по холмам в ожидании своего возлюбленного. После смерти Хитклифа фермеры видят уже две тени.

Творчество сестёр Бронте имеет непреходящее значение, во многом благодаря образам главных героинь их романов. Джен Эйр – девушка низшего сословия, отстаивающая своё человеческое достоинство, право на самостоятельный труд и любовь. Шерли – аристократка, духовно ода-

рѐнная, благородная, но в то же время хищная собственница. Люси Сноу дополняет ряд бунтующих женщин. Это женщина незаурядная, волевая, смелая в своих суждениях и действиях. И, наконец, Кэтрин – избалованная аристократка, предпочитающая бедному подкидышу Хитклифу его богатого соперника Эдгара Линтона. Но, погибая, она продолжает любить Хитклифа («Я и есть Хитклиф! Он всё моё существо»).

Романы Шарлотты и Эмилии Бронте, впитав в себя достижения литературы первой трети XIX века, предвосхитили многие особенности творчества английских романистов середины столетия, в том числе и в трактовке темы «возмущѐнного сознания» и характеров будущих героинь.

Литература

1. Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. – М., 1997. – 352 с.

*О.И. Виноградова
Н.рук. Н.В. Бардыкова*

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Г.ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ»

«Госпожа Бовари» Флобера обозначила поворотный пункт в развитии жанра европейского романа XIX века. Поставив перед собой определенную задачу («передать пошлость точно и в то же время просто»), Флобер предпринял близкое к научному исследование пошлости. Эта задача диктовала изменение традиционной формы романа и его сюжета (как главной составляющей романной структуры). Флобер уделил собственно сюжету меньше трети текста: экспозиции отведено 260 страниц, основному действию – 120, развязке – 60 страниц. Огромная экспозиция необходима для уяснения предпосылок, обрекающих главную героиню на страдания и смерть. Она же во многом объясняла суть подзаголовка романа – «Провинциальные нравы».

Противопоставление Парижа и провинции, понимание этой оппозиции как проблемы современного французского общества было предложено еще Бальзаком в 1830-е годы. Но в 1850-е годы Флобер считал, что вся Франция является провинцией. Не случайно в романе о жизни Эммы Бовари нет образа Парижа. Единственная дорога, ведущая из Ионвиля, – дорога в Руан, большой провинциальный город, за пределами которого жизнь немыслима. Провинциальность, по Флоберу, – качество души, присущее человеку вне зависимости от происхождения, а Ионвиль – собирательный образ французской провинции с ее нравственной, культурной и эстетической ограниченностью.

Роман начинается с описания одного из типичных провинциалов Второй империи – Шарля Бовари. Скучный, усидчивый тугодум, без обаяния, остроумия, образования, но с полным набором шаблонных идей и правил. Он мещанин, но при этом еще и трогательное, жалкое существо. Однако напомним, что большую часть романа мы видим Шарля глазами его второй жены; муж постоянно находился под лучом раздраженно – критического взгляда Эммы, высвечивающего в нем лишь отрицательные черты. В отличие от нее, г-н Бовари благосклоннее расположен к жене, в которой видит именно то, к чему она сама тщетно стремится в своих мечтаниях. Смутно, но глубоко он чувствует в ней какую-то «переливчатую прелесть», «мечтательную даль», «поэзию», «романтичность». Его преданное отношение к жене делает провинциального врача лучше, он перестает быть типичным буржуа, а именно эта черта и отталкивала Флобера. Более того, любовь к Эмме, растущая почти незаметно для самого Шарля, – настоящее чувство, глубокое и подлинное, абсолютная противоположность поверхностным переживаниям Родольфа и Леона, ее самодовольных и пошлых любовников. Таким образом, самый скучный и нескладный персонаж книги – единственный, кто любит Эмму по-настоящему. Так, с помощью этого образа-зачина автор уже в самом начале романа вводит центральную проблему – столкновение мечты (иллюзии) и реальности.

Детство Эммы (в шестой главе) ретроспективно описано языком банальной романтической культуры, языком прочитанных ею книг и того, что она оттуда почерпнула. Эмма – страстная читательница любовных и «экзотических» романов, а также романтической поэзии. В нескольких абзацах Флобер перечисляет все дорогие Эмминому сердцу романтические клише; но изощренный отбор расхожих образов и их ритмическое расположение по изгибам фразы создают гармоническое и художественное впечатление. Эмма ждет от жизни не того, что жизнь может ей дать, но того, что сулят авторы романов, поэты, художники и путешественники. Поэтому-то она и обречена изначально на гибель в столкновении с окружающей средой. По Флоберу, три силы создают и формируют человека: наследственность, среда и неизвестный фактор Икс. Вторая сила – среда – самая ничтожная из трех, а третья – фактор Икс – самая важная. Когда речь идет о литературных героях, то контролирует, направляет и применяет три силы, разумеется, автор. Но Флобер убежден, что не среда сформировала Эмму таковой, а она сама. Автор двойственно относится к своей героине. Он сурово судит ее, так как она все же часть той среды, которая гнетет ее и сама заражена этой порочностью. Эмма быстро развращается, привыкает ко лжи и расточительству, лицемерит, ведет двойную жизнь. Как отмечает сам автор: «Веление плоти, жажда денег, томление страсти – все сливалось у нее в одно мучительное чувство» [2, 107].

Но Флобер и жалеет ее, так как она не может ощутить разницу между своими идеалами, и происходящим на самом деле. Так, она не осознает, что ее «великая любовь» оборачивается пошлым буржуазным адюльтером.

Жюль де Готье назвал «боваризмом» умонастроение тех, кто тщится "вообразить себя иным, нежели он есть в действительности". В характере почти каждого француза можно обнаружить малую толику «боваризма». В любом нотариусе можно обнаружить осколки поэта. Эмма по природе своей – это «боваризм» в чистом виде. Она могла бы обрести простое, но подлинное счастье, посвятив себя заботам о дочери, о доме, попытавшись мало-помалу преобразить облик своего мужа, который любит ее и потому пошел бы навстречу всем ее пожеланиям; она тянется к поэзии и могла бы наслаждаться поэзией окружающей природы, поэзией деревенской жизни, она даже могла бы попробовать писать сама. Однако Эмма не желает видеть того, что ее окружает. Она грезит о совсем иной жизни и не желает жить той жизнью, какая ей дана. Перепады Эмминых эмоций: чересполосица тоски, страсти, отчаяния, влюбленностей, разочарований – завершаются добровольной, мучительной и очень «сумбурной» смертью.

На иных принципах строится образ аптекаря Оме, символизирующего торжествующую пошлость.

Вспомним, что в течение долгого времени Флобер работал над «Лексиконом прописных истин», представляющим своеобразную апологию человеческой низости во всех ее проявлениях, и Оме является носителем именно этого лексикона. Помимо этого он обладает целым рядом других отрицательных черт.

Его научные познания взяты из брошюр, общая образованность – из газет; литературные вкусы ужасающие. Он не в силах забыть ужас, который испытал, едва не угодив в тюрьму за незаконную медицинскую практику. Оме предатель, хам, подхалим и легко жертвует своим достоинством ради деловых интересов или чтобы заполучить орден. Аптекарь трус и, несмотря на храбрые тирады, боится крови, смерти, трупов. Он не знает снисхождения и отвратительно мстителен. Это самодовольный позер и пошлый краснобай.

Об отрицательных чертах Оме в прямую почти нет речи, отталкивающими оказываются как раз его буржуазные добродетели – добропорядочность, семейственность, общительность, трудолюбие, вера в науку и прогресс, либерализм (пресловутые «принципы 89 года»). Но все это наигранно и искусственно. Сам фармацевт, подобно Эмме живет в выдуманном мире. Только он выдумал то, что реально, что его удовлетворяло. Аптекарь, как и Эмма, является носителем «боваризма». Образ Оме - это один из показательных образов омертвления души. «Лицо его не выражало ничего, кроме самовлюбленности» [2, 80]. В нем совершенно нет тайны, Флобер смеется над ним, хотя и старается скрыть от читателя свое отношение к героям.

Во всей структуре романа у Оме особенная роль – почти не участвуя в романном действии, он комментирует все происходящее, иногда даже «предсказывает» тот или иной ход событий (по отношению к Шар-

лю он выполняет примерно ту же роль змия-искусителя, что и Лере по отношению к Эмме).

Отметим попутно, что после издания романа, по записям самого Флобера, его осаждали разгневанные аптекари различных провинциальных районов, которые узнавали в Оме себя.

Героями с омертвевшими душами становятся и любовники Эммы Бовари – Леон и Родольф.

Трусоватый Леон на просьбу Эммы о деньгах из страха отказывает ей. Это образ заурядного буржуа, который «в пылу своей юности... один день, одну минуту... считал себя способным на безмерные страсти, на высокие подвиги».

Эмме отказывает в деньгах и другой ее любовник – Родольф Буланже.

Расчетливый, самовлюбленный соблазнитель Родольф – «опошленный вариант виконта де Вальмона («Опасные связи» Шодерло де Лакло)»[1,112]. Сам же себя Родольф видит байроническим героем. Он как Эмма и Леон, тоже находится во власти литературных штампов. Но он, как и аптекарь Оме, – воплощение торжествующей пошлости, самовлюбленности, самодовольства и «несокрушимой самоуверенности», ибо Флобер убежден в том, что мир буржуазии, мир серости и усредненности не знает сильных натур и сильных героических страстей. Отсюда главными приемами создания образов в романе о французских «мертвых душах» стали деромантизация и дегероизация.

Литература

1. Зенкин С. Работы по французской литературе. – Екатеринбург, 1999.
2. Флобер Г. Госпожа Бовари / Пер. Н. Любимова. – М., 1989.

Раздел 2. ИСТОРИЯ

*Л.Г. Азаркова
Н. рук. В.В. Бычковский*

РОЛЬ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БОРИСОВСКОГО РАЙОНА

Издавна на Руси проводилось много ярких, любимых и долгожданных народных праздников. Из-за ряда причин некоторые из них стали проводиться не так массово, как в старину, а только в кругу друзей, семьи. И в начале 1990-х годов перед работниками культуры встала задача – возродить старинные русские праздники, обряды, богатую культуру наших предков.

С 1991 года работниками культуры стали проводиться такие давно забытые праздники как «Колядки», «Щедровки», «Праздник русской берёзки», «Широкая масленица», «Троица», «Ночь волшебства и колдовства» - праздник на Ивана Купала (ГАБО. Ф. Р – 87, оп. 4, д. 1017, л. 15).

Ежегодно в Борисовском районе весело празднуется Рождество Христово. Организовано торжества проходят не только в районном центре, но и в селах района.

Обычно праздник проходит так: утром и вечером жители посёлка посещают праздничные литургии в Михайловской церкви посёлка Борисовка. А вечером празднования перемещаются в районный Дом культуры, который оформляют в стиле сельской горницы – расшитыми рушниками, на столах самовары, композиции с рождественскими свечами, пироги. Колядовщики разряжены в костюмы медведя, козы, кота, собаки.

– Добрый вечер добрым людям – приветствовали ребята хозяина и хозяйку и спрашивали: «Заколядовать?».

Получив согласие, колядовали:
Колядница, колядница,
Добра с маком поляница,
Что ты, тётка, напекла,
Неси скорей до окна
Грудочку каши,
Кольца колбаски... [4].

Колядовщики со звездой и чучелами в руках посещали и домовладения жителей райцентра, где их с радостью встречали.

А на районной площади народ плясал, пел народные песни и частушки. Зрители имели возможность встретиться с Дедом Морозом, Снегурочкой, Медведем, Цыганкой, Козой, Гадалкой – таким образом, переплетались народные традиции с новыми героями [4].

А какой же праздник без игр? Они проводились и вызывали у присутствующих много смеха. Например, игра «Разбей горшок», перетягивание каната. Победителям вручали призы.

А ночью жители райцентра собирались возле рождественского костра и пели песни. Все желали друг другу здоровья и мира, благополучия, счастья и достатка. Многие от рождественского костра брали с собой угольки, чтобы в доме было тепло, светло и уютно целый год, как в день Рождества Христова [4].

Каждому селу в районе предпочтителен свой праздник. Так в селе Тёплое отмечают «Егория», в селе Стригуны – «Маковей», в селе Хотмыжск – «Никола Зимний».

В отчёте о работе отдела культуры Борисовского района за 1999 год подробно описывается следующее празднование: в Чулановском сельском клубе проводился праздник села – день Святого Никития. Празднество проходило на лесной поляне, рядом кипела каша. Каждая хозяйка, пришедшая на праздник, представляла своё блюдо. Участники фольклорного коллектива проводили игры с детьми (Архивный отдел администрации Борисовского района Ф.42, оп. 1, д. 243, л.8).

Один из самых любимых праздников жителей Борисовского района – Масленица. Ежегодно в районной газете «Призыв» печатаются репортажи о прошедшем празднике.

Обычно праздник проходит по одному, проверенному годами сценарию, но ежегодно вносятся и какие-то новые элементы.

В самом начале дня обычно проходит ярмарка, на которой представляют свою продукцию сельскохозяйственные и промышленные предприятия района и области. На площади поселка размещаются красочные домики подворий сельских поселений района и поселка Борисовка. К их оформлению подходят творчески, учитывая местные традиции. Давайте заглянем в один из них. Например, «У Акулины». Возле него колодец и собачья будка, а в домике вышитые рушники на стенах, в красном углу икона. На столе множество блюд и местный напиток с этикеткой «Акулина-злодейка», на которой изображены сабли и пистолет. Существует легенда о том, что в селе когда-то находилась группа разбойников во главе с Окулиной, которые грабили проезжающие по Киевскому шляху обозы. Отсюда, как говорит легенда, название села Акулиновка.

На площади поселка, на импровизированной сцене с песнями, плясками, частушками, танцами выступали коллективы художественной самодеятельности и солисты сел.

Больше всего публику веселили конкурсы, например, кто быстрее всех съест 4 пирожка. Радуют слух конкурсы на лучшего гармониста. Мужчины показывали свою удаль молодецкую в поднятии гири, перетягивании каната. Победителям конкурсов вручались призы.

Но больше всего зрителей собирается у столба, на котором по традиции первый приз – петух. Детишкам большую радость доставляло участие в конкурсах, где каждый получал сладкий приз, и катание на санях под звон бубенцов [2].

Итогом и венцом работы органов культуры района и области является фестиваль «Хотмыжская осень» – прекрасный праздник славянских народов, способствующий их крепкому сплочению.

А всё началось в 1990-году, когда 5 августа в Хотмыжске был проведен праздник, посвященный 350-летию села. На нем по инициативе жителей и гостей был организован сбор денежных средств на восстановление памятника истории – Воскресенского собора [1].

В 1997 году главой администрации Е. С. Савченко было принято решение о проведении в Хотмыжске ежегодного фестиваля с приглашением творческих коллективов Беларуси, России, Украины [5].

Чтобы представить всю красочность и грандиозность фестиваля, ниже приводится рассказ о его праздновании в 2005 году.

Праздник начался с божественной литургии с участием архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. По окончании литургии состоялось освящение Поклонного креста [5].

С 11 часов проводилась презентация выставки мастеров декоративно-прикладного творчества. Радовали взор присутствующих вышитые крестом картины, привезенные из Губкина. Не могли посетители пройти мимо молодого мастера из Чернянки Николая Публиченко, который в присутствии народа делал изделия из дерева. Большим спросом пользовались картины борисовского художника Эдуарда Иванова, изделия из лозы и соломки мастеров Центра культуры и искусств поселка Борисовка, изделия ООО «Борисовская керамика», особенным спросом пользовались сувениры с символикой фестиваля «Хотмыжская осень».

С половины двенадцатого официально, на празднично украшенной сцене открылся фестиваль. После поздравления официальных лиц на сцене начался праздничный концерт. На протяжении нескольких часов зрителей радовали творческие коллективы Белгородской, Воронежской, Липецкой, Орловской, Тамбовской, Курской областей России; Минской, Гомельской, Могилевской – Белоруссии, Сумской, Харьковской, Луганской, Запорожской областей – Украины, города Ополе – Польши [3].

Все выступали от души, с любовью, несли свое прекрасное народное искусство людям. Доставили им приятные часы отдыха.

Красивую сельскую улицу составили подворья администраций округов Борисовского и соседних районов. Хозяева домиков приветливо зывали гостей и угощали чаем из старинного самовара, баранками, варениками, пирогами. Всех участников, гостей и хозяев, объединяли любовь к культуре, обычаям, традициям, славянских народов. А борисовцев переполняла гордость, что именно на их земле проводится такой фестиваль.

Народные праздники сплачивают людей, объединяют общей историей. Праздники позволяют вырваться из круга повседневных забот, повеселиться, душевно отдохнуть и, конечно же, проявить свои таланты и умения, коих немало. И, в конце концов, просто встретиться друг с другом и пообщаться.

Литература

1. Кофанов А. Восстановим памятник истории // Призыв. – 1991. – 31 января. – С.4.
2. Покутняя М. И Ярмарка, и Масленица // Призыв. – 2006. – 2 марта. – С. 2.
3. Покутняя М. Международный фестиваль «Хотмыжская осень» // Призыв. – 2005. – 22 сентября. – С. 3.
4. Покутняя М. Рождество Христово в Борисовке // Призыв. – 1994. – 19 января. – С. 2-3.
5. Покутняя М. «Хотмыжская осень» // Призыв. – 1997. – 20 сентября. – С. 2-3.

*А.А. Гонтарева
Н. рук. А.А. Дворецкая*

ИСТОРИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ

В настоящее время широкое распространение приобрело размещение в Интернет-пространстве различных по форме и содержанию ресурсов, так или иначе касающихся исторической науки [2, 3, 1, 4].

При этом по-прежнему характерно преобладание англоязычных источников информации. Целью данного исследования является аналитическая оценка англоязычных ресурсов, освещающих проблемы истории, культуры английского общества времен правления Елизаветы I.

Следует заметить, что обозрение всех (или хотя бы большинства) англоязычных сайтов, публикующих материалы, относящиеся к проблемам культурной истории Англии второй половины XVI – середины XVII века, представляется весьма затруднительным. Известные сложности с поиском ресурсов по Интернету обусловлены, прежде всего, его децентрализованной природой. Поэтому в данном исследовании были рассмотрены сайты, наиболее часто встречающиеся при работе с поисковыми системами www.yahoo.com и www.google.com.

При работе с зарубежными электронными источниками отечественные исследователи могут также столкнуться с рядом проблем иного плана. Во-первых, многие авторитетные ресурсы, основанные известными высшими учебными заведениями, предоставляют доступ к имеющейся информации исключительно собственным студентам, аспирантам и профессорско-преподавательскому составу. Во-вторых, значительное количество виртуальных библиотек доступно лишь в платном режиме, что ограничивает возможности многих отечественных пользователей. Ввиду этого в данной работе рассматриваются отдельные научные и научно-популярные ресурсы, находящиеся в свободном доступе.

Так, *Luminarium* – один из самых известных научных Интернет-ресурсов, освещающих историю английской культуры эпохи Возрожде-

ния [8]. Его работа началась с 1996 года. Ресурс функционирует автономно от того или иного академического учреждения, но существенно, что в его создании принимают официальное участие преподаватели и аспиранты университетских центров Канады и США, таких как Калифорнийский университет, Университет Манитобы, Орегонский университет и других.

На сайте имеется три раздела: первый посвящен английской литературе категории Middle English, относящейся к периоду с 1350 по 1485 годы; второй освещает развитие литературы времен Ренессанса – по 1603 год; третий охватывает первую половину XVII века.

Наиболее обширным в ресурсе по объему представленной информации является второй раздел. В нем опубликовано большое число источников: произведения английских поэтов и писателей, выдержки из воспоминаний путешественников и иностранных послов о жизни английского общества того времени, а также – сочинения Елизаветы I Великой. Кроме этого, на сайте представлена научная литература по истории елизаветинской Англии. Все опубликованные на Luminarium материалы имеют ссылки на печатные издания, что расширяет возможности дальнейшего библиографического поиска.

Luminarium представляет собой достаточно авторитетный, зарекомендовавший себя ресурс: он получил целый ряд наград за вклад в развитие сегмента истории культуры и литературы в Интернете. Одним из важнейших подтверждений признания его в академических кругах является широкая цитируемость ресурса на других сайтах [7, 10, 11].

Виртуальная библиотека «Елизаветинская эра» (Virtual Library “Elizabethan Era”) представляет собой обширный научно-популярный ресурс по общей истории Англии времен правления Елизаветы I [6]. Он расположен на сервере Колледжа Эммануила (Аделаида, Австралия), является частью его виртуальной библиотеки и функционирует с 2001 года.

Все опубликованные здесь источники и научные работы по проблемам культурной истории разделены на тематические блоки: наука, искусство, литература, образование, философия, религия, придворная жизнь, художественные стили, исторический костюм. Кроме этого, ресурс обладает богатым материалом по политической и экономической истории тюдоровской Англии, гендерной истории XVI века, биографике. Весьма полезным для посетителей сайта является обширный список ссылок на другие ресурсы.

Однако следует учитывать, что Колледж Эммануила является «полусветским», христианским учебным заведением, где религиозный аспект в обучении играет существенную роль. Это, разумеется, в некоторой степени может сказываться на характере материалов, опубликованных на указанном сервере. Но в целом, представленные здесь источники можно оценить как подходящие для исследовательской работы, так как они сопровождаются ссылками на соответствующие печатные аналоги, а материалы, имеющие только электронное представление, подготовлены квалифицированными исследователями.

Следующий проект – «Интернет-сборник документов по Новой истории» (The Internet Modern History Sourcebook) – является одной из самых известных научных программ в историческом сегменте Интернет [11]. Он представляет собой часть большого ресурса – «Интернет-сборники исторических документов» (The Internet History Sourcebooks), находящегося на сервере университета Фордхэм (www.fordham.edu). Ресурс функционирует с 1996 г.

Все материалы, представленные на сайте, структурированы по хронологическому принципу, а также по тематико-страноведческому. Работу с ресурсом значительно упрощает не только его структура, но и система поиска.

Сайт содержит широкий спектр информации, в том числе: электронные версии законопроектов, касающихся религиозных преобразований в стране и системы образования во времена правления Елизаветы I; личные и официальные письма, речи и поэтические произведения, автором которых являлась сама королева, сочинения английских писателей, поэтов и мыслителей эпохи.

Компетентность авторов и разработчиков проекта подтверждается наличием ссылок на опубликованные в нем материалы многих ресурсов, в том числе и русскоязычных [7, 8, 10, 12].

Старейший проект «Гуттенберг» (Project Gutenberg, начало разработки – 1971!), представляет собой ресурс, имеющий в наличии большую коллекцию электронных книг и текстов [9]. В общей сложности на настоящий момент ресурс содержит 10 тысяч электронных изданий по различным тематикам. На сайте имеется удобная система поиска, а также перечни имеющихся изданий, структурированные по именам авторов и названиям, что значительно облегчает поисковую работу.

На сервере опубликованы электронные версии литературных памятников, религиозно-богословских трудов, политических трактатов времен Елизаветы I, здесь также представлены научные труды историков первой половины XX века. Все публикации имеют точные ссылки на печатные издания, что делает сайт неголословным и заслуживающим внимания исследователей.

Проект «Шекспировский ресурс-центр» (Shakespeare Resource Center) является научно-популярным Интернет-ресурсом, издающимся при содействии университета Де Паул (Чикаго, США) с 1997 года [10]. Разумеется, основной темой данного проекта является личность и творчество В. Шекспира, но на сайте хорошо представлены источники и литература по истории Англии XVI века. Некоторые из материалов опубликованы впервые. Ресурс содержит множество ссылок на другие библиотеки.

Электронный научный журнал «Исследования литературы раннего Нового времени» – Early Modern Literary Studies – издается с 1995 года [5]. В его редакционный совет входят преподаватели и аспиранты канадских, американских и британских университетов. На сайте широко представлены статьи по истории английской литературы XVI – XVII веков.

Кроме того, редакция журнала издает специализированные выпуски, затрагивающие различные проблемы истории раннего Нового времени.

Данный сайт имеет существенный недостаток – отсутствие поисковой системы и карты сайта, что серьезно затрудняет работу с представленными на нем материалами, однако по своему содержанию ресурс имеет интересную базу данных.

Таким образом, рассмотрев ряд известных Интернет-ресурсов по заявленной тематике, можно сделать заключение, что большинство из них издаются при участии профессиональных исследователей, что обуславливает их достоверность. Отмеченные ресурсы публикуют исторические источники и научные труды по истории английской культуры второй половины XVI – начала XVII века, многие из которых до настоящего момента не переведены на русский язык, что способствует расширению как источниковой, так и теоретической базы соответствующих исследований.

Литература

1. Бородкин Л.И. Интернет-ресурсы в учебном процессе: опыт исторического факультета МГУ // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 29. Июнь 2002. М., 2002. – С. 21 – 26.

2. Владимиров В.Н. Интернет для историка: и все-таки новая парадигма! // Круг идей: историческая информатика об информационном обществе / Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. – М., 2001. – С. 279 – 289.

3. Сменцарев Г.В. О представлении и использовании гуманитарных знаний в сети Интернет // Круг идей: историческая информатика о информационном обществе / Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. – М., 2001. – С. 320 – 331.

4. Сафонов И.Е. Электронные журналы для историков // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики / Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 51 – 60.

Электронные ресурсы

5. Early Modern Literary Studies electronic journal:
<http://www.shu.ac.uk/emls/emlshome.html>
6. Elizabethan Era virtual library:
<http://www.schools.ash.org.au/immanuel/htm/htm/library.htm>
7. Life in Elizabethan England: <http://www.renaissance.dm.net>
8. Luminarium: <http://www.luminarium.org>
9. Project Gutenberg: <http://promo.net/pg/index.html>;
<http://www.gutenberg.net>
10. Shakespeare Resource Center: <http://www.barbweb.com>;
<http://www.barbweb.net/england.html>
11. The Internet Modern History Sourcebook:
<http://www.fordham.edu/halsall/mod/modsbook/html>
12. Хронос: <http://www.hrono.ru>

ОТНОШЕНИЯ С СССР В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Период 1938–1939 гг. стал кризисным, наиболее сложным для многих стран мира, но особенно европейских. Очаги войны разрастались, хотя в мире были силы, которые могли бы остановить агрессоров. Но единого фронта они не создали.

В 1938 г. на советско-итальянские отношения по-прежнему накладывала значительный отпечаток дальнейшая консолидация блока агрессивных держав. При этом почти прекратились дипломатические контакты, ослабевали и разрывались торговые связи, углубился конфликт на экономической почве. Приостановка Советским Союзом поставок нефти вызвала отказ итальянского министерства морского флота платить за уже полученный мазут. Участились задержки платежей за другие товары, поставленные советскими торговыми организациями [3, с. 440-442].

11 января 1938 г. в МИД Италии была передана нота с указанием на нелояльные действия итальянских государственных учреждений и фирм, что создало невыносимые условия для работы торгпредства СССР в Италии [3, с. 443]. Ответа не последовало. Тогда 14 января СНК СССР принял постановление о приостановке перевода в Италию советских платежей [1, с.701].

Неплатежи по истекшим векселям дали основание трибуналу Милана 20 января вынести решение о наложении ареста на движимое имущество, счета и ценности СССР, находящиеся в Италии [3, с.444].

В результате переговоров 5 февраля между МИД Италии и полпредством о решении конфликтной ситуации руководство МИД заявило, что готово снять секвестр на суммы торгпредства, если СССР начнет переговоры, в результате которых будет найдено разрешение всех спорных вопросов, возникших из-за экономического конфликта [3, с.445].

10 февраля министр Бути предложил поверенному в делах СССР в Италии Гельфанду ликвидировать конфликт на базе выполнения обеими сторонами всех существовавших обязательств, начиная с поставок мазута в Италию [3, с.446]. Однако по политическим соображениям Италия отложила переговоры на долгое время. Советское правительство тоже не форсировало события, считая, что следует дождаться завершения гражданской войны в Испании.

Таким образом, политические и экономические отношения двух стран вновь были заморожены. В связи с этим советское руководство пыталось сохранить в работе Комитета по невмешательству единый фронт с Англией и Францией и возлагало определенные надежды на готовившиеся политические переговоры между Англией и Италией [5, с.237].

Переговоры начались 27 февраля, через неделю после ухода в отставку министра иностранных дел Великобритании А. Идена (считавшего, что Риму должны быть поставлены предварительные условия). Лондон не скрывал, что англо-итальянские переговоры были интегральной частью внешней политики Чемберлена, направленной на возрождение «пакта четырех», но под эгидой Лондона. За признание Англией аннексии Эфиопии, обеспечение безопасности для Италии на Средиземном море и заем Муссолини должен был пойти на уступки в испанском вопросе и в области пропаганды [4, с.42]. Эти вопросы не были неразрешимыми, но переговоры затягивались. Между тем 13 марта 1938 г. Австрия была присоединена к Германии. Поэтому заключение 16 апреля ряда соглашений с Великобританией было особенно важным событием для Италии. А 14 апреля Муссолини подписал торговое и платежное соглашение с Францией. И уже в мае начались итало-французские переговоры относительно политического договора [4, с.44-47].

Одновременно улучшилось и отношение Италии к СССР. Причем существенное влияние на этот процесс оказало заключение 1 марта 1938 г. советско-германского соглашения о торговле и платежном обороте. На состоявшихся 22 апреля переговорах по урегулированию экономического конфликта были подняты вопросы об уплате старых долгов по выполненным заказам и поставкам мазута, возобновления продажи нефтепродуктов, получении гарантий итальянского правительства о сдаче СССР строящегося в Ливорно по советскому заказу военного корабля [5, с.237]. Но из-за нежелания сторон идти на уступки друг другу переговоры остановились.

Между тем, после отставки Идена быстро охлаждались советско-английские отношения. В правящих кругах Лондона и Парижа по-прежнему рассматривался вариант использования агрессивного динамизма фашистской Германии против Советского Союза, чтобы отвести опасность от себя [6, с.20-23].

Опасность войны в Европе росла быстро, а противодействия ей не предвиделось. Весной 1938 г. уже было очевидно, что скоро жертвой Германии станет Чехословакия, а затем, возможно, Румыния, Польша и Франция. Французы нервничали и требовали от англичан каких-либо действий, чтобы остановить Гитлера. Но Лондон предпочитал решать этот вопрос путем уступок Германии. Между тем отношения Италии и Германии все больше укреплялись.

Летом 1938 г. экономические трудности (Италию постигла засуха) вынудили Муссолини возобновить переговоры с СССР об урегулировании конфликта, поставить вопрос о полном восстановлении торговых отношений и возможности закупки хлеба в СССР [1, с.340]. Однако вскоре возникли значительные осложнения в связи с решением вопроса, касающегося платежей, и переговоры вновь стали затягиваться.

Через три дня после мюнхенского сговора, 2 октября, министр иностранных дел Италии Чиано заявил Гельфанду, что Франция полностью

капитулировала, так как не готова к войне и боится ее, как и Англия. Затем он спросил советского дипломата, не собирается ли СССР сделать выводы в отношении своего «одностороннего» пакта с Парижем и подумать об отношениях с Берлином и Римом, но тут же добавил, что на пути германо-советского сближения стоит антикоминтерновский пакт и Токио [1, с.558]. Это было первое упоминание Чиано о возможности для СССР сменить курс. Он выбрал удачный момент, чтобы вбить клин между Францией и СССР и вызвать сомнения у советского правительства относительно внешнеполитических планов Англии.

1939 г. внес большие перемены в советско-итальянские отношения. Под влиянием внутренних и внешних факторов происходили коренные изменения во внешнеполитическом курсе СССР: шла переоценка ценностей и приоритетных направлений.

16 января во время беседы с Гельфандом Чиано сообщил о желании итальянского правительства улучшить отношения с СССР, «если невозможно политически, то экономически», выразив надежду на заключение торгового договора в самые кратчайшие сроки. Одновременно министр стал осторожно подводить Гельфанда к мысли об отсутствии опасности для СССР со стороны фашистских государств [2, с. 48-49]. Чиано всячески пытался убедить советских дипломатов в отсутствии германской угрозы для СССР в ближайшие годы и наличии полного итало-германского согласия в отношении к Франции.

Гельфанд объяснял новые нотки в отношении Чиано к СССР его намерением обеспечить страну советским сырьем в случае войны Италии с Францией. Советник надеялся на скорое улучшение советско-итальянских отношений. Но советский полпред в Италии Б. Штейн не верил заявлениям Чиано о том, что положение Италии в «оси» таково, что она сможет рискнуть самостоятельно пойти на восстановление связей с СССР [5, с. 242].

Первый шаг в нормализации советско-итальянских отношений был сделан Италией в сфере экономики.

7 февраля советские и итальянские представители подписали целый комплекс документов, касающихся торговли между двумя странами. Основным из них было соглашение о торговом обмене. Оно носило платежно-клиринговый характер и, как и прежде, предоставляло большие льготы СССР. Кроме этого, также были подписаны: 1) Протокол о платежах, согласно которому торгпредство должно было производить покупки в Италии предпочтительно за итальянские лиры; 2) Протокол о возобновлении взаимных платежей с 7 марта; 3) Дополнительный протокол о поставках топлива со стороны СССР, в котором указывалось, что мазут для министерства морского флота, а также жидкое и твердое топливо будут продаваться за твердую валюту; 4) Второй протокол о поставках топлива, пояснявший, что остаток долга итальянского общества «Петролеа» Союзнефтеэкспорту за ранее поставленные продукты подлежал оплате в твердой валюте; 5) Секретный протокол о контингентах на ввоз советских товаров в Италию, о правилах, регулирующих итальянский экспорт в СССР и об учете итало-советского торгового об-

мена. Было подписано также несколько приложений [2, с.104-114]. Этот комплекс документов регулировал все спорные вопросы и вновь воссоздал базу для развития советско-итальянских экономических связей.

Реализация подписанных документов началась сразу и нашла самые благоприятные отклики в прессе. Уже через неделю, 13 февраля, итальянское посольство в СССР обратилось за согласием Союзнефтеэкспорта на отправку в Батуми в конце февраля танкера с 12,5 тыс. т нефти. СССР готовил ряд экспортных операций в Италии, выручка от которых должна была пойти на покрытие долгов, форсировалось размещение военных заказов [5, с.243]. Но, вместе с тем, касаясь значения этого торгового соглашения для СССР, Штейн на совещании у зам. комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина 25 февраля 1939 г. предупреждал, что оно не станет волшебной палочкой, способной наладить и политические отношения. Полпред был убежден, что, пока Италия будет вести агрессивную политику, советско-итальянские политические отношения останутся напряженными. Особенно важен был, на его взгляд, тот факт, что Италия не имела с СССР территориальных противоречий и рассчитывала на торговлю с ней в случае войны с Англией и Францией [2, с. 156].

Характеризуя итало-советские отношения кануна второй мировой войны, нужно отметить, что 1938 –1939 годы, когда решалась судьба Европы, стали периодом агонии советско-итальянских отношений. Дипломатические контакты на уровне консультаций быстро угасли под воздействием все усложнявшейся международной обстановки. Торговля под влиянием политических конфликтов практически прекратилась.

Литература

1. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т.21. – М., 1977.
2. ДВП СССР. Т.22. Кн.1. – М., 1991.
3. Москва-Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920-1939. Сб. документов. – М., 2003.
4. Михайленко В.Н. Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1982. – С.30-48.
5. Хормач И.А. СССР–Италия. 1924-1939 гг. М., 1995.
6. Чельшев И.А. СССР–Франция: трудные годы 1938-1941. – М., 1999.

*Т.Н. Крайник
Н. рук. А.И. Дудка*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ИНДИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

В индийском искусстве нет женского образа, который не был бы связан с древнейшим представлением культа богини-матери, богини плодородия, о широком распространении которого от глубокой древности до

эпохи Хараппской цивилизации на полуострове Индостан свидетельствует множество находок женских глиняных фигурок [7].

Поскольку в скульптуре запечатлены образы мифологических женщин, почитавшихся в древнем обществе, необходимо обратиться к более раннему времени – IV-II тыс. до н.э., когда начал формироваться образ женщины-матери, почитаемый в Индии до нашего времени. Примером может служить знаменитая находка из Мохенджо-Даро – бронзовая статуэтка танцовщицы.

С приходом ариев и зарождением индуизма культ Богини-Матери не только не исчезает – он остаётся в народных верованиях и получает религиозное обоснование [6]. Данное обстоятельство заставляет учитывать при работе с источниками такого вида: независимо от того, изображена ли средствами архитектурно-декоративной пластики или станковой культовой скульптуры богиня или нимфа, небесная танцовщица или просто женщина, все они являются воплощением материнского божества прародительницы и дарительницы земных благ.

В индуизме женские образы в пластике представлены богинями, полубожествами и земными женщинами. Данная классификация связана с персонификацией изображаемых существ и с определенными сюжетными мотивами.

В группу богинь входят основные божества индуистского пантеона: Это супруги тримурти, Шивы, Вишну, Брахмы, соответственно – Парвати или Ума, в других ипостасях Дурга, Кали, – Лакшми, – Сарасвати [5]. Женские существа индуистской мифологии, обитающие на небесах, в лесах или реках, относятся к полубожествам.

Апогеем торжества женского начала в индуизме является одно из его ответвлений – шактизм, также восходящий к архаическому культу Богини-Матери и древнейшим шаманским культам. В его основе лежит почитание шакти – силы творческого и энергетического начала божества [5]. Шакти весьма многозначна: так называется женская манифестация бога-абсолюта Шивы, который постигается через энергетическое проявление, воплощенное в универсальном женском начале [3]. Шакти может принимать различные формы – от локальных божеств до великой богини, воплощённой в различных образах супруги Шивы

Большое место в индийском искусстве занимают образы богинь. Эту галерею открывают образы божественных супругов великой тримурти, одна из которых – жена Брахмы, Сарасвати. Ее имя переводится как «богатая водами». Так называлась некогда мощная река, не уступавшая по размерам Инду, которая протекала через Пенджаб и Раджастхан. Её берега были усеяны поселениями и ей поклонялись как священной реке, однако в конце хараппской эпохи тектонические сдвиги привели к уходу притоков Сарасвати в системы других рек и ее постепенному пересыханию, которое завершилось к середине I тысячелетия до н.э. С тех пор эта река, ныне носящая название Сарсути, – небольшой ручеек, теряющийся в пустыне, однако и поныне окружена большим почитанием [2]. Что касается

Сарасвати, то она осталась в истории как священная река, а позже её стали отождествлять с богиней священной речи Вач. Теперь Сарасвати считается богиней мудрости и красноречия, ей особенно поклоняются школьники и студенты. Существует даже праздник Сарасвати пуджа: в день этого праздника «перед изваянием богини помещаются книги и музыкальные инструменты, никто ничего не читает и нигде не звучит музыка. Индийские школьники и студенты с большим нетерпением ждут этого дня полного безделья» [5].

Однако, несмотря на всеобщую любовь, Сарасвати занимает подчинённое положение в пантеоне. Её скульптуры немногочисленны; чаще встречаются её изображения, на которых богиня предстаёт в образе красивой женщины верхом на птице, с виной в руках, а среди её атрибутов изображается книга. Именно с книгой представляет Сарасвати из клада джайнской художественной бронзы: богиня держит её в правой руке, а в левой руке у неё цветок лотоса, и если первая означает учение, то второй – само познание. Изображение позади её головы в виде диска нимба сирасчакра является характерным знаком Брахмы и говорит об ореоле славы божества. Это изображение предстоящей богини [4]. Однако чаще её можно встретить сидящей рядом со своим мужем на вахане – павлине и в таком случае определение богини как Сарасвати безошибочно.

Еще одной богиней-супругой великой тримурти является Лакшми, жена Вишну, почитавшаяся как богиня богатства и процветания. Традиция рассказывает, что она вместе со многими другими драгоценными предметами появилась из молочного океана, когда боги пахали его. За исключительную красоту Лакшми называют ещё Падма, т.е. «лотос». Когда она появилась на поверхности моря, её блистательная краса тотчас пленила всех богов, но в конечном итоге она досталась Вишну [5].

Как супруга Кришны Лакшми носит имя Рукмини, а как супруга Рамы – Сита. До наших дней дошло больше ее изображений в живописи, чем в скульптуре. В пластическом искусстве она предстаёт вместе с возлежащим Вишну на змее Ананте, летящей вместе с ним на Гаруде, стоящей рядом с ним в объятии или просто сидящей или стоящей на цветке лотоса. Символом Лакшми также является пара слонов, но одним из наиболее магически благоприятных образов считается Дипалакшми, т.е. Лакшми со светильником [5].

Самый многогранный и разнохарактерный образ богини – это образ жены Шивы, у которой было много имён и много различных проявлений. В первом своём воплощении она выступала как Сати. В следующем своём перерождении она явилась как Парвати или Ума. Парвати в свою очередь была дочерью гор Гималаев. Ее образ – это образ идеальной невесты. Она чаще всего изображалась сидящей рядом с Шивой на горе Кайлас, где они уединились после свадьбы. Такая иконография является наиболее распространенной, поскольку встречается повсюду, в том числе и в монументальных памятниках древности. Так, в знаменитейшем храмовом комплексе VIII века Кайласанатха есть грандиозная скульптура Шивы и Пар-

вати на горе Кайлас. Парвати здесь изображена не просто сидящей рядом с мужем, а сидящей на колене Шивы. Он обнимает жену за плечо – это один из немногих чувственных моментов в такого рода изображениях.

Более условное изображение – это Сомасканда, воплощение в образах Шивы и Парвати, родоначальников вселенной, отца и матери мира, где боги предстают сидящими на одном постаменте. Часто рядом с ними помещаются их дети Сканды-Картикея и Ганеша. Этот сюжет – один из самых любимых среди алтарных образов.

Менее распространённым и редко встречающимся видом изображения Шивы и Парвати является изображение стоящих рядом фигур божественных молодожёнов, руки которых соприкасаются в нежном жесте – по всей видимости, имеется в виду сам процесс свадебного ритуала. Парвати предстает в свадебном убранстве. Её жесты изящны и изысканны – одну ее руку держит в своей руке Шива, а другую она подняла, согнув в локте и сжимая цветок. Подобную позу можно проследить в иконографии Шиваками.

Парвати отождествляется с образом Махадэви и воплощает собой его творческую энергию. Более конкретный пример слияния Шивы и шакти – это образ Ардханари, существа, соединявшего в себе мужское и женское начала [3].

Наряду с образом жены Шивы, связанным с созиданием, имеются и другие ипостаси, связанные с разрушением. Эта двойственная природа бога распространялась на облик его спутницы: когда имелась в виду разрушающая сила Шивы, то его часто изображали в женском облике Дурги и Кали.

Дурга – это воплощение воинственной шакти Шивы, одной из самых популярных богинь в индуизме, особенно среди шактистов (она часто фигурирует под именем Дэви). Основную природу Дурги составляют качества защитницы и воительницы [5]. Как покровительница аспекте Дурга изображалась с десятью руками, опиравшейся ногой на демона Махишу и пронзавшей его копьем. Специфической особенностью богослужения в честь Дурги являлись кровавые жертвы: обычно это были козёл или буйвол (причём в жертву должны были приноситься исключительно самцы – на подношение Дурге самок животных существовало табу) [1].

Другим ужасающим воплощением жены Шивы являлась кровавая богиня Кали, чье имя переводится дословно как «чёрная», «время», «смерть». Поглощение, пожирание или уничтожение Вселенной являлось одной из функций чёрной богини. Кали ублажали, принося ей в жертву животных и птиц, однако есть мнение, что некогда ей приносили и человеческие жертвы. В искусстве она изображается в виде чёрной полуобнажённой женщины с когтями и клыками, распущенными волосами, с гирляндой из человеческих черепов на шее, с языком, свисающим изо рта, с которого капает кровь. В изображении позы и движения её почти всегда чрезвычайно активны, что также соответствует отождествлению её с шакти.

Ещё одним неистовым воплощением супруги Шивы является боже-ство Махабхайрави, восседающее в царственной позе лалитасана на муж-ской фигуре, – это сам Шива. Вся композиция построена пирамидально с подчёркнутым величаем богини, наделенной всеми атрибутами великой богини; тогда как Шива, сидя в позе лотоса, двумя руками поддерживает её, а другие две руки у него сложены в жесте поклонения, что свидетель-ствует об определенном превосходстве женского образа.

Обращение к образам богинь тримурти позволяет предположить, что женщины в Древней Индии были весьма почитаемы. Это положение пре-терпело определенные изменения во времени, но живопись и скульптура своими средствами свидетельствуют об имевшем место первоначальном значительном влиянии женщины в индийском обществе.

Литература

1. Краснодемская Н.Г. Будда, боги, люди и демоны. – М.: Мир Востока, 2003. – 320 с.
2. Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса. – М.: Наука, 1999. – 389 с.
3. Немировский А.И. Мифы древности: Индия. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. Сидорова В.С. Скульптура Древней Индии. – М.: Искусство, 1971. – 368 с.
5. Томас П. Индия. Эпос, легенды, мифы. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.
6. Тюляев С. И. Искусство Индии. Архитектура, изобразительное искусство, художественное ремесло. – М.: Искусство, 1968. – 386 с.
7. Шмидт Э. История человечества: Индия, Цейлон, Индокитай. – СПб.: Полигон, 2003. – 367 с.

М.Л. Рябцева
Н. рук. Н.Н. Болгов

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению процес-сов генезиса науки о классических древностях юга Северного Причерно-морья, отметим некоторые аспекты, касающиеся самого термина «архео-логия». Данное уточнение не выходит за рамки исследования. Дело в том, что термин «археология» входит в научный обиход в XIX веке, а для XVIII века более точным будет словосочетание «наука о классических древностях», т.е. об античных древностях юга России, хотя в странах За-падной Европы термин «археология» употреблялся уже в XVIII веке [7].

Следующей особенностью начального этапа становления классиче-ской археологии в России является то, что она не носила характера само-стоятельной науки: археология стояла в одном ряду с нумизматикой, эпи-графикой и другими вспомогательными научными дисциплинами [2].

В-третьих, отметим, что археологические исследования в Северном Причерноморье выделились из землеописательных, этнографических экс-

педиций. Прежде чем они обретут статус самостоятельно организованных, пройдет не одно десятилетие.

Таким образом, эволюцию классической археологии в России мы будем рассматривать в многоаспектном плане: непосредственно как сам термин, так и весь комплекс взаимоотношений, связанных с практической стороной данной науки.

Зарождение интереса просвещенной общественности к античным древностям произошло во времена императора Петра Алексеевича, который в качестве примера ставил свою персону. Этот факт важен в силу того, что существование науки в Российской империи тогда полностью зависело от монаршей милости. Данная тенденция «красной нитью» будет прослеживаться на протяжении всего исследования. Также далее более подробно осветим точку зрения о том, что наука служила интересам территориальных притязаний на земли Северного Причерноморья.

Эпоха правления Петра Великого ознаменовалась значительными сдвигами во всех сферах жизнедеятельности российского общества: экономике, политике, культуре. Своей целью петровские преобразования имели укрепление основ государственности, притом, что основные общественные институты ставились на службу населению Российской империи. В качестве главных инструментов в достижении столь великих целей рассматривались наука и просвещение. Плачевное состояние, в котором находились последние при восшествии Петра на престол, его заботило более всего. Отсюда многочисленные посольства в страны Западной Европы, попытки привлечения в Россию иностранных специалистов.

Именно во время правления Петра I появились первые зачатки науки о классических древностях юга России. Если сравнивать процессы становления археологической науки в России и на Западе, то, в первую очередь, стоит отметить их разную направленность. В развитых европейских государствах (Италии, Франции, Германии, Англии) истоки данной науки идут с изучения античных памятников Древней Греции и Рима. Свои же древности, не принадлежавшие эпохи античности, в этот период игнорировались. В России же главным районом исследования являлась Сибирь. С античными памятниками русское общество еще знакомо не было, так как территории, содержащие античные памятники, пока не входили в состав империи. Но правилом хорошего тона являлось увлечение просвещенной общественности и окружения императора высокохудожественными произведениями античного искусства, будь то скульптурные статуэтки или ювелирные украшения. В связи с этим обстоятельством археология увязывалась с античным искусством, конечно же, при незыблемом приоритете последнего. Это являлось одной из составных частей всего комплекса проблем, с которыми столкнулась русская археологическая наука на начальных этапах становления. Но, с другой стороны, именно из искусствоведческого направления, к которому позже присоединится этнографическая направленность, выделится собственно археология как самостоятельная отрасль научного знания [5]. Характеризуя данный период

становления классической археологии в России, Формозов отмечал: «Возникновение научной археологии – одна из сторон ... рождения великой русской культуры нового времени» [7].

Тем временем еще одной заслугой императора Петра Алексеевича является то, что его личность являлась авторитетным примером для его окружения в плане коллекционирования античных древностей. Поначалу это были высокохудожественные произведения искусства, которые постепенно пополняли богатые личные коллекции известных людей петровского времени: Я.В. Брюса, Д.М. Голицына, Р.К. Алексина, А.Д. Меньшикова. К сожалению, не все предметы данных коллекций займут позже место в музеях: часть их будет перепродана за границу, подарена либо попросту разворована. На наш взгляд, современный исследователь О.Я. Неверов наиболее точно охарактеризовал подобное явление в русской науке: «... отношение к художественному наследию античного мира в России этого периода все более приобретало конкретно-исторический и антикварно-археологический оттенок» [6].

В 1714 году в Санкт-Петербурге были созданы первый публичный государственный музей Кунсткамера и Библиотека, основанные указом Петра I из его личных собраний. В сфере российского законодательства обратим внимание на весьма прогрессивный указ от 13 февраля 1718 г. «О приносе родившихся уродов и найденных необыкновенных вещах» [8]. Но принятие данного законодательного акта имело и свою обратную сторону. Ведь, по сути, находка в историческом значении в некотором смысле утрачивала ценность, т.к. при этом место ее находки и сама она поначалу не фиксировались. Опять же во главе дела стояла чисто эстетическая сторона вещи, а не ее научная значимость.

Особняком стояла проблема профессиональных кадров и система их подготовки в России. Император, осознавая это, отправлял наиболее способных в Западную Европу с целью получения соответствующих знаний и опыта. За рубежом в этот период уже сложилась достаточно развитая и широкая сеть академий, научных обществ, университетов. Их деятельность носила характер активного взаимодействия. Как бы то ни было, но очевиден тот факт, что именно западноевропейские ученые первыми осознали научную значимость античных памятников, расположенных на территориях, позже вошедших в состав Российской империи. Еще в 1578 г. поляк Мартин Броневский оставил описание руин древнего Херсонеса Таврического, обращая внимание, в первую очередь, на научную значимость античного городища [4]. Западно-европейские же ученые составили ядро открывшейся в Санкт-Петербурге по указу Петра I Императорской Академии Наук. В ее структуру вошли созданные ранее Кунсткамера и Библиотека; немного позже под эгидой Академии будут созданы гимназия и университет. Ей же выпала честь начать первые научные исследования Северного Причерноморья. Этот факт с полным правом можно отнести к качественно новому явлению в истории изучения античности в России. Академия Наук сразу же привлекла внимание западных ученых, известных в масштабах мировой науки. Так, в 1725 г. в числе первых

в Россию прибыл Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738). В своих научных исследованиях Байер полностью опирался на работы античных авторов. К примеру, города, описанные Геродотом, он пытался соотнести с городищами Северного Причерноморья. На основании этого ученым было выпущено несколько статей об этногенезе и расселении скифских племен, их взаимодействии с античными городами. Дело в том, что эти территории представляли собой место взаимодействия многочисленных и различных по происхождению, содержащих свои универсальные ценности и норм культур. Высокоразвитая культура, принесенная переселенцами из Древней Греции, в разной степени вступала в контакт с варварским миром. Результаты данного взаимодействия по-разному отражены в характере архитектуры, произведениях искусства, предметах быта античных центров Северного Причерноморья. Это обстоятельство вполне оправдывало применение на данном этапе в качестве основных исторических источников труды античных авторов при невозможности применения других источников.

Академия Наук становится и центром экспедиционных исследований. Одним из первых изучение южных границ страны (нижнее течение Дона, побережье Азовского моря) провел Г.Ф. Юнкер. Он отправился на юг России на очередную войну с турками в качестве официального историографа. Здесь уже в который раз ядром столкновения был территориальный вопрос. В русле данных притязаний государственные власти Российской империи были заинтересованы в получении максимально объективных сведений об этих территориях. Информация, полученная от историографа, содержала важные знания о ландшафте, климате, растительном и животном мире, о народах и их материальной культуре. Так, Юнкер предоставил Академии Наук довольно подробное географическое описание Украины и юга России под названием «Обоснованный отчет о современном состоянии земель и народов, живущих между Днепром и Доном, особенно здешнего казачества». Сюда же были включены рисунки и описания курганов. Юнкер отождествлял их с погребальными памятниками, рассматривая курганы как языческие и указывая на необходимость их изучения [1]. Самостоятельных экспедиций, которые бы занимались исследованием археологических остатков прошлого, пока не предпринималось. Это упиралось и в вопросы финансирования, и в проблему практического отсутствия профессиональных кадров. Но местное население и отдельных дальновидных дилетантов прельщала возможность пожить-ся, они не задумывались о научном значении курганов в момент проведения грабительских раскопок. Перекупленные у «третьих» лиц античные и варварские древности пополняли фонды Кунсткамеры и Эрмитажа, личные коллекции. Кабинеты редкостей универсального характера в XVIII веке отразили стремительное развитие русской науки вширь, где наряду с естественноисторическими образцами собирались памятники этнографии, эпиграфики, нумизматики, археологии. Кроме находок, полученных в ходе грабительских раскопок, сюда вошли случайные находки, обнаруженные на поверхности земли.

1774 год явился знаковым в истории России. В деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор с Турцией, по условиям которого российской стороне были переданы крепости Кинбурн в устье Днепра, Керчь и Еникале. Для русской науки об античных древностях это было поворотным событием, позволившим начать широкомасштабное научное изучение территорий, являющихся некогда центрами греческой колонизации в Северном Причерноморье. В первую очередь, это было географическое изучение вновь присоединенной территории. Существенную часть землеописания составляла топографическая фиксация археологических памятников в контексте определенного природного и антропогенного ландшафта. Составивший топографическое описание Кинбурского полуострова, Очаковской степи и местности между Керчью и Еникале в 1775 г. инженер-подполковник Томилов обратил особое внимание на цепочки многочисленных курганов, зафиксированных на русских картах XVIII века. Это описание было проведено с высокой степенью научности (конечно, данное утверждение верно только в рамках этого периода истории становления классической археологии), но лишь отдельные материалы из него были опубликованы, основная же масса их была утрачена в архивах России и Украины.

Напомним, что во главе изучения южнорусских древностей стояла Академия Наук. В июле 1773 г. Конференция АН решила направить на юг России экспедицию И.А. Гюльденштедта. В 1781 г. путешествие в новые области Российской империи совершил выдающийся ученый конца XVIII века В.Ф. Зуев. Его целью являлось исследование территорий между Бугом и Днепром. Исследователь составил подробное описание земель, провел обширные исторические, этнографические и статистические работы. Понимая значимость археологических памятников как важнейшего источника сведений о древнем населении причерноморских степей, Зуев был намерен провести ряд раскопок курганов, но ему не позволил сделать это фактор ограниченности финансовых средств и суеверие местных жителей. Специальной методики исследования курганов в этот период не было, поэтому все работы предполагалось проводить без заранее выработанных планов, спонтанно. Несмотря на то, что раскопки Зуев так и не провел, само указание на их необходимость – шаг вперед в развитии российской археологической науки. Ученый верно полагал, что увеличение численности населения на юге России приведет к тому, что основная масса археологических памятников подвергнется разграблению и, как следствие, они будут утеряны для науки [3]. Теперь это были не просто догадки, они уже получали свое воплощение на практике. Днепровские курганы еще с 40-х годов 18 века привлекали внимание беглых крепостных крестьян, а также выходцев из Сербии и Болгарии. Проблема охраны археологических объектов не стояла столь остро, но сам факт ее наличия был очевиден.

Итак, подведем итоги основных достижений, сделанных русской археологической наукой в период петровских реформ и до 1783 г. Данный период практически полностью связан с деятельностью основанной по

указу Петра I Академии Наук и с научными изысканиями путешественников, любителей старины. Преимущественно основную часть последних составляли западноевропейские исследователи, которых интересовала античность вообще. Увлечение античностью было свойственно и просвещенным кругам российского общества, но, в первую очередь, это касалось произведений античного искусства. Археология рассматривалась как средство добывания высокохудожественных античных памятников искусства и ювелирных украшений и пока еще не выделилась как самостоятельная наука.

Литература

1. Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. – Л.: Наука, 1979. – 144 с.
2. Кругликова И. Т. Античная археология. – М.: Высшая школа, 1984. – 215 с.
3. Леонов П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропилеи. Кн. 1. – М., 1851. – Отд. II. – С. 67-101.
4. Немировский И. А. Нить Ариадны (из истории классической археологии). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 342 с.
5. Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. – М.: Наука, 2002. – 692 с.
6. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (18 – сер. 19 вв.). – М.: Наука, 2002. – 676 с.
7. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
8. Юренева Т. Ю. Музееведение. – М.: Академический Проект, 2003. – 560 с.

*Черкашина О.Н.
Н. рук. Кулабухов В.С.*

КОНЦЕПЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Большинство историков конца XIX – начала XX вв., обращавшихся к этой проблеме, были согласны с положением о том, что восточнославянские городища являлись центрами общностей, существовавших до «призвания князей» (сами эти общности исследователи определяли по-разному: «земли», «волости», «племена», «городские области»), и что между восточнославянскими городищами и административными центрами киевской эпохи наблюдается преемственность.

Первым к вопросу эволюции политических центров обратился Н.П. Хлебников, по мнению которого, после смерти Ярослава Мудрого бывшие племенные центры стали центрами княжеств, на которые распалась Русь. Также были периоды, когда на территории одного племени выделялось несколько центров [2, с.157].

В советской исторической науке господствовал на протяжении долгого времени эволюционистский подход к проблеме происхождения городов, итогом данных мнений явилась так называемая теория племенных центров, согласно которой город мог появиться только при наличии частной собственности, т.е. в классовом обществе [3, с.145]. Это позволяло

искусственно отодвигать время возникновения городов в глубь веков и приравнять этапы развития Руси к странам Западной Европы.

Понятие племени восходит к эпохе военной демократии у древних славян на стадии разложения первобытнообщинного строя [4, с.45]. В племенных городах, объединявших территорию, занятую тем или иным племенем, где концентрировались местные власти, исследователи видят зародыши крупнейших древнерусских городов, складывавшихся на родо-племенной основе.

Историк В.В. Мавродин полагает, что каждое городище представляло собой самодовлеющий замкнутый хозяйственный мирок. Население его занималось всеми необходимыми видами производства. Почти в каждом городище производилась лепная посуда, выделывались костяные орудия и украшения, производились деревянные предметы обихода и т.д. Во многих городищах найдены сыродутные печи для выделки железа, льячки и тигли для выплавки меди и бронзы [9, с.106-107]. Далее Мавродин заключает, что на некоторых древних городищах, расположенных на удобных торговых и военных путях, в результате градостроительной деятельности князей возникает древнерусский город [9, с.124].

Исследователь С.В. Юшков в своей работе «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» устанавливает теснейшую связь городов IX-X вв. с городищами предшествующей стадии развития, однако подчёркивает, что данные городища крупными городами, т.е. торгово-промышленными центрами, называть нельзя [13, с.56]. Так как в племенных городах, по его мнению, концентрировались князь с дружиной и племенная старшина, в них, как лучше защищённых оседали ремесленники и торговцы. Эти города дофеодального характера [16, с.257-258].

Значительный интерес по данному вопросу представляет положение И.Я. Фроянова о том, что немало древнерусских городов стояло в гуще городищ-поселений, группировавшихся в гнёзда по пять-восемь посёлков. Это и есть племенные центры [15, с.88]. А самые старейшие русские города возникли, безусловно, из племенных или межплеменных центров [14, с.30].

Обстоятельную картину перерастания одного из восточнославянских племенных центров в раннесредневековый город VIII-IX вв. дали раскопки в Изборске, проведенные В.В.Седовым. На городище X века выделяются две части – детинец и окольный город. Детинец защищён бревенчатой стеной по периметру, имелась городская площадь, а вокруг неё располагались дома северорусского облика. Окольный город имел земляные укрепления и уличную застройку [12, с.243]. Подобная застройка характерна для Киева [7, с.46-47], для Владимира на Волыни [8, с.67] и для других древних городов.

Таким образом, по мнению сторонников данной теории, древнейшие города Руси выросли в основном из племенных центров славян или финно-угорского населения. В племенных центрах-протогородах наблюдается развитие ремесла и торговли. Как правило, они располагались в зонах концентрации земледельческого населения.

Для многих племенных княжеств или племенных общностей их центры могут быть определены с достаточной степенью уверенности. У полян таким центром был Киев. В земле древлян центром их союза был, как это видно из летописного рассказа о древлянском восстании 945 г., Искоростень [10, с.24]. У волынян таким центром была Волынь (на Западном Буге). Не исключено, что эти поселения были центром не союза в целом, а одного из входивших в них племенных княжеств.

В условиях перехода от догосударственных общностей к единому государству, структурной единицей которого была «волость», большинство племенных центров теряли свои позиции и постепенно исчезали. Из 83 памятников рассматриваемого периода 24 поселения прекратили своё существование к началу XI в. Всего из археологически изученных древнерусских укрепленных поселений не дожили до середины XII в. 37 (15,3%) из 242 памятников. Гибель большинства из них на рубеже X-XI вв. объясняется не только ударами кочевников, но и становлением единого государства [1, с.50-51]. В свою очередь, А.В. Куза, обобщая археологические данные, установил, что из 181 укрепленного поселения, существовавшего в IX – начале XII столетия, 104 (57,5%) исчезли, и также объясняет это явление процессом ликвидации «автономии».

Накопленный археологический материал показал, что многие племенные центры, как было указано выше, прекратили своё существование, не превратившись в города, концепция прямой преемственности племенных центров видоизменилась. Теперь её сторонники полагают, что к племенным центрам восходят в первую очередь крупные города, такие как Киев, Новгород, Чернигов, Суздаль и ряд других, которые возникли на основе слияния нескольких посёлков, имевших, видимо, родовой характер [5, с.19].

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к археологическим материалам. Например, город Киев – материалы зарубенечкой культуры и синхронные им римские монеты на территории города датируются серединой V в. – отсюда можно начинать его историю [11, с.138-139]. Остатки поселений IX-X вв., обнаруженные в 1940 г. на горе Киселёвке, городище того же времени на Андреевской горе и городище на Щековице, по мнению М.К. Каргера, свидетельствуют, что к концу X в. три самостоятельных поселения слились в один большой город [6, с.579].

В.П. Даркевич в свою очередь считает, что обнаруженные археологами следы корчакских поселений на Замковой горе (Киселёвке) и Старокиевской горе, открытые там же жилища VII-VIII вв., находки на киевских высотах отдельных византийских монет V-VI вв. не могут служить аргументами в пользу существования раннегородского центра. Историк признаёт, что на кручах над Днепром возникали общинные посёлки, некоторые, возможно, и укрепленные. Но они никак не выделялись из окружающей аграрной стихии.

Гипотеза о возникновении Новгорода в результате слияния трёх разноэтничных посёлков, игравших роль племенных центров, также вызывает массу возражений. Она противоречит археологическим данным, поскольку культурных слоёв ранее X в. на территории не обнаружено. По

мнению вышеназванного исследователя поселения сельского типа или города аграрного характера нельзя называть даже протогородами, это «не-что совсем другое» [4, с.46].

А.А. Горский установил, что какая-то часть городов, игравших важную роль на Руси конца X – начала XI в., действительно могла развиваться из центров племенных княжеств или союзов племенных княжеств. По его расчётам получилось, что из 19 центров, где располагались княжеские столы, 4 зародились еще в догосударственный период. Но два из этих четырёх являлись центрами среднеднепровской «Руси» (Киев и Чернигов), князья которых осуществляли подчинение восточнославянских догосударственных волостей. Третий (Перемышль) возник во второй половине X в., по-видимому, по инициативе правителя Чешского государства. В четвёртом (Полоцке) имело место возведение нового детинца вместо разрушенного Владимиром.

Таким образом, ни одного «чистого» случая эволюции центра племенного княжества или союза племенных княжеств в центр волости на сегодняшний день не существует. Следовательно, при входе территории под непосредственную власть киевских князей обычным было создание нового центра. В такой смене центра не было необходимости на территории ядра Древнерусского государства, знать которого играла ведущую роль в процессе «огосударствления» восточнославянских земель [2, с.159]. Так в отечественной истории всё большую популярность приобретала так называемая концепция «переноса» городов.

Термин «перенос города» в советской исторической науке считался достаточно условным, за ним скрываются сложные экономические и социальные явления. В конце X – начале XI в. разные категории раннегородских образований начинают терять своё значение и постепенно вытесняются с исторической сцены подлинными городами [5, с.30-31].

Согласно выводам С.М. Середонина, в VIII-X вв. у восточных славян прежние племенные центры быстро сходят с исторической сцены и взамен выдвигаются другие, имевшие более выгодное географическое положение. Таким образом, историки выдвинул тезис об отсутствии преемственности между племенными центрами и городами – политическими центрами Киевской Руси [2, с.157,160].

В.В. Мавродин, обобщая материалы археологических исследований древнерусских городов, обратил внимание на частые факты «перемещения» укрепленных центров на новое место. Причинами такого явления могли быть следующие:

- 1) невозможность роста детинца на новом месте;
- 2) потребности торговых и военных компаний;
- 3) враждебное отношение родоплеменной знати, концентрировавшейся в старых центрах, к князю [9, с.122].

Концепция «переноса города» вновь ставила под сомнение теорию преемственности племенных центров.

В целом, конкретные формы, в которых происходила «смена центра», были довольно разнообразны. После подчинения Древлянской зем-

ли Ольгой центром её, вместо Искоростени, стал, по-видимому, Овруч. В нём укрывался в 977 г. Олег Святославич, княживший в «Деревех», от войск своего брата Ярополка. В княжение в Древлянской земле сына Владимира, Святослава Владимировича (конец X – начало XI вв.) центром его волости, возможно, был Белгород-Днепровский. Позже древлянская территория непосредственно подчиняется Киеву. Центром земли дреговичей в конце X в. (когда там был посажен Святополк) стал Туров, возникший, по археологическим данным, примерно в это же время. В земле волынян новый центр – Владимир Волынский – был основан в конце X в. (примерно в 25 км от старого).

Если между центрами союзов племенных княжеств и центрами волостей прямой преемственности нет, то центрами самостоятельных княжеств-«земель», сложившихся на Руси в XII в., напротив становились, как правило, города, являвшиеся в предшествующий период центрами волостей. Столицами княжеств стали Киев, Чернигов и Переяславль (города Руси, в узком смысле слова ставшие центрами волостей по завещанию Ярослава Мудрого). Новгород – центр волости с середины X в., Полоцк, Смоленск, Туров и Владимир Волынский – центры волостей с конца X в., Ростов и Муром – в конце X в. в землях мери и муромы, колонизируемых славянами. Исключением стала Теремовльская волость, где в XII в. центром княжества сделался Галич.

Необходимо остановиться ещё на одном моменте, связанном с явлением «переноса» города. Дело в том, что расстояния от старых центров до новых в ряде случаев одинаковые. По арабским источникам, дневной переход вверх по воде составлял 25 км. Такие раннегородские центры, как Гнездово, Сарское городище, Тимерево, находятся примерно на одинаковом расстоянии (15–20 км – дневной переход) от пришедших им на смену Смоленска, Ростова Великого, Ярославля.

Возникающие новые города могли существовать и поддерживать связь со старыми племенными центрами на протяжении длительного времени [5, с.31].

Таким образом, возникновение племенных княжеств и союзов племенных княжеств сопровождалось появлением «городов» – укрепленных поселений, становившихся центрами этих образований. Подчинение союзов племенных княжеств власти киевских князей и формирование на их территории волостей влекло за собой смену центров союзов племенных княжеств новыми центрами, которые служили опорой власти Рюриковичей и их дружин. Старые центры превращались во второстепенные поселения (Волынь, Городище), либо приходили в упадок (Гнездово), либо уничтожались (старый детинец Полоцка Ревно). Одновременно происходило массовое появление новых укрепленных поселений. Эти центры, не имея своих княжеских столов, служили опорными пунктами новой власти внутри волостей. Центры волостей конца X – начала XII вв. в большинстве случаев превратились в центры княжеств – «земель» эпохи феодальной раздробленности.

Представление об эволюции «племенных центров» в города как главным принципе градообразования на Руси не подтверждается фактами.

Явление, получившее в науке название «перенос городов», – это одна из форм смены центров догосударственных общностей центрами феодального властвования.

Однако до сегодняшнего времени вопросы происхождения древнерусских городов остаются открытыми, поскольку летописных сведений по этому периоду очень мало, а археологические данные пока не могут дать окончательного ответа даже по самым древним городам Руси.

Литература

1. Археология СССР: Древняя Русь – город, замок, село / Под ред. Б.А.Рыбакова. – М.: Наука, 1985. – 430 с.
2. Горский А.А. Политические центры восточных славян Киевской Руси: проблемы эволюции // Отечественная история. – 1993. – №6. – С.157-163.
3. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: «АСТ», 2004. – 671 с.
4. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X – XIII вв.) // Вопросы истории. – 1994. – №10. – С.45-61.
5. Дубов И.В. Города, величеством сияющие. – Л.: Изд-во ЛРУ, 1985. – 182 с.
6. Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории древнерусского города. – Т.1. – М.: Изд. Акад. Наук, 1958. – 579 с.
7. Килиевич С.Р. Детинец древнего Киева / Древнерусский город / П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1984. – 159 с.
8. Кучинко М.М. Древний город Владимир на Волыни / Древнерусский город / П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1984. – 159 с.
9. Мавродин В.В. Древняя Русь. – Л.: Госполитиздат, 1946. – 311 с.
10. ПВЛ, начало XII века / Хрестоматия по истории России / Авт.-сост. А.С.Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиева, Т.А.Сивохина. – М.: ТК Велби изд. Проспект, 2004. – 592 с.
11. Пьянков А.П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 280 с.
12. Седов В.В. Восточные славяне VI-XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
13. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М.: Гос. изд-во Полит. культуры, 1956. – 477 с.
14. Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 269 с.
15. Фроянов И.Я. Киевская Русь. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, – 1999. – 372 с.
16. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевской Руси. – М.: Госполитиздат, 1949. – 543 с.

*О.А. Шабанова
Н. рук. И.Т. Шатохин*

ОБРАЗОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ

В социально-экономическом развитии уездных городов Белгородчины образование на протяжении XIX века постепенно заняло если не ключевое, то значимое место. Город, как социальный сложный институт, и специфическое городское хозяйство во всех своих проявлениях (соци-

альная структура, экономика, управление) развивались и все более усложнялись. А в условиях модернизации общества в технической, научной и культурной сферах во второй половине XIX века грамотные и образованные люди становились более востребованными.

В начале XIX века в целом оформилось административное устройство современной Белгородчины. В нее входило пять уездов Курской губернии (Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Новооскольский, Старооскольский уезды) и два уезда Воронежской губернии (Бирюченский и Валуйский). Административными, экономическими и культурными центрами уездов являлись города – Белгород, Грайворон, заштатный Хотмыжск, Короча, Новый Оскол, Старый Оскол, Бирюч и Валуйки. В начале XIX века официальные города Белгородского края хотя и были крупными населенными пунктами, больше были похожи на сельские поселения, а подавляющая часть его жителей занималась сельским хозяйством.

В пореформенный период большинство городов из преимущественно административных пунктов превращается в экономические центры окружающих территорий, ускоренными темпами росла численность городского населения. Так, в Белгороде – самом большом городе в Белгородском крае – население с 1861 г. по 1897 г. выросло более чем в два раза, с 11 852 до 26 564 человек. В отличие от других городов здесь проживало мещан (43%). Численность населения городов Белгородского края к 1897 г. составила 88 616 человек. В целом, все население уездов и городов Белгородчины возросло с 1858 г. по 1897 г. с 960 603 до 1 269 085 человек. А в 1815 г. оно составляло только 550 000 человек [4, 6, 5, 3].

Прирост городского населения в наиболее развитых в социально-экономическом отношении местных городах обеспечивался преимущественно массовой миграцией окрестных крестьян. Городское население имело сложную неоднородную социальную структуру, где к концу XIX века на первый план все отчетливее выступало деление не по сословиям, а по занятиям, по способу извлечения дохода и заработка.

Сфера занятий населения городов в рассматриваемый период была весьма разнообразной. Подавляющее большинство горожан Белгородского края трудились в сфере экономики, характерные черты которой определялись аграрной специализацией региона. Городская промышленность преимущественно занималась переработкой сельскохозяйственного сырья. Преобладало мелкое производство, представленное главным образом продукцией ремесленников. Относительно крупная промышленность переживала процесс перехода от мануфактурной к машинной стадии производства. В городских центрах наблюдался рост торговых оборотов, в которых важное место стала занимать стационарная торговля. А после того, как через территорию нашего края были проложены железные дороги, многие города Белгородчины стали важными торгово-транспортными центрами, поставляющими продукцию местного сельского хозяйства за пределы Курской и Воронежской губерний. Таким образом, главными занятиями городского населения Белгородского края были промышленная, торговая деятельность, сельское хозяйство.

В XIX веке в условиях постоянно ускоряющегося социально-экономического развития городских центров резко возросла потребность в грамотных специалистах для промышленности, торговли, государственного аппарата, что заставило правительство развернуть широкую сеть учебных заведений.

Опережающими темпами развивалось городское образование. В уездных городах преимущественно открывались министерские (государственные) школы – уездные и церковноприходские училища. В определенной мере Белгород являлся центром просвещения: здесь находились различные учебные заведения, дающие элементарное начальное, общее среднее, среднее специальное образование, а в 1876 г. в Белгороде открывается один из немногих в России учительских институтов. В пореформенный период сеть учебных заведений стала развиваться значительно быстрее, особенно с учреждением земств, которые сыграли существенную роль в развитии не только народного образования, но и здравоохранения, хозяйственной жизни, просвещения в целом. Тем не менее желающих учиться всегда было больше, чем могли принять школы, учебные заведения.

Грамотность населения являлась показателем готовности потенциальных рабочих к деятельности в постоянно совершенствовавшихся отраслях промышленности, а также показателем готовности населения к освоению культурного богатства. Большинство грамотного населения сосредотачивали города. В городах Белгородского края к 1897 г. процент грамотного населения составлял около 38,3 %, тогда как грамотность в уездах без городов – только 14,2 %. По данным переписи населения, самый высокий процент грамотности был в городах Новый Оскол и Старый Оскол (42,8% и 42,3% соответственно); самый низкий – в заштатном городе Хотмыжск (19,3%) и в городе Бирюч (32,5%). В Белгороде процент грамотности составлял 41,6 % среди населения всех возрастов и сословий. Если же посмотреть грамотность населения в возрасте от 10 до 49 лет, представляющего наиболее активную трудоспособную возрастную группу, то процент будет выше и составит 54,8%. В целом в Курской губернии на 1885 г. из 2 148 000 жителей приходилось 88 639 грамотных, или 4,14 %, а уже в 1897 г. из 2 371 012 человек грамотного населения насчитывалось 387 401 человек – 16,3 % [6, 5, 1, 2].

Таким образом, постоянно расширяющаяся сфера применения разнообразных технических, естественнонаучных и гуманитарных знаний увеличивала слой образованных людей. Образование давало возможность занимать определенную должность в структуре профессиональной занятости населения. В профессиональной структуре представителей образованного класса в первую очередь следует выделить категорию преподавателей учебных заведений, студентов и учащихся, врачей и средний медицинский персонал. К концу XIX века их численность возрастает и при этом качественно совершенствуется. Требования к уровню профессиональной подготовки медработников и преподавателей были достаточно строгие. Но образовательный уровень большинства учителей начальных

школ – самой массовой профессии учителя – в целом был низкий, а большинство фельдшеров и фельдшериц имели низшее образование и при этом часто заменяли врачей, занимаясь самостоятельной лечебной практикой. В конце XIX – начале XX вв. стали проводиться различные курсы, способствующие повышению их квалификации.

В Белгороде, как и во многих других городах, в профессиональной структуре местной интеллигенции преобладали представители административно-управленческого аппарата: чиновники государственных и земских учреждений, а также занятые в производственной сфере и сфере обслуживания; в целом – около половины интеллигенции. Другая половина – это педагогическая и военная интеллигенция, и совсем небольшая группа – врачи, фельдшеры и акушерки.

Таким образом, кадровую основу культурно-образовательного потенциала провинциального города составляли представители образованного, грамотного населения, за частью которых к концу XIX века утвердилось неофициальное название – интеллигенция. Сфера образования в XIX веке, особенно во второй ее половине, стала активно развиваться, так как многие слои общества оценивали важность овладения знаниями. Образование становилось основой повышения их конкурентоспособности на рынке труда, а также инструментом для обладания достижения общественной и мировой культуры.

Литература

1. Белокопский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. – Курск, 1897. – 489 с.
2. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сб. – М., 1977. – 448 с.
3. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 1998. – 222 с.
4. Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. – Курск, 1893. – 227 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Курская губерния. – СПб., 1904. – 261 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Воронежская губерния. – СПб., 1901. – 167 с.

Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ

*Е.А. Балабанова
Н. рук. Т.И. Липич*

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как известно, философия – это любовь к мудрости, мудрости познания мира, мудрости жизни. И эта мудрость заключается не просто в знании. Мудрость – это, прежде всего, умение выявить наиболее острые проблемы современности, попытаться найти пути их решения, т.е. умение выжить. Глобальной проблемой российской действительности является проблема воспитания гражданского патриотизма и национального самосознания. Мы постараемся объяснить, в чем суть этого вопроса, выявить причины, по которым нация приходит в упадок, и найти некоторые пути решения проблемы.

После распада СССР и образования новых государств, в т.ч. и Российской Федерации, прошло более полутора десятилетия. Изменения, произошедшие в экономике, политике, культуре, привели в упадок сложившуюся ранее систему патриотического и интернационального воспитания. Разрушение ценностей и идеалов для многих людей стало причиной для "разочарования" в своем Отечестве. Распространились настроения и мнения о "ненормальности", "нецивилизованности" и "некультурности" России, о необходимости "учиться и жить, и мыслить" у западных стран. Поэтому сегодня главная задача – возродить в российском обществе чувство истинного патриотизма как важнейшей духовно-нравственной и социальной ценности.

Что же такое "чувство патриотизма"? Еще в середине XIX века Владимир Даль определил патриотизм как любовь к Отчизне. И с течением времени смысл этого понятия остался прежним. Российский патриотизм – это отношение граждан к своей Родине – Российской Федерации, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее. Это отношение к необъятным просторам страны, ее природным богатствам, героическому историческому прошлому и сегодняшним противоречивым реалиям, народам, ее населяющим, их национальному достоинству, культурам, традициям, соотечественникам.

Формирование у российских граждан чувства патриотизма, дружбы народов и веротерпимости является важнейшей целью воспитания и образования. Этому способствуют не только семья и учебные заведения, но и СМИ, общественные организации. При разработке социальных программ по воспитанию патриотизма необходимо учитывать все особенности восприятия и понимания информации. Идея только тогда становится подлинной, неоспоримой, когда она живет в сердце, затрагивает самые глу-

бокие чувства. Поэтому патриотизм не терпит принуждения. Возбуждаемый только лишь внешними средствами, он становится поверхностным, обезличивается.

С другой же стороны, патриотизм носит инстинктивный и сознательный характер. Естественна и понятна привязанность человека к месту, где он родился и вырос и с которым ассоциируются лучшие воспоминания его детства и юности, к людям с их менталитетом, привычками, обычаями. Первоначально чувство патриотизма зарождается само собой. Окружающий мир независимо от нашего желания влияет на человека, он является главным помощником в развитии и воспитании. Неотъемлемой частью личности становится родной язык, родная культура, искусство и т. д.

Но однажды наступает момент, когда интуиция уходит на второй план, а на первый план выдвигается разум. Человек начинает задумываться, насколько же в действительности ему дорога его Родина. Он испытывает потребность оправдать перед самим собой свои естественные склонности и привязанности. Поэтому воспитание гражданина по принципу идеализации своей страны в конечном счете не приводит к результату. Преувеличение достижений родной страны в ущерб справедливой оценке чужого – плохая услуга Отечеству. "Программа патриотического воспитания, направленная на то, чтобы скрыть отрицательные стороны собственной жизни и внушить гражданам любовь к Родине одними дифирамбами своему родному, по логике вещей не имеет ничего общего с гражданским патриотизмом"[2, с. 80]. Важно, чтобы человек с детства осознавал несовершенство своего Отечества и, несмотря на это, любил его, жил с ним одной жизнью, радовался его радостям и болел его горестями.

Наряду с понятием патриотизма основополагающим является понятие самосознания, т.е. отождествление себя в единстве со своей национальной или этнической общностью в качестве целостного сообщества (этноса, нации, народа), объединенного теми или иными общими признаками: происхождением, культурой, языком, территорией и т.д. "Самосознанию той или иной нации свойственно стремление к сохранению этих общих признаков и через них – своей самобытности и целостности (как культурному типу, или шире – определенному типу цивилизации), готовность отстаивать и защищать их, и в то же время способность (бессознательная или осознанная) ассимилировать новое, обогащающее жизнь сообщества (но на почве своей культуры) адаптироваться к изменяющимся условиям жизни"[1, с. 90].

Главная особенность такого типа национального самосознания состоит в том, что его носители признают равное право всех "других" на их собственную самобытность, способ жизни, ценности, нормы и т.п. и не считают возможным навязывать другим (тем более, силой) свои представления, нормы и ценности. Такое самосознание составляет основу нормального, здорового чувства патриотизма, отражающего верность и преданность своей общности, а также чувства, которые включают в себя принятие и уважительное отношение к представлениям и образу жизни других общностей.

Но сегодня, в условиях социальной нестабильности и отсутствия действенных идеологических установок, распространение получили идеи националистического, шовинистического и даже фашистского толка с неадекватным толкованием понятий "Отечество", "гражданство", "патриотизм" и т.д. Эти идеи выступают как извращенные формы национального самосознания. Т.е. национализм и патриотизм имеют общий исходный пункт – преданность и привязанность к своей этнической общности, но в одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства, в другом – определяющими началами являются враждебность, конфронтация, стремление к превосходству одной нации над другой. Безусловно, национализм – это ненормально, неправильно! Но имеем ли мы право безоговорочно осуждать идеологию такого толка? Причин, по которым человек попадает под влияние националистических группировок, очень много; одна из основных – нищета. Главным образом идеям националистического толка подвержена молодежь, т.к. ее взгляды формировались именно в критический для страны период. В большинстве семей не хватало материальных средств не только на культурное развитие, но даже на существование. Подобные условия выживания (не жизни!) приводят человека в отчаянье, он стремится к сохранению себя и своего этноса любыми средствами: это и выливается в извращенные идеи.

Учитывая, что наша страна является многонациональным и многоконфессиональным государством, необходимо преобразовывать идеи националистического толка таким образом, чтобы оставались только положительные их стороны: преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу. В российском патриотизме должны сочетаться идеи народов России с общенациональной, общероссийской идеей, которая воспринимается гражданами как ценностный стержень, как смысл жизни. "Должно также сочетаться личное, присущее каждому гражданину (независимо от национальной и религиозной принадлежности), и общественное, связанное с развитием могущества страны, ее прогрессом, укреплением Федерации" [4, с. 61].

Составной частью гражданского воспитания является привитие уважения к существующему политическому устройству. Но любовь и уважение возникает вследствие материальной заботы государства, как благодарность за то, что государство вырастило, воспитало и помогло самореализоваться. В настоящее же время государство зачастую не выполняет своих прямых функций: оно не только не создает условия для продуктивной деятельности, но и не в полной мере может защитить своего гражданина. Причины кроются в несовершенстве государственных и социальных институтов. Процветают беззаконие, криминал. Вместо законодательной, судебной и исполнительной властей господствует власть денег, коррупция, мошенничество, использование служебного положения в корыстных целях, расхищение государственных ценностей, "разбазаривание" природных ресурсов, которые, кстати говоря, принадлежат всей нации, а не отдельным субъектам неизвестного происхождения! И это далеко не полный список.

Гражданское воспитание должно начинаться сверху, с перевоспитания властей, внушения им убеждения, что они должны существовать для

народа! Политика должна заключаться в своеобразном удовлетворении нужд народа. "Более того, действенное гражданское воспитание предполагает государственный строй, основанный на законности и порядке, уважении к правам народа, улучшении положения как отдельных граждан, так и всего государства, распределении обязанностей по принципу равноправия, предоставления народу возможности посредством своих представителей влиять на усовершенствование общественного порядка. Важным определяющим условием воспитания правового самосознания является уважение к закону и порядку со стороны властей"[2, с. 78].

Что касается "утечки мозгов", дать объективную оценку этому явлению невозможно. Для России эмиграция носит однозначно негативный характер. В большинстве случаев страну покидает элита: ученые, деятели культуры и искусства, спортсмены и т.д. В годы Советского Союза эмиграция происходила обычно вследствие гонений со стороны государства: просвещенная элита не могла смириться с существующим политическим строем. Сегодня свободомыслие не осуждается, скорее, наоборот. Но граждане не могут реализовать свои способности. Во-первых, финансирование новых проектов со стороны государства происходит крайне редко, во-вторых, даже если находятся средства, новое изобретение, основательно разработанное и запатентованное, не находит покупателя. Вот и приходится эмигрировать, чтобы найти применение своему таланту, чтобы, наконец, обеспечить себе достойное существование. Очень часто, при транслировании спортивных соревнований, можно услышать, что тренерами тех или иных иностранных спортсменов являются бывшие российские граждане. Многие страны обязаны своими спортивными достижениями именно российской спортивной школе.

Бесспорно, что обмен достижениями в разных областях науки, культуры между странами является важным звеном в развитии, но в настоящее время этот обмен носит угрожающий характер. Нам насаждаются и навязываются идеалы и взгляды, которые абсолютно неприемлемы для нашей ментальности. Во многом этому способствуют СМИ.

Семья в России всегда считалась главной ценностью в жизни. После сексуальной революции это мнение сильно пошатнулось. Даже в анимационных фильмах, которые предназначаются, прежде всего, для детей, пропагандируются свободные отношения, т.е. отношения, которые не предусматривают никакой ответственности. Искажается представление о семье, о противоположном поле: у детей складывается такой идеал личности, который вообще не существует в природе. Уже в раннем возрасте они настолько привыкают к сюжетам с эротическим подтекстом, а порой и текстом, что, повзрослевшие, они теряют способность реагировать на обнаженное тело, а значит, теряют способность к деторождению. Численность населения страны падает с каждым годом. Несостоятельность в сексуальном плане ведет к несостоятельности и во всех других сферах жизни. Формируется поколение неудачников в полном смысле этого слова. Происходит деградация нации. Она стареет и вымирает. Так нужны ли нам "западные идеалы"?! Почему мы не можем и дальше идти своим собственным путем?!

Остро стоит вопрос о государственных границах. Исконно русские территории и территории, которые по праву принадлежат нам, со всех сторон пытаются отобрать, отвоевать. Мы уже отдали Крым. Ценой многих тысяч молодых жизней сохранили Чеченскую республику в составе Российской Федерации. Япония претендует на часть Курильских островов!

Еще в двадцатом веке в США обсуждался вопрос о том, что одной стране не может принадлежать такая огромная территория, какая принадлежит СССР. Мы не будем снимать с себя ответственности за распад Советского Союза, однако по тем или иным причинам он распался. Совершенно недавно также в США было высказано мнение, что Сибирь как обширнейшая и богатейшая территория не может принадлежать одной только Российской Федерации! И как после этого не ждать, что со дня на день нашу Родину растерзают на куски?! Мы совершенно убеждены, что крайне необходимо укреплять наши границы, наращивать военный потенциал. Поэтому отмена обязательного призыва в армию пагубно скажется на нашей силе и мощи. Более того, уже сейчас мы не способны в полной мере защитить свое Отечество. Мы не бережем того, за что страдали и умирали наши предки. Трудно сказать, смогло бы наше поколение совершить такие великие победы, как были в 1812 году, в 1945 году. Люди готовы были на все, чтобы спасти Родину. Сегодня каждый сам за себя. И для гражданина родная земля потеряла былую святость. Неужели мы, люди третьего тысячелетия, разрушим то, что с таким трудом сохранили наши предки?!

С другой стороны, как матери могут отпускать своих детей в армию, когда и там господствует произвол? Глобальной проблемой становится "дедовщина" и проституция. Старшие по званию, пользуясь своим служебным положением, делают из наших защитников моральных и физических уродов. В опасности находится не только здоровье, но само существование нации!

Мысль материальна: если мы будем думать о будущем и при этом бороться за свое существование, то оно обязательно наступит. Только общими усилиями мы сможем все преодолеть! Наши предки были значительно мудрее нас: они не напрасно объединялись, стремились к сохранению нации, ее обогащению, увеличению численности населения. Ведь смысл жизни заключается в сохранении самой жизни. Так будем же и мы мудрыми! "Высокая нравственность, активная гражданская позиция, патриотические чувства в огромной степени способствуют успешному решению задач, связанных с возрождением России, ее совершенствованием"[3, с. 56]. Безусловно, воспитание гражданского патриотизма должно начинаться здесь и сейчас. Патриотически воспитанное российское общество составит ценнейший созидательный потенциал, который будет определяться прежде всего готовностью взять на себя ответственность за будущее России.

Литература

1. Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 4. – С. 89-97.
2. Педагогика. – 2003. – № 9. – С. 77-82.
3. Педагогика. – 1997. – № 3. – С. 53-56.
4. Педагогика. – 2005. – № 6. – С. 59-64.

АНТАГОНИЗМ ДОБРА И ЗЛА В РАБОТЕ И. А. ИЛЬИНА «О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ»

В течение многовековой истории люди пытались ответить на вопрос: благодаря чему существует сегодняшний мир? Перед нашими глазами предстает картина противостояния двух величайших сил – добра и зла. Сегодня много говорят и демонстрируют проявления злого начала в людской среде, умалчивая о том громадном объеме добра, которое присутствует в мире. Зло слишком громогласно объявляет о себе, в то время как добро скромно и ненавязчиво. На самом деле мир прекратил бы уже свое существование, если бы добро не одерживало верх над своим недоброжелателем.

Теме добра и зла посвятили свои труды многие великие русские философы. Но особое внимание привлекает работа Ивана Александровича Ильина «О сопротивлении злу силою».

И.А. Ильин – талантливый философ и юрист. С детских лет на формирование личности исследователя и мыслителя оказывали воздействие нравственная среда и духовная атмосфера, царившие в его семье. «У моего деда, – писал И. А. Ильин, – философия выростала из сердца, питалась созерцанием и сливалась с жизнью...» [7, с. 3]. Таким образом, с детской поры закладывается жизненная позиция, представление об основах духовности, что духовная жизнь человека есть ключ к истинному счастью.

В годы советской власти И.А. Ильин эмигрировал за границу. В. Голубев пишет: «Тем пароходом были вынуждены покинуть Россию многие светлые головы. «Философский пароход» стал символом изгнания...» [2, с. 7]. Большинство его работ было написано за пределами Отечества. В тяжелых условиях жизни на чужбине этот русский человек всегда оставался глубоким патриотом и верным сыном своей Родины. В. Голубев отмечает: «Ильин всегда стоял особняком, но стоял прочно. Что его особо отличало, так это подчеркнутая принадлежность к своей нации – к русским и России...» [2, с. 9]. Упомянутая выше работа является плодом его долгих раздумий и поражает глубокомысленностью и высоконравственностью рассуждений. Своеобразие этого труда состоит в том, что Ильин ставит вопрос перед совестью, а не интеллектом. Именно честность перед самим собой продиктовала ему многие строки. Очень важно в онтологических вопросах сохранить твердость занимаемой позиции. Ильину удалась показать бескомпромиссность решения, чего многие не смогли принять.

С выступлениями по своей книге И.А. Ильин объездил многие европейские аудитории. Животрепещущая тема сопротивления злу вызвала бурную полемику в философских кругах русской эмиграции. Были высказаны резкие и во многом ошибочные упреки в сторону Ильина. На многие из них он отвечал, разбивая в прах доводы противника.

Поводом к написанию книги, как утверждает сам философ, являются грозные события в России, разрушившие идеалы русской интеллиген-

ции, которые способствовали гибели России. Задача, поставленная перед автором, – вскрыть ложные предрассудки и противопоставить им русское Православие во всей его религиозной и государственной мудрости и силе.

Необходимо привести автокомментарий к книге «О сопротивлении злу силою»: «Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви – меченосец способен не меньше, а больше непротивленца. Словом, я искал решения вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе православия» [3, с. 481-482].

В этом высказывании проявляется глубокая религиозность и понимание сущности русского духа.

По мнению современного православного богослова А.И. Осипова, внутренние духовные положительные и отрицательные процессы в человеке влияют на его настроение, физическое состояние, отношение с окружающими. Человеческий мир имеет глубокую взаимосвязь на духовном уровне, и вследствие этого состояние каждой личности влияет на все общество. Поэтому, «пока зло не побеждено внутри человека, оно не может быть побеждено и вовне, ибо дух творит себе формы» [6, с. 225]. Печально, что замечаем мы зло лишь тогда, когда оно уже проявляется в поступках человека. Борьба всегда намного легче с маленьким ростком греха, нежели с огромным укоренившимся ветвистым деревом, вросшим в душу человека.

Ильин в своих рассуждениях показывает борьбу со злом на внутреннем духовном уровне, разграничивая и объясняя многие неоднозначные и спорные понятия: «насилие», «понуждение», «принуждение» и «неправедность». «Внешне-материальный процесс, пробуждающий в одних душах божественные силы и развязывающий в других дьявола, не является сам по себе ни добром, ни злом. Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла» [4, с. 335]. Но зло очень часто выливается вовне и причиняет человеку непоправимый ущерб не только физический, но и духовный. Он считает, что для его пресечения необходимы любовь, самосовершенствование, духовное воспитание и меч. Причем меч является крайней мерой и применяется в особых случаях людьми, обладающими сильным духом. Только человек, духовно определившийся и вставший на путь духовного очищения и предавший себя в руки Божии, способен на противостояние сильному противнику спасения человечества. С тяжелой ношей борьбы со злом нелегко продвигаться по дороге жизни, и только духовная помощь способна помочь и облегчить этот путь. Человек, честно отвечая перед своей совестью, способен уменьшить долю зла в мире.

Отождествляя добро со светом, можно привести высказывание митрополита Антония (Суражского): «Верьте во свет, в тот свет, который Господь зажег в каждом из вас, и блюдите этот свет, храните его, защи-

щайте его от всякого потемнения; и не бойтесь какой бы то ни было тьмы, какого бы то ни было полумрака, который на земле еще окружает всякий свет. Потому что свет во тьме светит, и даже тогда, когда тьма его не приняла и не стала сама светом, она не может ни потушить его, ни защититься от него, потому что самая малая искра света превращает тьму безусловную в тьму, пронизанную лучами этого света...» [5, с. 126].

Христианин является жилищем силы Господней и призван творить на земле правду Божию. Вместе с тем «осуждать мир не наше дело, потому что мы несем за него большую ответственность, чем те, кто творит неправду» [5, с. 175]. Задача христианина заключается в созидании непоборимого столпа православия. Только в православии возможно истинное добро и истинные меры пресечения зла, опираясь на тысячелетний опыт людей, искоренивших из своей души зачатки зла.

В 2005 году 3 октября останки Ильина Ивана Александровича и Ильиной Натальи Николаевны были торжественно перенесены из пригорода Цюриха Цолликона в некрополь Донского монастыря в Москве. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отметил: «Находясь за пределами Отечества, они остались патриотами, искренне сопереживая всему, что происходило на Родине. Российская трагедия не помешала им любить свой народ и верить в его будущее. Иван Александрович Ильин писал: «Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести и подвигах».

Тоску по России эти ее сыны пронесли до последних дней своей жизни... Они верили, что настанет момент, когда наша страна, великая и свободная, сможет вновь принять их» [1, с. 1].

Во время прощания с останками И.А. Ильина и его супруги в Женеве митрополит Лавр выделил: «Покинувшие Россию русские православные люди всегда сознавали себя носителями богатейшей русской культуры, пропитанной духовностью святой Руси. Хранение наших исторических традиций имело глубокие духовные и моральные основания и задания. Русское Зарубежье никогда не забывало своей веры, своих корней, не забывало оно и родного русского языка. За свое пребывание вне родины русские православные люди много потрудились, много испытали и многое создали» [1, с. 1]. Примерами могут послужить русские святые: преп. Сергей Радонежский, благословивший Дмитрия Донского на битву с врагами Отечества; св. Александр Невский, одержавший победу не в одной битве и множество других святых, прославленных во все времена христианства.

Таким образом, борьба добра и зла есть борьба греха и добродетели внутри души человеческой. Победа добра в человеке приводит его к святости, а победа зла над человеком приводит к его гибели и к негативным изменениям во внешне-материальном мировом процессе. По мысли Ильина, для того, чтобы остановить внешне-материальное проявление зла (войны, насилие, терроризм и т. д.), возможно (и даже необходимо) при-

менение «меча», но с тем условием, что «меч» будет применен в защиту добра, а не как способ несправедливого завоевания, насилия, убийства.

Литература

1. Буркин А.И. Обретение России // Десятина. Фотоприложение № 20. – М.: Пушкинская площадь, 2005.
2. Голубев В. Предисловие издателя // Иван Ильин. Основы христианской культуры. – СПб.: Шпиль, 2004. – 352 с.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 5.
4. Ильин И. Путь к очевидности. – М.: Эксмо-пресс, 1998. – 910 с.
5. Митрополит Антоний Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Клин.: «Христианская жизнь», 2004. – 415 с.
6. Осипов А. И. Православное понимание смысла жизни. – Киев.: Изд-во им. святителя Льва, папы Римского. 2001. – 240 с.
7. Смирнов И. Н. Жизненный и творческий путь И.А. Ильина // Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.

*А.Ю. Кравченко
Н. рук. А.Г. Чередниченко*

ПРИХОД ХРИСТИАНСТВА В ШВЕЦИЮ (ПО КНИГЕ АДАМА БРЕМЕНСКОГО «ДЕЯНИЯ АРХИЕПИСКОПОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ» И «ЖИТИЕ СВЯТОГО АНСГАРИЯ»)

Целью нашей работы является описание процесса христианизации Швеции на основании анализа «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского и «Жития святого Ансгария», написанного Римбертом. Также необходимо показать значение, которое придавали христианству шведские конунги, видя в Христианской Церкви возможного помощника в создании единого централизованного государства.

Адам Бременский является выдающимся средневековым писателем, и интерес к его сочинению «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*) не угасал со времени написания (между 1072 и 1076 гг.) вплоть до наших дней. Классическим считается то ее издание, которое было выполнено в начале XX в. крупным немецким историком Бернардом Шмайдлером и которое во многом отличается от всех предыдущих. Первая книга «Деяний» начинается с описания географии Восточной Германии и происхождения племени саксов. Далее и вплоть до конца третьей книги последовательно излагается история Гамбург-Бременской епархии, начиная с первого бременского епископа Виллехада (начало IX в.) и заканчивая смертью патрона Адама архиепископа Адальберта (1072 г.), изображению достоинств и недостатков которого отведено особое место. Наиболее знаменита четвертая книга сочинения, получившая название «Описание северных островов». Она представляет собой напря-

мую не связанное с основным текстом сочинения описание Дании, Балтийского моря, Швеции, Норвегии, Исландии, Фарерских и Оркнейских островов, Гренландии и северного побережья Америки, колонизированного скандинавами (Винланд). Говоря о каждой из стран, Адам Бременский периодически останавливается на ее географии, самых ярких особенностях населения ее народа, политической истории, языческих верованиях, перспективах обращения в христианство. «Описание» венчает проводимую на протяжении всего труда главную идею Адама: автор как бы увещевает своего адресата-Лиेमара: «Посмотрите, сколь много народов относится к ведению Гамбург-Бременского архиепископства и сколь самоотверженно обращали их в христианство Ваши предшественники, так пусть же обилие не до конца крещеных земель и пример святых проповедников вдохновляет Вас и Ваших последователей на деятельность по дальнейшему распространению христианства среди язычников». Особая историческая ценность «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» в том, что по ходу повествования Адам Бременский впервые в европейской историографии сообщает ряд важнейших сведений по истории и культуре скандинавов, а также поморских и полабских славян. Эти сведения Адам получал в основном из устных источников: он неоднократно ссылается на рассказы купцов и миссионеров, посещавших описываемые им земли; кроме того, особо важными представляются свидетельства датского короля Свейна II, «по должности» лучше других осведомленного о различных событиях своего времени и, судя по частым ссылкам, бывшего одним из главных информаторов Адама.

Авторство «Жития святого Ангария» приписывают ученику и преемнику Ангария в должности Гамбург-Бременского архиепископа Римберту (умер в 888 г.). Средневековые жития святых писались в соответствии с канонами, т.е. определенной схемой, которую диктовала традиция. Канон обуславливал форму повествования: язык должен был приближаться к языку Библии и писаний Отцов Церкви. Канон влиял на сюжет, определяя, какие моменты в жизни святого автору жития следовало осветить, а какие опустить. Наконец, канон указывал, в чем должна состоять идейная направленность жития: от автора требовалось в первую очередь наставление для потомков, так что поучительность всегда оказывалась важнее исторической достоверности. В этом отношении «Житие святого Ангария» является не совсем типичным для данного жанра: оно не только чрезвычайно насыщено историческими сведениями, но и весьма выразительно рисует фигуру святого. Перед читателем предстает конкретный человек, а не обобщенный образ проповедника, искусственно объединенный с чередой чудесных событий. Согласно сообщению Адама Бременского, в 832 году император франков Людовик Благочестивый, посоветовавшись с клиром, основал в Гамбурге архиепископство для данов (датчан), свеонов (шведов), склавов (поморских и полабских славян) и других живущих поблизости племен. Первым архиепископом там был поставлен Ангарий (Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Кн. 1, гл. 18). Святой Ангарий (сентябрь 801 – 3 февраля

865 г.) известен в исторической литературе как «апостол Севера». Миссия Ангария с давних пор считается одним из самых ярких эпизодов в длившемся около трех веков (приблизительно с середины IX в. до середины XII в.) процессе христианизации Северной Европы.

Римберт начинает «Житие» так: «Случилось, что в это время к вышеупомянутому императору Людовику прибыли посланники свеонов (шведов). Между другими поручениями, которые входили в их посольство, они также довели до сведения милостивого цезаря, что среди их народа есть много желающих принять христианскую веру, а сердце их короля уже склоняется к тому, чтобы допустить в страну священников Господа». Послы пытались снискать благорасположение Людовика, дабы он определил для их племени достойных проповедников. Император «весьма возрадовался», услышав о подобной просьбе, и стал искать человека, которого можно было бы отправить в тамошние края и который взялся бы выяснить, готовы ли свеоны к принятию веры, как утверждали посланники, и положить начало почитанию Христа в Свеонии. Светлейший император посоветовался с аббатом, не сможет ли тот случайно найти среди своих монахов кого-нибудь, кто возжелал бы во имя Христа отправиться в свеонские (шведские) земли, или, по крайней мере, послать туда того, который ныне живет у Харальда, короля Дании (при покровительстве которого Ангарий вел проповедническую деятельность в Дании). Так эта миссия выпала на долю жившего у Харальда проповедника Ангария. Из «привилегии», хранящейся в Бременской церкви, известно, что папа Николай назначил Ангария и его преемников легатами папского престола в областях свеонов, данов и склавов. Адам Бременский пишет: «Говорят, что король Сведии Олаф (Шётианунт) проявлял большую любовь к вере. Он хотел обратить в христианство подвластные ему народы и приложил много усилий к тому, чтобы разрушить Убсолу – святилище ложных богов (*templum ydolorum*), находящееся в центре Свеонии. Опасаясь такого его намерения, язычники постановили на народном собрании (*placitum*), что если король хочет быть христианином, то пусть он возьмет по своему выбору лучшую область Сведии, заложит в ней церковь и введет христианство, но не станет силой заставлять никого из народа отказываться от почитания языческих богов, если, конечно, кто-нибудь добровольно не пожелает уверовать во Христа». Итак, король основал церковь Божию и епископскую кафедру в западной части Готии (Гауталанда), рядом с землями данов, или нортманнов. Кафедра находилась в большом городе Скаране (*Scarane*). По просьбе Олафа Унван назначил туда епископом Тургота. Сей муж исполнял свою миссию весьма усердно: его трудами два главных племени готов приняли Христа. Ангарий отправился в поездку и прибыл в портовый город тамошнего королевства под названием Бирка, где он и его сопровождающие были радушно приняты королем свеонов (шведов) Бьёрном и сообщили его посланным, ради чего явились. Узнав о цели их прихода и посоветовавшись об этом деле со своими верными, Бьёрн с общего согласия и одобрения

разрешил Ансгарию и его спутникам остаться в Бирке проповедовать Евангелие, дабы все, кто хочет, могли свободно обратиться в христианство. Тогда Ансгарий и его соратники стали проповедовать христианскую веру тем, кто находился в Бирке. И было много таких, кто благоволил прибывшей миссии и по своей воле внимал христианскому учению. Были там и многочисленные пленники-христиане. И оказалось, что все именно так, как рассказывали Людовику Благочестивому послы. «Многие в Бирке приняли крещение, а среди них весьма любимый Бьёрном префект этого города и вместе с тем королевский канцелярий Херигарий, который был очень тверд в истинной вере. Вскоре после крещения он построил в своем наследственном владении церковь и сам благочестиво изнурял себя служением Господу» (Житие святого Ансгария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ансгария. Гл. 11).

Обсудив между собой вверенную ему миссию, Эбон (помощник Ансгария и друг императора Людовика Благочестивого, ставший в 816 г. архиепископом Реймским) и Ансгарий сочли, что им необходимо найти помощника, который принял бы сан епископа свеонов (шведов). Ведь в этом весьма отдаленном крае раньше должен был постоянно находиться в качестве епископа Ансгарий, теперь же он не мог в одиночку исполнять сразу два назначения. Итак, в согласии с волей императора Эбон избрал для подобного дела одного своего родственника по имени Гаутберт, который, возведенный в епископское достоинство, был послан в земли свеонов (шведов). Эбон в изобилии снабдил его всем нужным для богослужения и средствами для покрытия необходимых расходов как из того, что имел сам, так и из дарованного императором. Эбон назначил Гаутберта легатом в племени свеонов (шведов), как бы вместо себя – ибо поначалу именно ему была поручена эта проповедническая миссия. Вслед за тем император Людовик по совету Эбона передал Гаутберту построенный в Велнау монастырь как убежище, которое служило бы надежной твердыней в доверенном Гаутберту служении. Итак, Гаутберт, которого после посвящения Эбон и Ансгарий назвали Симоном, прибыл в Свеонию, где был с почестями принят королем и народом. С всеобщего одобрения и согласия он начал строительство церкви и открытую проповедь Евангелия. Римберт описывает это так: «И пришла радость спасения к живущим там христианам, и ото дня ко дню умножалось число уверовавших» (Житие святого Ансгария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ансгария. Гл. 14). Далее Римберт говорит о народных волнениях, которые были вызваны распространением «новой веры»: «Подстрекаемые дьяволом свеоны воспылали дикой яростью и стали коварно преследовать епископа Гаутберта. Сговорившись, некоторые из свеонов ворвались в дом, где находился епископ, чтобы ограбить его, и там зарубили мечом племянника Гаутберта Нитарда». Самого же епископа и бывших с ним сотоварищей свеоны связали и, разграбив все, что смогли найти, с поношением и бесчестием изгнали из своих пределов. Это случилось, однако, не по велению короля, а лишь вследствие народного сго-

вора (Житие святого Ангария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ангария. Гл. 17). Далее в источниках описываются последующие попытки ввести христианство в Швеции, которые в конечном итоге увенчались успехом.

Одним из первых в Данию, а затем и в Швецию пришёл Ангарий, «который обратил множество язычников в веру Христову». Затем Ангарий покинул эти страны, где, по всей видимости, принявшие крещение норманны вернулись к своей прежней вере в языческих богов. Потом была вторая попытка Ангария: он отплыл от берегов Дании, прибыл в Швецию, где с взаимного согласия короля Олефа и народа основал церковь и назначил туда пресвитера Эримберта. Потом почти 70 лет датские и шведские племена не посещали проповедники, так что опять же, скорее всего, всё население вернулось к почитанию идолов. Посещать эти места мешало преследование христианства. Скорее всего, это было связано с несовместимостью христианского образа жизни и тем, чем занималось население этих стран. А оно, как известно, занималось разбоем и пиратством, в народе царили дикие нравы. Морские походы викингов в континентальную Европу с целью наживы считались делом абсолютно естественным и почётным. Кроме того, королевская власть имела свою долю от добычи, так что принятие христианства не было выгодно никому, кроме Европы, которая хотела взять под контроль беспокойные северные племена.

Нужно сказать также, что крещение Швеции происходило под влиянием двух главных факторов. Во-первых, шведские конунги стремились ввести христианство ради становления единого централизованного государства. Во-вторых, Римская курия считала приход христианства необходимой мерой для подчинения норманнов и потому часто и планомерно посылала различных миссионеров на Скандинавский полуостров. Первые миссионеры, по видимому, прибывали в Скандинавию из Фрисландии (современные Нидерланды). Судя по упоминаниям в «Житии святого Ангария», именно Дорестад во времена Ангария являлся местом, где – неизвестно, сколь часто, – принимали крещение некоторые жители Свеаланда, т.е. свейских областей, давших название Швеции (Житие святого Ангария, написанное Римбертом и ещё одним учеником Ангария. Гл. 20). Во время походов викингов, торговых и дипломатических поездок в Европу и Византию скандинавы видели церкви и монастыри, имели возможность слушать проповеди епископов и священников и знакомиться с традициями и нормами христианства. Крещение нередко бывало условием заключения политического союза или мира, при крещении можно было получить новое платье и крестильные дары, после него устраивались праздники. Некоторые скандинавы проходили так называемый обряд первичного крещения. Они принимали крест как знак первого посвящения, и этот символ христианской веры мог играть положительную роль при общении с христианами, например, при совершении с ними торговых сделок. Вместе с тем это не мешало скандинавам одновременно поклоняться своим прежним богам. Некоторые делали это серьезно, с полным сознанием того, что совершилось, но иные просто включали Христа в

многочисленный пантеон своих языческих богов и даже иногда совершали в честь него жертвоприношения.

Какие доводы приводили миссионеры, защищая новую веру? Прежде всего, христианство было побеждающей религией, получавшей все большее распространение. В этом убеждало могущество Церкви, ее богатство и величие, которое можно было наблюдать в чужих землях. Вместе с тем, очевидна была и слабость прежней религии. Миссионеры сокрушали языческие святыни, и кара за это на них не обрушивалась. Очевидным было и преимущество поклонения одному Богу, нежели многим, к тому же не приносящим никакой пользы. Времена были жестокие, а христианская церковь проповедовала мир и милосердие к ближнему. Лучшие из миссионеров придерживались этих догматов на практике, ведя жизнь праведников. Они приносили себя в жертву, отдаваясь в рабство вместо пленных или выкупая их из неволи, они раздавали милостыню нищим. Проповедуя отказ от насилия, они говорили, что все люди равны перед Богом и что удача в жизни зависит лишь от поступков самого человека. От него самого зависело, придет ли он «к свету, и к жизни райской», как было сказано на одном из рунических камней в Упланде.

Литература

1. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит. / Вступ. ст. В.И. Уколовой; Общ. ред. В.И. Уколовой и Л.А. Котельниковой. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с., ил.
2. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 286 с.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц.; Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.

*Т.В. Ливенцева
Н. рук. В.В. Пенской*

ВИЗАНТИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА РУСИ

В процессе нового государственного строительства России и в ходе поисков новой идентичности для церковного и гражданского общества все актуальнее выглядит вопрос о государственном и церковном устройстве. Этот вопрос получил свое освещение и в принятых "Основах социальной концепции Русской Православной Церкви", где впервые была сделана попытка сформулировать общие принципы церковно-государственных отношений в постсоветской России. Данная проблема представляет несомненный научный интерес, тем более когда происходит процесс переоценки многих ценностей и поиски духовной опоры, фундамента, на котором можно было возвести новое здание российской государственности.

В настоящее время российское общество находится в состоянии поиска духовной идеи, именно такой идеи, составная часть которой могла бы сплотить, сохранить нашу Россию свободной и независимой, мы обращаемся к православию, к истории, к подвигам наших предков, которые могли созидать такое сильное государство, как Киевская или Московская Русь. А поскольку церковь в истории Русского государства занимала и занимает важное место, то неизбежно возникает вопрос: «А как развивались взаимоотношения церкви и государства в предыдущие эпохи?»

Изучаемая проблема имела и имеет давнюю традицию в отечественной историографии. Ее начало можно отнести к самой заре существования Русского государства, когда первые русские летописцы задумывались о месте и роли государства и церкви в жизни общества и их взаимодействии.

Изучая ранние этапы истории церковно-государственных отношений на Руси с одной стороны и процесс формирования византийской концепции «симфонии» духовной и светской властей в современных условиях развития государственности с другой, неизбежно возникает ряд вопросов подчас ответы дать на которые можно лишь суммируя факторы зарождения данной концепции в ее ранний период и применение на практике, но уже в новых условиях формирования Древнерусского государства. Таким образом, возникает ряд вопросов, в том числе о самой сущности понятия «симфонии» властей в ее византийском контексте как особенной модели церковно-государственного регулирования, о проблеме характера рецепции основ византийской религиозно-политической доктрины на Руси; а также о степени восприятия византийской модели симфонии на Руси и ее применимости в современных условиях?

Приступая к анализу проблемы, необходимо коснуться сперва положения с симфонией в Византии. Для византийцев император – царь царей. Он – главное ядро всего Политического, как оно осознавалось на этом этапе христианской истории. Император правит в тесном контакте со жреческим сословием, с Патриархом (до определенного момента папой), православной церковью. Между ними существуют органичные отношения, которые называются греческим словом – **"симфония"**, т.е. "созвучие", "единозвучие". **Симфония** – это термин политической и церковной практики, так называемой "симфонии властей" [3]. **"Симфония властей"** подразумевает политический строй, основанный на власти православного императора, "катехона", который правит империей с опорой на церковь и священное предание, и конкретно – с опорой на патриарха, клир, священство.

Исключительная качественность греческого языка, на котором были написаны не только Евангелия, но также все постановления семи Вселенских соборов, позволяют в данном случае уточнить смысл этого определения. Потому что **симфония** – это не только «согласие», но буквально – созвучие. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «согласный» калькирует латинское *consonans* или греческое ««*τό συμφώνια*»». Однако под словом «симфония» словарь дает буквальный перевод этого греческого слова как «созвучие». «Согласие» в

обыденном смысле этого слова нужно было бы перевести на латынь как *concordia*. Слово «симфония» в «Шестой новелле» в латинских текстах переводится как *consensus* и как *consonantia*, хотя выражение *concordia* имело очень широкое употребление в римской политической и юридической практике. Слово *concordia* этимологически происходит от «сосердечия», т.е. от субъективного, сердечного предрасположения. «Со-звучие» же, причем доброе, «агафэ», зависит от объективной и точно измеряемой частоты составных звуков. Благозвучные аккорды получаются только тогда, когда составляющие их звуки: 1) не одной частоты, ибо в таком случае будет не аккорд, а унисон; 2) имеют такие разные частоты, которые гармонируют между собой, ибо в противном случае будет не симфония, а какофония, т.е. плохое созвучие. Не случайно русские первые христианские писатели сравнивали того же Владимира Святославича с равноапостольным императором Константином. Прочные отношения между православной церковью и государством стали складываться на Руси лишь после принятия князем Владимиром в X веке христианства от Византии.

В известном смысле В. В. Розанов безусловно был прав, когда говорил, что понять историю и психологию русского православия X–XVII веков вне византийского контекста невозможно[4]. Но вне этого контекста невозможно понять также и церковно-государственные отношения, складывавшиеся тогда на территории Руси. Идеалом этих отношений, как и в Византии, была симфония властей. Теория этой симфонии, взятой из VI новеллы Юстиниана, изложена в Славянской Кормчей, в начале 42-й главы. Здесь говорится: “Великая паче иных, иже в человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служа сеже человеческими владея и пекийся: от единаго же тогожде начала обоя происходят человеческое украшающее житие, якоже ничтоже тако бывает поспешение царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоих самех тех присно вси Богови молятся: аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и сущее под ними будет согласие некое благо, во еже добро человечесей даруя жизни”.

Итак, в начале настоящей симфонии властей указывается первая мысль – о различии священства и царства. По терминологии восточных иерархов здесь слово *священство* взято как часть вместо целого, почему под словом *священство* надо вообще понимать церковь. Как видно из текста симфонии, это различие выражается в том, что церковь служит Божественному, небесному, а государство – человеческому, земному. Это различие полагается здесь во главу угла, ибо симфония властей должна исходить из отличия церкви от государства, в особенности в представляющих их властях: церковной и царской. Если этого отличия не будет, то о симфонии не может быть и речи. Тогда, при слиянии двух властей в одну, произойдет или цезарепапизм, или папоцезаризм. С таким значением теория симфонии властей перешла и к нам в Россию, и притом в ранний период существования нашей церкви, через Номоканон Фотия.

Что юстиниановская симфония была основной догмой для определения взаимных отношений церкви и государства в лице их власти и у нас в России, об этом свидетельствует действительность русской жизни. Начиная с князя Владимира и до царя Алексея Михайловича, в течение почти 7-ми веков Русское государство хранило унаследованный ею монархический принцип государственного правления, а также ту форму взаимоотношений между церковью и государством, которая проявилась и конкретизировалась в очень тесных связях великих князей, позднее – царей, с митрополитами, а затем – с патриархами. Византийская теория симфонии, ее основные положения стали известны в Киеве одновременно с первоисточниками русского церковного права – Правилами Святых Апостолов, Святых Вселенских и Поместных соборов и Святых Отцов, записанных в Номоканоне патриарха Фотия. Знаменитая VI новелла императора Юстиниана, в которой была изложена суть этой теории, первоначально попала в Россию, по-видимому, через Болгарию. Переданная митрополиту Кириллу в середине XIII века, она была вставлена в начало IV главы Кормчей Книги [1]. Великие русские князья получили в ней принцип сыновнего послушания Святой Церкви. Древние летописи оговаривают, что рядом с митрополитом должен находиться великий князь. Когда Русская церковь обрела автокефалию, а цари заместили великих князей, симфония власти уже прочно укоренилась как нечто исконно русское. Эта диархия, эта симфония двух согласованных властей, священства (*sacerdotium*) и империи (*imperium*), каждая полновластная в своей области, была ясно провозглашена [2] и в теории соблюдалась до тех пор, пока не была нарушена со стороны царской власти во второй половине XVII столетия.

Российская действительность показывает, что и русские великие князья, и цари стремились действовать, как и византийские императоры, в духе этой симфонии. Поэтому и они выступали, прежде всего, как защитники и покровители православной веры, что особенно обнаруживалось на Соборах, которые созывались ими для ниспровержения ересей. Классическая же, по мнению некоторых исследователей, формула взаимоотношений между церковной и светской властями заключается в «Эпанагоге» – кратком сборнике правовых норм, составленном в Византии в конце IX века. В «Эпанагоге» предложена концепция взаимодополнительности двух властей (что, однако, противоречило принципу византийской автократии): «мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства».

Вместе с тем не стоит и преувеличивать роль византийского наследия. Да, христианство пришло на Русь из Византии, и из Византии Русская церковь получила свои церковные установления и каноны; ее церковная жизнь находилась под сильным византийским воздействием, что особенно заметно в области религиозных воззрений. Однако при обозрении истории Русской церкви чувствуется, что это влияние осуществлялось не в простых формах, но исходило из исторических событий разви-

тия Русской церкви и Русского государства, сильно и действительно сказываясь при этом на национальных чертах русского народа, особенно – на религиозных воззрениях и в народной религиозности, в некоторых церковных обычаях и в религиозных традициях русского народа, в его понимании различных аспектов унаследованных сокровищ веры. Вследствие этого мы можем сказать, что в течение почти тысячелетнего бытия русской церковной жизни Русская церковь сама развила некоторые особенности, которые не были присущи церкви христианского Востока. В определенном смысле Русская церковь также не могла, будучи религиозным единством русского народа, остаться вне действия исторических фактов. Хотя она сохраняла чистоту христианского вероучения Восточной церкви, она была в своей церковной жизни, в общем быте и воззрениях, под влиянием этих исторических фактов государственно-политического развития русского народа [6].

Ключевский справедливо считает, что церковь, появившись на Руси, должна была приноравливаться к тому порядку, который она здесь встретила. Однако она не могла сразу отказаться от того комплекса идей, который получила в наследство от материнской византийской церкви. В итоге Русская церковь создала на Руси особое общество, параллельное государственному, которое включало в себя духовенство, начиная от митрополита и кончая нищими. «Наибольшей властью в нем облакались лица, отказавшиеся от всех благ мира, – монахи-иерархи. Наиболее привилегированными, т. е. наименее обязанными, считались в нем люди наиболее беспомощные – убогие и бесприютные», – писал этот крупный историк и одновременно мастер парадоксов в русской истории [7]. Ключевским был обоснован тезис, который позволил позднейшим исследователям, например, Никольскому, назвать положение церкви в России как «государства в государстве» [8].

В работе 1908 г. об истории государства и церкви на Руси в домонгольское время Гётц обратил внимание на ряд явлений, уже выявленных в русской буржуазной науке или остававшихся непознанными. Так, например, он говорит, что перенесение христианской церкви на Русь привело прежде всего к ее изменению здесь, к дегрецизации и русификации. Такие изменения происходили в тех направлениях, которые были возможны в местных условиях, т. е. не в церковной догме и не в изменении места митрополии относительно патриархии, а в другом. Это развитие церковной структуры, связанной с территорией нового государства и ее политической структурой, это развитие церковного права, это определение соотношения государства и церкви, вызванного в значительной степени местными условиями. Такие процессы привели к тому, что Киевская митрополия, одна из многих в составе Константинопольской патриархии, оказалась преобразованной в русскую государственную национальную церковь. Именно это преобразование наряду с другими обстоятельствами было, по Гётцу, причиной того, что на Руси отсутствовала вражда между государственной властью и церковью, известная на Западе, где церковь не

приобрела национального характера в каждой из стран. Важно также признание боннским историком того, что государственная власть на Руси использовала церковь не только для создания «нравственно-христианского порядка», но (по Ключевскому) и «гражданского общества», передав ей область права и оказывая ей в этом поддержку: «Князь доверил ей сферы права, ибо он считал ее более компетентной в этих делах» [7].

Из обзора этих необходимых предпосылок «симфонии» властей следует, что она на практике труднодостижима. Но, кроме того, такая сложная структура необходимых предпосылок для симфонии оказалась одной из причин ее непонимания, а вследствие этого и весьма распространенных ее совершенно неправильных трактовок, которые нередко встречаются в литературе. Тем не менее, являясь образцом идеальных соотношений между церковью и государством, идея симфонии важна тем, что даже если она и не всегда достижима в реальности, ее принципиальное признание является одним из важных стимулов и ориентиров для стремления к легитимности государства и к беспорочности священства, а следовательно, к построению наиболее идеальной формы правления государства и церкви.

Литература

1. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – София, 1939.
2. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – СПб.: Репринтное издание «Титул», 1993. – С. 142.
3. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Б.А. Успенский. Избранные труды. – М., 1996. – Т. I. – С. 205-337.
4. Розанов В. В. Русская Церковь. Дух. – Судьба. – Очарование и ничтожество. – Главный вопрос // Розанов В. В. Религия и культура. – М., 1989. – Т. 1. – С. 329.
5. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков. – СПб., 1913.
6. Ключевский В. О. История сословий в России. – 3-е изд. – Пг., 1918. – С. 64.
7. Никольский Н. М. История русской церкви. – 3-е изд. – М., 1983. – С. 33.

*Г.В. Мартынова
Н. рук. С.М. Климова*

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВО ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Проблема духовного здоровья личности очень актуальна сегодня. Сейчас, в наше непростое в духовном плане время, подверженное массовым негативным влияниям, жизненно необходимо сохранять и поддерживать духовное здоровье человека. Так как он потерял свое духовное совершенство вследствие грехопадения, то нельзя говорить о том, что люди могут иметь абсолютное духовное здоровье здесь, на земле. Но какими же были люди до грехопадения? И в чем же заключалось духовное совер-

шенство первозданных людей? На эти вопросы мы попытаемся ответить в нашем исследовании.

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествует они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами пресмыкающимися по земле. (Быт. 1,26)

Человек – это высшее создание творческой силы Божьей и по самому акту творения отличался от прочих созданий Божьих. Человек был создан по образу и подобию Бога – абсолютно высшей, совершеннейшей, духовной и свободной личности. Именно этот факт дает право нам говорить о духовном совершенстве личности.

Чем же достопримечательно сотворение человека? Прежде всего, временем его сотворения. Человек создан после всех видимых тварей. Ибо всеобщий порядок видимого состоял в постоянном восхождении к совершеннейшему. Человек есть венец творения. Все прочие твари земные сотворены на службу ему, и потому он вводится в мир как владыка в дом, как священник в совершенно устроенный и украшенный храм.

Итак, раскроем для себя лик человека, каким он был до грехопадения... Он был прекрасен. Он был велик как создание Божие. Он был умен и премудр. Его способности к познанию, целостному и объемному, были несравнимы с аналитическими способностями падшего разума. Ум великого Адама был несравненно прост и мощен. Он был великодушен, чист и честен. Его душа была направлена к Богу. Свет Божества наполнял его душу. Он был в мире с Богом, с самим собой и с сотворенным миром. Чистая незамутненная любовь составляла содержание его великой души. Творец мира, Он Своему, подобному Себе творению поставил творческую задачу возделывать, то есть творчески обрабатывать мир, создавая культурную среду бытия [3]. Не в этом ли состоит содержание духовного совершенства? Потому так уникально, неповторимо, богато явление в мир каждой человеческой личности и в её телесном облике, и в бессмертной душе. Ведь для каждого открыт этот духовно здоровый опыт жизни. Вопрос только в том, насколько мы следуем этому пути!?

С самого начала человек вводится в мир как творец, как соратник Бога: к Адаму приводятся животные для наречения имен (Быт. 2,18-20). Если вдуматься, это очень странно: мир, сотворенный Словом Божьим, нуждается еще и в слове человеческом. Вся тварь, по словам апостола Павла, с надеждой обращена к человеку (Рим. 8, 9). Но более того, не только тварь «с надеждой» ждет «откровения сынов Божиих», но и Бог хочет «видеть, как он назовет» мир (Быт. 2, 19). Бог оборачивает весь мир к человеку и ждет, что он сделает с этим миром. Нарекая имена животным, Адам показывал тем самым совершенство своего ума, так как имена животных было ни что иное, как его мысли о них, он видел существо всякой твари.

Очень важен для рассмотрения духовного здоровья личности вопрос о различии человеком добра и зла. Библия подчеркивает, что все со-

творенное Богом «хорошо весьма» – «добро зело». Вся тварь своим совершенством проповедовала о том, «что такое хорошо». Люди имели непосредственное общение с Богом и сами носили в себе добро как Образ Божий. Но человек теряет память о Боге, отворачивается от Него. Грех преслушания повреждает человеческую природу, человек подвергается стыду, страстям и страху. Тем самым сущность зла заключается в отъединенности, замкнутости, противопоставленности. Ведь в любом проявлении зла желание отъединиться и гордо самоутвердиться [1].

Чего же ожидают мир и Бог от человека? Священнослужения. Человек должен был себя и весь мир принести Богу как свой ответный дар, утвердив тем самым в мире закон жертвенной любви. Поэтому рай для человека, но человек – для Бога. И вот человек должен был принять мир не для его эксплуатации, а для служения в нем. Священником поставлен человек в раю [1]. Даруемым ему владычеством человек должен был пользоваться в совершенном послушании и преданности воле Божьей.

Немаловажным для рассмотрения духовного совершенства является сотворение тела и души. Для внешней части человека вещество берется от земли, которой он должен обладать, дабы он имел непосредственное познание о свойствах подчиненных ему вещей и ближайшее отношение к области своего владычества. «И вдунул в ноздри его дыхание жизни, и человек стал душою живою», – сие вдохновение показывает начало бытия души и образ бытия, отличный от тех душ, которые прежде сотворены словом Божиим. Творческое вдохновение. При всем том человек стал душою живою, то есть после соединения души с телом он сделался единым существом [4].

В создании Евы у Адама раскрывались еще и возможности полной любви не только к Богу, но и к созданию Божьему одной с ним природы. Сердце человеческое было чистейшим сосудом любви, где так легко было проявляться при естественной связи с Творцом любовному и бережному послушанию Ему, в чем раскрывались и осуществлялись великие смыслы создания, призванного ко все большему уподоблению Создателю. Именно в связи с Творцом и в желанном Ему подчинении человека выражались и любовь, и свобода первых людей.

Для пребывания человеку был дарован сад, или рай. Человек введен в рай для возделывания его. Хотя неповрежденная природа, конечно, была богата и без пособия искусства и хотя человек менее всего должен был служить своему телу, Бог назначает ему простой земледельческий труд, так как близость к природе давала ему возможность путем изучения ее законов, обогащать свой ум и опытно познавать совершенство Бога-Творца, Его премудрость и благость. Ему было поручено также хранить рай не столько от тварей, подчиненных ему, сколько от собственного своего невозддержания и предусмотренного Всеведущим искусителя.

Таким образом, в раю человек получил 3 заповеди: возделывание (Быт.2, 15) и познание мира (наречение имен) и запрещение вкушения плодов древа познания добра и зла (Быт. 2, 16). «Человеку надобно возде-

ливать землю сердца своего», – поясняет смысл выше сказанного преп. Макарий Египетский. И в этом труде, изменяя себя так, что проходит расстояние между образом и подобием, человек меняет и мир. И обратно – возделывая мир, человек меняет себя: ведь, по мысли Экзюпери, только тело землепашца питается тем, что хлеб дает ему: в душе же своей он питается тем, что он сам дает хлебу.

А для укрепления нравственных сил в добре Бог дал человеку единственную отрицательную заповедь – «не вкуси» (Быт. 2, 16-17), чтобы, исполняя эту заповедь, человек сознательно удалялся от зла и совершенствовался в добре, тем самым теснее входил бы в союз с Богом и осуществлял свое предназначение. Но именно эта заповедь была нарушена – «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела, и дала также мужу своему, и он ел. Тогда у них обоих отверзлись очи, и они увидели, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясання».

Ветхозаветные образы перволюдей показывают нам пример духовного совершенства, в котором они были созданы, жили и общались с Богом, постоянно духовно развиваясь. После грехопадения поддерживать Царствие Божие внутри себя, преодолевать страх смерти, конца, хаоса человек может лишь в труде. Теперь райская жизнь первых людей, их духовное состояние для нас, живущих в грешном мире, скрыта от нас. Райское состояние наших прародителей – это совсем иной мир, в котором не было зла, там было только одно добро.

Библейское повествование учит нас совершенству. Совершенство Адама и Евы заключалось в осознании добра и зла и выполнении доброй воли, в познании мира и служении в нем, непосредственном общении с Богом, в чем находилось полнейшее удовлетворение потребностей людей, в полной и совершеннейшей любви не только к Богу, но и к такому же человеку, в творческой способности и свободе, послушании Богу.

Открыться это духовное состояние может лишь тем, кто стал на путь духовного оздоровления, лишь тому, кто живет в свободном, бескорыстном прославлении Бога, в духовной радости и любви.

Литература

1. Диакон Андрей Кураев. «Грехопадение» // Человек. – 1993. – №5-6.
2. Митроп. Амфилохий (Радович). Основы православного воспитания. – Пермь: ПО «Панагия», 2000. – 208 с.
3. Прот. Вл. Свешников. Очерки христианской этики : учеб. пособие – М.: Паломник, 2001. – 622 с.
4. Святитель Филарет (Дроздов). Толкование на книгу Бытия. – М.: Лепта – Пресс, 2004. – 831 с.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современное духовное и нравственное состояние России невозможно оценить однозначно. С одной стороны, можно говорить о возрастающем интересе к истокам своей страны, о повышении влияния церкви на общественную жизнь, о росте значения веры, о том, что православие сегодня вновь становится стержнем духовной жизни общества, оказывающим влияние на облик русского народа, его традиции и уклад жизни. Кажется, что люди стали задумываться о своей культуре, о тех ценностях, которыми они живут. Но, с другой стороны, налицо падение моральных устоев, рост преступности, насилия, жестокости. Говоря о «правах человека и свободе», следует отметить, что реальную свободу получили лишь криминалитет и сексуальные извращенцы. Расцвели ярким цветом порнография и наркомания. То же происходит и в нашем сознании. С экранов телевизоров раздаются лозунги: «Бери от жизни всё!» Общество дезориентировано. Нет высоких примеров нравственности, нет единения, каждый сам по себе, не хватает объединяющих ценностей. А по словам Ф.М. Достоевского, без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация в целом.

Уже более 10 лет в России продолжается острая дискуссия по вопросу разработки национальной идеи, объединяющей народы, стимулирующей прогрессивное развитие страны. Задумываясь над этим, многие приходят к выводу, что такой объединяющей силой должно стать православие с его идеальной системой ценностей. Ведь главная причина нравственного упадка коренится в отказе от веры, и только вера может стать опорой для возрождения великой России. Уже на протяжении столетий Россия, умножая славу и могущество, укрепляя государственную власть, успешно отбивала нападения врагов, расширяла свои пределы, следуя правилу «За Бога, Царя и Отечество». Владимир Владимирович Путин во время посещения Валаама в 2005 г. сказал: «Нет России без православия» [6].

Однако современная Россия так и не смогла выбраться из болота «стихийных рыночных отношений», которые превратили общество лишь в потребителей. И в это болото всё больше продолжает погружаться духовность и нравственность народа. Всему православному миру брошен вызов глобализма. Абсолютными ценностями для людей стали «ценности» Интернета. А православию в сетевом обществе просто нет места.

Общество потребления, как и породившая его социально-экономическая система, объективно заинтересовано во всё нарастающей деградации личности человека, превращении человека в удобный объект для самых различных политических, экономических и духовно-культурных манипуляций. В конечном итоге общество потребления ведёт к подмене истинных ценностей личности мнимыми и ложными.

В столь сложное время, в момент, когда вопрос возрождения России стал очень остро, люди вспомнили о Боге, потянулись в церковь. По данным социологического опроса, проведённого в июле 2005 г., 72% опрошенных отметили, что важнейшим социокультурным фактом сегодня является признание молодёжью православия как национальной и государственной традиции России. Многие приходские священники отметили увеличение числа молодёжи в храмах, на богослужениях. А ведь именно ему, молодому поколению, возродить Россию. Но главным остаётся вопрос: с чего же начать возродить общество, поднимать его нравственность? Сможет ли православие изменить такое общество, для которого главным принципом является принцип потребления? Русский православный философ Иван Александрович Ильин например, считал, что: «Возродить Россию может только новая идея; её могут воссоздать только обновлённые души. Нет больше былой России и не будет. Будет новая Россия. По-прежнему Россия, но не прежняя...» [3].

Да и на чьи плечи ляжет столь ответственная миссия? Ведь большинство людей в современном обществе с православной культурой просто незнакомо или знакомо самым поверхностным и несерьёзным образом. В стране, где десятилетиями разрушалась высокая духовная культура, религиозный инстинкт начал пробуждаться в совершенно варварских формах. Экстрасенсы, шаманы, колдуны, целители – не что иное, как рецидив языческого мышления. По объективным причинам сегодня не найдётся человека, который мог бы сказать, что он воспитан исключительно в церковной, религиозной культуре, в силу того, что многие стороны современной жизни возникли и развивались вне церкви и даже сейчас всё ещё недостаточно освоены церковным сознанием. Большинство современных верующих воспитаны целиком на светской культуре и начинают открывать для себя истины веры только в сознательном возрасте.

Картина нравов современного общества во многом напоминает древний Рим, где христианство с его взглядами на семью и брак, на взаимоотношения мужчины и женщины противостояло воззрениям позднеантичного общества, когда для всех без исключения слоёв общества было характерно свободное отношение полов. И вот в столь запутанной и трудной ситуации церковь берёт на себя, казалось бы, непосильную ношу – возрождение нравственности, традиций русского народа. Сегодня церковь, едва выйдя из культурного и социального «гетто», перешла к активной миссионерской деятельности. Масштаб и глубина поставленных ею перед собой задач так велики, что Святейший Патриарх Алексий II назвал их «вторым крещением Руси» [7].

Миссия церкви в современном мире выглядит именно как овладение окружающим её бескрайним светским пространством, преобразование этого пространства изнутри и, таким образом, превращение максимальной его части в культуру православную. В сложившейся ситуации церкви есть что предложить народу. Ее место – в больнице, тюрьме, школе, воинской части, доме престарелых, детском приюте. РПЦ на каждом ответственном

этапе находила адекватные времени формы миссионерского служения. Новым содержанием наполнился процесс воспитания молодых миссионеров, на современном уровне ведется подготовка их к служению в разных географических, социальных и этнических условиях.

И несмотря на то, что сегодня над духовным преобладает материальное, все больше людей приходит в церковь, на телевизионных каналах создаются православные программы, священники все чаще посещают школы, вузы. И то, что православие шаг за шагом возрождается в России, не пустые слова, а факт, подтвержденный действиями.

Литература

1. Гордилов В.А. Ценностные ориентации белгородской молодежи и возрождение духовности личности // Молодежь провинциальной России: социальные проблемы и перспективы развития. – Белгород, 1994. – С.77-78.
2. Журнал Московской Патриархии. – 1997. – № 3.
3. Маслин М. А. История русской философии. – М. Республика, 2001.- С. 113-117.
4. Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений. – М., 1995. – С. 102-103.
5. Московский Церковный вестник. – 1998. – №2
6. Протоиерей Евгений Сапсай «Сегодня священники несут пастырское служение и за оградой храма // Белгородские епархиальные ведомости. – 2000. – № 11-12. – С. 7.
7. Прохоров А.П. Русская модель управления. – М.: Республика, 2002
8. Религиозные организации в современной России // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений. – М., 1995. – С.102-109.
9. Римский В.П. Ужасна попытка исключить из жизни человека религиозную тайну // Белгородские епархиальные ведомости. – 2000. – №11-12. – С.5-6.
10. Человек и общество: тенденции социальных изменений. – СПб.; Мн., Ростов н/Д, 1997. – 179 с.
11. Эмерсон Р.У. Православно-христианское учение о нравственности. – СПб., 1908.

*Е.В. Трохимец
Н. рук. С.М. Климова*

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

На дворе уже третье тысячелетие, а люди по-прежнему задаются старым, как мир, вопросом: "В чем смысл жизни?". Существует множество философских систем, политических доктрин, научных разработок, пытающихся ответить на этот вопрос. Но, тем не менее, вопрос остается открытым, а следовательно – актуальным.

Проблема смысла жизни – проблема поиска истины или идеала.

Ее поиском определяется цель, направление и характер всей деятельности человека. Однако само решение зависит от экзистенциально-личной установки человека: его свободой, его духовным и нравственным состоянием.

В истории три силы претендуют на ее решение: религия, философия и наука.

Философия считает, что ответ содержится в рациональном познании истины; наука – в максимальном познании мира; религия – в единстве с Богом [1].

Попытаемся рассмотреть решаемость всех трех задач.

Философия. Конечно, можно попытаться найти рациональный ответ, но дело в том, что сколько философов, столько и *ratio*, т.е. человеческих умов, мыслей. В итоге каждый философ пишет свою систему и считает, что он прав, не прислушиваясь к другим.

Наука. Разве возможно реально познать весь мир, Вселенную, все процессы, которые в ней происходят. Ответ однозначный – нет. Следовательно, спор на эту тему окончен.

Ответ религии на этот вопрос наиболее полно раскрыт в остальной части статьи.

Жизнь осмысленна, если она, являясь служением абсолютному и высшему благу, есть вместе с тем не потеря, а утверждение и обогащение самой себя. То есть, если она служит высшему благу, которое есть благо и для меня самого. Иначе, абсолютным благом "мы можем признать только такое благо, которое есть одновременно и самодовлеющее, превышающее все мои личные интересы благо, и благо для меня. Оно должно быть одновременно благом и в объективном, и в субъективном смысле – и высшей ценностью, к которой мы стремимся ради нее самой, и ценностью, пополняющей, обогащающей меня самого" [5]. При этом нужно не разъединять живую целостность жизни на абсолютное, имеющее смысл, и относительное, не имеющее смысла, а полюбить и принять ее в ее целостности и затем уже найти смысл (абсолютное) в каждом из ее элементов [7].

Бог есть основа человеческой жизни, ее питание – то, что нужно ей для подлинного существования, чтобы незыблемо себя утвердить. Существование Бога как всеблагости и вечной жизни совпадает с близостью, доступностью Его человеку, со способностью человека приобщиться к Божеству и заполнить Им свою жизнь. Оба условия смысла жизни даны сразу в одном – в нераздельном и неслиянном Богочеловечестве.

Стремление к Христу есть жизненная и животворная сила прогресса, так как только в нем преодолевается смерть и смертность, то есть грех и зло, и обеспечивается бессмертие и вечная жизнь. Единственный правый смысл человеческого существования в этой мельнице смерти есть личное бессмертие каждого человеческого существа [6].

Таким образом, внешнее, мирское делание, будучи производным от основного, духовного делания и им только осмысляясь, должно стоять в нашей духовной жизни на надлежащем ему месте, чтобы не было опрокинуто нормальное духовное равновесие. Силы духа, укрепленные и питаемые изнутри, должны свободно изливаться наружу, ибо вера без дел мертва, свет, идущий из глубины, должен озарять свет вовне. Но силы

духа не должны идти в услужение и плен к бессмысленным силам мира, и тьма не должна заглушать вечного Света.

Это есть ведь тот живой Свет, который просвещает всякого человека, проходящего в мир; это – сам Богочеловек Христос, который есть для нас "путь, истина и жизнь" и который именно потому есть вечный и ненарушимый смысл нашей жизни.

Литература

1. Евлампиев И.И. Русская философия: учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 2002. – 584 с.
2. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI – XX вв.). – СПб.: Летний сад, 2001. – 398 с.
3. Зеньковский В. История русской философии – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
4. История философии: учебник для вузов / В. Ильин. – СПб.: Питер, 2003. – 732 с.
5. Осипов А.И. православное понимание смысла жизни. – Киев: Изд-во им. Святителя Льва, папы римского, 2001. – 240 с.
6. Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М.: Изд. Совет РПЦ, 2004. – 288 с.
7. Смысл жизни: Антология. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – 592 с.

Е.Е. Усольцев
Н. рук. Т.В. Носова

СИМВОЛ БАБЫ-ЯГИ В РУССКОЙ СКАЗКЕ

Вопрос символа является одним из наиболее важных вопросов в литературе, философии, культурологии. Вся жизнь человека пронизана символами, и даже более, как говорил Р.Генон в «Символизме Креста», «...вся Природа есть не что иное, как символ». Фолькор является той областью знания, которая в сравнительно нетронутом виде сохраняет в себе изначально присущую ей символику без значительных искажений. В народных сказках любых народов можно обнаружить одни и те же персонажи, совершающие одни и те же поступки (к примеру, символ Бабы-Яги, ритуально поглощающей героя, присутствует не только в славянском пантеоне, но и в японской, и в китайской мифологии), разница в которых заключается исключительно в менталитете. Это приводит к мысли о некоем фундаментальном единстве символа.

Инициация является также важной темой в современной культурологии. Многие поступки человека, от незначительных (рукопожатие, танец, прием пищи) до оказывавших влияние на ход истории (войны, конфликты), обусловлены неосознаваемыми компонентами инициатического процесса, проводимого человеком. Сказка – история мифологическая, однако в ней заложен колоссальный символично-инициатический сакральный смысл. Имен-

но в сказке, на наш взгляд, отражается картина религиозно-экстатического посвящения героя в Великие мистерии.

В данной статье мы попытаемся обосновать, что в сказке, как повествовании чисто символическом, нет абсолютно ничего лишнего и что «анекдотически» трактовать ее неверно. Все диалоги, поступки и герои имеют четко очерченную область действия, без которой картина посвящения объекта инициации была бы неполной. Кроме того, сказка – это инициатический текст, своеобразная «инструкция для посвящения», принятая у славянских народов. Одним из важнейших архетипических субъектов инициации является Баба-Яга. Мы рассмотрим мотивации ее поведения с этой точки зрения.

Исходя из наиболее часто повторяющихся характеристик этого персонажа мы можем выделить следующие характерологические особенности Бабы-Яги:

12. Она редко покидает свое пространство (чаще всего это избушка на курьих ножках; Н. В. Новиков указывает также на варианты «на курьих ножках, на петушьей голяшке», «на куриных ножках, на бараньих рожках», «на козых рожках, на бараньих ножках» [1]), однако если она выходит за пределы своей среды обитания, то становится агрессивной и жестокой. Она является существом, проводящим инициацию героя: чаще всего это проявляется в том, что она тем или иным способом показывает ему дорогу к конечной цели, либо дарит магический предмет. В некоторых случаях герою помогают животные, обитающие в доме Бабы-Яги.

13. В сказках часто подчеркивается нестандартность облика Бабы-Яги, ее уродство, причем изначально ее характер соответствует ее внешности: она свирепа и явно агрессивно настроена относительно героя.

14. Баба-Яга требует некоторого начального уровня посвящения: те, кто приходит к ней с профаническими целями или, что еще хуже, «ради интереса», обречены: в данном контексте мы рассматриваем Одноглазое Лихо, которое, на наш взгляд, является одной из манифестаций Бабы-Яги.

15. Иногда для того, чтобы достичь своей цели, герой должен причинить Бабе-Яге вред или даже убить ее. Также в сказках имеет место «эффект зеркальности» – то, что Баба-Яга собиралась сделать с героем, он делает с ней (например, Ивашка-Медведка производит с Ягой те же действия, которые до этого производила она: вырезает со спины кусок кожи, бьет, таскает за волосы, после чего она убегает в подземелье, показывая ему вход в Подземное царство).

Рассмотрим мотивации подобного поведения Бабы-Яги в соответствии с приведенными тезисами.

Баба-Яга практически никогда не покидает своего жилища. Отчасти это объясняется ее «неудобным» положением: «Лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула»; «Сидит Баба-Яга, костяная нога, морда глиняная, грудью печьку затыкает [1]». В сказках она никогда не приходит к герою. Поскольку объектом инициации выступает именно человек, то он должен сам пройти все препятствия на пути к ее дому. Исходя из описания походов героя можно

предположить, что сам факт того, что он добрался до избы Яги, служит свидетельством получения героем требуемого уровня посвящения. Чтобы прийти к дому Яги, необходимо преодолеть некоторые трудности: он находится «в тридевятом царстве», добраться до которого можно, только если «три пары башмаков железных истоптать, три посоха чугуновых изломать, три просвиры каменных изглодать» [2]. По мнению В.Я. Проппа, приведенная формула характерна для древнерусского похоронного обряда: «Предполагалось, что умерший странствует пешком в иной мир. Поэтому ему клали в могилу посох, на который он мог бы опираться, прочную обувь, которая с наступлением железного века становилась железной, наконец, давали с собой хлеб [3]. В случае благополучного прибытия гостя Баба-Яга продолжает его обучение.

Баба-Яга неизменно предстает перед героем в облике старухи. Проводя некоторые параллели с современными бихевиористскими теориями, можно отметить соответствие поведения Яги развитию старения в психоанализе. Старение может развиваться двумя путями: человек либо доволен прожитой жизнью, преисполнен мудрости (в этом случае он выступает как учитель, готовый передать свое знание преемнику), либо недоволен, что влечет за собой агрессивность и попытки продлить жизнь. В контексте сказочного повествования можно проследить обе тенденции: если Баба-Яга находится дома, будучи погруженной в созерцательность, то она готова обучить достойного неопита, передать ему свое сакральное знание. Если ситуация противоположная (Баба-Яга выходит из своего хронотопа) то она проявляет агрессивность, провоцирует героя (как в случае с Ивашкой-Медведкой): калечит его друзей (вырезает им кожу со спины, избивает), съедает их обед, по-хамски себя ведет. Таким образом Яга провоцирует героя на то, чтобы он убил или искалечил ее. В описываемой сказке используется «метод отражения» – Ивашка делает с Ягой то, что она делала с его друзьями. Отсюда можно сделать вывод, что, издеваясь над богатырями, Яга тем самым наглядно показывала Ивашке, какие действия ему необходимо произвести для получения знания.

Вторая ситуация позволяет рассуждать следующим образом: Яга, в силу недовольства жизнью, пытается «геройствовать» для того, чтобы доказать себе свою значимость, либо она прибегает к самопожертвованию, что позволяет предположить в ней материнский символ. По какой-то причине Яга как воплощение Первоматери не может просто передать объекту инициации свое знание, и следовательно, жертвует собой для того, чтобы он выжил в ином мире.

В качестве вывода можно сказать следующее: в обоих случаях (находясь у «алтаря» избышки на курьих ножках или приходя к герою самостоятельно) Баба-Яга помогает ему пройти посвящение, однако делает это разными методами – либо сравнительно мирным, либо радикальным, угрожающим герою смертью.

Отдельно можно выделить случаи «покидания» Ягой места обитания в моменты погони за героем. Это происходит, если герой каким-то

образом расстроил ее планы: в сказке «Баба-Яга» [4] девочка, которой уготовано стать пищей для Яги, убегает от нее, причем магический предмет – гребень, превращающийся в лес и полотенце-озеро, – дает ей кот, обиженный на Ягу за то, что она не кормит его. В данной ситуации поведение Яги агрессивно, поскольку продиктовано обидой, не имеющей ничего общего с инициатическими процессами.

Многие сказки указывают на нестандартность облика Бабы-Яги и свирепость ее характера. Последняя может быть объяснена со следующей позиции: чем лучше «мать» относиться к «сыну», тем более ложно он воспринимает мир, полагая, что отношение окружающих к нему будет идентично материнскому. Баба-Яга ругает и пугает героя с тем, чтобы подготовить его к походу в Подземное царство. Для объекта инициации подобное поведение спасительно; Яга выступает для него архетипическим символом Матери, которая заменяет подлинных родителей. Обряд отлучения от матери, согласно Мирче Элиаде, является обычным для обществ традиционного типа.

Нестандартность субъекта посвящения как в поведенческом аспекте, так и в аспекте внешности описывается Элиаде в работе «Тайные общества. Обряды инициации и посвящения»: мальчики не могут видеть иницирующего (субъектом выступают взрослые мужчины племени от лица Дарамулуна), но *«могут слышать лишь его голос – пугающий шум, производимый священными трещотками»* [5]. Он указывает на то, что посвящающим необходимо носить маски или изменять свою внешность. В связи с этим можно привести фразу о *«глиняном лице»* Бабы-Яги, которое, возможно, является ритуальной маской. Свирепость поведения учителя также затрагивается Элиаде: он рассказывает о болезненных операциях как физического, так и морального характера, которым подвергают неофита: *«...обрезание, удаление переднего зуба, рассечение полового члена вдоль мочеиспускательного канала...»*[5]. Он неоднократно говорит о моральных испытаниях: на объект инициации налагается обет молчания, ему запрещены многие повседневные действия, он подвергается унижению и оскорблению.

Традиционно Баба-Яга предстает перед героем в угрожающем виде: она хочет съесть его. «Фу-фу-фу! Бывало, русского духа слыхом не слышать, видом не видать, а нынче русский дух в ложку садится и в рот валится»; «а нониче русский дух в виду является, в уста мечется» [1]. Данная поведенческая особенность Бабы-Яги также позволяет отождествить ее с Великой Матерью: поглощение адепта носит четкую окраску «возвращения в чрево» с последующим перерождением и приобретением адептом новых магических свойств. Несмотря на угрожающую установку Яги, герой легко избегает уготованной участи, прибегая к ответной грубости («Што ты, старая сука, делаешь?» [1]), либо апеллируя к традиционной обязанности приема гостя. Яга, как бы вспоминая эту обязанность, остается пристыженной и старается угодить герою: топит баню, кормит его, дарит ему обереги. В «Тайных обществах. Обрядах инициации и посвя-

щения» Элиаде указывает на то, что обряды перерождения «не предполагают при этом ни его [неофита] предварительной смерти, ни даже опасности таковой» [5]. Таким образом, угрожающая позиция Бабы-Яги – не более чем обязательный сакральный атрибут традиционного ритуала посвящения.

Описание жилища Бабы-Яги дает представление об алтаре, инициатическом месте, принадлежащем двум мирам: с одной стороны, дом можно видеть в реальности, с другой – он являет собой мертвое пространство: «...кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один незанятый»[6]. Кости вокруг дома дают нам символическую картину «возвращения к первоначалу»: «Кости часто рассматриваются как исходная, самая глубинная сущность человека, и при этом самая долговечная. Здесь мы имеем дело с весьма глубокой символикой, указывающей как на идею возвращения к своей самой глубокой сущности, к «началу себя» и последующее создание заново всего остального существа...» [7]. Данный тезис также подтверждает теорию относительно шаманической функции Бабы-Яги в русской сказке.

Исходя из изложенного можно сказать, что Баба-Яга выступает в сказке как учитель, который инициирует неофита в некую сакральную мистерию, соблюдая при этом все требования традиционного культа. Символическая угроза поглощения – шаманическое деяние; данная функция подчеркивается тем, что часто после прохождения ритуала Яга дарит герою, прошедшему посвящение, некий религиозный фетиш, который должен оберегать его в последующих испытаниях.

Согласно традиционному сказочному сюжету герой благополучно завершает инициацию, по-хорошему расставаясь с Бабой-Ягой. Однако в ряде случаев встреча с ней (или ее манифестацией, как мы увидим дальше) представляет собой опасность, часто смертельную. В частности, на наш взгляд, одного из персонажей русской сказки – Одноглазое Лихо – можно идентифицировать как одну из манифестаций Бабы-Яги. Схожая ситуация наблюдается в традиционных доктринах: например, Парвати, женская энергия Шивы, который без нее абсолютно пассивен, может проявить свой негативный хаотический аспект и стать Кали, Черной Богиней, не утрачивая при этом своей подлинной сущности – Великой Матери.

Идентификация Лиха и Бабы-Яги может быть проведена на основании визуальной и бихевиористской характеристик.

И Яга, и Лихо обладают наиболее заметными дефектами внешности – отсутствием одного глаза: Лихо представляется как *«высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая»* [8], Баба-Яга – это, по словам Новикова, *«деревянная нога, оловянный глаз»*, *«костяная нога, серебряный глаз»*, *«стальная нога, золотой глаз»* [1]. Как следует из описания, обе сущности хромы и одноглазы. При встрече с кузнецом и портным, которые из праздного интереса пошли искать Лихо, оно в ответ на их слова: *«Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе»* говорит: *«Ну, хорошо: будет, что поужинать мне!»* [8]. Баба-Яга традиционно говорит то же са-

мое, ожидая дальнейшего правильного ответа, который должен быть известен посвященному. Путники, однако, не знают ответа, и разгневанное Лихо убивает и съедает одного из них (портного).

Кузнеца выручает смекалка: он предлагает сковать Лиху глаз из железа, однако вместо этого выкалывает единственный, предварительно связав Лихо, а наутро надевает тулуп, притворяясь овцой. В данном случае обыгрывается античный мотив спасения путешественников от ослепленного Полифема. В.Я. Пропп указывает на традиционные элементы завязки инициатической сказки: *«Беда, отправление и поиски – ее основные элементы»* [3]. В описанном случае кузнец и портной отправились искать Лихо не ради инициации, а ради развлечения: *«Что, – говорит, – я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть; пойду поищу себе лихо»*[8]. Вдобавок он *«выпил хорошенько»*, нарушив тем самым аскетический устав искателя Яги. Налицо профанический подход к сакральному, приведший к беде.

Наша мысль подтверждается тем, что кузнец, сбежавший от Лиха, получает от него «подарок наоборот»: Баба-Яга всегда дарит что-либо посвященному, в описываемой сказке также присутствует магический фетиш – золотой топорик. Однако когда купец берет его в руки, топор прилипает к руке, после чего купцу приходится отрезать себе руку. Таким образом, сакральный предмет, предназначенный посвященному, также показывает профану свою «обратную сторону». Придя в деревню, купец говорит: *«Смотрите, какво оно: я, – говорит, – без руки, а товарища моего совсем съела»* [8].

В пользу тезиса об идентичности Яги и Лиха говорит также образ дороги к их жилищам: в обоих случаях традиционно присутствует *«темный лес»*; к дому ведет *«узенькая дорожка»* [8, с. 235].

Оба существа обладают большой физической силой: Лихо рвет веревки, которыми кузнец его связывает, Яга избивает богатырей – друзей Ивашки-Медведки. Сюжет избияния богатырей роднит Ягу с еще одним сказочным персонажем – Мужичком-с-Ноготок, который, по словам Н.В. Новикова, *«существо дерзкое, злое, неблагодарное и коварное»* [1]. Не исключен тот факт, что Яга состоит с ним в родстве либо он является одной из ее манифестаций.

Таким образом, мы можем выдвинуть теорию о том, что Одноглазое Лихо – не что иное, как негативная персонификация Бабы-Яги, охраняющая сакральное знание от профанического вторжения.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы: Баба-Яга является универсальным субъектом инициации, живущим в двух мирах. Она передает свои знания и магическую силу достойному неوفиту, который пришел к ней подготовленным. Она снабжает его все необходимым для прохождения Подземного царства, однако уничтожает любого, кто пытается посягнуть на хранимый ей гнозис, не достигнув необходимого уровня. Она не является абсолютно «злым» или «демоническим» созданием, но стоит вне морали этого мира, поскольку не принадлежит

ему. Яга хорошо обращается с теми, кого считает достойными, и ведет себя с ними бескорыстно. Воспроизводительная символика позволяет предположить связь символа Яги с символом Первоматери, для которой были характерны преувеличенные воспроизводительные функции, что позднее проявилось в почитании Матери-Земли, которая «*что ни растет, что ни живет – все питает*» [9]. Как бы Яга ни вела себя по отношению к главному герою, можно с уверенностью говорить, что при условии подлинности его адептства она тем или иным способом будет ему помогать.

Литература

1. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – СПб: Наука, 1974. – 255 с.
2. Перишко Финиста – ясна сокола // Народные русские сказки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1977. – 352 с.
3. Пропп В.Я. Русская сказка. – СПб: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 336 с.
4. Баба Яга // Народные русские сказки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1977. – 352 с.
5. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – М.: София, 2002. – 352 с.
6. Марья-Моревна // Народные русские сказки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1977. – 352 с.
7. Шаманизм. – Мн.: Плопресс, 2003. – 416 с.
8. Лихо одноглазое // Народные русские сказки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1977. – 352 с.
9. Мудрая дева // Народные русские сказки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Худ. лит., 1977. – 352 с.

*М.В. Верютина, Нгуен Тху Нга Тхи
Н. рук. Н.Н. Жалдак*

КАТЕГОРИЯ «ИНТЕРЕС» В ОЦЕНКЕ ПРИВАТИЗАЦИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

«Интерес» как категория социальной философии необходима для причинного объяснения и прогнозирования деятельности субъектов хозяйственной деятельности, особенно если общество должно прогнозировать последствия деятельности с использованием таких источников энергии, которые требуют особых мер по обеспечению безопасности людей.

Исторически во всех странах ядерная энергетика находилась в собственности государства. Но в XXI веке появились тенденции к переводу ее крупных сегментов в частную собственность, что приведет к значительным изменениям как на внутреннем, так и на внешнем энергетическом рынке.

Актуальна проблема рационального использования ядерной энергии. Это обусловлено наблюдающимся снижением (видимостью снижения?) себестоимости продукции атомных электростанций и устойчивым ростом цен

на природное топливо. В связи с этим можно ожидать поворота в развитии глобальной экономики: в ряде стран атомная энергетика уже рассматривается как основа энергетического комплекса.

В конце 2003 года в Филадельфии состоялась конференция по вопросам применения ядерных инноваций России и других стран СНГ в российско-американской программе «Партнерство ради процветания и безопасности».

Для более глубокого осмысления проблемы следует ввести такие необходимые категории, как *приватизация* и *интересы*.

Приватизация – передача государственной или муниципальной собственности в собственность отдельных граждан и юридических лиц.

Для количественной характеристики интересов должны применяться две формулы, одна из которых выражает общее стремление субъекта к максимизации удовлетворяемых потребностей при затрате данных сил, а другая – стремление к минимизации затраты сил на удовлетворение каждой потребности.

Действующий, еще не проявившийся интерес выражается такими двумя формулами [1]:

$$I_{\text{п}} = \text{П} / C_{\text{мин}}$$

$$I_{\text{с}} = \text{П}_{\text{макс}} / C,$$

где: $I_{\text{п}}$ – интерес удовлетворения данной потребности; П – данная потребность; $C_{\text{мин}}$ – минимум сил, затрата которых необходима и достаточна для удовлетворения данной потребности; $I_{\text{с}}$ – интерес затраты данных сил; C – данные (заданные) силы; $\text{П}_{\text{макс}}$ – максимум потребностей, удовлетворимых посредством затраты данных сил.

Действующий интерес состоит в том, чтобы в данных объективных (независимых от субъекта) условиях, по собственному разумению этого субъекта, каждую данную потребность удовлетворить минимальной затратой сил, а затратой данных сил удовлетворить максимум потребностей [1].

Российский ядерный комплекс стоит на распутье. Перед ним три пути:

1. Французский путь предполагает акционирование государственных ядерных предприятий, но тогда получится несколько вертикально интегрированных холдингов с потерями от нерационального распределения ими прежних ресурсов без приобретения новых.

2. Путь, навязываемый Европейским Союзом, заключается в борьбе с монополизмом и создании множества ядерных корпораций, работающих с франчайзингом мини-АЭС, но при этом Россия получит междоусобную войну экспортеров российских ядерных услуг, которая чревата демпингом, как происходит на внутреннем энергетическом рынке России. В этом навязывании – безразличие к долгосрочным издержкам России на производство получаемой от нее электроэнергии.

3. Американский путь подразумевает отказ государства от бюрократического контроля над атомной отраслью. Но очевидно, что интересы глобальной экономики – это, в первую очередь, интересы США.

Последствия приватизации атомной энергетики: 1) положительные: привлечение инвестиций из частного сектора; ускорение модернизации ядерных реакторов; снижение себестоимости атомной энергии и увеличение ее конкурентоспособности; снижение зависимости России от мировых цен на нефть; 2) отрицательные: уменьшение государственного контроля АЭС; опасность нарушения техники безопасности; опасность глобальных экологических, экономических и политических кризисов; непосильные для частных собственников расходы на закрытие АЭС и на последующее обеспечение безопасности ядерных отходов.

Ситуацию осложняет противоречие между интересами частных собственников и общества в целом. При приватизации частные собственники должны как бы «перенять» интересы общества, но частные собственники обладают собственными интересами, поэтому возникает противоречие целей. При этом цель общества относительно осуществления собственных целей посредством частных собственников оказывается противоречивой. А противоречивые цели, как известно, недостижимы и ведут к получению результатов, которые не соответствуют ожидаемым, и рациональному использованию ресурсов.

Каждый индивид и общество в целом, которое выступает как субъект в меру выражения его интересов государством, заинтересованы в максимальном удовлетворении своих потребностей.

Применительно к атомной электростанции показатель общего интереса общества, т.е. отношение полезных результатов к затратам, с учетом всех возможных последствий определяется как отношение всей энергии, которая будет получена на ней, к совокупным затратам (опять-таки в единицах энергии) на строительство, эксплуатацию, закрытие и безвредное хранение или утилизацию радиоактивных и прочих отходов ее эксплуатации, а аналогичный показатель собственника определяется отношением всех денежных поступлений за время выгодного использования этой собственности к необходимым минимальным денежным же затратам, на обеспечение функционирования атомной электростанции за то же самое время (если перед закрытием станции можно объявить себя банкротом) или самое большее за время жизни этого собственника [1].

Дети собственника могут жить и за пределами страны, в которой находится атомная станция, поэтому возлагать на частного собственника ответственность за то будущее, в котором его не будет и которое к нему непосредственного отношения, не имеет бессмысленно.

Потребуется же огромные затраты на утилизацию ядерных отходов, содержащих плутоний, период полного распада которого составляет 200 тысяч лет, и уран, процесс полураспада которого проходит в течение 24 тысяч лет. За период своей жизни частный собственник будет стараться максимально удовлетворить свои потребности, то есть получить как можно большую прибыль, не затрачивая лишние силы и средства на обеспечение безопасности АЭС для окружающей среды и общества, то есть на утилизацию ядерных отходов.

При таком положении дел создается реальная угроза не только экологической, но и экономической и политической сферам жизни целого государства.

Оценка приватизации ядерной энергетики с использованием категории «интерес» позволяет сделать вывод, что приватизация «мирного атома» недопустима во избежание появления прямой угрозы безопасности государства. Возможна лишь приватизация оборудования, используемого на АЭС. Но можно предположить, что приватизация основных фондов (зданий, оборудования) может в скором времени привести к полной приватизации атомной энергетики. А это повлечет за собой уже описанные последствия.

Таким образом, применяя категорию «интерес» к прогнозированию последствий приватизации ядерной энергетики, мы приходим к выводу, что она должна оставаться государственной.

Литература

1. Жалдак Н.Н. Социальные силы (от марксистского к кибернетическому пониманию): очерк практической философии. – Белгород: Изд-во ООО «ЛитКараВан», 2003. – 208 с.

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

*Л.О. Шведчикова, Е.А. Лисицкая
Н. рук. Т.М. Стручаева., Е.В. Головки*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (На примере лицея №10 г. Белгорода)

Потребность в исследовании школы как феномена реальной действительности и как педагогического понятия возникла ещё во второй половине восьмидесятых годов XX века в связи с требованиями школьной практики, нуждающейся в новой парадигме воспитания и с неразработанностью такой парадигмы, в основе которой лежали бы принципы гуманизма и системности. Кроме того, как писал В. А. Сухомлинский, «... и директор, и завуч, и организатор внеклассной работы – все мы на каждом шагу сталкиваемся с психолого-педагогическими проблемами воспитательной работы. Здесь, в этой сфере школьной жизни, встречается много вопросов, которые без знания психологии вообще не решить». Вот почему важно учитывать все эти условия при организации той или иной системы воспитания. Вот почему тема «Психолого-педагогические основы современных систем воспитания младших школьников» так актуальна в нашем обществе.

Речь идёт о системах, во главе которых стоит коллектив педагогов, разработавший свою концепцию школы и сумевший в весьма сложных условиях её осуществить.

Среди воспитательных систем Белгородской области можно назвать такие как «Школа духовного становления Человека» (гимназия № 3 г. Белгорода, директор – Г. М. Заморозова), «Развитие личности ребёнка на основе общечеловеческих ценностей» (школа № 24 г. Старый Оскол, директор – О. И. Латынина), гимназия-интернат для одарённых детей «Лада» (г. Шебекино, директор – Т. И. Купина) и другие.

На наш взгляд, наиболее точное определение *воспитательной системы школы* дала Г. М. Коджаспирова: «... это форма интеграции воспитательных воздействий в целостный воспитательный процесс, в котором педагогические цели сориентированы с целями детей и обеспечивается реализация задач воспитания в конкретном воспитательном процессе»[1].

Проанализировав труды психологов и педагогов по данной проблеме, мы выяснили следующее:

1) в развитии школьных воспитательных систем существует прошлое, настоящее и будущее. Сопоставление их даёт возможность охарак-

теризовать воспитательную систему школы как определённую педагогическую категорию, выявить общие закономерности её развития, охарактеризовать основные аспекты управления процессом её развития;

2) воспитательным системам свойственны неравновесность, самоорганизация;

3) воспитательные системы – системы открытые, связанные и зависящие в своём развитии от среды, её социальных, этнических, культурных, природных характеристик;

4) воспитательная система школы и её дидактическая система взаимосвязаны и взаимообусловлены;

5) создание воспитательной системы – не самоцель. Она создаётся и совершенствуется в целях личностного развития школьников и зависит, главным образом, от совместных усилий педагогов, детей и их родителей;

6) ядром любой воспитательной системы школы является дифференцированное единство разнотипных коллективов, то есть общешкольный коллектив;

7) существует немалое число воспитательных систем школ, и разнообразие их продолжает увеличиваться, ибо возникают всё новые и новые типы образовательных учреждений, развивается педагогическое творчество в сфере воспитания, к нему подключаются родители. В связи с этим на основе выявления общего, особенного и индивидуального в этом процессе возникает проблема разработки образовательными учреждениями «своих» воспитательных систем.

Примером этого может служить воспитательная система лицея № 10 города Белгорода (директор – Евгения Ивановна Кириллова, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель России), основной воспитательной задачей которого является создание условий для развития свободной и активной личности, живущей в гармонии с окружающим миром и его историей и осознающей свою ответственность перед ним.

Ориентирами своей деятельности лицей № 10 считает:

1. Превращение ребёнка в цель и смысл учебно-воспитательно-развивающегося процесса, субъект самосовершенствования.

2. Формирование устойчивой структуры ценностных ориентаций.

3. Развитие интеллектуальных способностей воспитанников, умения самостоятельно, творчески мыслить.

4. Гуманизация и гуманитаризация целостного педагогического процесса.

Для реализации выбранных ориентиров используются следующие принципы:

✓ доверие к ребёнку;

✓ уважение свободы его личности;

✓ сотрудничество;

✓ личностно ориентированный подход.

Воспитательная система лицея № 10 включает в себя всю совокупность деятельности лицея:

а) учебный процесс, реализующий программы углубленного и «продвинутого» обучения (элективные, научные общества);

б) внеклассную образовательную деятельность (кружки, факультативные занятия);

в) внеучебную деятельность учащихся (коллективные творческие дела, музыкальную школу, спортивные секции, участие в самоуправлении).

Лицеум разработаны:

1) Модель лица развивающего и развивающегося.

2) Модель выпускника лица.

3) Модель личности педагога.

4) Выделены приоритетные проблемы развития лица.

5) Разработана система экономического, экологического образования на 10 лет, уроки этики, эстетики.

Коллектив лица сферами своей деятельности выбрал:

✓ здоровье;

✓ интеллект;

✓ нравственность;

✓ сотрудничество;

✓ досуг.

Оздоровление учащихся, например, происходит по следующей схеме:

Рис. 1.

Каждому с детства известны выражения, ставшие крылатыми: «Движение – это жизнь», «Движение – это здоровье!». В схеме 2 представлены формы реализации программы оздоровления:

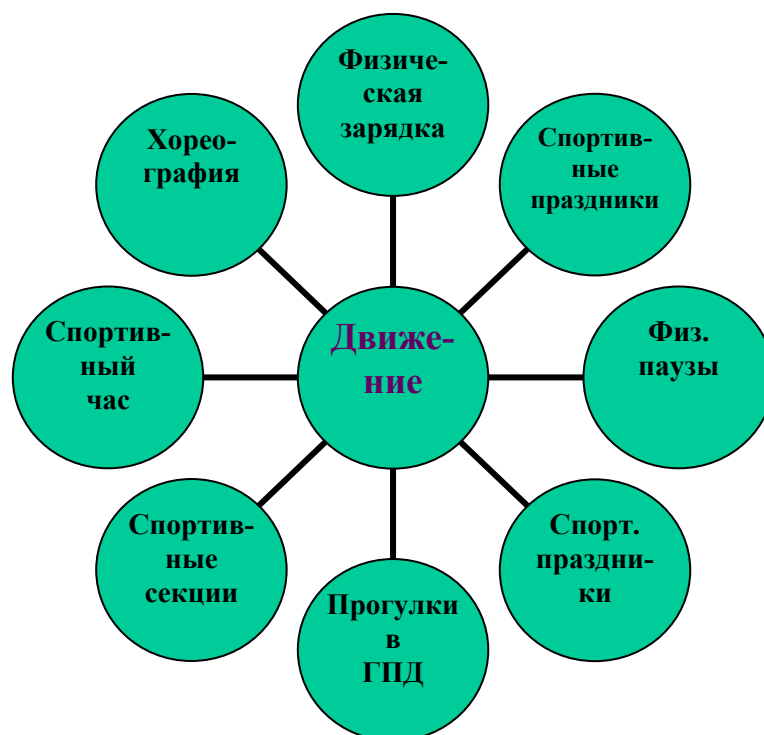

Рис. 2.

Интересно, что каждый день недели носит свой воспитательный характер:

- ✓ *понедельник*: здоровьесберегательные технологии, ОБЖ;
- ✓ *вторник*: события в мире, стране, городе – «Окно»;
- ✓ *среда*: гражданское и нравственное воспитание;
- ✓ *четверг*: работа в кружках;
- ✓ *пятница*: трудовое воспитание, экологическое воспитание.

В начальной школе, в группе продлённого дня действует самоуправление. Оно включает в себя работу таких детских объединений:

- ✓ Совет капитанов;
- ✓ Учебный сектор;
- ✓ Экологический сектор;
- ✓ Деятельность книголюбов;
- ✓ Художественную самодеятельность.

Занятия по интересам проводятся в студии «Грация», фольклорном ансамбле «Сударушка», хоровом коллективе, спортивных секциях, изостудии, предметных кружках, которые дети посещают с удовольствием.

Анализ воспитательной системы лицея № 10 показывает, что учёт психологических особенностей, реализующихся в процессе разнообразной деятельности лицея, способствует более успешному и эффективному её функционированию, а значит – и достижению целей, ради которых и задумывалась подобная воспитательная концепция.

Литература

1. Педагогика. – М., 2004. – С. 151–152.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНТРОЛЯ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА УРОКАХ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Гуманизация образования и направленность школы на развитие личности поставили перед начальным её звеном проблемы формирования у учащихся интересов к чтению, прочных навыков осмысленного чтения, формирование чтения как межпредметного умения.

Мы считаем, что при контроле оценки занятий обучения детей чтению желательно, в первую очередь, обратить внимание на то, как отрабатывается навык чтения в целом и каждый из составляющих его компонентов (темп, правильность, выразительность, сознательность и способ чтения) в частности.

Контроль сформированности умений и навыков чтения относится к числу наиболее сложных, деликатных и крайне трудоёмких процедур. Сложных потому, что они требуют охвата не одной, а нескольких сторон в применении учениками навыка чтения и учёта специфики текстов, применяемых на уроках. Деликатных потому, что сама процедура проведения проверки должна протекать в атмосфере доброжелательности, повышенного внимания к каждому ребёнку. Трудоёмких потому, что процедура сопровождается значительными затратами сил, времени, с подготовкой текстовых материалов.

Существуют различные способы проверки и самопроверки навыка чтения. Всем известна технология проверки этого навыка чтения, когда учащиеся читают незнакомый текст в течение одной минуты, оставаясь один на один с проверяющим и тикающим секундомером. Но в настоящее время эту технологию проверки можно заменить усовершенствованными методиками, которые выполняют разные функции:

- устанавливают объём самостоятельно прочитанного текста в течение определённого отрезка времени;
- позволяют осуществить самопроверку, взаимопроверку чтения;
- осуществляют контроль и оценку учителем не только уровня сформированности навыка чтения у всего класса, группы и отдельных учащихся, но и понимания прочитанного, что служит эффективным методическим приёмом для совершенствования техники чтения.

Для проведения проверки чтения необходимо: определить задачу (что хотим проверить), выбрать форму проверки (индивидуальную, взаимную, самопроверку), методику проведения, подобрать нужное произведение.

Проверить чтение можно одним из следующих способов:

1. *Проверка у всего класса.* По команде учителя дети читают предложенное произведение. Они работают самостоятельно в течение трёх минут, а затем считают слова и записывают их на карточку, на которой указаны фамилия и имя ученика, вид работы, дата проведения и количество слов. Такой вид контроля может проводиться один раз в месяц.

Мы предлагаем результаты такой проверки отражать на графике «Роста скорости чтения», на котором показано количество слов, прочитанных каждым учеником за одну минуту. С помощью этого графика учащиеся могут наглядно увидеть свои результаты, сравнить своё чтение с нормативными показателями. С результатами состояния техники чтения, оформленного таким образом, наглядно могут ознакомиться и родители.

2. Можно проводить *взаимную проверку чтения вслух по парам*: по команде учителя один из учащихся начинает читать, второй слушает. Через три минуты по команде учителя читающий школьник останавливается. Проверяющий одноклассник считает слова и записывает на карточку проверяемого. Затем роли в паре меняются.

Работу в парах можно проводить и другим образом. Ученику даётся так называемый «оценочный лист», где написаны фамилия и имя ученика, класс, задание, которое он должен выполнить, а также фамилии и имена детей проверяющих своего одноклассника и выставяющих ему отметку. После 4 – 5 проверок выполнения задания одноклассниками ученик подходит с «оценочным листом» к учителю, который может поставить отметку по результатам взаимопроверки или еще раз проверить ученика, выполнявшего задание. С помощью такого метода контроля учитель оказывает доверие детям, учит их справедливо оценивать работу одноклассников, адекватно оценивать собственные успехи в чтении.

3. Проводится *проверка чтения молча*. По команде учителя дети читают текст про себя, без проговаривания в течение 3-5 минут. Затем считают слова и записывают их на карточку или в тетрадь. Учитель собирает карточки и определяет число прочитанных слов за минуту.

Со второго полугодия третьего класса мы рекомендуем проводить проверку скорости чтения молча, с пониманием текста прочитанного. Для этого необходимо подготовить карточки с заданиями по содержанию произведения. Дети в течение 3-5 минут читают отрывок молча, затем каждому ученику даётся карточка, где могут быть записаны план, предложение или отдельные слова из прочитанного отрывка, а также слово или имя героя, о котором не говорится в прочитанном отрывке.

Учащиеся читают то, что написано, сравнивают информацию, проверяя слова, вносят поправки в текст на карточке, исправляют ошибки. Такие проверочные упражнения являются не только средством формирования самоконтроля и самооценки, но и эффективным методическим приёмом обучения и развития на уроках литературного чтения.

Проверка выразительности чтения проводится в течение учебного года. Материалом для проверки являются изученные стихи, басни, прозаические тексты. Детям выделяется время для подготовки к выразительному чтению, а затем учитель оценивает выбор интонации, соответствующей смыслу текста.

Осуществляемый учителем контроль навыка чтения – это важный этап выработки у самих учащихся действий и операций по самоконтролю и самооценке на уроках литературного чтения. Но его значение не огра-

ничивается только этим. В руках учителя он является важным средством мотивации учения, эффективности всей учебной деятельности и средством формирования личности учащегося.

Н.И. Матренина
Н. рук. Л.М. Курганская

ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К РОДНОЙ ПРИРОДЕ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сознание человека связано с эмоциями на проявление воздействий внешней среды в месте рождения данного индивида, его воспитания, детских и юношеских впечатлений, становление его как личности. Эмоциональное восприятие первого жилища, своих родителей, своего двора, улицы, района, звуков птичьего щебетания, трепетания листвы на деревьях, колыхания травы, смена времен года и связанных с этим изменений оттенков леса составляет важнейшие части его любви к природе, закрепляемые на подсознательном уровне.

«Любить природу – значит любить Родину», – так утверждал М. Пришвин. Это, конечно, бесспорная истина. Сколько великих писателей и поэтов восхищались неброской красотой Родины! О ней слагали поэмы, писали прекрасные рассказы такие гении, как М. Пришвин, В. Бианки, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Толстой, К. Паустовский.

Примером могут служить такие прекрасные строки М. Пришвина из «Кладовой солнца»: «Борина звонкая охотно открыла детям свою широкую просеку, покрытую и теперь, в апреле, темно-зеленой брусничной травой. Среди этой зелени прошлого года кое-где виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые мелкие и ароматные цветочки волчьего лыка».

Даже в этом отрывке, казалось бы, не описывающем ничего примечательного, заключена любовь автора к каждому листочку, предстоящему перед взором детей. Читая эти строки, сам переносишься на поляну с цветочками волчьего лыка и подснежниками. Воздух просто пропитан весной.

У Л.Н. Толстого в произведении «Черемуха» есть описание этого дерева. Оно, казалось бы, прозаичное, простенькое, но если у кого-то в детстве рядом с домом росла черемуха, он вспоминает ее именно такой, а запах цветков, думаю, помнит каждый: «Черемуха эта росла не кустом, а деревом, вершка три в отрубе и сажени четыре в вышину, вся развалистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом».

К. Паустовский в «Скрипучих половицах» боготворит леса: «Пожалуй, больше всего ему помогали леса, лесной дом, где он гостил этим летом, просеки, заросли, заброшенные дороги – в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца, – этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты...».

Д. Н. Мамин-Сибиряк в «Емеле-охотнике» тоже затрагивает эту тему: «...В конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудесный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом и лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудесно и хорошо было кругом...».

Кто останется равнодушным после таких строк!?

В. Бианки, слушая песню глухаря, испытывает необыкновенный восторг, в самих словах описания этого завораживающего явления звучит музыка. Автора поразила песня глухаря, как симфония. А ведь у глухаря нет ничего красивого (с точки зрения музыкального оформления) в песне, но это прекрасная музыка природы, это песня!

«Я случайно оперся рукой о сосенку, на которой «играл» глухарь. И невольно отдернул руку: деревце дрожало! В такт глухариной песне дерево била дрожь! Дрожь передалась и мне: как зачарованный стоял я в ночной темноте по колени в черной воде, и белые звезды тыкались в мокрые голенища. А над головой сидела черная птица и, запрокинув голову в небо, бормотала свои заклинания. И ей внимал предрассветный лес, торжественный, как молитва. С шорохом разворачивался веер хвоста, и встопорщенная борода под клювом птицы напряженно тряслась.

Так в чертоломине заболоченного леса открылась мне тайна глухариной песни».

Помогая человеку почувствовать красоту природы, русская литература дает ему «самую чистую радость» – любовь к Родине.

Белгородские писатели описывают природу нашего края, она неброская, но дух захватывает: «Был первый день весны. Снег еще не растаял, но уже ярко светило солнце. Под его лучами снег ослепительно блеснул, заставляя невольно щуриться. В тени же он был голубой, кое-где уже появились маленькие проталинки. На фоне ярко-голубого неба четко вырисовывались безлистые ветви деревьев, усыпанные галдящими грачами» (Маргарита Новак «Первый день весны»).

Или вот прекрасное стихотворение Виктора Белова:

Весна-красна!
Ты где была такая:
Без молний,
С этим ливнем навесным?
Как молнии, березоньки сверкают
Меж небом
И подснежником лесным.

Мы должны любить природу не за что-то конкретное, а именно за то, что она наша!

Чтение таких текстов может быть с музыкальным сопровождением, классическая музыка будет способствовать формированию у детей теплых чувств к природе. Также можно использовать художественное изображение природы.

Задача школы – формировать эстетическое чувство, научить детей постигать любовь к природе через язык художественных произведений, выражать ее в сочинениях, искать для этого выражения, наиболее точные слова и их сочетания. Так воспитание должно сливаться с учебой.

Природа сложна. Чтобы ребята могли воспринимать ее красоту по-настоящему, нужно их специально к этому готовить и упражнять, иначе они останутся глухи к природе. Учитель должен воспитывать воображение, умение видеть и слышать природу, стремление постигать тайны цвета, освещения, звука, формы.

Кроме знания природы, умения понимать ее, эстетически воспринимать, уроки литературы должны научить школьника бережно относиться к природе: не уничтожать редкие деревья, не опустошать водоемы, не загрязнять воздух, не истреблять диких зверей и птиц.

В решении этих проблем может внести свой вклад учитель, понимающий, как велика роль бережного отношения к окружающей среде. Добиться определенных результатов можно, если работа по теме будет вестись в определенной системе. Эта система позволит повысить эффективность развивающего обучения, обогатить речь учащихся эмоционально-экспрессивными словами, вооружить навыками работы, а это в свою очередь поможет в решении воспитательных задач.

Учащиеся наблюдают явления природы, так как попутно получают задание назвать точно цвет, форму предметов природы, обратить внимание на их освещение.

Так мы начинаем вырабатывать внимание к деталям, из которых должно сложиться представление о природе, окружающей нас, выбирать среди этих деталей самые интересные.

Усвоение лексики, обозначающей зрительные и слуховые впечатления, помогает найти точные слова для описания, а наглядность позволяет добиться обогащения речи детей, развивает элементы собственного видения мира. При наблюдении самых разнообразных природных объектов у учеников не только развиваются эстетические чувства, но и развиваются нравственные качества.

Возникает желание больше узнать о природе, охранять ее, принимать активное участие в утверждении красоты.

Воспитывая у учащихся любовь к родному краю, к тому, что создано и создается трудом российских людей, любовь к природе, умение беречь и охранять ее, учитель утверждает в сознании детей идеи патриотизма, гордость за свою Отчизну.

Литература

1. Пришвин М. Кладовая солнца. – М., 1987.
2. Толстой Л. Черемуха // Сб. рассказов «Как ходят деревья». – М., 1989.
3. Паустовский К. Скрипучие половицы. – М., 1994.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Емеля-охотник // Сб. рассказов «Серая шейка». – М., 1989.
5. Бианки В. Собрание сочинений: в 3 т. – М., 1986.
6. Новак М. Первый день весны. – Белгород, 1998.
7. Белов В. Избранное // Сб. стихов. – Белгород, 1991.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Реализация «Базисного плана общеобразовательных учреждений Российской Федерации» предполагает, наряду с федеральным, освоение и национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта. Под региональным компонентом школьного лингвистического курса понимаются языковые факты, присущие той или иной местности как в тематическом, так и лингвистическом отношении. Таким образом, использование регионального компонента в филологическом образовании предполагает обращение к местным языковым особенностям, к лингвистическому краеведению.

Необходимость использования местных языковых особенностей (топонимики, диалектной лексики, фольклора) в процессе изучения родного языка неоднократно подчеркивалась учеными XIX столетия. Так, Ф.И. Буслаев призывал обратиться «к родному языку, как к живому слову, вечно юному и неистощимо богатому, в его видоизменениях исторических и местных» [1]. К.Д. Ушинский одной из целей преподавания языка считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой... Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа» [6]. Именно родное слово, по мнению великого педагога, является сокровищницей всех знаний и основой всякого умственного развития и воспитания.

Сегодня в связи с выделением регионального компонента слова великих педагогов и лингвистов XIX столетия звучат особенно актуально. При этом особенно эффективным, по мнению лингводидактов, является использование местной топонимики в процессе лингвокраеведческой работы. «Топонимы представляют собой часть словарного состава языка. Но в отличие от других разрядов лексики они, как правило, не несут ощутимой смысловой нагрузки и выполняют служебную задачу – обозначать географический объект, формируют его «адрес», то есть реализуют номинативную функцию. Истоки их уходят в далекое прошлое, нередко теряясь в глубине веков. В них много поэзии, дорогих отзвуков прошлого» [7].

Топонимическая лексика отражает важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры народа, и в то же время в ней появляются языковые закономерности, поэтому данный лексический пласт представляет интерес и как историко-географический материал, и как лингвистический источник. «Названия – это вечные памятники своей эпохи и как таковые имеют право на самое пристальное изучение и внимание со стороны краеведов» [4].

Изучение местной топонимики важно начинать со школьной скамьи. В этом возрасте дети проявляют неподдельный интерес к родному

слову, к местной истории, к народным легендам, связанным с происхождением того или иного географического названия, с удовольствием участвуют в топонимических экспедициях.

Особое место среди топонимов занимают микротопонимы – индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта (лесов, полей, урочищ и т.п.). Совокупность названий данного типа определяется как микротопонимика (от греч. микро «малый» плюс топоним – «имя места»). Этот пласт лексики содержит ценную и богатую информацию об истории того или иного региона, и вместе с тем, что очень важно, – о русском языке и его истории. Г.Ф. Ковалев, анализируя задачи лингвокраеведческой работы, особо подчеркивает важность изучения микротопонимов: «Именно эта категория собственных имен наиболее уязвима. Уходят без возврата старые названия улиц, частей населенных пунктов, а ведь они многое могли бы рассказать» [3].

Начальная школа – это период формирования человеческой личности, и поэтому именно в это время следует уделять самое большое внимание проблеме формирования нравственных качеств человека. Ф.И. Буславев справедливо отмечал, что «основательное изучение родного языка раскрывает все нравственные силы учащегося, дает ему истинно гуманистическое образование» [1]. Региональный микротопонимический материал обладает высоким воспитательным потенциалом, и поэтому обращение к нему в процессе изучения родного языка является весьма своевременным. Изучение региональных особенностей языка, проявляющихся в формировании местной речи, в выборе средств и приемов номинации, в топонимике, гидронимике, ономастике, выполняет важную познавательно-воспитательную миссию, укрепляет чувство патриотизма, любви к своему краю, к своей малой родине.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, для более углубленного освоения образовательной области «Филология» в сельских школах целесообразно использование региональной микротопонимики на уроках родного языка. Основанием для выбора именно этого лингвокраеведческого материала в качестве материала для формирования регионального компонента послужили следующие причины:

1. Особая роль собственных имен, в частности географических, в жизни человека. «С помощью названий фиксируется вся жизнь человека, начиная с указания места его рождения, затем учения, проживания, работы, отдыха, маршрутов любых поездок, информации о других событиях и т.д., – все это записывается в документах с помощью названий стран, областей, городов, улиц, сел, деревень, рек, гор, морей и других объектов» [5].

2. Желание пробудить у учащихся интерес к тем собственным именам, которые окружают их с детства.

3. Необходимость в расширении и углублении знаний учащихся об именах собственных, тем более что в курсе русского языка в школе им уделяется мало внимания.

Микротопонимика тесно связана с краеведением, поскольку в микротопонимической лексике, как в зеркале, отражаются особенности региона (причем как географические, исторические, так и языковые). Проблемы изучения региональных языковых особенностей в последнее время выдвигается на передний план лингвистики, так как описание и анализ региональных языковых особенностей позволяет выявить особенности регионального языкового менталитета, под которым понимается совокупность концептуально значимых черт языкового коллектива, проживающего на конкретной территории [2].

Региональная лексика, важной частью которой являются микротопонимы, представляет собой фрагмент региональной языковой системы, где отражается культура народа, его обычаи и традиции, его духовность. Микротопонимический материал дает возможность проследить языковые предпочтения региолектоносителей: региональное предпочтение моделей образования микротопонимов, способов номинации мелких географических объектов.

Наша задача состоит в том, чтобы дать сведения для формирования регионального компонента в лингвистическом образовании младшеклассников, и поэтому предметом нашего внимания стали микротопонимы села Архангельское Губкинского района Белгородской области.

Среди микротопонимов анализируемой территории по характеру объекта представлены: названия улиц (ул. Садовая, ул. 40 лет Октября); названия объектов рельефа – микрооронимы (овраг Пески, лог Кошарное); названия лесов, участков леса, садов – микродримонимы (леса Ближний, Черепное, Пронькин, Софеевка, поляна Пасека), названия дорог, тропинок – микродромонимы (Швайкина дорога); названия водных источников: прудов, ручьев, мест купаний на реке – микрогидронимы (Большой пруд, Дальний пруд); названия колодцев, родников – микроспелионимы (родник Красный колодезь); названия полей, лугов – микроагроонимы (поле Сапог, поле Вислое). Характер микрообъекта во многих случаях отражается в самом микротопониме путем употребления соответствующего географического термина, например: Дальний лес, Швайкина дорога.

Сопоставление микротопонимических групп, выделенных по виду объекта, дает представление о географических особенностях местности. Среди микротопонимов с. Архангельское преобладают названия оврагов, логов, на втором месте по частотности находятся названия лесов. Единичными лексемами представлены микрогидронимы и микроспелионимы.

Анализ микротопонимического материала с. Архангельское свидетельствует о том, что в микротопонимах получают отражение различные физические признаки самого объекта, а именно: размер (Большой пруд), форма (лес Кругленькое), расположение (лес Ближний, лес Дальний). В данном случае перед нами прямая, непосредственная мотивация. Но некоторые микротопонимы отражают внутренние отличительные признаки объекта через их метафорическое осмысление, то есть имеет место опосредованная, переносная номинация, например, поле Сапог (имеет форму сапога). Ряд

микротопонимов с. Архангельское фиксируют определенное отношение к тем или иным лицам – первопоселенцам, владельцам или живущим рядом с этим объектом, например лес Андреевский, лес Пронькин.

Целый ряд микротопонимов содержит характеристику микрообъекта по его значению в хозяйственной жизни региона, по его отношению к экономическому укладу: овраг Пески (раньше там добывали песок), овраг Глинище (место, где добывали глину), лог Кошарный (ранее располагались кошары), лог Птичник (неподалеку ранее находился птичник), поляна Пасека (на этой лесной поляне ранее находилась пасека), выселки Венники (жители занимались изготовлением веников), улица Садовая (раньше на этой территории находились сады).

Анализ микротопонимического материала свидетельствует о том, что это группа топонимов представлена большим количеством номинаций различного происхождения. Причем этот материал может быть использован с целью формирования регионального компонента в лингвистическом образовании младшеклассников.

Микротопонимический материал может использоваться на различных этапах урока русского языка. Наиболее эффективными в плане использования местного языкового материала являются речевые уроки, где в качестве лексического материала привлекается микротопонимическая лексика. Так, например, в процессе изучения темы «Обобщение знаний о предложении» (3 класс, четырехлетняя начальная школа) в качестве лексической можно использовать тему «Леса моей малой родины». На таком уроке может быть привлечен для анализа следующий текст:

Вокруг нашего села Архангельское располагается несколько лесов. А знаешь ли ты, как получили названия эти леса?

Чаще всего леса называют в честь первопоселенцев, то есть тех, кто первый поселился в этой местности. Иногда леса получают имена тех, кто владел раньше этим лесным угодьем, или тех, кто живет недалеко от леса.

Лес Пронькин назван так по имени монаха Проньки, который раньше здесь жил.

Этот небольшой, но очень красивый лес находится на правом берегу речки Масловки.

Задания по тексту:

Как получают названия леса, расположенные вокруг нашего села?

Почему лес Пронькин получил такое название?

Вспомни другие названия лесов родного села, в основе которых лежит личное имя человека.

Найдите в тексте имена собственные. Как они пишутся?

Найди в тексте вопросительное предложение?

Вспомни, что такое подлежащее и сказуемое. Подчеркните главные члены предложения в двух последних предложениях текста.

На дом учащимся можно предложить задание – написать мини-сочинение об одном из лесов родного села.

Знакомство с региональными особенностями языка, обращение к названиям, которые слышат учащиеся с детства, вызывает эмоциональ-

ный отклик, и следовательно, предоставляет учителю богатейшие возможности для формирования нравственных основ и духовного потенциала личности.

Микротопонимы – это ценный источник познания истории и культуры народа. Знакомясь с географическими названиями, учащиеся могут представить себе, как увлекательна работа, связанная с разгадкой происхождения знакомых с детства названий. Наблюдение над лингвокраеведческим материалом способствует наиболее глубокому проникновению в смысл и содержание слова, совершенствованию у детей навыков лингвистического анализа и раскрытию многих «тайн языка».

Литература

1. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992.
2. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка // Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998.
3. Ковалев Г.Ф. Ономастическое исследование и изучение родного края // Лингвистическое отечествоведение. – Липецк, 2001.
4. Краеведение. – Л., 1985.
5. Пospelов Е.М. Топонимический словарь. – М., 2002.
6. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. – М., 1954. – Т.2.
7. Щеулина Г.Л. Семантический и этнолингвистический анализ топонимики Верхнего и Среднего Подонья // Лингвистическое отечествоведение. Коллективная монография. – Елец, 2001.

О.Н. Юрченко
Н. рук. Л.К. Бусловская

УМСТВЕННАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПРИ АДАПТАЦИИ К УЧЕБНЫМ НАГРУЗКАМ

Значительное ухудшение здоровья молодежи в последнее время подтверждается статистическими данными [2, 3, 4, 1]. Растущий поток информации, интенсификация процесса обучения и внедрение компьютерных технологий в современном вузе создают повышенные нагрузки на организм студентов. При этом часто не соблюдаются гигиенические условия организации учебных занятий [7, 6]. Положение усугубляется тем, что студенты в процессе обучения страдают от гиподинамии. Возникают нарушения во многих системах органов и самые разнообразные заболевания. Перегрузка часто возникает из-за недостаточного внимания к индивидуальным психофизиологическим особенностям, несоблюдения режима дня и условий обучения [11, 10].

При возрастающих учебных нагрузках снижаются физическая и умственная работоспособность, что сказывается на физическом развитии и состоянии здоровья [12, 8, 9, 5]. Это создает насущную необходимость

изучения функциональных возможностей организма, работоспособности и особенностей адаптации студентов к условиям жизни и обучения.

Основная задача, которую мы ставили перед собой, – проследить процесс адаптации студентов первого курса к умственным нагрузкам в новых для них условиях жизни и обучения.

Обследовали 90 студентов-первокурсников педагогического факультета следующих отделений: логопедического, дошкольного, изобразительного искусства, домоведения и начальных классов. Из них – 80 девушек и 10 юношей в возрасте 17-18 лет.

Изучали силу нервных процессов и умственную работоспособность. Силу нервных процессов определяли с помощью теппинг-теста, суть которого – оценка работоспособности корковых клеток на основании работоспособности мышц кисти руки. Тест основан на изменении во времени максимального темпа движений. Испытуемые в течение 30 секунд стараются удержать максимальный для себя темп. Показатели фиксируются через каждые 5 с, строится кривая работоспособности данного испытуемого.

Умственную работоспособность определяли по таблицам Анфимова, рассчитывали коэффициенты точности выполнения задания и умственной продуктивности.

Для характеристики особенностей ВНД наших студентов была выбрана сила нервных процессов, которая и обуславливает, в первую очередь, способность человека к длительной и напряженной умственной деятельности. Полученные в данных исследованиях результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сила нервных процессов у студентов первого курса педагогического факультета

Нервные процессы	Общее количество студентов		Девушки		Юноши	
	человек	%	человек	%	человек	%
Средней силы	12	13,0	11	14,0	1	10,0
Средне-слабые	31	35,0	30	37,5	1	10,0
Слабые	35	39,0	29	36,0	6	60,0
Сильные	12	13,0	10	12,5	2	20,0

Анализ полученных результатов показал, что большинство обследованных студентов (74%) имеют слабую и средне-слабую нервную систему. При этом оказалось, что в среднем сила нервных процессов у наших студентов не зависит от пола. У девушек и юношей процент средних и средне-слабых процессов оказался примерно одинаковым. Но у юношей в этой структуре преобладают слабые процессы.

Студентов, имеющих сильные нервные процессы и процессы средней силы, выявлено по 13% среди всех обследованных.

В табл. 2 представлены результаты изучения умственной работоспособности студентов-первокурсников. Сравнивали умственную работоспособность студентов отделений изобразительного искусства (1-я группа), дошкольного (2-я группа) и логопедического отделений (3-я группа).

Таблица 2

**Коэффициенты точности выполнения задания (А)
и умственной продуктивности (Р) у студентов первого курса
педагогического факультета**

Группа	Коэффициенты (усл. ед.)	
	А	Р
1-я	0,91	1130,8
2-я	0,89	1428,6
3-я	0,97	1506,7

Расчет коэффициентов точности выполнения заданий и умственной продуктивности у студентов-первокурсников показал, что они находятся в пределах средних для данного возраста значений. Наиболее высокие показатели умственной работоспособности получены у студентов третьей группы. Это студенты логопедического отделения педагогического факультета. Они делают в заданиях меньше ошибок и выполняют их с большей точностью. У студентов дошкольного отделения и отделения изобразительного искусства все представленные в таблице параметры ниже, чем у студентов логопедического отделения. Если сравнивать полученные результаты в этих группах между собой, то коэффициенты точности выполнения задания у них примерно одинаковы, но продуктивность умственной работы гораздо выше у студентов дошкольного отделения.

Выводы

- Большинство студентов-первокурсников имеют слабую и средне-слабую нервную систему. При этом зависимость силы нервных процессов от пола не выявлена.
- Показатели умственной работоспособности у студентов первого курса в основном средние. У студентов логопедического отделения умственная работоспособность выше, чем у студентов отделения изобразительного искусства и дошкольного отделения, что подтверждается самыми высокими показателями точности выполнения заданий и умственной продуктивности.

Литература

1. Абаскалова Н.П. Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса (школа – ВУЗ). – Новосибирск: «НГПУ», 2001. – 316 с.
2. Дубровский В.И. Валеология. Здоровый образ жизни. – М.: Флинта, 1999. – 560 с.
3. Ильин А.Г., Рапопорт И.А., Звездина И.В. Состояние здоровья подростков: тенденции и проблемы // Врач. – 1999. – №9. – С. 4-6.

4. Ильин А.Г., Звездина И.В., Эльянов М.М. Современные тенденции и динамика состояния здоровья подростков // Гигиена и санитария. – 2000. – №5. – С. 43-45.
5. Косованова Л.В., Мельникова М.М., Айзман Р.И. Скрининг-диагностика здоровья школьников и студентов. Организация оздоровительной работы в образовательных учреждениях – Новосибирск: «Сиб. унив. изд-во», 2003. – 240 с.
6. Пляскина И.В. Здоровье детей, обучающихся в школах нового типа // Гигиена и санитария. – 2000. – №7. – С. 62-64.
7. Сердюковская Г.Н. Гигиенические проблемы охраны здоровья подрастающего поколения // Гигиена и санитария. – 1992. – №4. – С. 12-15.
8. Сидоренко Г.И., Новиков С.Н. Экология человека и гигиена окружающей среды на пороге XXI века // Гигиена и санитария. – 1999. – №1. – С. 3-6.
9. Хамаганова Т.С. Психическое здоровье школьников-подростков // Врач. – 1999. – №9. – С. 19-21.
10. Чурьянова М.И. Результаты отдельных наиболее важных научных исследований в гигиене детей и подростков за 1993 год // Гигиена и санитария. – 1994. – №4. – С. 39-41.
11. Экология и здоровье детей / Под ред. М.Я. Студенткина, А.А. Ефремовой. – М.: «Медицина», 1998. – 386 с.
12. Ямпольская Ю.Я. Популяционный мониторинг физического развития детского населения // Гигиена и санитария. – 1996. – №1. – С. 24-26.

*Н.М. Скрынник
Н. рук. Н.Е. Черкашен*

ПРИЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРВОКЛАССНИКОВ МАТЕМАТИКЕ

Известно, что в методике обучения математике в начальных классах по любой программе и по любому УМК обязательным является требование осуществления дифференцированного подхода к учащимся. Это проявляется в том, что в любой программе выделяется несколько уровней усвоения математических знаний.

Общепринятым в обучении и развитии младших школьников является личностно ориентированный подход к учащимся, что требует учета их индивидуальных особенностей и дифференциации заданий.

В общей педагогике и методике обучения в начальных классах выявлены различные подходы к осуществлению дифференциации, различные формы и способы её осуществления.

Наряду с общими положениями по дифференцированному обучению различными авторами в различных методических системах выделяются и отдельные особенности реализации дифференциации. Эти особенности зависят также от характера преподаваемого предмета и возраста учащихся.

В основу исследования положена гипотеза, согласно которой дифференцированный подход к обучению первоклассников математике может быть достаточно эффективен, если:

- систематически будут учитываться индивидуальные особенности школьников;

- на основании индивидуальных особенностей учащиеся будут отнесены к определенной группе;
- при работе с первоклассниками будут использованы различные приемы и способы дифференциации математических заданий.

Цель нашей исследовательской работы – выявить способы и приемы дифференциации обучения математике в 1 классе.

В современной методической литературе по обучению математике в начальных классах выделяются следующие основные способы дифференциации.

1. Дифференциация заданий по объему учебного материала.

Необходимость дифференциации заданий по объему обусловлена разным темпом работы учащихся. Медлительные дети, а также дети с низким уровнем обучаемости обычно не успевают выполнять самостоятельную работу к моменту её фронтальной проверки в классе, им требуется на это дополнительное время. Остальные дети затрачивают это время на выполнение дополнительного задания, которое не является обязательным для всех учеников.

2. Дифференциация учебных заданий по степени трудности.

Такой способ дифференциации предполагает следующие виды усложнения заданий для наиболее подготовленных учащихся:

- усложнение математического материала;
- увеличение количества действий в выражении или в решении задачи;
- выполнение операции сравнения в дополнение к основному заданию;
- использование обратного задания вместо прямого;
- использование условных символов вместо чисел или отдельных цифр.

3. Дифференциация работы по степени самостоятельности.

При таком способе дифференциации не предполагается различий в учебных заданиях для разных групп учащихся. Все дети выполняют одинаковые упражнения, но одни это делают под руководством учителя, а другие самостоятельно.

4. Дифференциация работы по характеру помощи учащимся.

При таком способе дифференциации все учащиеся сразу приступают к самостоятельной работе. Но тем детям, которые испытывают затруднения, оказывается дозированная помощь.

5. Дифференциация работы по форме учебных действий.

При организации работы с математическим материалом учитель может дифференцировать характер выполняемых детьми учебных действий, опираясь на следующую логику усложнения их формы: предметное перцептивное умственное действие. Детям, нуждающимся в речевых действиях, предлагается проговаривать производимые операции, например шепотом рассказывать самому себе, как нужно вычислять.

При работе над вычислительными приемами одним детям достаточно иллюстраций в учебнике или на доске, а другим необходимо вы-

полнять операции с предметами или моделями, например со счетными палочками.

6. Дифференциация учебных заданий по уровню творчества.

Такой способ предполагает различия в характере познавательной деятельности школьников, которая может быть продуктивной (творческой) или репродуктивной.

Какие из этих способов и приемов наиболее применимы при обучении математике в 1 классе?

Так как в настоящее время приоритетной целью обучения является развитие учащихся, то нам надо выбрать такие способы дифференциации, которые способствуют достижению именно этой цели. Поэтому мы принимаем точку зрения создателей проекта «Начальная школа XXI века», в соответствии с которой главным способом дифференциации должна быть дифференциация по уровню трудности, уровню сложности.

Этот прием дифференциации применим и в 1 классе. Дифференциация заданий по объему учебного материала может также использоваться в 1 классе, но ограниченно, она способствует главным образом закреплению знаний.

Приемы дифференциации обучения первоклассников по степени самостоятельности, по характеру помощи, по форме учебных действий с нашей точки зрения должны являться вспомогательными по отношению к способу дифференциации по уровню трудности. Так как первоклассники не имеют достаточного опыта обучения в школе, то дифференциация заданий по уровню творчества применяется в небольших масштабах.

На диагностическом этапе педагогического эксперимента на основании методов наблюдения, бесед, анкетирования, педагогической диагностики успеваемости обучения (январь) 1 класс был условно разделен на три группы по уровню развития: 1 группа (высокий уровень развития), 2 группа (средний уровень развития), 3 группа (низкий уровень развития). В результате в классе из 12 человек: 3 учащихся относятся к 1 уровню развития (25%), 5 учащихся – ко 2 уровню (42%) и 4 учащихся – к 3 уровню развития (33%).

На формирующем этапе эксперимента в соответствии с нашей гипотезой мы использовали различные приемы дифференциации, главным из которых является дифференциация по степени трудности.

Контрольный этап нашего исследования заключается в том, что детям была предложена педагогическая диагностика успешности обучения (апрель). Кроме того, были использованы методы наблюдения, анкетирования, беседы.

Анализ результатов показал, что уровень развития учащихся повысился следующим образом:

- высокий уровень составили 33% (4 учащихся);
- средний – 50% (6 учащихся);
- низкий – 17% (2 учащихся).

Таким образом, наше исследование доказало, что система дифференцированных математических заданий повышает уровень развития учащихся.

Литература

1. Давлетина А.А. Изучение индивидуальных способностей младших школьников // Начальная школа. – 1993. – №5. – С. 24.
2. Деменева Н. Н. Дифференцированная работа на уроках математики в начальной школе // Начальная школа. – 2004. – №2. – С.56.
3. Кириллова Е.Ю. Способ организации дифференцированного обучения на основе анализа внутренней позиции учащихся // Новые исследования в педагогике. – 1973. – №8.
4. Осмоловская. Организация дифференцированного обучения в современной общеобразовательной школе. – М.; Воронеж, 1998.
5. Фоменкова М.В., Хаустова Н.Н. Дифференциация в обучении математике // Начальная школа. – 1999. – № 2.
6. Чернышева Т.Г. Нужна дифференциация учебного процесса // Начальная школа. – 1997. – № 5.

*О.В. Запара
Н. рук. В.В. Маркова*

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПЕРВОЙ СТУПЕНИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сегодня особенно актуальной становится проблема развития коммуникативной культуры будущего воспитателя дошкольного образовательного учреждения на первой ступени профессионального образования, которая является важной частью его профессионально-нравственного становления. От этого зависит нормальное и устойчивое функционирование системы образования.

В современных условиях важными характеристиками личности и деятельности педагога являются не только владение информацией, но и основные технологии обучения и воспитания, общая и коммуникативная культура, обеспечивающая выход за пределы нормативной деятельности, способность создавать и передавать ценности, обуславливать личностное развитие. Владение будущими воспитателями коммуникативной культурой как основой успешной профессиональной деятельности при помощи современных образовательных технологий, включая информационные, есть социальный заказ общества.

Объективное единство общекультурного, социально-нравственного развития личности современного педагога актуализирует формирование и развитие у будущих воспитателей коммуникативной культуры. Обладая

общими признаками культуры, она в то же время является атрибутом внутренней культуры личности. Задача современного этапа образования состоит в развитии личности студента, в обеспечении его культурно-личностного роста, т.е. обеспечения в обучении и воспитании позитивных изменений аксиологических, познавательных установок студента, его знаний, отношений и реальных форм поведения.

Анализ литературных источников показывает, что коммуникативная культура рассматривается различными науками: философией, психологией, педагогикой, социологией, психолингвистикой. В философских работах раскрывается сущность коммуникативной культуры (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Ю.М. Лотман, М.С. Каган и т.д.). Отечественная психология изучает социальные и этические проблемы коммуникации личности (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, В.С. Грехнев, А.А. Леонтьев, В.Н. Мисящев и т.д.).

В педагогике коммуникативная культура выступает, с одной стороны, как характеристика профессиональной культуры педагога (В.А. Кан-Калик, Л.М. Митина, А.В. Мудрик, И.И. Рыданова, и т.д.), с другой – как системная составляющая образовательного процесса в педагогическом вузе (Н.П. Аникеева, П.В. Лепин, Е.Н. Мишина и др.). В педагогической этике коммуникативная культура рассматривается как неотъемлемая часть этики педагога (Э.Г. Гришин, В.И. Журавлев и др.).

Следует отметить возросший интерес ученых к проблеме развития коммуникативной культуры личности (Д.М. Александров, Г.М. Андреева, И.А. Зимняя, И.Ф. Исаев, В.Г. Костомаров, Н.Б. Крылова, Н.В. Кузьмина, А.Н. Леонтьев, А.И. Мищенко, А.В. Петровский и др.).

Коммуникативная ориентированность в лингвистических исследованиях нацелена на решение практических задач обеспечения взаимопонимания между людьми (Ю.Д. Апресян, Е.А. Быстрова, О.М. Казарцева, Т.С. Кудрявцева, А.А. Леонтьев, Р. Якобсон и др.).

Исследования, выполненные в рамках культурологического подхода, рассматривают коммуникативную культуру как основу профессиональной деятельности педагога, показатель общей (И.Ф. Исаев, В.А. Кан-Калик, А.В. Мудрик, и др.) и социальной культуры (В.В. Краевский, И.Я. Лернер, С.Е. Матушкин и др.).

Коммуникативная культура обеспечивает воздействие и взаимодействие в процессе жизнедеятельности, детерминирует проявления практически всех качеств личности. Оценка личности во многом зависит от уровня ее коммуникативной культуры, так как именно с ней сталкиваются участники взаимодействия в первую очередь. Низкий уровень коммуникативной культуры не позволяет в полной мере проявить другие, возможно более ценные, свои качества. Высокий уровень коммуникативной культуры смягчает проблемы жизнедеятельности, создает ситуацию взаимопонимания и продуктивности взаимодействий.

Коммуникативная культура является условием и предпосылкой эффективности профессиональной деятельности, показателем профессиональной компетентности и профессионального самосовершенствования. Для воспитателя, как субъекта профессиональной деятельности, способом познания и преобразования мира выступает профессиональная культура, а способом преобразования себя – коммуникативная культура. Коммуникативная культура здесь представляет собой совокупность тех специальных коммуникативных знаний, навыков и умений, с помощью которых человек предотвращает возникновение психологических трудностей и прогнозирует результативность межличностного и делового профессионального взаимодействия.

Коммуникативная культура требует определения ее структурных компонентов. Исходя из разных аспектов ее рассмотрения у студентов педагогического колледжа мы выделяем такие как: общительность, коммуникабельность, коммуникативные умения, речевые умения, умения невербального общения, умения психосаморегуляции, рефлексия, коммуникативные способности и т.д.

Анализ практики показывает, что в педагогической деятельности такие свойства личности, как общительность, рефлексия, коммуникативные умения, ставшие профессионально личностными качествами воспитателя, могут обеспечить продуктивность педагогического взаимодействия (общения). Общительность – это явление многослойное, включающее в себя целый комплекс компонентов: потребность в общении; коммуникабельность, т.е. способность испытывать удовольствие от процесса общения; социальное родство – желание находиться в обществе, среди людей; высокий эмоциональный тонус; альтруистические тенденции (потребность приносить радость, потребность в сочувствии и сопереживании).

Следующим компонентом выступает рефлексия как анализ собственных действий и состояний. Подчеркивается необходимость развития собственной индивидуальности посредством постоянной рефлексии способов действенного самоопределения и самопостроения в контексте формируемых идеалов и ценностей.

Коммуникативные умения выступают как комплекс осознанных коммуникативных действий, основанный на высокой теоретической и практической подготовленности будущего воспитателя.

На этапе констатирующего эксперимента нами был проведен опрос, направленный на выявление уровня развития коммуникативной культуры, среди студентов первого курса педагогического колледжа. Нами был выявлен низкий уровень общительности, рефлексии и низкий уровень коммуникативных умений.

Из 100% опрошенных студентов 52,2% имеют низкий уровень коммуникативной культуры; 20% – средний уровень; 13,4% имеют уровень выше среднего; 13,4% – высокий уровень. Таким образом, данные

констатирующего эксперимента свидетельствуют о неполноте сформировавшейся коммуникативной культуре у будущих воспитателей дошкольного образовательного учреждения, и поэтому требуется специальная работа.

На этапе формирующего эксперимента нами проводилась работа, которая включала в себя реализацию «Программы развития коммуникативной культуры будущего воспитателя дошкольного образовательного учреждения», составными компонентами которой являлись тренинговые упражнения, беседы, дискуссии. В ходе практической работы перед студентами стояла задача овладения навыками речевого общения, расширение возможностей установления контакта в различных ситуациях общения, овладение навыками эффективного слушания, развития самопонимания и рефлексии, расширение диапазона коммуникативных способностей и т.д.

По результатам контрольного эксперимента проводилось повторное исследование, на выявление уровня общительности, рефлексии и уровня коммуникативных умений. Данные свидетельствовали о более высоком уровне коммуникативной культуры, за счет проведенной целенаправленной работы со студентами первого курса педагогического колледжа. Из 100% опрошенных студентов 20% имеют низкий уровень коммуникативной культуры; 20% – средний уровень; 30% имеют уровень выше среднего; 30% – высокий уровень.

Исследование позволяет говорить о том, что будущий воспитатель с низким уровнем общительности, с отсутствием эмоциональной культуры, со слабо сформированными коммуникативными умениями, проявляющимися в невысокой культуре общения, не способен создать культурно-развивающий потенциал среды, воздействующий на личность обучающегося, его полноценное развитие.

Таким образом, коммуникативная культура будущего воспитателя – это качественная характеристика субъекта профессиональной деятельности, включающая систему коммуникативных знаний, умений, навыков, определяющих определенную позицию личности в коммуникативной деятельности, и коммуникативная культура будущего воспитателя является основой профессионально-педагогической деятельности и определяет ее успешность.

Литература

1. Абрамкина О.Г. Учебный диалог как средство формирования коммуникативной культуры обучающихся: автореф. дис. ... кан. пед. наук. – Орел, 2003.
2. Леонтьев А. А. Принцип коммуникативности сегодня // ИЯШ. – 1986. – №2.
3. Казарцева О.М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения. учеб. пособие. – М.: Наука, 1998.
4. Морева Н.А. Тренинг педагогического общения: учеб. пособие для вузов. – М.: Просвещение, 2003.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ

В условиях современной природной и социально-экономической ситуации проблема здоровья детей приобретает глобальный характер. Здоровье каждого ребенка определяется соотношением внешних и внутренних воздействий на его организм, с одной стороны, и возможностями самого организма противостоять нежелательным воздействиям, защищаться от них, по возможности, усиливая воздействие полезных для здоровья факторов, с другой стороны.

Ухудшение стартового уровня здоровья новорожденных детей приводит к последующему нарушению здоровья детей дошкольного возраста. Уже в дошкольном возрасте у значительной части детей (68%) возникают множественные нарушения функционального состояния, 17% детей приобретают хронические заболевания, и только один ребенок из трех остается здоровым.

Анализ показателей состояния здоровья дошкольников за последнее десятилетие выявил неблагоприятные тенденции: в 2,7 раза сократилось количество детей 1-ой группы здоровья (с 15,6 до 5,7%), в то же время в 2,3 раза возросла численность детей с 3-ей группой здоровья (с 11,8 до 26,9%). Большинство детей (60-70%) во всех возрастных группах имеют 3-4 морфофункциональных отклонения и только 10-20% детей – 1-2 отклонения.

Среди причин, способствующих ухудшению здоровья детей, мы можем выделить: резкое снижение жизненного уровня в стране в сочетании с социальной нестабильностью; обострение экологических проблем; несоблюдение элементарных физиолого-гигиенических требований к организации учебного процесса; недостаточную подготовку педагогов в вопросах развития и охраны здоровья; отсутствие системы в работе по формированию здорового образа жизни.

Воспитать ребенка, не просто здорового, но и стремящегося к сохранению и улучшению своего здоровья, осознавшего величайшую ценность здоровья каждого человека, – трудная, но достижимая цель. Достижение этой цели во многом зависит от профессиональной компетенции педагогов дошкольных образовательных учреждений.

Можно сказать, что здоровье – это физическая, гигиеническая, душевная, социальная культура человека, поэтому проблему здоровья ребенка и формирования здорового образа жизни, на наш взгляд, следует рассматривать в широком валеологическом аспекте.

Основной валеологический принцип гласит: «Человек должен познать и сотворить себя, научиться бережно относиться к своему здоровью и здоровью окружающих». Этот принцип должен в полной мере в практике воспитания детей определять деятельность взрослых, направленную на укрепление здоровья ребенка. Согласно уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье – это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие. В связи с этим необходимость организации здоровьесберегающей среды ДООУ вышла сегодня из разряда психолого-педагогических проблем и обрела социальное значение.

Опираясь на концепцию валеологически обоснованного образования (по Г.К. Зайцеву и др., 1998), следует выделить основные направления валеологической работы в детском саду:

- 1) формирование потребностей в физическом саморазвитии;
- 2) создание системы образных площадок физического саморазвития;
- 3) формирование потребности в психическом (умственном) саморазвитии;
- 4) воспитание потребности в валеологически обоснованном поведении.

Процесс формирования в ДООУ здорового образа жизни дошкольников предполагает решение ряда задач. Такие задачи специалисты подразделяют на три большие группы: оздоровительные, образовательные и воспитательные задачи. (А.В. Кенеман, Д.В. Хухлаева, 1985).

1. *Оздоровительное направление* решает проблему качественного улучшения физического развития и физического состояния ребенка.

Главные условия успешного развития задач оздоровительного направления следующие:

- знание особенностей функционирования детского организма;
- профессионально грамотный подход к оборудованию развивающей предметной среды (РПС) в дошкольных учреждениях;
- внимательное отношение к выбору программы оздоровления.

2. В содержание *образовательного направления* входят обучение ребенка естественным видам движений и развитие его двигательных качеств. Кроме того, в рамках данного направления решаются задачи, связанные с формированием у ребенка осознанного отношения к своему организму и своему здоровью, положительной установки на формирование здоровых привычек, приемлемых с физиологической, нравственной и социальной точек зрения.

3. Объективной основой *воспитательного направления* является органическая возможность физического и духовного развития дошкольников, развитие нравственности, формирование эстетических взглядов и убеждений. Воспитательное направление служит связующим звеном между образовательным и оздоровительным направлениями. Ядром оздоро-

вительного направления является физиология ребенка, образовательного направления – интеллект ребенка, а воспитательного направления – психология и нравственно-эмоциональная среда.

Исходя из вышесказанного задачи формирования ЗОЖ у старших дошкольников можно сформулировать следующим образом: достижение полноценного физического развития детей – гармоничности телосложения соответственно возрасту развитых функций и адаптационных способностей организма, физической и умственной работоспособности; воспитание нравственно-волевых черт личности; формирование доступных представлений и знаний детей о ЗОЖ, о своем организме, о пользе занятий физическими упражнениями, об основных гигиенических нормах и правилах; формирование у детей привычек и практических навыков ЗОЖ; воспитание у детей интереса к активной деятельности по сохранению и укреплению собственного здоровья, а также уважительного отношения к здоровью окружающих.

Здоровьесберегающая деятельность ДОО должна быть направлена на выполнение гигиенических рекомендаций по оптимизации условий обучения и образа жизни детей дошкольников. Это, в первую очередь, использование управляемых форм, не требующих дополнительных финансовых затрат: внедрение эффективных методов обучения; реальная разгрузка содержания образования; повышение удельного веса и качества занятий физической культурой; улучшение организации питания детей; рационализация досуговой деятельности, летнего отдыха детей.

Комплексная работа по сохранению и укреплению здоровья детей в ДОО, а также по организации здоровьесберегающей среды в каждом ДОО формируется в зависимости от актуальных задач, условий, потребностей и возможностей данного учреждения. Опыт свидетельствует, что организация здоровьесберегающей среды в ДОО основывается на реализации валеологических подходов и необходимости реализации воспитательно-образовательного и воспитательно-оздоровительного направлений в процессе формирования ЗОЖ у детей.

Комплекс оздоровительно-профилактических мероприятий в ДОО направлен на снижение уровня заболеваемости, выделение основных факторов риска, снижение уровня функциональной напряженности, регламентацию режимов жизнедеятельности с учетом индивидуальных особенностей детей.

К психолого-педагогическим условиям, обеспечивающим организацию здоровьесберегающей среды в ДОО, мы относим:

- обеспечение научно-методического сопровождения процесса формирования ЗОЖ;
- содержательную и мотивационную готовность педагогов к созданию здоровьесберегающей среды и формированию ЗОЖ у детей;

- целенаправленное и систематическое взаимодействие педагогов с семьей по вопросам ЗОЖ ребенка;
- сознательное и активное участие детей в процессе формирования ЗОЖ.

Мы оценивали состояние здоровьесберегающей среды в ДОУ по 10 основным параметрам: 1) материально-технические условия в ДОУ; 2) кадровое обеспечение здоровьесберегающего процесса; 3) медицинское обслуживание детей; 4) двигательная активность и физическое развитие детей; 5) организация рационального питания; 6) оптимизация учебных нагрузок; 7) привитие детям навыков здорового образа жизни; 8) превентивные меры (профилактика травматизма, ДТП); 9) состояние здоровья педагогического коллектива; 10) взаимодействие педагогов с родителями. В соответствии с этими параметрами выделили показатели и уровни оценки состояния здоровьесберегающей среды в дошкольном образовательном учреждении. Показатели оценки состояния здоровьесберегающей среды были выражены количественно и качественно, что позволило судить о состоянии и перспективах улучшения организации здоровьесберегающей среды в ДОУ.

Результаты эксперимента показали, что при организации здоровьесберегающей среды в дошкольном образовательном учреждении следует обратить особое внимание на такие показатели, как: обеспеченность медицинскими кадрами, необходимым медицинским оборудованием; улучшение лечебно-профилактической работы, активное вовлечение родителей в массовые физкультурно-оздоровительные мероприятия, регулярное использование витаминизированных дотаций (фрукты, овощи, соки и т.д.); активное участие педагогов в оздоровительных профилактических мероприятиях.

Мы считаем, что профессиональная компетентность педагогов предполагает их готовность к реализации в своей деятельности здоровьесберегающих технологий, направленных на гуманизацию воспитательно-образовательного процесса на укрепление здоровья, психическое и физическое развитие, эмоциональное благополучие каждого ребенка.

В качестве основных направлений работы по организации здоровьесберегающей среды и формированию ЗОЖ в ДОУ мы выделяем:

- создание условий для оптимальной двигательной активности, соблюдение рационального режима дня, разумное распределение времени, отведенного для приема пищи, сна, а также правильное чередование физических, умственных и эмоциональных проявлений в жизнедеятельности детей, что обеспечивает условия для оптимальной ритмичности физиологических процессов в растущем организме, способствует всестороннему и гармоничному развитию ребенка;

– систематическое проведение закаливающих процедур, способствующих укреплению здоровья и снижению заболеваемости;

– особое внимание следует уделять формированию у детей осознанного отношения к своему здоровью, необходимо научить детей испытывать искреннюю необходимость в сохранении и укреплении здоровья.

Важным фактором в формировании здорового образа жизни детей, по нашему мнению, является совместное проведение мероприятий воспитательно-оздоровительной направленности, где полноправными участниками являются дети и их родители.

Для выявления уровня сформированности ЗОЖ у старших дошкольников собирались и систематизировались данные о физическом и психоэмоциональном состоянии детей. В ходе экспериментальной работы уровень сформированности ЗОЖ у детей оценивался по пяти факторам, а именно: 1) состояние здоровья детей экспериментальной группы по медицинским данным (группа здоровья); 2) физический энергопотенциал детей; 3) психоэмоциональное благополучие детей; 4) знания ребенка о своем организме и о ЗОЖ; 5) сформированность у детей навыков ЗОЖ.

Комплексное использование всех средств и форм воспитательно-оздоровительной работы позволяет эффективно решать задачи по формированию здорового образа жизни у детей в условиях здоровьесберегающей среды. Мы можем констатировать, что в условиях проведенной экспериментальной работы положительная динамика состояния здоровьесберегающей среды в ДОУ составила 7,3 %. Были также улучшены такие показатели, как: психоэмоциональное благополучие детей, знания детей о своем организме и здоровом образе жизни, наблюдалась существенная положительная динамика в уровне сформированности навыков ЗОЖ у детей и у родителей.

Предпринятое теоретическое исследование и результаты проведенного нами педагогического эксперимента позволили сделать следующие выводы:

1. Цель процесса организации здоровьесберегающей среды и формирования ЗОЖ у детей в ДОУ – воспитание здорового поколения. При этом здоровье трактуется не только в физиологическом, но и валеологическом, нравственно-психологическом и социальном аспектах.

2. Организация здоровьесберегающей среды в ДОУ является приоритетным направлением работы всего педагогического коллектива и осуществляется через комплекс воспитательно-образовательных и воспитательно-оздоровительных мероприятий.

3. Проведенный педагогический эксперимент показал, что правильно организованная здоровьесберегающая среда является оптимальной системой формирования ЗОЖ у детей.

4. Особенно важно объединение усилий ДОУ и семьи по формированию здорового образа жизни у детей. Если родители, близкие родственники не будут поддерживать интерес у ребенка к здоровому образу жизни, то этот интерес быстро угаснет, не успев принести ощутимых результатов. Поэтому здесь требуются усилия всех заинтересованных сторон: педагогов, родителей, самих детей и общества в целом.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОМ САМОВОСПИТАНИИ У БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В современной отечественной педагогике самовоспитание будущих воспитателей рассматривается как одно из наиболее важных направлений личностного совершенствования человека с целью достижения им собственных ценностных, жизненных и профессиональных ориентиров. Иными словами, самовоспитание представляет собой одно из неперенных условий всестороннего развития личности, как естественное проявление сущности человека, которому в силу его природы присуще стремление к самореализации, саморазвитию и самосовершенствованию.

Реализуя возможности самовоспитания, человек приобретает большую активность, целеустремленность, устойчивость к воздействию различных факторов педагогической деятельности. Возможность остаться самим собой, сохранить себя, находиться в ориентации на традиционные, проверенные временем ценности, что означает сохранение и воспроизведение традиционной для российского образования системы ценностей и приоритетов. Только нравственные ценности, ставшие достоянием образования, помогают личности обрести личностные смыслы и нравственные ценности.

Исследовательская работа показала, что отношение большинства будущих воспитателей дошкольного образовательного учреждения к самовоспитанию преимущественно положительное. Однако его направленность и содержание ценностных ориентиров различаются по опыту педагогической деятельности и во многом зависят от социальных, экономических, культурных и других процессов, происходящих в жизни общества, государства. Это позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленной организаторской деятельности педагогов воспитательных структур по актуализации самовоспитания будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Эффективное решение этой задачи возможно лишь на основе реализации научных разработок проблемы самовоспитания.

Актуальной задачей науки и практики является обеспечение дошкольного образования кадрами нового поколения педагогов, представляющих российскую культуру на высоком уровне духовности и нравственности. Проблема актуализируется в связи с переходом к личностно ориентированной парадигме. Педагогу дошкольного образования отводится особая роль, поскольку личность взрослого – «мощный фактор развития личности ребенка» (В.А. Петровский).

В последние годы педагогическая наука изобиловала теоретическими изысканиями в этой сфере, попытками построения разнообразных концеп-

ций воспитания. Примерами могут служить работы таких ученых, как: С.Б. Елканов; С.В. Кабанова; А.И. Кочетов; Л.И. Рувинский; С.А. Шнаков и др.

Проблемы развития нравственных чувств, нравственной позиции, нравственного облика и поведения достаточно полно раскрыты в работах А.С. Алексеевой, Г.В. Луниной, О.М. Потаповской, Л.В. Суровой, В.М. Халмогоровой и др.

Историко-педагогический анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на огромный массив научной информации, в образовательном процессе колледжа задача формирования потребности в профессионально-нравственном самовоспитании решается недостаточно.

Общепризнанно, что основой, определяющей интенсивность и направление развития личности, являются ее потребности. В их составе особо выделяются высшие человеческие потребности – социальные и духовные, которые представляют собой источники самодвижения человека, потребности улучшения воспитания и совершенствования личностью самой себя.

Потребность в профессионально-нравственном самовоспитании побуждает к целеустремленной, активной деятельности, направленной на формирование, развитие и закрепление у себя положительных, а также устранение отрицательных качеств личности. Формируемая в образовательном процессе колледжа потребность в профессионально-нравственном самовоспитании, выполняет в нем роль своеобразного внутреннего источника энергии, значительно активизирует процесс формирования личности будущего воспитателя, укрепляет у него патриотические, духовно-нравственные, морально-психологические и других личностные качества.

По своей сущности процесс формирования потребности в профессионально-нравственном самовоспитании будущих педагогов – явление социальное. Оно определяется рядом объективных социальных условий: требованиями общества и педагогической деятельностью, системой педагогических воздействий, которым подвергается студент в процессе обучения, воспитания, развития и психологической подготовки, выполнения своих студенческих и общественных обязанностей. Под влиянием этих условий у педагога создаются внутренние предпосылки для самовоспитания, формируются потребности, взгляды и убеждения, уточняются или складываются жизненные идеалы и цели, которыми педагог руководствуется в целенаправленной работе над собой.

Следовательно, для более глубокого понимания сущности потребности в профессионально-нравственном самовоспитании необходимо знать внутренние предпосылки его протекания. Среди них можно выделить:

а) осознанные цели, выработанные и принятые идеалы и установки, которые лежат в основе программы профессионального самосовершенствования и выступают в качестве внутренних побудительных сил, мотивов поведения и всей деятельности;

б) патриотические, духовно-нравственные, профессиональные и иные знания студента, его умение осуществлять самовоспитание;

в) наличие развитого самоосознания, внутренней готовности, способности и стремления к объективной критической оценке своего поведения и необходимого уровня общего и профессионально-нравственного развития;

г) определенный уровень развития воли и привычек волевого саморегулирования, особенно в трудных и сложных ситуациях;

д) глубокое понимание смысла педагогической деятельности, положительное отношение к выполнению своего педагогического долга перед Отечеством.

Таким образом, при подготовке будущих специалистов дошкольного образования необходимо формировать их профессионально-нравственный «образ себя» и «смысл жизни», а также развивать духовный потенциал личности.

На основании изученной литературы нами проведена методика «ранжирования потребностей», в процессе которой была составлена иерархия потребностей студентов, в которой потребность в профессионально-нравственном самовоспитании и самосовершенствовании оказалась лишь на 10 месте.

Анализ проведенной диагностики студентов Белгородского педагогического колледжа привел к необходимости проведения специально организованной работы по формированию потребности в профессионально-нравственном самовоспитании будущих воспитателей ДОУ. Эта работа включала в себя: организацию бесед; разработку тренинговых занятий со студентами; решение проблемных ситуаций; организацию дискуссий и др.

Для выявления результативности проведенной нами программы по формированию потребности в профессионально – нравственном самовоспитании была повторно проведена методика «ранжирования потребностей» и выявлено, что потребность в профессионально-нравственном самовоспитании с 10 места перешло на 6 место.

Потребность в профессионально-нравственном самовоспитании проявляется на этапах решения учебно-профессиональных задач.

Полученные результаты нашей опытно-экспериментальной работы позволяют говорить о том, что в процессе обучения в педагогическом колледже происходит поэтапное формирование потребности в профессионально-нравственном самовоспитании будущего педагога – воспитателя. Сначала зарождается идея этой потребности, затем ее образ и непосредственно сама потребность как источник профессионально-нравственной активности.

Процесс формирования потребности в самовоспитании педагогически управляемый. Психологическая и практическая подготовка к работе над собой составляет одну из важнейших задач воспитания. Мы попытались выделить основные этапы возникновения и развития самовоспитания и потребности в нем.

Во-первых, это осознание учениками своего образа жизни, осмысление значимости той деятельности, которая требует самовоспитания. На этом этапе классный руководитель помогает студентам осознать свои положительные и отрицательные качества, понять нетерпимость своих недостатков для будущей профессии. На этом этапе мы предлагаем организовывать беседы со студентами, носящие профессионально-нравственный характер.

Во-вторых, овладение навыками самостоятельной работы в той области деятельности, в которой студент хочет добиться успеха. Проведение тренинговых занятий, на наш взгляд, наиболее эффективно влияет на этом этапе на возникновение и развитие самовоспитания и потребности в нем.

В-третьих, составление программы самовоспитания и развития потребности в нем. Это очень важный этап работы над собой. Чтобы оценить, насколько объективно студент оценивает себя, верные ли цели он ставит и нужные ли приемы выбирает, нами были организованы дискуссии.

В-четвертых, организация самовоспитания в избранной деятельности. Это наиболее ответственный этап при переходе от воспитания к самовоспитанию. Без конкретной программы деятельности желание стать лучше останется только желанием. На этом этапе, на наш взгляд, целесообразно предложить студентам решение проблемных ситуаций.

В-пятых, высший этап перехода воспитания в самовоспитание начинается тогда, когда ученик хочет и умеет работать над собой, когда оформились мотивы, цели и методы самовоспитания.

Литература

1. Кочетов А.И. Как заниматься самовоспитанием. – Мн.: Высш. шк., 1986.
2. Кочетов А.И. Воспитавай себя. – Мн.: Нар. асвета, 1982.
3. Кочетов А.И. Организация самовоспитания школьников. – Мн.: Нар. асвета, 1990.
4. Кочетов А.И. Личность воспитывает себя. – М.: Политиздат, 1983.
5. Орлов Ю.М. Самопознание и самовоспитание. – М.: Просвещение, 1987.
6. Рувинский Л.И. Психология самовоспитания. – М., 1980.

*А.Ю. Зубко
Н. рук. Н.Л. Стариченко*

ВЛИЯНИЕ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА НА АДАПТАЦИЮ СЛАБОСЛЫШАЩЕГО УЧАЩЕГОСЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ

В процессе нашего исследования мы обратили внимание на то, что дети с нарушенным слухом вынуждены ограничиваться такими видами деятельности, которые не требуют высокого профессионализма и не удовлетворяют их духовных потребностей. А потенциал многих из этих детей достаточно высок, но не находит полного своего выражения, пол-

ной реализации в деятельности. Образовательные программы специальной направленности нацелены на социальную адаптацию слабослышащих учащихся, привитие им элементарных умений и навыков и даже обеспечение довольно высокого уровня познавательной деятельности. Но, к сожалению, они не дают им равных условий с нормально слышащими абитуриентами для получения высшего образования. И хотя законодательная база дает им это право, воспользоваться им они не могут главным образом потому, что у них не сформированы адаптивные способности.

В связи с тем, что в изобразительной деятельности у слабослышащих учащихся не существует никаких ограничений, мы разработали систему обучения таких детей на профессиональном уровне. Основная задача этого обучения – реализация творческого потенциала слабослышащего учащегося с выходом на выставочную деятельность как основу социальной адаптации и адаптации в профессиональной художественной среде.

На первых этапах работы мы провели подробный анализ живописных и графических работ слабослышащих учащихся и определили, что уровень их профессиональной подготовки в изобразительной деятельности приравнивается не более чем к уровню подготовки на основе школьных программ. Мы наблюдали такую ситуацию: студийцы сначала рисовали контур изображаемого предмета с натуры, а затем закрашивали или заштриховывали его изнутри. Некоторые из них сразу рисовали изображение с помощью пятен краски. И в том и в другом случае при передаче изображения отсутствовало не только понятие об объемности предметов, но не наблюдалось даже элементарных знаний о компоновке предметов на плоскости листа и соблюдения их пропорционального соотношения, не говоря уже о возможности применения таких выразительных средств, как цветовой рефлекс, теплохолодность. Однако уже по этим, еще «наивным», работам можно было говорить о некоторых их достоинствах: достаточно кропотливый подход к процессу изображения, желание точно передать пластику предметов, правильно определить цвет того или иного предмета.

Мы разработали структуру содержания занятий, опираясь на труды В.С. Щербакова и на разработанные Н.Л. Стариченко программы по рисунку, живописи, композиции для средне-специальных учебных заведений художественного профиля. Обучение в студии включает систему последовательного и доступного освоения языка изобразительного искусства. Программный материал строго поделен на разделы:

1. Введение в систему изобразительной деятельности. Пластика и цвет.
2. Основы конструктивно-пространственного построения изображения.
3. Композиционные закономерности в графическом и живописном изображении.
4. Колорит – гармония контрастов.

При разработке программ мы учитываем степень сложности выполнения материала для студийца, придерживаемся также и чередования за-

нятий рисунком, живописью и композицией. Это дает возможность достаточно быстро сформировать у студийца целостное представление о структуре художественно-изобразительной деятельности.

Для проведения всей экспериментальной работы необходим достаточно длительный период времени. В целом программа рассчитана на двухгодичное обучение. В связи с тем, что в студию была набрана группа ребят старшего возраста, мы разработали дополнительную специальную программу по ускоренному обучению и освоению языка изобразительного искусства. Независимая экспертиза живописных и графических работ студийцев, выполненных по истечению четырехмесячного срока обучения, показала, что качество выполненных на четвертом месяце обучения рисунков соответствует примерно полутора-двухлетнему обучению в художественной школе. Экспертами выступали преподаватели художественной школы г. Белгорода и члены Союза художников РФ. И уже сейчас, по истечению пяти с половиной месяцев проведения занятий со студийцами, основанных на этой системе обучения, можно говорить о хороших результатах работы и достаточно высоком уровне их подготовки в изобразительной деятельности за такой короткий период. Многие студенты и преподаватели педагогического факультета БелГУ изначально предположили, что представленные работы выполнены первым курсом кафедры изобразительного искусства.

В ходе экспериментальной работы нами были выявлены этапы социализации личности в процессе занятий изобразительным искусством на профессиональной основе.

Первый этап – адаптация в новом виде деятельности (создание ощущения комфортности в общении с педагогом в процессе освоения нового для них профессионального освоения изобразительного искусства).

Второй этап – адаптация в новой среде общения (знакомство с людьми, посвятившими свою жизнь изобразительному искусству).

Третий этап – адаптация в новой пространственной среде (непосредственно в учебных аудиториях вуза, в среде студентов, будущих педагогов изобразительного искусства).

Четвертый этап – адаптация в системе предъявления результатов своего труда окружающим людям (выставочная деятельность).

В процессе экспериментальной работы мы могли наблюдать, как положительные эмоции, возникающие у студийцев в процессе изобразительной деятельности, переносятся на положительные эмпатийные переживания в общении с другими людьми, занятыми данным видом деятельности. Именно этот положительный эмоциональный фон позволил в короткие сроки получить интересные ощутимые результаты.

В ходе исследования были определены следующие педагогические условия социальной адаптации слабослышащих учащихся в процессе изобразительной деятельности:

- Первое педагогическое условие. Изобразительное искусство должно стать объектом профессиональной направленности личности слабослышащего учащегося. Становясь в сознании слабослышащего учащегося объ-

ектом профессиональной направленности, изобразительное искусство открывает для него перспективы дальнейшего развития и выводит его в художественную среду общения с людьми без физических недостатков.

- Второе педагогическое условие. У слабослышащего учащегося должна быть сформирована позитивная преобразующая активность личности как основа творческого развития. Это качество личности у большинства слабослышащих детей развито слабо. А его неполноценное развитие отрицательно влияет на развитие способности к адаптации личности в новой среде общения.

- Третье педагогическое условие. Выставочная деятельность и осознанное освоение языка изобразительного искусства должны стать основными средствами социальной адаптации и основой раннего профессионально-художественного становления.

Полагаем, что данные условия распространяются не только на детей, обладающих тягой к процессу изображения. Отличие должно состоять лишь в видах доступной деятельности, которые слабослышащий учащийся должен выбрать для себя. Однако все виды профессиональной деятельности должны предполагать достаточный простор для приложения творческих сил подрастающего поколения. Именно это условие (в нашем случае – третье педагогическое условие) определяет состоятельность личности и обеспечивает полноценное вхождение слабослышащего подростка в социум.

Мы полагаем, что сфера изобразительного искусства наиболее доступна для детей с нарушенным слухом и практически индифферентна к их недостатку и может стать средством формирования позитивной преобразующей активности личности и основой ранней профессиональной ориентации и самоопределения в дальнейшей жизни. Считаем, что активное включение слабослышащего учащегося в раннюю профессионально-изобразительную деятельность позволит сформировать уверенную в своих способностях личность, умеющую общаться не только в кругу своих близких, но и за его пределами.

Литература

1. Аксенов Ю., Левидова М. Цвет и линия. Практическое руководство по рисунку и живописи. – М., 1976.
2. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. – М., 2002.
3. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991.
4. Герчук Ю. Я. Основы художественной грамоты. – М., 1998.
5. Зайцев А. Наука о цвете и живопись.
6. Костерин Н. П. Учебное рисование. – М.: Просвещение, 1980.
7. Щербаков В. С. Изобразительное искусство. Обучение и творчество. – М., 1969.

*Т. Камаева
Н. рук. Н.Л. Стариченко*

АНАЛИЗ ПОРТРЕТОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ

*Человек – вот, что меня интересует.
Человеческое лицо – наивысшее
создание природы. Для меня это
неисчерпаемый источник.*

А. Модильяни

Слова, сказанные Модильяни, справедливы и для всех людей, ведь нас всегда интересует то, что происходит с другим человеком, каковы его мысли, желания и внутренний мир в целом. Всё это мы узнаём по поведению, манерам, жестике, в первую очередь, по выражению лица. В нём концентрируется вся духовная жизнь человека, отпечатываются прожитые годы, а также мысли и чувства, владеющие им в данный момент. Сложность и многогранность человеческой личности делают искусство портрета высшим и сложнейшим искусством из всех существующих, но это не останавливает наш интерес к познанию человека и передаче его внутреннего мира на бумаге или холсте. Подтверждение этому – огромный список талантливых портретистов любых эпох и ещё большее количество прекрасных портретов, ими созданных.

Но не только мастерам-художникам доступно искусство портрета. Изображение человека, особенно его лица, головы привлекает всех нас с ранних лет. Поэтому юный художник, впервые взявший в руки карандаш, уже даёт своим, понятным только самому себе, каракулям названия – «мама», «папа», «бабушка». И пусть это обычное, на наш взгляд, черканье по бумаге (так сказать, проба пера) оно уже выражает потребность высказать то, что увидел, распознал в человеке другим языком – языком линий и цвета. И хотя со временем страсть, как к рисованию вообще, так и к изображению человека в частности, гаснет, а потребность в наблюдении других людей, сравнении себя с ними остаётся.

Таким образом, живя в обществе, человек не только накапливает знания о природе окружающих его людей, но и сам познаёт себя и выбирает свой путь. Портретное же искусство может приоткрыть тайну наблюдения человека за человеком. И хотя полное, достоверное и реалистичное изображение возможно только для профессиональных художников, даже те, кто впервые держит кисть или карандаш в руках, способны увидеть и передать на рисунке особенности человеческого лица, характерные черты личности и эмоциональное состояние.

Нам особенно было интересно изучать рисунки именно непрофессионалов, сохраняющих непосредственность наблюдения, рисунки, в которых на первый план при анализе выходит именно эмоционально-

содержательное наполнение, передача особенных черт лица, а не реалистичность и изобразительное мастерство.

Наше исследование позволило выяснить, что восприятие человека человеком не статично, а наоборот, динамично изменяется, что в определённом возрасте мы выделяем в человеческом лице и определённые черты. Мы поставили себе задачу охарактеризовать каждый возраст, взяв за основу изменения в человеческом восприятии, и понять причину, по которой то, что было первостепенным для человека, теряет своё значение, уступая место новому видению.

1. Дошкольный возраст (3-6 лет).

Это первый период, с которого мы начали анализ рисунков, опустив стадию каракулей и первых, наиболее схематичных, рисунков.

Изобразительная деятельность, как и любая другая в этом и остальных возрастах, зависит от потребностей ребёнка и ставит перед собой определённую цель. В дошкольном возрасте дети активно познают мир, особенно выделяя в нём человека, его место в обществе и взаимоотношения между людьми, которые он затем моделирует в своей игре. Поэтому и детские рисунки, как и представления о людях, претерпевают изменения от схематизации к всё более полному и реалистичному изображению, передающему индивидуальные качества «портретируемого».

В это время дети полностью открыты для мира и выражают свои чувства, отношение к людям непосредственно, искренне и эмоционально. В рисунках заметна эмоциональная оценка окружающих людей, передача их состояния и мимики: улыбки, угрозы, спокойствия, несмотря даже на очень скупые средства изображения.

2. Младший школьный возраст (7-10 лет).

С началом учёбы в школе меняется вся жизнь ребёнка, направленность деятельности и характер познания окружающего мира и человека. Учебно-познавательная деятельность заполняет практически всю жизнь ребёнка, однако в большей степени она предполагает усвоение научных знаний, выработку понятий. Особое внимание учителя и воспитатели обращают на выработку у ребёнка понятий о полноценном соответствии требованиям, которые ему предъявляет школа. Теперь прежняя свобода дошкольников подвергается резкому ограничению. На учеников возлагается большая ответственность в познании мира, усвоении значимых для общества форм поведения и моральных норм. Жизнь в школе строго регламентируется, и ребёнок под воздействием взрослых приучается к порядку, правильному поведению, ждёт одобрения со стороны учителей, мнение которых становится для него особо значимым.

Слово учителя направляет и изобразительную деятельность, также упорядочивающуюся и подчиняющуюся правилам, которые учитель устанавливает. Подобная формализация школьной жизни приводит к преобладанию в изображениях людей формы над содержанием. Наблюдение, которое ведёт ребёнок за человеком, не направлено на проникновение в его сущность, теряется самостоятельность и тонкость наблю-

дения. И если рисунки дошкольников изображают живых людей со своим внутренним миром, то уже в 8 – 10 лет экспрессия гасится. Взгляд ребёнка как бы скользит по поверхности, при этом значительно возрастает число изображаемых частей лица и точность их воспроизведения, но не возникает стремление понять характер человека, изучить его внутренний мир. По этой причине рисунки младших школьников при всей своей более совершенной реалистичности, учёте связей между частями лица и правильном их расположении становятся более безжизненными и невыразительными.

3. Подростковый возраст (11-15 лет).

Со временем спад интереса к внутренней жизни людей меняется обострённым вниманием к окружающим. Известно, что для подростка ведущей и значимой деятельностью становится общение, его взаимоотношения со сверстниками, что заслоняет все остальные интересы. Это говорит о всё возрастающей склонности к познанию себя, своего внутреннего мира, что невозможно без анализа и сравнения себя с другими. Возникновение же коммуникативных трудностей вместе со стремлением утвердиться в своей среде, получить одобрение у сверстников также подталкивает подростка к самоанализу, изучению окружающих и выработке у себя качеств, которые он считает на данном этапе наиболее важными. В это время происходит поворот от направленности на мир, и наблюдение производится, прежде всего, с целью познания самого себя. Вся жизнь подростка подчинена активной выработке собственного мировоззрения, нравственных убеждений и стремлению к самоопределению со всей энергией и повышенной эмоциональностью молодости. И если младший школьный возраст – это период относительного спокойствия, эмоциональной стабильности, то подростковый характеризуется бурным развитием эмоциональной сферы, повышенной возбудимостью и чувствительностью к внешней среде. Поэтому здесь можно говорить о желании и в рисунке отразить свои наблюдения за человеком, своё понимание его личности и своё к нему отношение. Необходимо добавить, что именно своё мнение, своё понимание и отношение волнует теперь подростка, а не навязанные учителем и общие для всех нормы.

Стоит отметить, что в этот период подростка уже не удовлетворяют его прежние детские способы изображения, он стремится к большей достоверности и правдивости, что создаёт благоприятные условия для овладения им основами профессионального рисования. Однако, когда потребность выразить внутренний мир другого человека не находит удовлетворительных способов осуществления, чаще всего интерес к изобразительной деятельности гаснет.

4. Старший школьный возраст (15-17 лет).

Это заключительный возрастной период, на котором нам хотелось бы пока остановиться. Многие исследователи отмечают, что ранний юношеский и подростковый возраст не отличаются в значительной степени друг от друга: в основном происходит дальнейшее развитие и углубление происходящих в личности подростка изменений. Так, например, уси-

ливается чувство взрослости, что неудивительно, ведь школьники уже стоят на пороге новой, взрослой жизни и вскоре должны будут сделать собственный реальный и осознанный выбор своего дальнейшего пути. Это может объяснить некоторый возросший интерес к учёбе и общению со взрослыми, осмыслению опыта старших. Обратной же стороной этого процесса является то, что острота восприятия сверстников притупляется.

Это отражается и в рисунках старшеклассников, которые не стремятся проникнуть глубоко во внутренний мир окружающих людей, понять личность и сложный комплекс её чувств, мыслей и желаний. Внешность (а не внутренняя жизнь) начинает волновать подростков в этом возрасте, интерес возникает не к тому, что творится в душе, а к тому, как человек выглядит. Отсюда – внешняя «красивость» рисунков, внимание к деталям одежды, украшениям, причёске, вырисовывание ресниц, бровей и губ. В то же время экспрессия, способность передать сущность человека, его эмоциональное состояние теряется.

Итак, мы рассмотрели тот период жизни человека (с 4-5 лет до 17-18 лет), когда в личности происходят кардинальные изменения, закладываются её основы, формируется будущий взрослый самостоятельный человек со своим индивидуальным внутренним миром, своими мыслями и чувствами, мечтами и интересами, со своим особым мировоззрением. И, подводя итоги, мы можем сказать, что восприятие человека человеком изменяется от возраста к возрасту, что, наблюдая окружающих, мы выделяем разные стороны интересующих нас объектов. Изучение портретов при этом является отличным средством диагностики их создателя, позволяющим определить особенности его личности, интересы и уровень развития, что особенно важно для учителей, внимательно следящих за изменениями, происходящими с их воспитанниками. В то же время для самих учеников изображение человека даёт возможность развивать свою наблюдательность, чуткость к окружающим, обогащать себя знаниями, изучая других людей, столь разных, непохожих и по-своему интересных. И это тоже должен взять себе на заметку учитель рисования.

Мы видим, что человека на протяжении жизни не всегда волнует духовный мир того, кого он изображает. Конечно, полное и правдивое изображение человека невозможно без знаний о форме головы, законах строения черепа, мышц, о перспективе и мимических изменениях лица, то есть без всего того, что делает рисунок действительно профессиональным. Но нельзя забывать, что не знания анатомии, не уверенное владение законами перспективы и другими изобразительными средствами делают портрет одухотворённым, полным жизненной силы и притягивающим к себе внимание: только соединение внешнего и внутреннего, формы и содержания даст нам подобные произведения искусства.

Необходимо побуждать учеников внимательно наблюдать за окружающими людьми, научить заинтересованности в другом человеке и, не останавливаясь на их умениях видеть и правильно передавать форму, развивать способность к изображению внутреннего духовного своеобразия, индивидуальных черт личности, учитывая при этом возрастные особенности детей. Главная роль в этом принадлежит учителю, который не должен допускать формализма и поверхностности в рисунках, научив школьника понимать каждого человека, помогая овладеть всем многообразием изобразительных средств и поощряя свободу самовыражения.

Литература

1. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» / М. В. Матюхина, Т. С. Михальчик, Н. Ф. Прокина и др.; Под ред. М. В. Гамезо и др. – М.: Просвещение, 1984. – 256 с.
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 96 с.
3. Лушников Б. В. Рисунок. Портрет: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 144 с.: ил.
4. Фридман Л. М. Психология детей и подростков: справочник для учителей и воспитателей. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2004. – 480 с.

*Л.Н. Шувалова
Н.рук. В.С. Шкляров*

ВОЗМОЖНОСТИ ДЕКОРАТИВНОГО РИСОВАНИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕКТА

Главной задачей академического рисования является достоверность передачи изображаемых объектов на плоскости с помощью линейной перспективы и тональной моделировки объекта.

Основной принцип декоративного рисования – достижение максимальной выразительности, при которой достоверность не является главной задачей.

Декоративная выразительность достигается за счёт использования различных приёмов: штриха, линии, точки как элементов обработки поверхности, различных видов декора, графической стилизации формы и выявления её природных особенностей.

Форма предметов в декоративном рисовании выявляется по тому же принципу, что и в академической (свет–тень), но с меньшей степенью проработки, больше стилизуется.

Композиционный акцент можно сделать на каком-то одном предмете, на группе предметов, выделить их с помощью графических приёмов, а можно выстроить композицию как единый ансамбль без ведущих объектов.

Процесс стилизации объекта приходит одновременно с анализом объекта. Прежде чем создать какое-либо изображение, надо пронаблюдать саму форму объекта, его внешнюю текстуру, детализацию. Процесс анализа позволяет изменить изображаемую форму предмета, увеличить или уменьшить форму, добавить некий элемент для связи объектов.

Следовательно, можно изменить изображение формы предмета с целью выделения его характерных особенностей. Использование линий и декора в этом способе рисования должно быть также направлено на усиление выразительности объекта. Допускаются определённые вольности как в построении композиции, так и при изображении объектов. Можно отказаться от некоторых предметов или, наоборот, при необходимости увеличить их количество.

Наносимый декор может быть достаточно отвлечённого характера, но он не должен вступать в противоречие с формой предметов и объектов. Главное – верно найти масштаб относительно самого объекта и подобрать толщину и направление линий, чтобы декор вошёл в предмет лёгким ажуром, не разрушая его формы.

Виды декора могут быть любые – это дело фантазии автора. Линия контура в изображении объекта может быть любой толщины, но усиливать её нужно постепенно, чтобы она работала на форму и подчёркивала пластику объекта.

Количество видов декора в одном изображении также может быть разнообразным, но для композиционной цельности необходимо каждый мотив повторить хотя бы два раза в различных частях объекта.

При декоративном рисовании важно заботиться о цельности объекта во избежание дробности самой композиции на листе. Важно, чтобы все предметы трактовались в едином стиле.

Смысл графического рисования заключается в том, чтобы найти свой оригинальный ход и способ изображения. Объект должен трансформироваться в сознании художника так, чтобы на листе отображалось всё великолепие пластики линий и декора. Пластика линий должна соответствовать пластике объекта, чтобы не выгладить слишком абстрактной.

Таким образом, декоративное рисование формирует у субъекта воспитания знание орнаментально-пластического изображения, где особое внимание обращается на выявление орнаментальных качеств. Например, листья, насекомые, цветы рисуются в таком ракурсе, так komponуются, чтобы ритмические особенности форм выделялись наиболее полно. Природный причудливый узор и окраска деталей растения могут быть усилен-

ны для наибольшей выразительности силуэта. Отсюда следует, что обобщение натуральной формы может переходить границы узнаваемости реального объекта или оставаться в этих пределах. Оно идет:

- целиком с натуры (орнаментальные зарисовки);
- частично с натуры;
- по памяти.

Можно сказать, что на основании вышесказанного самые необычные образы растений созданы нашей фантазией, опираются на реальные ощущения творческой практики. Успешное использование растительного орнамента целиком зависит от того, насколько свободно художник видит изображение форм.

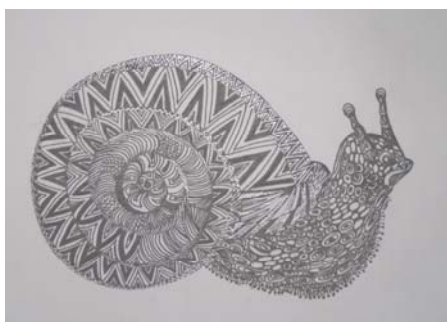
Ритмика форм в растениях всегда выступает в сложных пластических взаимосвязях. Кроме того, они имеют и собственную фактурную поверхность, которая помогает наиболее точно и естественно простилировать объект по его пластическим отношениям.

Таким образом, знакомство с графической техникой и осознанная практика получения пластических, образно-эмоциональных и орнаментальных изображений можно рассматривать как путь к свободному творчеству.

Литература

1. Симонс Г.Н. Рисунок рапидографом. – Мн.: Попурри, 2004. – С. 144.
2. Гильман Р.А. Декоративная композиция. – М.: Владос, 2003. – С. 159.

Приложение I

ТЕХНОЛОГИИ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА

В отечественной и зарубежной специальной педагогике в последние годы значительно возрос интерес к более ранней коррекции отклонений в развитии детей. Нарушение предпосылок формирования речи у детей раннего возраста – это, как правило, следствие поражения центральной нервной системы различного генеза, а также следствие сочетания различных неблагоприятных факторов: биологических, социальных. Раннее выявление различных отклонений в формировании речи позволит начать коррекционную работу на 1-м году жизни ребенка и, таким образом, даст возможность скомпенсировать первичный дефект и предотвратить вторичные отклонения в развитии речи в более позднем возрасте.

Очевидно, что успешность раннего выявления, а следовательно, и ранней коррекции отклонений в развитии у детей, в значительной степени определяется наличием адекватных этой цели методик, их качеством и надежностью.

В настоящее время существует несколько подходов к диагностике речевого развития маленьких детей. Остановимся на описании наиболее популярных из них.

Ю.А. Разенкова разработала содержательную схему логопедического обследования и выявила показатели речевого развития детей раннего возраста. Однако, несмотря на несомненные достоинства данной методики следует отметить, что автором не предлагается процедура обследования коммуникативной функции речи, а именно этот компонент речевой системы является одним из важнейших показателей в становлении речи ребенка раннего возраста.

Логопедическое обследование детей 2-4 лет также было предложено О.Е. Громовой и Г.Н. Соломатиной. Главный принцип данной диагностической методики – обследование фонетической стороны речи. Авторы считают, что патологические нарушения произношения следует отличать от физиологических трудностей, связанных с возрастными особенностями формирования звуковой системы русского языка в онтогенезе.

О.Е. Громовой и Г.Н. Соломатиной при несомненных достоинствах методики, следует отметить, что при обследовании только произносительной стороны речи невозможно делать выводы об уровне речевого развития ребенка. Предложенное логопедическое обследование не дает возможности логопеду наметить конкретные пути коррекционной работы с ребенком, выявить наиболее уязвимые стороны речевой системы и проследить динамику становления всех сторон речи в онтогенезе. Кроме того, предлагаемый авторами Международный фонетический алфавит не получил широкого использования в нашей стране, что затрудняет процедуру диагностики и ее использование практическими логопедами.

С учетом актуальности данной проблемы и недостаточности ее разработанности нами была разработана и апробирована схема логопедического обследования детей от 2 до 2,5 лет.

Теоретическое обоснование предлагаемой диагностики восходит к культурно-исторической концепции психического развития, заложенной Л.С. Выготским и развиваемой в теории ведущей деятельности А.Н. Леонтьева, к концепции генезиса общения ребенка со взрослыми и сверстниками М.И. Лисиной и разработанным схемам логопедического обследования Ю.А. Разенковой.

Нами был разработан алгоритм логопедического обследования, который позволяет произвести полную оценку речевого развития ребенка в максимально короткие сроки, не прибегая к сложным диагностическим процедурам. Также алгоритм позволяет выделить дефектный блок в речевой системе ребенка и направить основные усилия на его исследование. Оценивая вербальный контакт и его качества, мы действуем по направлению алгоритма. Так, например, вербальный контакт проявляется на уровне слова, далее необходимо провести исследование экспрессивной и импрессивной речи по всем предлагаемым параметрам.

Разработанная нами карта логопедического обследования состоит из общей части, которая содержит информацию о ребенке и специальные разделы, посвященные изучению всех сторон речевого развития. Общая часть логопедической карты включает следующие сведения: сбор анамнестических данных (необходимо зафиксировать следующие данные: дату рождения, возраст ребенка; основные сведения о родителях; наличие нервно-психических; хронических соматических заболеваний у родителей; заключения специалистов).

В графе «Особенности перинатального развития» отмечается, как протекали беременность и роды у матери ребенка, описывается состояние ребенка при рождении. При характеристике особенностей раннего развития ребенка указывается, какие заболевания перенес ребенок в первые годы жизни, своевременность развития его двигательных и познавательных функций. Необходимо отметить данные раннего речевого развития: время появления и особенности гуления, лепета, первых слов, а также использование невербальных средств общения.

Важное значение придается тем особенностям перинатального и раннего развития, которые могли или могут повлиять на психофизиологическое развитие ребенка в целом и его речевое развитие в частности.

Содержание карты логопедического обследования включает пять основных разделов: *1 раздел – обследование коммуникативных умений:* инициативность, чувствительность к воздействиям взрослого, потребность в игре, длительность игры, эмоциональное состояние в ходе игры, характер игровых действий, речевая активность во время игры; *2 раздел – исследование импрессивной речи:* понимание конкретных существительных, выполнение действий по речевой инструкции, понимание предлогов и предложно-падежных категорий, понимание форм единственного и

множественного числа существительных, понимание рассказа по сюжетной картинке; *3 раздел – исследование экспрессивной речи*: общая характеристика речи, темпоритмическая организация речи, использование речи для обозначения своих действий, активный словарь, исследование фонетической стороны речи, исследование звуко-слоговой структуры слова, состояние звукопроизношения; *4 раздел – исследование фонематических функций*: различение неречевых звуков, различение речевых звуков, состояние фонематического слуха; *5 раздел – обследование анатомического строения и подвижности органов артикуляции*: обследование мимической мускулатуры, выполнение статических артикуляционных упражнений, выполнение динамических артикуляционных упражнений.

С нашей точки зрения, для реализации наиболее адекватного и эффективного логопедического обследования необходимо опираться на следующие принципы.

1. Принцип индивидуального и дифференцированного подхода может быть сформулирован следующим образом.

Отбор заданий, их формулировка и наполняемость вербальным и невербальным материалом должны соотноситься с уровнем актуального и ближайшего психоречевого развития ребенка, необходимо учитывать основные интересы и пристрастия ребенка, а также специфику его социального окружения и личностного развития.

2. Принцип учета ведущего вида деятельности. При проведении логопедического обследования детей раннего возраста следует помнить, что ведущий вид деятельности у этих детей – игра. Соответственно, задания должны предъявляться ребенку в интересной, игровой форме.

3. Онтогенетический принцип предполагает разработку логопедического обследования с учетом последовательности появления форм и функций речи, а также видов деятельности в онтогенезе.

4. Принцип системности опирается на представление о речи как сложной функциональной системе, структурные компоненты которой находятся в тесном взаимодействии. В связи с этим изучение речи, процесса ее развития предполагает выявление всех нарушенных сторон речевой функциональной системы.

5. Исследование рационально проводить в направлении **«от общего к частному»**. Сначала логопед выявляет проблемы в развитии речи ребенка, а затем эти проблемы рассматриваются пристальнее, подвергаются количественному и качественному анализу. Выявляются механизмы нарушения речи.

6. Внутри каждого вида обследования следует двигаться **«от сложного к простому»**. Это позволяет ребенку закончить каждую пробу успешно, что создает дополнительную положительную мотивацию и положительный эмоциональный настрой, которые в свою очередь позволяют повысить продуктивность и продолжительность обследования. При стандартном подходе каждая проба усложняется по мере обследования ребенка, ребенок обречен в большинстве случаев «упираться» в неуспех. Со

временем у испытуемого возникает чувство негативизма либо ощущение неизбежности ошибки, что в значительной мере провоцирует снижение интереса к предъявляемому материалу и ухудшение демонстрируемых достижений. Также такой подход позволяет сократить время обследования, т.к. если ребенок выполняет сложное задание, то нет необходимости переходить к простому.

7. Принцип учета объема и степени разнообразия материала. Весь предъявляемый материал (вербальный и наглядно-иллюстративный) должен быть «комфортным», он не должен перегружать внимание ребенка, лучше работать на малом объеме и при небольшом разнообразии материала, так как у детей в раннем возрасте рассеянное, неустойчивое внимание.

8. Принцип учета эмоциональной стороны материала. Необходимо, чтобы весь предлагаемый материал создавал благоприятный фон и стимулировал положительные эмоции у ребенка.

Таким образом, все вышеперечисленные принципы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Следует отметить, что значительные трудности были выявлены при определении критериев оценки речевого развития детей раннего возраста.

Мы предлагаем трехбалльную систему оценки, которая является традиционной и легко подвергается статистическому анализу.

Для наглядной оценки мы разработали профиль речевого развития ребенка 2 – 2,5 лет, в котором на шкале абсцисс были отмечены баллы от 0 – 3, а по оси ординат расположены параметры логопедического обследования.

Профиль речевого развития ребенка позволяет оценить не только уровень развития компонентов речевой системы, но и проследить эффективность применяемой коррекционно-развивающей работы.

*Н.Л. Зубенко
Н.рук. Т.А. Алтухова*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА

Принятая Правительством Российской Федерации Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года в качестве одной из приоритетных задач выдвигает необходимость развития социальной компетентности детей и подростков, навыков общения с окружающими.

Общение рассматривается в психологии как сложный и многогранный феномен жизнедеятельности человека, выступающий одновременно как про-

цесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностью в совместной деятельности; процесс взаимодействия людей; информационный процесс; существенный фактор процесса социальной детерминации человека, стимулятор развития личности; процесс взаимовлияния людей друг на друга; сопереживания и взаимопонимания людей (В.Н. Панферов, Б.Ф. Бодалев, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя и др.).

В структуре общения Г.М. Андреева выделяет три взаимосвязанные, проявляющиеся одновременно, стороны: коммуникативную, интерактивную, перцептивную.

Перцептивная сторона общения заключается в адекватном восприятии человеком себя, других; в умении проникнуть во внутренний мир партнера по общению, почувствовать его психическое состояние в каждый момент; в понимании и оценке партнерами друг друга с помощью психологических механизмов (сравнение, идентификация, рефлексия, эмпатия, аттракция и др.).

Полноценная реализация перцептивной стороны общения предполагает сформированность у субъектов высокого уровня социально-перцептивной компетентности, которая предполагает владение такими средствами общения, как лингвистическими (в частности, эмоционально-экспрессивной лексикой); оптико-кинетическими (жестами, мимикой, пантомимикой); паралингвистическими (интонационными средствами выразительности речи). Данные коммуникативные умения формируются в ходе разнообразной социальной практики личности, а также в ходе специальной подготовки к общению.

Анализ литературы показал, что у детей, воспитывающихся в условиях детского дома, недостаточно изучена социально-перцептивная компетентность. Поэтому целью нашего исследования стало выявление особенностей социально-перцептивной стороны общения детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в условиях детского дома. В эксперименте приняли участие учащиеся 3-х классов Прохоровского православного детского дома (8 человек), детского дома поселка Северный (6 человек) и массовой школы № 49 г. Белгорода (6 человек).

Перед нами стояли следующие задачи:

1. Изучить особенности использования младшими школьниками оптико-кинетических средств общения.
2. Изучить особенности использования паралингвистических средств общения.
3. Изучить состояние эмоционально-экспрессивной лексики.
4. Сравнить полученные результаты у детей, воспитывающихся в различных социально-психологических условиях.

В ходе эксперимента учащимся предлагались следующие задания:

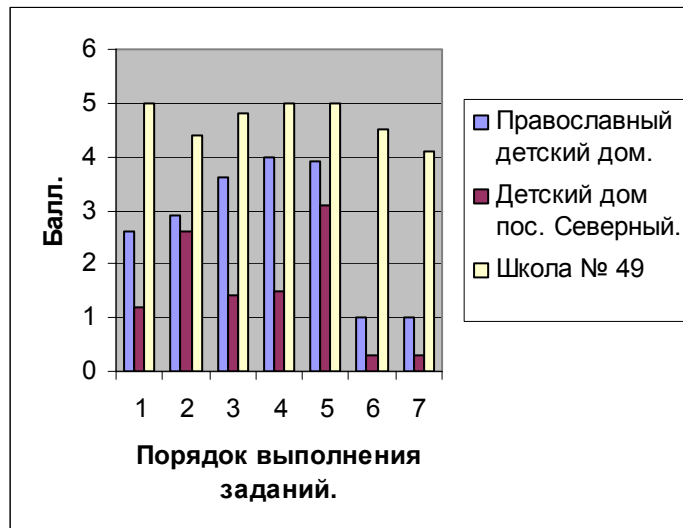
1. Описать такие эмоциональные состояния, как радость, гнев, страх, удивление, презрение, страдание. Данное задание предполагало выявление понимания детьми терминов, а также изучение осознания ими этих эмоций.
2. Отдифференцировать различные эмоции людей на фотографиях.

3. Назвать изображенные на фотографиях эмоции.
4. Показать по указанию экспериментатора соответствующие эмоции на фотографиях.
5. Соотнести изображенную на рисунке позу человека, находящегося в определенном эмоциональном состоянии, с соответствующим понятием.
6. Определить на слух, ориентируясь на интонационные средства выразительности речи, какое эмоциональное состояние испытывает человек, говоря ту или иную фразу.
7. Подобрать синонимы и антонимы к понятиям, обозначающим эмоции.

Работа с детьми проводилась индивидуально.

Каждое выполненное ребенком задание оценивалось по пятибалльной системе: 1 балл – низкий уровень; 2 балла – уровень ниже среднего; 3 балла – средний уровень; 4 балла – выше среднего; 5 баллов – высокий уровень.

Результаты эксперимента наглядно представлены на гистограмме. Из нее видно, что у детей из общеобразовательной школы уровень выполнения предложенных заданий составил высокий показатель и выше среднего. Уровень выполнения заданий детей из православного детского дома составил от 1-го до 4-х баллов. А воспитанники детского дома поселка Северный справились с заданиями на уровне ниже среднего.

Наше исследование показало, что дети экспериментальной группы пос. Прохоровка имеют дифференцированное представление об эмоциях. Действия, которые испытуемые связывали с определенным эмоциональным состоянием, были во всех случаях адекватны переживанию. Обследованные младшие школьники в 75% случаев давали развернутые и подробные ответы, что является показателем достаточной степени осознанности своих эмоциональных переживаний. Но некоторые ответы были специфичны и соответствовали отражению депривации, которой подвергались дети.

Анализ позволил выявить некоторые особенности:

- у младших школьников из детского дома наименьшие трудности возникли при объяснении понятия «радость»;
- наибольшие затруднения возникли у обследованных при объяснении понятий «удивление», «страдание»;
- понятие «презрение» не объяснил никто.

Ответы детей общеобразовательной школы № 49 отличались от ответов детей из Прохоровского детского дома. Дети давали наиболее развернутые и правильные ответы, приводили примеры, подбирали синонимы к предложенным терминам, например, «радость – почти то же, что и счастье».

Определения предложенных эмоций детей из детского дома пос. Северный ситуативны и касаются только эмоциональных состояний, таких как радость, страх. Остальные эмоции дети не объяснили.

При определении эмоциональных состояний понятие «радость» не вызвало затруднений в 100% случаев; «страх» – 12,5% не справились с заданием; «удивление» – 12,5% не справились, 12,5% выполнили неверно; понятия «страдание», «презрение» и «гнев» вызывали наибольшие трудности.

Из этого следует сделать вывод о том, что дети младшего школьного возраста из Прохоровского детского дома недостаточно дифференцируют эмоциональные состояния на лицах других людей. У детей общеобразовательной школы показатель достиг 100%, а у детей из детского дома пос. Северный не достиг и 2-х баллов.

Анализ результатов при прослушивании записи на кассетной пленке показал, что эмоциональные состояния другого человека на слух не воспринимались вообще. Лишь при утрированном повторении фразы, в комплексе с эмоциями, дети давали ответы. Еще хуже обстоит дело с младшими школьниками из пос. Северный. Показатель детей из общеобразовательной школы практически достиг пятибалльного уровня.

Необходимо отметить, что при подборе синонимов к словам «радость» и «грусть» успешность выполнения самая высокая, к лексеме «гнев» – низкая, к слову «презрение» синонимов не подобрали. Детям, которые вообще не могли справиться с заданием, нами были предложены слова-альтернативы для подбора синонимов и антонимов к данной лексеме. Но и это не дало результатов. Например, к слову радость были выбраны так называемые «синонимы» весельчак и веселиться. К антонимам дети относили «страх», а к «удивлению» был подобран синоним «восторг» и антоним «гордый». К «страху» из «боязни» и «боязливый» ребенок подобрал второй вариант.

Качественный анализ результатов позволил определить, что установление детьми синонимических и антонимических отношений было затруднено. При подборе синонимов нами отмечен ряд особенностей:

- использовали при образовании синонимов присоединение частицы «не» (например, грусть – «не радость», «невеселый», «нехороший»; радость – «не грусть»);
- производили смысловые замены: радость – «зло»; удивление – «веселье»; восторг – «гордый»;

- давали эмоциональную оценку слову – стимулу: радость – «хорошо».

Более сложная ситуация у детей, воспитывающихся в условиях детского дома пос. Северный.

Например, к «удивлению» были подобраны синонимы «в шоке» и «человек удивляется». Синонимы к «гневу» были следующие: «когда к кому-то ревнуешь», «зло». К слову «радость» – «радостно», «веселый», «веселье». А синонимом к «страданию» оказался «скучный человек».

Качественный и количественный анализ результатов показал, что эмоциональная лексика, восприятие и понимание эмоциональных состояний человека по интонационной характеристике голоса, по фотографиям и картинкам у детей из детского дома сформирована в недостаточной мере в отличие от младших школьников, воспитывающихся в семье. Несмотря на то, что в православном детском доме создаются оптимальные условия для воспитывающихся в нем детей, результаты несколько отличаются от результатов школьников из общеобразовательной школы. Это обусловлено рядом факторов, влияющих на развитие:

- жесткой регламентацией жизни;
- ограниченностью контактов;
- недостаточностью коммуникативных связей;
- неблагоприятным жизненным опытом в прошлом.

Для них характерна однотипность построения фраз, невыразительность и скудность эмоциональной лексики, многочисленные специфические ошибки в установлении синонимических отношений; смешивание различных эмоций, затруднения в адекватности выражения эмоционально-смыслового содержания высказывания, передаче мимическими средствами; характерен высокий уровень тревожности, который указывает на недостаточную приспособленность к жизненным ситуациям и их эмоциональную оценку.

Специфические затруднения в общении детей-сирот указывают на необходимость разработки специального коррекционного воздействия, в результате которого следует преодолеть недостаточность социально-перцептивного опыта детей, восполнить и расширить представления детей о социальных взаимосвязях окружающего мира.

Литература

1. Бардышевская И.О. Развитие привязанностей у эмоционально депривированных детей // Дефектология. – 2006. – №1. – С. 28.
2. Власенко И.Т. Особенности словесного мышления взрослых и детей с нарушениями речи. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
3. Кондратенко И.Ю. Выявление и преодоление речевых нарушений в дошкольном возрасте. – М.: Айрис пресс, 2005. – 224 с.
4. Шевченко Н.Б. Особенности восприятия и понимания эмоциональных состояний человека под влиянием интонационных установок и их коррекция у умственно отсталых школьников: автореф. дис. ... – Екатеринбург: УрГПУ, 1999. – 22 с.

ТЕХНОЛОГИЯ СКРИНИНГОВОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ФОНАТОРНОЙ ФУНКЦИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Голос играет важную роль в развитии ребенка, в формировании его как личности, общении со сверстниками и взрослыми. Нарушение голоса может являться как симптомом в структуре сложного речевого дефекта, так и выступать единственным, самостоятельным нарушением. Расстройство функции голосообразования может влиять на развитие речи, нервно-психическое состояние, оказывает существенное влияние на коммуникативную функцию, так как снижает разборчивость и внятность речи, вызывая затруднения ее восприятия окружающими.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что максимальное число нарушений голоса выявляется у детей от 5 до 8 лет. Причем фонаторные расстройства преобладают у дошкольников, посещающих детские сады, и практически не отмечаются у детей, воспитывающихся в семье.

Данные о распространенности голосовых расстройств в структуре речевых нарушений у воспитанников дошкольных образовательных учреждений г. Белгорода свидетельствуют о том, что из 100% (11352 ребенка, посещающих детский сад) 30% (3457 детей) имеют различные варианты патологических проявлений в функционировании фонаторного аппарата, встречающиеся в структуре таких нарушений, как: дислалия, ринолалия, дизартрия, общее недоразвитие речи, заикание. Из них 11% (1295 детей) получают специализированную помощь. Представленные данные не позволяют оценить качественную структуру фонаторных расстройств. Данное обстоятельство повышает актуальность разработки технологии скринингового педагогического обследования фонаторной функции у дошкольников с целью выявления качественных и количественных характеристик голосовой функции и раннего предупреждения ее нарушений.

Исследование особенностей функционирования голосового аппарата дошкольников проводилось на базе детского сада №45 г. Белгорода. Для проведения исследования была сформирована группа из 30 детей логопедических групп в возрасте от 4 до 7 лет.

Для выявления состояния голосовой функции у детей, посещающих детский сад, нами был предложен и использован метод количественно-качественного анализа голосовой функции, который включает в себя 4 блока:

1. Изучение голосообразования:

1.1. Голосовая атака – способ подачи звука. Выделяют мягкую (способ подачи звука, при котором выдох и смыкание голосовых складок происходят одновременно), твердую (способ подачи звука, при котором сначала смыкаются голосовые складки, а затем осуществляется выдох) и придыхательную (способ подачи звука, при котором сначала происходит легкий вы-

дох, а затем смыкаются голосовые складки и начинаются их колебания) голосовые атаки. Изучение голосовой атаки проводилось на основе метода наблюдения за ребенком, а также путем анализа фонации звука [а].

По результатам обследования было выявлено, что у 67% детей преобладает мягкая голосовая атака, у 30% наблюдается твердая, у 3% – придыхательная.

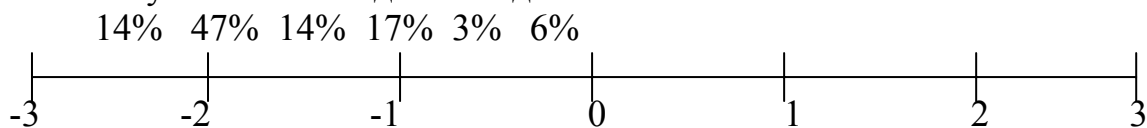
1.2. Высота голоса – это допустимое расширение звуковых возможностей голоса, развитие диапазона вверх и вниз. Изучение проводилось методом наблюдения за детьми на музыкальных занятиях, занятиях физической культурой и в игровой деятельности. Во время наблюдения отмечалось, соответствует ли высота голоса конституции ребенка.

Результаты обследования показали, что высота голоса у 50% дошкольников соответствует конституции, у 50% – не соответствует.

1.3. Диапазон голоса – это совокупность звуков разной высоты, доступных данному голосу. Для изучения использовалась дидактическая игра «Где чья мама?». Детям предлагалось имитировать голоса животных: мамы и ее детеныша, изменяя при этом высоту и силу голоса.

Для фиксации результатов применялись специально разработанные графические схемы, где 0 – норма, - 1; -2; -3 – степень снижения качества указанного параметра, 1; 2; 3 – степень увеличения качества указанного параметра.

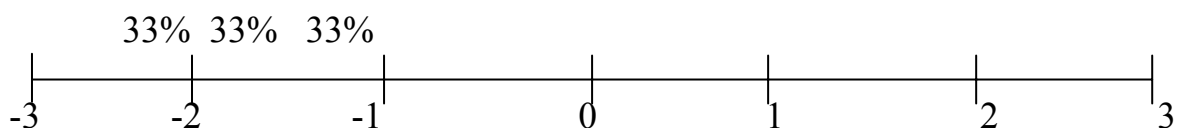
Результаты обследования диапазона голоса:

1.4. Признаки перенапряжения голосового аппарата. Исследования проводились путем выявления наличия перенапряжения голоса, понимаемого как неправильное использование голоса. Формами перенапряжения голоса являются крик, визг, напряженная вокализация, чрезмерная разговорчивость, вокализация на выдохе, взрывная вокализация, твердая голосовая атака, частое откашливание и разговор в шумной обстановке.

Для выявления наличия перенапряжения голоса использовался метод пальпации: палец помещается над гортанью, и ребенок производит глотательное движение. При нормальной работе наружных мышц гортани происходит ее движение вверх. После этого, держа палец на том же месте, ребенок произносит звук [а]. Мышечное движение или поднятие гортани, как при глотании, свидетельствует о чрезмерном участии наружных мышц гортани в голосообразовании и о том, что голосовые складки сближаются с большим усилием, чем могут выдержать мышцы.

Результаты обследования признаков перенапряжения голосового аппарата:

1.5. Длительность голоса – это время существования цикла колебания голосовых складок. Длительность голоса изучалась путем измерения максимального времени фонации. Ребенку следует сделать глубокий вдох и произносить протяжный звук [а] с комфортной громкостью как можно дольше. Производилось 4 измерения МВФ, учитывался наибольший результат. В норме МВФ у дошкольников в среднем составляет от 8 секунд в 3 года до 12 секунд в 7 лет.

Средний арифметический показатель максимального времени фонации у обследуемых дошкольников составил – 9,7 с, что соответствует возрастной норме, однако у 63% отмечается низкий показатель МВФ.

1.6. Оценка активности голосовых складок. Ее исследование проводилось на основе метода наблюдения, изучения дыхательной опоры и определений коэффициента с/з, который является индикатором нарушения функций гортани при поражении краев голосовых складок. Для изучения коэффициента с/з с помощью секундомера измеряется МВФ звуков [с] и [з]. Ребенок делает глубокий вдох и произносит эти звуки как можно дольше на комфортном тоне и громкости. Каждую фонему ребенок произносит 4 раза. Выбирается наибольший результат, и время произнесения звука [с] делится на время произнесения звука [з]. В норме соотношения с/з приближается к 1. Повышение (до 1,4) или понижение (до 0,6) коэффициента с/з свидетельствует об органических нарушениях в строении голосового аппарата.

Средний арифметический показатель коэффициента с/з у всех обследуемых дошкольников – 0,9: у 8 девочек – 0,8, у 22 мальчиков – 1,3.

2. Изучение голосооформления:

Резонанс – это явление, возникающее в полостях, имеющих упругие стенки. Выделяется оптимальный баланс ротового и носового резонанса, гипоназальность (пониженное вовлечение в резонирование носового резонанса), гиперназальность (повышенное вовлечение в резонирование носового резонанса) и тупиковый резонанс, возникающий, когда воздушная струя ударяется о стенку глотки и не поступает в носовую полость. Изучение резонанса проводилось на основе метода наблюдения за ребенком, а также при повторении ребенком текста «Зоопарк», предложенного Вильсоном.

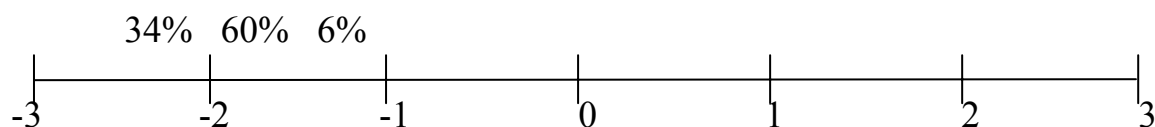
По результатам обследования было выявлено, что у 57% детей выявлен оптимальный баланс ротового и носового резонанса, у 43% – гиперназальность.

3. Изучение энергетического компонента голосообразования:

3.1. Выносливость голоса – это способность голосового аппарата выполнять нагрузку в течение длительного времени (не менее 4 часов в день) без ухудшения акустических параметров голоса.

Определение выносливости голоса основывалось на результатах динамического наблюдения за детьми в начале и конце дня, во время музыкальных занятий. Также проводилась беседа с музыкальным работником, воспитателем и логопедом.

Результаты обследования выносливости голоса:

3.2. Длительность неозвученного выдоха. Ее изучение проводилось следующим образом: ребенок делает глубокий вдох и как можно дольше выдыхает. Делается 4 измерения длительности неозвученного выдоха, и фиксируется максимальный результат.

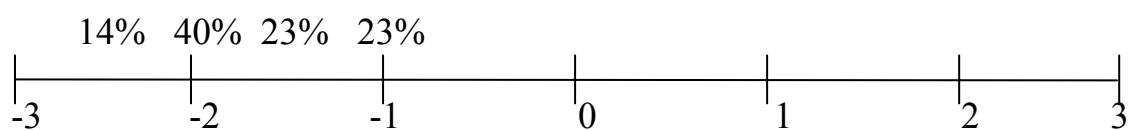
Длительность неозвученного выдоха в среднем у всех обследуемых дошкольников составила 4,17 секунд: у девочек – 4,025 (в норме 9), у мальчиков – 4,2 (в норме 8).

3.3. Тип дыхания. Выделяются следующие типы дыхания: брюшной, ключичный, диафрагмальный и смешанный. Типы дыхания определялись при фонационном и физиологическом дыхании.

4. Изучение разборчивости речи.

Разборчивость речи – это воспринимаемость речи как отношение правильно воспринятых звуков ко всему предложенному звуковому материалу. Для ее определения проводилось обследование звукопроизношения, беседа с логопедом, а также использовался метод наблюдения.

Результаты обследования разборчивости речи:

Результаты исследования показывают, что различные варианты патологических проявлений в функционировании фонаторного аппарата выявлены у большинства обследованных детей дошкольного возраста. Из них 53% можно отнести к группе риска по возникновению голосовых расстройств, а у 47% отмечаются признаки стойких функциональных расстройств голоса.

Такая процедура обследования голосового аппарата дошкольников доступна и может применяться логопедами, воспитателями в ДОУ.

В предложенной нами технологии обследования можно выделить следующие «плюсы» и «минусы»:

К «плюсам» относятся:

- возможность оценивания большого количества детей в узком временном промежутке, на одного ребенка отводится 20-30 минут;
- не используется сложное техническое оборудование (не исключается использование аудиозаписи);
- доступность и легкость оценивания педагогами, не имеющими специального образования;
- процедура исследования не ограничивает активность ребенка и соответствует возрастным особенностям.

«Минусом» является субъективность оценки некоторых показателей.

Литература

1. Алмазова Е.С. Логопедическая работа по восстановлению голоса у детей: учеб. пособие для студ. дефектолог. фак-тов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1973. – 151 с.: ил.
2. Василенко Ю.С. Голос. Фониатрические аспекты. – М.: Энергоиздат, 2002. – 480 с.
3. Вильсон Д.К. Нарушение голоса у детей; пер. с англ. – М.: Медицина, 1990. – 448 с.: ил.
4. Выявление и преодоление речевых нарушений в дошкольном возрасте: Методическое пособие / Сост. И.Ю. Кондратенко. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 224 с.
5. Ермакова И.И. Коррекция речи и голоса у детей и подростков: кн. для логопеда. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение: АО «Учеб. лит.», 1996. – 143 с.
6. Лямина М. Г. Развитие речи ребенка раннего возраста: метод. пособие. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 96 с.
7. Максимов И. Фониатрия: пер. с болгарского В. Д. Сухарева – М.: Медицина, 1987. – 288 с.: ил.
8. Орлова О.С. Нарушения голоса у детей: учеб.- метод. пособие. – М.: АТС: Астрель: Транзиткнига, 2005. – 128 с.
9. Ребенок. Раннее выявление отклонений в развитии речи и их преодоление / под ред. Ю.Ф. Гаркуши. – М.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. – 256 с.
10. Таптапова С.Л. Коррекционно-логопедическая работа при нарушении голоса: кн. для логопеда. – М.: Просвещение, 1984. – 112с.: ил.

*А. Нехорошева
Н. рук. В.В. Гребнева*

ИССЛЕДОВАНИЕ СУИЦИДАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Существуют проблемы, которые приковывают к себе внимание исследователей не только через осознание их объективной значимости и актуальности, но и благодаря их непосредственному отношению к сфере человековедения. К числу таких проблем, захватывающих глубокие основы личностного бытия, относится проблема самоубийства.

Психология суицидентов очень давно интересовала психиатров, социальных психологов, патопсихологов и социологов.

Первым исследователем, заложившим краеугольный камень в здание современной суицидологии, был французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858-1917). В фундаментальном исследовании «Самоубийство» он утверждал, что суицидальное поведение следует объяснять, учитывая внешние обстоятельства, прежде всего особенности общества. Его идеи широко пропагандировались известным Питиримом Сорокиным в самый разгар очередной эпидемии самоубийств в стране (1910 – 1914).

В начале 20 в. суицидальное поведение стало пристально изучаться представителями психоанализа, такими как Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер, Карл Меннинир, Карл Густав Юнг, Карен Хорни, Гарри Стек Салливен, представителями гуманистической психологии (Р. Мей, К. Роджерс и др.).

Эдвин Шнейдман внес огромный вклад в суицидологию, впервые описав признаки, свидетельствующие о приближении возможности самоубийства.

И все же, что такое самоубийство? Разные авторы трактуют его по-разному. Разобрав несколько версий, мы остановились на определении, выведенном Эмилем Дюркгеймом, пришедшему после определения изученной им группы факторов к выводу, что самоубийством называется всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах.

Все суициды делятся на три группы: истинные, скрытые и демонстративные.

Истинный суицид никогда не бывает спонтанным (хоть иногда и выглядит довольно неожиданным). Такому суициду всегда предшествует угнетенное настроение, депрессивное состояние или просто мысли об уходе из жизни.

Но основная часть суицидов – это не что иное, как попытка вести диалог, только, разумеется, вот таким своеобразным и совершенно непригодным для этого методом. Большинство самоубийц, как правило, хотели вовсе не умереть, а только достучаться до кого-то, обратить внимание на свои проблемы, позвать на помощь. Это явление психиатры называют демонстративным суицидом.

Демонстративный суицид иногда проявляется и как способ своеобразного шантажа. Мол, «сделай то-то и то-то, или я застрелюсь, повешусь, брошусь под поезд». Но беда практически всех суицидентов в том, что они точно так же глухи к окружающим, как окружающие к ним. Поэтому – то чаще всего и не получается конструктивного диалога.

Скрытый суицид – удел тех, кто понимает, что самоубийство не самый достойный путь решения проблемы, но, тем не менее, другого пути они опять же найти не могут. Такие люди выбирают не открытый уход из жизни «по собственному желанию», а так называемое «суицидально обусловленное поведение». Это и рискованная езда на автомобиле, и занятия экстремальными видами спорта или опасным бизнесом, и добровольные поездки в горячие точки, и даже алкогольная или наркотическая зависимость.

В современном сознании самоубийство продолжает оставаться загадкой, не имеющей решения, одним из ликов непостижимости. Однако многолетние исследования особенностей различных групп людей, думающих о самоубийстве, выявили факторы риска, которые должны быть установлены для тех, у кого отмечается предрасположенность к суициду. Наиболее распространенными принято считать:

1. Предшествующие попытки к самоубийству.
2. Суицидальные угрозы.
3. Суициды в семье.
4. Отсутствие отца в раннем детстве и другие.

Кроме того, следующие группы населения должны считаться имеющими наибольший суицидальный риск:

1. Молодежь с нарушением межличностных отношений.
2. Гомосексуалисты.
3. Заключенные в тюрьмах.
4. Ветераны войны во Вьетнаме.

Что же толкает всех этих людей на совершение самоубийства? Необходимо подчеркнуть, что не существует какой-либо одной причины, по которой человек лишает себя жизни.

Но знание уже выявленных факторов необходимо для оценки риска суицидального поведения.

1. Социально-демографические факторы:

- пол;
- возраст;
- семейное положение;
- образование и социальный статус.

2. Медицинские факторы:

- психическая патология;
- соматическая патология.

3. Биографические факторы:

- суицидальные мысли, намерения, попытки в прошлом;
- суицидальное поведение в семье.

Некоторые авторы предлагают также учитывать следующие факторы самоубийства:

Внешние обстоятельства:

- насколько суицидент был изолирован во время попытки;
- насколько вероятным было вмешательство в суицидальное поведение со стороны других людей.

Внутренние установки:

- верил ли суицидент в то, что действительно убьет себя;
- говорил ли он, что хочет умереть.

Совершение человеком ранее попытки к самоубийству является мощным предиктором последующего завершенного суицида.

Исследуя проблему суицида, особое внимание следует уделить такому явлению, как аутоагрессия. Аутоагрессия – это агрессия, направленная на себя, которая проявляется в демонстративных суицидальных попытках и истинном суициде, что является ее крайней формой.

В структуре аутоагрессивности личности выделяют следующие субблоки:

- 1) характерологический субблок;
- 2) самооценочный;
- 3) интерактивный;
- 4) социально-перцептивный.

Эта проблема интересна и важна для нас тем, что, во-первых, она мало изучена и, во-вторых, имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования. Известны случаи, когда подростки с ярко выраженной аутоагрессией через некоторое время кончали жизнь самоубийством.

Поэтому мы считаем, что большое внимание должно быть уделено аутоагрессии, как знаку, предупреждающему о намерениях человека.

Как же мы можем помочь человеку с суицидальными тенденциями?

1. Необходимо подбирать ключи к разгадке суицида.
2. Примите суицидента как личность. Допустите возможность, что человек действительно является суицидальной личностью.
3. Установите заботливые взаимоотношения.
4. Будьте внимательными слушателями.
5. Не спорьте.
6. Задавайте вопросы. Лучший способ вмешаться в кризис – это заботливо задать прямой вопрос: «Ты думаешь о самоубийстве?». Он не приведет к подобной мысли, если у человека ее не было.
7. Оцените степень риска самоубийства.
8. Не оставляйте человека одного в ситуации высокого суицидального риска.
9. Обратитесь за помощью к специалистам.
10. Важность сохранения заботы и поддержки. Если критическая ситуация и миновала, то специалисты или семьи не могут позволить себе расслабиться. Ситуация не разрешится до тех пор, пока суицидальный человек не адаптируется в жизни.

На основании теоретического анализа, с целью пилотажного исследования проблемы, нами были разработаны опросники «Суицидальные наклонности личности», «Склонность личности к аутоагрессии».

Результаты опросника «Суицидальные наклонности личности» показали, что у 73,3% испытуемых суицидальные наклонности не выявлены, 5,3% испытуемых имеют наклонности к истинному суициду, 18,4% – к скрытому суициду. Не менее важной проблемой является проблема аутоагрессии молодых людей.

В результате применения опросника «Склонность личности к аутоагрессии», наблюдений и бесед со студентами было установлено, что исследуемое явление достаточно распространено среди студенческой молодежи, проявляется в различных формах: от прямой аутоагрессии до чрезмерного увлечения «тату», пирсингом и т.п.

Результаты исследования суицидальной направленности студентов БелГУ

№	Название опросника	Вид суицида	Всего опрошено	Кол-во студентов в %	Кол-во студентов
1	«Суицидные наклонности личности»	скрытый	38	18.4%	7
		истинный	38	5.3%	2
		демонстративный	38	2.6%	1
		не выявлено	38	73.3%	28
2	«Склонность личности к аутоагрессии»		38	9.8%	4

Выявленные факты говорят об актуальности исследуемой проблемы и необходимости разработки специальной программы по профилактике и коррекции суицидальной направленности.

*А.В. Абросимова,
А.Н. Буракова, В.В. Демченко
Н. рук. Л.В. Годовникова*

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА К ИНТЕГРИРОВАННОМУ ОБУЧЕНИЮ

В настоящее время идея интегрированного обучения широко обсуждается специалистами на страницах психолого-педагогической печати, а также на местах сотрудниками специальных и общеобразовательных учебных заведений.

Интеграция в широком смысле понимается как предоставление права и возможности человеку с нарушениями в психическом и физическом развитии участия во всех видах социальной жизни, в том числе и образовании, наравне с остальными членами общества.

Совместное обучение обычных и нетипичных детей уже практикуется в ряде школ России, встречается интеграция и в нашем городе и области. Нами проведено исследование отношения к интегрированному обучению студентов-выпускников различных факультетов Белгородского государственного университета: социально-психологического, физико-математического, геолого-географического, биолого-химического и филологического.

Таблица 1

Количественная характеристика респондентов

Факультет БелГУ	Количество (человек)
Социально-психологический	8
Филологический	46
Геолого-географический	36
Биолого-химический	34
Физико-математический	47
Всего	171

В табл. 2 приводится распределение мнений студентов в зависимости от их отношения к возможности совместного обучения обычных и нетипичных детей.

**Отношение студентов
к интегрированному обучению**

Факультет	Отношение к интегрированному обучению (%)		
	положительное	отрицательное	неоднозначное
Социально-психологический		0.6	4.1
Филологический	12.3	9.9	4.1
Геолого-географический	9.9	5.8	5.3
Биолого-химический	7	5.3	6.4
Физико-математический	12.9	6.4	8.1
Всего	42.1	28	28
Без ответа	1.8		

42% из числа опрошенных студентов положительно относятся к возможности обучения обычных детей вместе с учащимися, имеющими нарушения развития, в равной степени распределились мнения между отрицательным и неоднозначным отношением к интеграции. Своё мнение опрошенные аргументировали множеством причин, причем в большинстве случаев упоминались такие как недостаточная подготовка педагогов массовых школ для работы с нетипичными детьми, психологическая несовместимость некоторых групп детей, сложность совместного обучения.

Респондентам был предложен для выбора также перечень педагогических условий, необходимых для повышения эффективности работы с нетипичными детьми. Многие студенты внесли свои предложения по созданию оптимальных условий интеграции.

**Педагогические условия,
необходимые для работы с нетипичными детьми**

Педагогические условия	Процент студентов, считающих данное условие необходимым в работе с нетипичным ребёнком
Включение в коррекционный процесс ближнего окружения	29.3
Повышение психолого-педагогической грамотности учителей и родителей	43.2
Принятие индивидуальности учащихся с нарушениями в развитии	35.7
Личностное доверительное общение педагогов и детей	23.4
Эмоциональный комфорт школьников	39.2
Создание у учащихся позитивной установки на участие в коррекционном процессе	24.6
Учет личного жизненного опыта школьников	11.1
Обеспечение успеха учащихся	16.4
Организация оптимального общения обычных и нетипичных учащихся	25.1

Развитие интереса учащихся к своим способностям и возможностям	38.6
Поддержка учащихся в субъективно трудных ситуациях	25.1
Сотрудничество педагогов со специалистами-смежниками из специальных школ	17.5
Активная работа психолого-медико-педагогического консилиума	24
Другие:	10.5
Психологическое сопровождение	
Создание центров для организации работы с детьми	
Отдельные условия обучения	
Наличие в школе квалифицированных специалистов	
Совместная работа в классе	
Сотрудничество педагогов и родителей	
Занятия по определенной программе, дифференцированные задания некоторым учащимся	
Индивидуальная работа с учащимися	
Создание специальных классов	
Щадящий режим	

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что наиболее необходимым педагогическим условием коррекционно-развивающей работы с нетипичным ребёнком студенты считают развитие интереса учащихся к своим способностям и возможностям, эмоциональный комфорт школьников и повышение психолого-педагогической грамотности учителей и родителей, так как знание особенностей работы с такими детьми повышает уровень её эффективности.

Оценка качества коррекционно-развивающей работы с нетипичными детьми, по мнению студентов, должна проводиться по следующим параметрам (см. табл. 4).

Таблица 4

Оценка показателей эффективности коррекционной работы с нетипичным ребёнком

Показатели эффективности коррекционно-развивающей работы	Процент студентов, отметивших данный вариант
Успеваемость, учебная активность	47.4
Уровень развития после КРР (психологический и социальный)	31.8
Изменения при повторной диагностике, положительная динамика устранения дефекта (если это возможно)	16.4
Физическое состояние	2.3
Психологический и эмоциональный комфорт, уверенность в себе	34.5
Хорошее настроение	6.4
Тестирование и контрольные занятия	3.6
Без мнения	3.7

Необходимым условием оптимальной адаптации нетипичного ребенка в общеобразовательном заведении является связь родителей со школой, поэтому в ходе исследования нас интересовал аспект организации взаимодействия специалистов массовой школы с родителями нетипичных учащихся. В табл. 5 приведены ответы студентов на вопрос о формах организации взаимодействия с родителями нетипичных учащихся.

Таблица 5

Оценка форм организации взаимодействия с родителями нетипичных учащихся

Формы работы с родителями	Процент студентов, отметивших данную форму работы с родителями
Повышение психолого-педагогической грамотности родителей	94.7
Консультирование у специалистов	38
Объединение родителей с исходными проблемами	2.9
Работа родителей и ребёнка	7
Посещение на дому	4.7
Родительские собрания	7
Анкетирование, тестирование	1.7
Без ответа	1.7

Наиболее эффективной формой работы с родителями нетипичных детей, по мнению опрошенных студентов БелГУ, является повышение психолого-педагогической грамотности родителей (индивидуальные беседы, информирование по интересующим их вопросам, психологическая коррекция эмоционального состояния, обучение навыкам взаимодействия и самостоятельной коррекции нарушений ребенка).

В коррекционной работе с данной категорией детей может применяться множество методов и приёмов, в процессе нашего опроса студенты выделили наиболее необходимые.

Таблица 6

Оценка методов и приёмов работы с нетипичным ребёнком

Методы и приёмы	Процент студентов отметивших данный вариант
Наблюдение, эксперимент, консультации, лекции, беседы, тренинги	29.8
Семейная терапия	5.8
Индивидуальная работа	45.6
Групповая работа	9.3
Коррекционные занятия (игры, труд, танцы)	24.3
Создание специальных программ и классов	10.5
Метод коррекции учебных навыков, коррекционно-воспитательная работа	16.4

Использование наглядного материала	2.3
Поддержка в субъективно трудных ситуациях	2.3
Психолого-медико-педагогический консилиум	4.6
Взаимопонимание	1.8
Повышение уровня квалификации педагогов	0.6
Адаптация детей в обществе	1.1
Без ответа	0.6

Исследование показало, что из множества перечисленных методов и приемов работы с детьми наиболее актуальными являются:

- индивидуальная работа (45,6 %);
- наблюдение, эксперимент, консультации, лекции, беседы, тренинги (29,8 %);
- коррекционные занятия (игры, труд, танцы) (24,3%).

Безусловно, коррекционные занятия не являются работой одного специалиста, так как необходим комплексный подход к данной проблеме, требующий знаний в области педагогики, психологии, медицины, философии, причем набор этих знаний, как общих, так и частных, должен быть на высоком уровне. Сотрудничество специалистов является неотъемлемой частью коррекционно-развивающей работы.

Таблица 7

Мнение студентов о сотрудничестве специалистов в работе с нетипичным ребёнком

Варианты сотрудничества	Процент студентов, отметивших данный вариант
Проведение психолого-медико-педагогического консилиума	15.6
Семинары специалистов (обмен опытом)	16.4
Групповая работа	7.6
Осознание проблемы как общей	2.3
Каждый специалист в своё время	88.4
Без ответа	2.3

Проведенное нами исследование продемонстрировало положительное отношение студентов-выпускников БелГУ к интегрированному обучению детей с нарушениями развития, их заинтересованность и готовность к решению проблем интегрированного образования, стремление к сотрудничеству в области коррекционной работы. Кроме того, исследование позволило очертить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем решении: какова роль каждого специалиста в коррекционной работе с нетипичным школьником; каким образом организовать эффективное сотрудничество со специалистами-смежниками; как обеспечить полноценную реализацию всех психолого-педагогических условий; какие методы и приёмы наиболее эффективны в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРИРОДЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

На протяжении жизни биосистемы испытывают влияние многих факторов природы как земного, так и космического происхождения. Многим факторам свойственна ритмичность в своих проявлениях, другие носят случайный характер. К каждому из них человек должен приспособиваться. В процессе эволюции приспособление к периодическим изменениям в природе приобрело упреждающий характер. К явлениям непериодического характера организм не приспособился и в каждом конкретном случае вынужден перенапрягать механизмы защиты и компенсации.

Наиболее чётко выраженная периодичность проявляется в световом режиме Земли – смене дня и ночи. Изменения освещённости земной поверхности совершаются на протяжении суток и обусловлены вращением Земли вокруг своей оси. Регулярное чередование света и темноты сопровождается синхронными изменениями других параметров окружающей среды – температуры, спектрального состава света, гелиомагнитных излучений и т.п. Суточный ход освещённости закономерно меняется от сезона к сезону. Более или менее закономерно на протяжении суток изменяется градиент потенциала атмосферного электричества и ионизация воздуха.

Разумеется, каждый метеорологический компонент в течение суток оказывает определённое влияние на человека. Многие из них переносятся болезненно.

На организм человека влияют многие природные факторы, и каждый из них вносит свой вклад в формирование механизмов приспособления. В соответствии с изменением хода природных процессов на протяжении суток в биосистемах сформировались, закрепились и передаются по наследству суточные ритмы физиологических функций. Эти периодические изменения в живом организме направлены на то, чтобы активно приспособиваться к изменениям условий внешней среды и максимально сохранять его целостность.

С заметной ритмичностью проявляются не только физиологические, но и душевные, и физические состояния. Уверенность в себе, хорошее настроение и продуктивность в двигательной и интеллектуальной сферах, как правило, сочетаются, что и обеспечивает достижение высоких показателей в любой деятельности. Научная и художественная литература даёт много примеров влияния чередования эмоций разного знака (положительных и отрицательных) на все стороны человеческой активности.

В исследовательской литературе установилась традиция (часто воспринимаемая как «материалистическая») подчёркивать тождество цикличности естественных и трудовых процессов с ритмичностью в искусстве вообще и в поэзии в частности.

Житейские наблюдения и специальные исследования показали, что у писателей, поэтов, композиторов, учёных периоды высокой продуктивности, отмеченные выдающимися результатами, чередуются с периодами творческого спада, когда ничего существенного сделать не удаётся. Периоды творческого упадка могут достигать многих лет.

Большой интерес представляют ритмы эмоциональных состояний. Периоды упадка и подъёма настроения и душевных сил, по-видимому, замечали у себя многие. Ещё Гален, один из основателей научной медицины, упорно утверждал, что существуют лёгкие и тяжёлые дни, периоды и сезоны в жизни человека.

Таким образом, мы выяснили, что вся жизнь человека состоит из ритмически сменяющихся явлений и процессов. Физические, эмоциональные, психические и другие свойства нашего организма находятся в периодической зависимости от ряда факторов, начиная с солнечной активности и заканчивая сменой дня и ночи. А согласно теории сезонной периодизации, смена времён года влияет не только на динамику происходящих в нашем организме процессов, но и на их качественную характеристику. Весна, лето, осень, зима, воздействуя на организм, согласуются с внутренним биоритмом, что приводит к появлению новых, и видоизменению имеющихся эмоций и чувств. Весна, например, ассоциируется с агрессией, лето – с радостью, осень – с грустью, а зима – со страхом.

На основании данной теории и ритмов нами был осуществлен социально-психологический анализ 1310 историй жизни и смерти жителей Белгородской области за 1897-2000 гг: мужчины (в количестве 627) и женщин (в количестве 683). Целью данного исследования являлось установление связей и влияние ритмов на феноменологию жизни человека.

В нашем исследовании было выявлено большое количество людей, которые умерли за месяц до или после дня своего рождения. Всего таких данных было получено 38% (или 504 чел).

У мужчин количество таких совпадений – 40%, а у женщин – 37%. Таким образом, мы подтвердили существующую в современной ритмологии гипотезу о личном биологическом календаре и его влиянии на состояние человека. Обладая внутренним индивидуальным календарём, человек как система подчиняется не только планетарным, но своим ритмам.

В ходе исследования нами было выявлено следующее: средняя продолжительность жизни у мужчин составляет 59 лет, у женщин – 70 лет. Таким образом, женщины Белгородской области живут на 11 лет больше мужчин. При этом мужчины чаще всего умирают летом (33% от общего числа мужчин), а женщины – зимой (32% от общего количества женщин), на втором месте стоит зима у мужчин и лето у женщин (31% и 29% соответственно). Далее следуют осень у мужчин и весна у женщин (по 20%), весна и осень (16% и 19%).

Отсюда следует, что сезоны пика смертности практически одинаковы у мужчин и у женщин. Наибольшая смертность приходится на лето и зиму (по 30%). Осенью и весной смертность составляет по 20%.

Сезонные пики смертности жителей Белгородской области

№ п/п	Наименование показателя	Мужчины		Женщины		Всего	
		Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%
1	Численность	627	48	683	52	1310	100
2	Средний возраст	59		68			
3	Времена года						
	зима	193	31	219	32	412	31,5
	весна	101	16	139	20	240	18,2
	лето	206	33	193	29	399	30,5
	осень	127	20	132	19	259	19,8

Далее мы рассмотрели иерархию болезней, ставших причиной смерти. На первом месте находятся сердечно-сосудистые заболевания (женщины-17,6%, мужчины-10,6%).

Второе место занимает атеросклероз: женщины в 2 раза чаще страдают атеросклерозом различных форм, чем мужчины (9,5% и 4,3% соответственно).

Но мужчины чаще в 1,5 раза умирают от рака (6,4% и 4,5% женщины). Гипертония одинаково распространена у обоих полов (1,2% и 1,1%). Среди мужчин часто встречается диагноз асфиксия: в 6 раз чаще они гибнут от удушья. Кроме представленных болезней, можно выделить ещё несколько. К ним относятся: ишемическая болезнь сердца, острое нарушение мозгового кровообращения, церебросклероз, эмфизема лёгких.

Женщины живут дольше: средний возраст женщин составляет 69 лет, мужчин – 64, поэтому в 3 раза больше женщин доживает до старости. Пик смертности у женщин приходится на 70 и 80 лет, а у мужчин – 59 и 65 лет. Интересно заметить, что старость привела к смерти в 59 случаях у женщин, а мужчин почти в два раза меньше. Это еще раз говорит о том, что женщины лучше мужчин приспособлены к современным жизненным условиям.

Исследуя жизненные циклы человека, мы выявили также следующую закономерность: суицидальные случаи смертности встречаются в подавляющем большинстве у мужчин в возрасте 40 лет. Задачу этого исследования мы видим в том, чтобы повернуть наше внимание к человеку. Мы надеемся, что полученные в ходе нашей работы данные позволят каждому человеку сделать свою жизнь более позитивной в критические для организма моменты, а также обратить внимание на свое собственное здоровье.

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ

Трудовая деятельность школьников не только способствует развитию определенных способностей ребенка, но и помогает ему найти свое определенное место в социуме, развивает деловые качества, учит его общаться со сверстниками, дружить.

Так, В.А. Сухомлинский неоднократно отмечал плодотворное взаимовлияние физического и умственного труда: умный, образованный, культурный человек любой труд делает более творческим, более радостным. Важным в системе трудового воспитания В.А. Сухомлинского является и положение о том, что труд позволяет наиболее полно и ярко раскрыть природные задатки и склонности ребенка. Анализируя готовность ребенка к трудовой жизни, нужно думать не только о том, что он может дать для общества, но и о том, что труд дает лично ему: «В каждом ребенке дремлют задатки каких-то способностей. Эти задатки как порох: чтобы зажечь, необходима искра» [4, 69].

Работая, ребенок овладевает важными социальными навыками. Роли и правила «детского общества» позволяют узнать о правилах, принятых в обществе взрослых, развиться чувствам сотрудничества и соперничества.

Наука накопила немало ценных фактов, использование которых может обогатить содержание и организацию трудового и производственного труда школьника, более полно использовать резерв его личности, обеспечить в трудовом воспитании систему и тем самым повысить его воспитательную ценность [1; 2; 3 и др.].

Главное «ядро» трудовой подготовки школьников, как показали исследования Т. В. Кудрявцева, Э. А. Ферapoновой и других, составляют формирование общетрудовых умений интеллектуального характера, умение выполнить задачу не только индивидуально, но и в условиях совместного труда, развитие положительной мотивации труда школьников, их творческих способностей и качеств личности, важных для профессионального самоопределения школьников. Поскольку творчество является наиболее значительным проявлением человека, педагоги ищут оптимальные пути и способы приобщения школьников к творческому труду. Особенно важным в трудовом обучении школьников являются мотивы, побуждающие детей трудиться. Именно с мотивами связано формирование отношения к труду, как главной ценности [1].

По каким показателям можно судить об изменениях, происходящих в личности под влиянием труда? Прежде всего, по действиям и поступкам человека, по изменению производительности его труда, по его отношению к труду, к своему коллективу, по сдвигам в его потребностях, интересах, самооценке и притязаниях. Отношение человека к труду заметно проявляется в продуктах его деятельности.

Наиболее распространенными методами исследования проблем трудового воспитания являются наблюдения, эксперимент, опрос, тест. С помощью наблюдения изучаются важные в любом виде труда черты характера: внимательность, самостоятельность, аккуратность и ряд других. Используется оно также для исследования взаимоотношений в детском коллективе.

Богатым источником знаний является эксперимент. Однако его использование связано с большими трудностями: во-первых, изменения в личности происходят постепенно, а исследователь не всегда располагает временем; во-вторых, изменения в личности являются функцией не одного, а многих факторов, действующих в условиях трудового воспитания.

В результате проведенного нами эксперимента было установлено, что общественная мотивация трудовой деятельности усиливает интерес детей к труду. Другой разновидностью эксперимента является разработанная методика самооценивания через сравнение себя с другими. Результаты этого сравнения человеку не безразличны: он ими доволен или не доволен, успокаивается или начинает беспокоиться. Эту методику мы применяли для изучения отношения учащихся к своим достижениям в трудовой деятельности, а также для выявления изменений в поведении при переходе к другим видам деятельности, например, от учебной к трудовой. Для этого испытуемым предлагалось сравнивать свои успехи с успехами других учащихся. Таким образом, каждый оценивал не только других, но и самого себя. На основе ответов затем определялись ранговые места по самооценке.

Для выявления основных тенденций в исследуемом поведении (например, типичных мотивов трудовой деятельности или выбора профессии, престижности различных профессий среди детей одного и того же возраста и др.) широко используется анкетирование, успех которого зависит от компетентности составителя анкеты в изучаемой проблематике. Например, при изучении основных мотивов трудовой деятельности старшеклассников с помощью закрытой анкеты составляли перечень наиболее распространенных побуждений к труду. В анкете предусматривалась возможность самостоятельного ответа по заданному вопросу.

В ряде случаев в анкету включалась шкала полярных баллов, которая требует оценки привлекательности для опрашиваемого того или иного условия труда или профессии. Предлагаемая шкала: «очень нравится» – «6»; «нравится» – «5»; «больше нравится, чем не нравится» – «4»; «больше не нравится, чем нравится» – «3»; «не нравится» – «2»; «очень нравится» – «1». При анкетировании очень важно обеспечить искренность ответов опрашиваемых. Это достигалось продуманным инструктажем, в котором называлась цель исследования и его научная важность, а также гарантировалась конфиденциальность. Но недостатком анкет является то, что полученные с их помощью данные не допускают дифференцированного анализа, что не позволяет соотнести ответы с реальным поведением испытуемых, проверить достоверность их ответов.

Высокие требования к человеку предъявляют социальные условия труда. В различных детских трудовых объединениях труд носит коллективный характер и его осуществление связано с включением школьника в широкую и сложную систему производственных, нравственных и других отношений.

Включение учащегося в коллективный труд способствует усвоению им названных отношений, превращению их из внешних во внутренние. Это происходит под влиянием господствующих норм поведения, общественного мнения, организации взаимопомощи и взаимной требовательности и действия таких социально-психологических феноменов, как внутригрупповая внушаемость, соревновательность. Важной производной этих социально-психологических факторов является формирование ответственности за результаты труда коллектива. Исследования показали, что большинство старшеклассников; членов бригад, готовы отвечать за результаты труда своего звена [2].

Важным условием развития личности под влиянием труда является целесообразная деятельность самого субъекта. Преобразуя предмет труда, создавая общественно ценные продукты, он преобразует себя. Для более полного использования развивающих возможностей труда они должны быть дополнены деятельностью старших – **обучением и воспитанием**. Деятельность воспитателя является следующим условием развития личности ребенка в процессе труда.

Труд имеет большое значение в развитии способностей учащегося. Способности развиваются, главным образом, в условиях ведущей деятельности: в дошкольном возрасте – в игре, в младшем и среднем школьном возрасте – в учении, в юношеском – в профессионально-трудовой подготовке. Формирование способностей осуществляется в той или иной деятельности. В процессе труда, например, распределение внимания становится более широким, а его переключение более быстрым.

Велика роль труда в развитии мышления. По мере овладения трудовыми навыками развиваются его новые формы: техническое, практическое, логические. В процессе труда и общения с другими членами трудового коллектива происходит развитие чувств. Включаясь в трудовой процесс, ребенок коренным образом меняет свое представление о себе и об окружающем мире. Радикальным образом изменяется самооценка. В процессе общения и овладения новыми знаниями формируется мировоззрение школьника. Работа в коллективе развивает социализацию личности ребенка. Развитие способностей, чувств и мышления делает личность ребенка более гармоничной. Следовательно, труд является важнейшим фактором, влияющим на развитие личности ребенка.

Подготовить ребенка к труду – это значит сформировать у него готовность трудиться. Готовность к труду означает уровень развития личности, который является достаточным для успешного освоения любым видом производительного труда. Формирование у школьника готовности к труду происходит в таких видах деятельности, как игра, учение, бытовой и производительный труд, техническое творчество.

Как показывают наблюдения, выпускники учебных заведений практически и психологически не готовы к участию в производственном труде. С целью лучшей адаптации школьников на производстве необходимо восстанавливать и развивать систему УПК, причем, непосредственно на производстве. Главное, чтобы труд учащихся был непосредственно связан с производством. Школьники должны выполнять посильные заказы производства. Благодаря такому подходу у учащихся труд приобретает более высокое значение, создаются условия для формирования общественно ценных мотивов деятельности. Активное участие самого школьника в учении, труде, а также в преобразовании своей личности – важнейшая цель обучения и воспитания. С. Л. Рубинштейн писал: «Педагогический процесс, как деятельность учителя, формирует развивающуюся личность ребенка в меру того, как педагог руководит деятельностью ребенка, а не подменяет ее» [3].

Формирование личности происходит, главным образом, в процессе собственной деятельности.

Учет роли самого ребенка в формировании его личности необходим еще потому, что у него есть свои потребности, стремления, интересы. Несовпадение планов взрослых и детей объясняет трудности в воспитании. Поэтому основная задача педагога состоит в том, чтобы роль самовоспитания в формировании была как можно большей. Оптимальным периодом для самовоспитания является старший школьный возраст, когда у детей своего рода «расположенность к самовоспитанию». В этом возрасте перед ребенком встает ряд жизненно важных вопросов: «Кем быть?», «Куда пойти?» и другие, происходит переоценка ценностей. Ребенок готов изменять себя, готов к самовоспитанию.

Чтобы ученики правильно оценивали свои способности, необходимо проводить факультативы, на которых рассказывать учащимся, как выбирается профессия, какую роль в этом играют интересы, склонности и способности человека, о критериях оценки своих возможностей, о роли и способах самовоспитания.

Формирование личности в процессе труда происходит не само собой, а лишь при определенной организации труда школьников. Под организацией труда понимается его упорядочивание, придание ему планомерности. Организация детского труда должна учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей и закономерности их развития. Такую организацию труда призван обеспечить педагог. От него требуется быть примером, изучать сильные и слабые стороны своих учеников, организовывать деятельность.

Педагог согласовывает, направляет трудовую деятельность таким образом, чтобы она требовала от учеников проявления необходимых личностных качеств; оценивает эффективность воспитательных воздействий. Роль педагога состоит также в помощи ученику повысить свой авторитет среди сверстников. В трудовом обучении многие учащиеся добиваются более значительных результатов, чем в общеобразовательных предметах. В связи с этим у ребенка возникает потребность в признании.

Если он добивается повышения своего авторитета, то его активность повышается и в других видах деятельности. И одна из главных задач педагога – сформировать и направить эту активность.

Таким образом, трудовая деятельность является одним из важных факторов воспитания личности. Включаясь в трудовой процесс, ребенок коренным образом меняет представление о себе и об окружающем мире. Радикальным образом изменяется самооценка. Она изменяется под влиянием успехов в трудовой деятельности, что, в свою очередь, меняет авторитет школьника в классе. Вопрос авторитета, самоутверждения особенно большую роль играет в старшем школьном возрасте. Учитель должен поддержать и направить развивающийся интерес не только на свой предмет, но и на другие области познания. Под влиянием этого интереса будет развиваться самопознание. Главная развивающая функция труда – это переход от самооценки к самопознанию. Кроме этого в процессе труда развиваются способности, умения и навыки. В трудовой деятельности формируются новые виды мышления. Вследствие коллективности труда школьник получает навыки работы, общения, сотрудничества, что способствует адаптации ребенка в обществе.

Литература

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1986.
2. Журавлев В.И. Вопросы жизненного самоопределения выпускников средней школы. – Ростов н/Д, 1984.
3. Мудрик А.В. Современный старшеклассник: проблемы самоопределения. – М.: Знание, 1990.
4. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. В 3 т. Т. 1; Сост. О. С. Богданова, В.З. Смаль. – М.: Педагогика, 1979.

*Т.В. Шапошникова
Н. рук. А.М. Болгова*

ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Российское общество имеет огромное количество проблем, требующих безотлагательного решения, поэтому в круговороте сложностей, социальных потрясений, проблем многие важные вопросы остаются за порогом внимания. Это выражение, к сожалению, в какой-то мере относится и к современному российскому образованию, переживающему, без сомнения, не лучшие времена. Помимо материальных проблем, на наш взгляд, гораздо серьезнее дело обстоит с так называемым кризисом учительства – профессия педагога перестала быть престижной, модной и почетной.

В связи с этим, по нашему мнению, проблема изучения истории школы и, в частности, эволюции положения учителя в обществе очень интересна, важна и актуальна. В своей работе мы попытались проследить основные вехи истории государства в русле изменения места образования и учителя в русском обществе.

До XVIII в. в России понятия «учитель» не существовало в современном смысле этого слова, да и само слово не употреблялось. Реформы Петра I обусловили появление массовой профессии – педагог. Царь-реформатор всячески поощрял открывавшиеся школы, учителей, преподававших в них. Следует указать, что не все они заслуживали высокого звания «учитель»: многие из «обучающих» никогда раньше не занимались подобной деятельностью, не знали русского языка, не отвечали моральным и нравственным требованиям учительской профессии. К тому же в Россию «стремились на ловлю счастья и чинов предприимчивые авантюристы и проходимцы» [4, с. 81], не сумевшие найти применение своим «талантам» в родном Отечестве. Кроме того, в большинстве стран Европы ещё не сложилась система профессиональной подготовки учителей.

С начала XIX в. значение домашнего обучения стало резко возрастать. Домашнее образование в Российском государстве определялось как вид частного учения и было прерогативой поместного дворянства и духовенства. Правительство тщательно следило за качеством получаемого образования: в 1812 г. вышло постановление, в котором говорилось, что домашние учителя обязаны пройти испытание «в умственных и моральных качествах» [3, с. 88] и получить аттестат. В 1834 г. «Положение о домашних наставниках, учителях и учительницах» законодательно оформило домашнее обучение, учредив звания, которым соответствовали спектр обязанностей, уровень образования, чинопроизводство, материальное обеспечение и привилегии. Также была разработана целая система награждения: за беспорочную и усердную службу учителя награждались золотыми и серебряными медалями, отличное выполнение работы поощрялось орденами – святой Анны 3-й степени, святого Станислава 4-й степени, святого Владимира 4-й степени, особо отличившимся преподавателям присваивалось звание «Заслуженный». Таким образом, уровень домашнего обучения в дворянских семьях XIX в. поднял престиж профессии, а революционный настрой интеллигенции начала XX в. добавил своеобразной романтики.

К началу XX в. в Российской империи уже сформировалась своя система народного образования. К началу 1915 г. количество педагогов равнялось 162 869, из которых 67,5% преподавали в сельской школе [1, с. 82]. К сожалению, многие деревенские учителя, начиная работу с подъемом и воодушевлением, через некоторое время, столкнувшись с реалиями сельской жизни, разочаровывались. В результате наступала апатия, а иногда и ненависть к своему делу. Материальная необеспеченность заставляла педагогов искать побочный промысел: на лето учитель становился батраком или маляром.

После начала первой мировой войны, в связи с денежной инфляцией, ростом цен и вздорожанием жизни, положение народных учителей быстро ухудшалось. Это не могло не отразиться на качестве преподавания, ибо все силы полуголодного учителя уходили на поиски пропитания. После революции жизнь учителя ухудшалась катастрофически: шквал инфляции мгновенно обесценивал денежные знаки, но и их учителя почти не получали, так как губернские и уездные исполкомы расходовали «просвещенские деньги на другие надобности» [1, с. 84]. К началу НЭПа положение учителя стало совершенно отчаянным: относительно регулярная плата существовала только в Москве или Петрограде. В провинции она не выплачивалась по полгода и полностью обесценивалась. Обычным явлением стали случаи «самовольных побегов» с работы, нищенства, проституции учительниц, батрачества учителей, голодной смерти и самоубийств.

За годы революции и гражданской войны значительно изменился состав российского учительства: немалая часть опытных педагогов покинула школу. Причиной стали не только плохое материальное обеспечение и призыв в армию, но и невозможность нормальной работы в условиях развала школьной системы. На их место пришла молодёжь, не имевшая никакого опыта, особенно омолодилось учительство в провинции. Одновременно усилился процесс феминизации педагогов. Пережитые крайняя нужда и голод в прах развеяли традиционный идеализм довоенного учителя и превратили его в «мелкого сельского хозяина-скопидома» [1, с. 88]. К началу 1920-х гг. комплекс неполноценности стал характерной особенностью психологии учителя. К тому же с введением НЭПа недоброжелательное отношение крестьян к учителям обострилось в связи с установлением особого налога на содержание школ. На школьных работников стали смотреть не только с презрением, но и с ненавистью как на паразитов-нахлебников.

Бедственное материальное положение провинциального учителя сильно отразилось на падении его авторитета в глазах населения, на престиже профессии среди школьников и ввергло самого педагога в глубоко депрессивное состояние.

С окончательным установлением советской власти встал вопрос о восстановлении почти развалившейся системы школьного образования. Так в России начался массовый процесс просвещения народа: открывались школы – дневные и вечерние, рабфаки, увеличивалось количество студентов вузов, для взрослого населения организовывались так называемые ликбезы.

В результате, во-первых, увеличилось число специалистов-профессионалов, во-вторых, существенно повысился уровень знаний учащихся, прежде всего в дисциплинах естественнонаучного цикла и математике, в-третьих, советская школа вышла на одно из первых мест в мире, но «железный занавес» не позволил этому факту стать достижением всей педагогической общественности. Однако политизация и идеологизация учебно-воспитательной работы резко усилилась, да и воспитание

«коммунистического» человека достигалось средствами прямого идеологического воздействия на сознание учеников.

Иначе говоря, произошедшая культурная революция восстановила моральную и нравственную значимость педагога. Это объясняется тем, что сопоставление общественного статуса учителя в разных странах показывает, что в авторитарных и тоталитарных государствах эта профессия всегда считалась чрезвычайно важной, поскольку «учитель был незаменим в роли воспитателя новых поколений в соответствии с представлениями правящей элиты» [2, с. 72].

События, произошедшие в России в начале 90-х гг. прошлого столетия, всколыхнули общество начавшимся хаосом и неразберихой. Многие оказались не готовы к столь радикальным изменениям, и вновь, как это уже было в истории России, учителя вынуждены были принять удар на себя. Сложное материальное положение было обусловлено нищенскими зарплатами, к тому же они постоянно задерживались. Учителю опять было вынуждено владеть нищенским существованием, искать дополнительные виды заработка. К сожалению, любые социальные потрясения неизменно ведут к падению авторитета учителя.

В настоящее время правительством Российской Федерации уделяется особое внимание проблеме качества образования: реализуется несколько программ по поддержке и развитию образования как на федеральном, так и на региональном уровне. К федеральным программам следует отнести грантовое финансирование школ и лучших учителей, доплаты классным руководителям. На региональном уровне, в частности в Белгородской области, реализуется программа по улучшению качества жизни населения, марафон «Люби своих учителей».

Эти меры, конечно, кардинально не меняют существующую в современной России ситуацию, но частично помогают учителю в какой-то мере осознать свою значимость, пользу для жизни общества. По моему мнению, в будущем жизнь учительства ожидает новый своеобразный подъём, ибо в современном информационном мире очень сложно переоценить роль знаний, нужно только предпринять безотлагательные меры по объективному улучшению качества знаний, даваемых нашей школой.

Литература

1. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917 – 1927 гг. – СПб., 2003. – С.80-89.
2. Василюк А. Общественный статус учителей и закономерности в оплате их труда // Народное образование. – 2003. – №10. – С. 71-77.
3. Сергеева С.В. Домашнее образование в России в первой половине XIX века // Педагогика. 2003. – №7. – С. 84-93.
4. Смирнов В.И. Российские учителя и источники их педагогического познания в первой половине XVIII века // Педагогика. – 2002. – №7. – С. 79-88.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА – В МОЛОДЫХ РУКАХ

Воспитание, будучи отнесенным к сфере социальных услуг, в соответствии с существующей сегодня нормативно-юридической классификацией сфер жизнедеятельности общества, в том минимальном объеме, который указан в настоящем стандарте, следует рассматривать как обязательный для государственных образовательных учреждений общего образования компонент педагогического процесса, охватывающий всех учащихся независимо от их социального происхождения, религиозной или национальной принадлежности.

При этом воспитание понимается нами как создание условий для развития личности, ее духовно-нравственного становления и подготовки к жизненному самоопределению, как двусторонний процесс взаимодействия педагога и воспитанника, направленный на совместное решение общих задач развития личности.

Мы являемся участниками проекта, целью которого является создание советов воспитательных пространств, целенаправленно организуемых в новых структурных компонентах Грайворонского района, в одном городском и одиннадцати сельских поселениях. Эти воспитательные пространства, наряду с воспитательно-образовательными функциями, осуществляют и социально-педагогическую защиту подрастающего поколения, обеспечение безопасных условий для жизни и здоровья детей на территории района, превращение ее в социально защищаемое пространство.

Опыт по созданию единого воспитательного пространства Лабораторией воспитательных пространств БелГУ (руководитель – доцент Холод В. Л.) в сельском районе показывает его эффективность как фактора формирования подрастающих поколений.

Начиная с 2006 года в создание единого воспитательного пространства на нашей малой Родине постепенно начали включаться бывшие выпускники школ Грайворонского района – студенты нашего университета. Мы прекрасно понимаем, что только совместными усилиями можно превратить родной край в территорию, где будет обеспечено благосостояние каждого человека. Ещё в годы учебы наши студенты смогут осуществлять свои проекты, направленные на повышение качества жизни людей, участвуя в развитии здравоохранения, социальной защиты населения, образования, культуры.

Ещё в период своей учёбы мы планируем начать практическую деятельность в учреждениях и на предприятиях района, с тем, чтобы в будущем трудоустроиться в них, вернувшись на Родину после окончания вуза.

Как выпускник Головчинской сельской гимназии, я знаю, что сельские дети более склонны к чувствительному восприятию мира, но среди них немало и таких, которые зарывают свои таланты в землю, не получив

своевременной помощи или “толчка” к реализации своих устремлений. Создавая землячество студентов, мы хотим помочь им раскрыть свои возможности в области осваиваемых профессий и применить их на практике, в реальной жизни.

Мы хотим выявить, участвуя в данном проекте, критерии и показатели, необходимые для способностей студентов. Ведь в настоящее время обострилась проблема (в силу ряда причин и обстоятельств) между желанием у молодых людей и возможностями проявить себя в определённой сфере деятельности.

Один из путей активизации деятельности студентов ещё в годы учёбы, начиная с первого курса – участие в создании единых воспитательных пространств столь необходимых для осуществления процессов воспитания юных граждан России.

Наш проект необходим для привлечения к общественному управлению образованием и воспитанием различных институтов местной власти, ученых- педагогов, социологов, психологов, а также с целью привлечения более широких слоев населения к созданию необходимых и достаточных условий для образования подрастающего поколения.

Ещё в годы учёбы в университете студенты смогут осуществлять свои планы, проекты, выполняя курсовые и дипломные работы, направленные на качества жизни людей через улучшение здравоохранения, образования, социальной работы, культурного досуга.

Землячество займется размещением этих проектов в учреждениях социальной сферы, на производственных предприятиях различных форм собственности непосредственно в Грайворонском районе.

В период учебы в университете студенты смогут, при поддержке администрации района, совета воспитательного пространства начать практическую деятельность в этих учреждениях и предприятиях. С тем, чтобы потом трудоустроиться в них, вернувшись на Родину после окончания вуза с дипломами специалистов, бакалавров, магистров.

Конечно же, надо учитывать то, что этот проект сможет дать положительные результаты и в дальнейшем прогрессировать не только благодаря исполнителям проекта, Лаборатории воспитательных пространств Белгородского Государственного Университета, но и при активном участии в нем молодых людей, а так же всех жителей Грайворонщины на улучшение качества жизни которых и направлен этот проект. Участие в работе по улучшению качества жизни людей Грайворонского района является делом добровольным. Каждый житель Грайворонщины сможет сделать свою жизнь, жизнь своих родных, близких, а также земляков намного лучше при помощи проекта «Землячество».

Думаем, что эту идею могут подхватить и студенты других районов, активно включившись в преобразование родного края в лучшие годы своей жизни – в период студенчества!

ПАРЦИАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Воля в психологии рассматривается как способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия. А.Н. Леонтьев (2001) писал, что волевое действие – это действие, осуществляемое по выбору. Выбор есть признак волевого действия. Где нет выбора, там нет и волевого действия. Если мы говорим о выборе, то можно говорить о принятии решения. Волевой акт есть действие в условиях выбора, основанное на принятии решения. В качестве основных функций воли выделяют: выбор мотивов и целей, регуляцию побуждения к действиям при недостаточной или же, напротив, избыточной мотивации, организацию психических процессов в адекватную выполняемой человеком деятельность, мобилизацию психических и физических возможностей в ситуации преодоления препятствий при достижении поставленных целей.

Но проблема воли рассматривается не только в общей психологии. В последние годы успешно развивается такое новое направление как нейрпсихологический подход к проблеме индивидуальных различий (Е.Д. Хомская с соавт., 1997; Москвин В.А., 1988, 2002). В настоящей работе рассматривается вопрос о возможных связях особенностей процессов волевой регуляции у лиц с разными проявлениями латеральности (или парциального доминирования), а также возможность использования этих данных в психологическом консультировании.

Согласно воззрениям А.Р. Лурия (1973) за функции контроля, планирования и регуляции деятельности отвечает третий блок мозга (лобные его отделы). Очевидно, что эти функции имеют самое непосредственное отношение и к процессам волевой регуляции. В качестве испытуемых нами были взяты студенты 1-4 курсов факультета физического воспитания (юноши 17- 20 лет, n = 50). В числе методик использовались: показатели пробы «перекрест рук» (ПППР) по А.Р. Лурия (2000), которые по данным ЭЭГ отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга (по N. Sakano, 1982), методика «Самооценка волевых качеств студентов – спортсменов» по Н.Е. Стамбуловой. Методика включает такие шкалы как «целеустремленность», «смелость и решительность», «настойчивость и упорство», «инициативность и самостоятельность», «самообладание и выдержка» (Ильин Е.П., 2000). Дополнительно использовалась методика САН (включающая шкалы «самочувствие», «активность», «настроение»). В выборке 25 испытуемых было с правым ПППР и 25 – с левым. Предполагалось, что у испытуемых с разными показателями пробы «перекрест рук» можно будет проследить и разные особенности волевой регуляции. Для статистической обработки данных применялся критерий Фишера (использовалась система Stadia).

Сравнение усредненных данных показало, что испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) обнаруживают более высокие показатели по шкале «целеустремленность» (23,2 б. и 21,7 б. соответственно, $p < 0,05$). В методике САН испытуемые с правыми ПППР (по сравнению с испытуемыми с левыми ПППР) также обнаружили более высокие показатели по шкалам «самочувствие» (4,4 б. и 4,1 б. соответственно, $p < 0,05$) и «активность» (4,9 б. и 4,2 соответственно, $p < 0,05$).

Полученные данные показывают, что испытуемые с правыми и левыми ПППР обнаруживают достоверные различия по ряду шкал примененных методик. Это позволяет говорить о наличии индивидуальных особенностей волевой регуляции человека, связанных, в свою очередь, с индивидуальными профилями латеральности (вариантами ИПЛ). Работами В.А. Москвина было подтверждено, что у лиц с разными сочетаниями признаков парциального доминирования моторных и сенсорных систем выявляются индивидуально-психологические особенности в виде разных стратегий обработки вербально-логической и зрительно-пространственной информации, различия в регуляторных процессах и в индивидуальных стилях эмоционального реагирования (Москвин В.А., 1988, 2002).

Его работами было установлено, что для каждого человека характерен свой индивидуальный набор латеральных признаков. Конstellации или разные варианты сочетаний латеральных признаков образуют индивидуальные профили латеральности (ИПЛ), которые, в свою очередь, определяют индивидуальные особенности реализации психических процессов. Если индивидуальные профили латеральности определять по вариантам сочетаний ведущих руки, уха и глаза, то, исходя только из этих признаков парциального доминирования, в системе измерений «рука-ухо-глаз» можно выделить 8 вариантов латеральных профилей – 4 для праворуких и 4 для леворуких.

Полученные результаты также совпадают с данными о том, что с лица с наличием признаков левополушарного доминирования являются более полнезависимыми, чем лица с парциальным доминированием правого полушария. Последние в большей степени полнезависимы (Москвин В.А. и соавт., 2005).

Все это подтверждает мнение Е.Д. Хомской о наличии асимметрии блоков мозга по А.Р. Лурия, в том числе, и третьего блока. Она отмечала, что «регуляторные аспекты эмоционального реагирования также по преимуществу обеспечиваются структурами лобных отделов левого полушария» (Хомская Е.Д., 2002). Высказанные положения Е.Д. Хомской подтверждаются данными проведенных нами психодиагностических исследований лиц с разными латеральными особенностями. Это говорит также о том, что парциальное доминирование левой лобной доли у лиц мужского пола связано с более высокими показателями сформированности жизненных целей (целеобразования) и таким психологическим феноменом как «временная перспектива» (Москвин В.А., 1988, 2002). Полученные результаты подтверждают перспективность использования нейропсихоло-

гического подхода к проблеме индивидуальных различий в психологическом консультировании. Они могут быть практически использованы для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции при проведении психологических консультаций.

При проведении психокоррекционных мероприятий необходимо также учитывать особенности применения способов воздействия на клиентов и пациентов в зависимости от выявленных вариантов ИПЛ. В процессе психокоррекции следует учитывать, что "левополушарные" индивиды в большей степени склонны к восприятию убеждающих, рациональных воздействий, а "правополушарные" – эмоциональных, внушающих, поскольку они являются более комформными и полезависимыми (В.А. Москвин, 2002).

Эти положения подтверждаются данными проведенных психодиагностических исследований лиц с разными латеральными особенностями. Они говорят также о том, что парциальное доминирование левой лобной доли у лиц мужского пола связано с более высокими показателями сформированности жизненных целей (целеобразования) и «временной перспективы» (Москвин В.А., 1988, 2002), что может быть использовано в целях профотбора и профориентации. Полученные данные могут быть полезны для развития представлений о воле в общей психологии и нейропсихологии индивидуальных различий, а также могут быть практически использованы для диагностики индивидуальных особенностей волевой регуляции в психокоррекционной и профориентационной работе.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб.: Питер, 2000. – 288 с.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – М.: Академический проект, 2000. – 512 с.
4. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 374 с.
5. Москвин В.А. Межполушарная асимметрия и индивидуальные стили эмоционального реагирования // *Вопр. психологии.* – 1988. – № 6. – С. 116-120.
6. Москвин В.А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 288 с.
7. Москвин В.А., Москвина Н.В., Белова А.Н. Индивидуальные профили латеральности и особенности полезависимости-полenezависимости // *Международный научно-теоретический журнал «Вестник Белгородского университета потребительской кооперации».* – 2005. – № 3. – С.182-184.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
9. Хомская Е.Д. Нейропсихология. – М.: УМК «Психология», 2002. – 416 с.
10. Нейропсихология индивидуальных различий / Е.Д. Хомская, И.В. Ефимова, Е.В. Будыка, Е.В. Ениколопова. – М.: Изд-во РПА, 1997. – 281 с.
11. Sakano N. Latent left-handedness. Its relation to hemispheric and psychological functions. - Jena: Gustav Fischer Verlag, 1982. – 122 p.

*Т.А. Дьякова, Ю.В. Ефремова,
Ю.О. Калашникова, Е.А. Яценко
Н. рук. Н.И. Исаева*

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Сегодня в психологии, как теоретической, так и прикладной, возрастает интерес к понятию «культура». Культура быстро становится одним из наиболее важных и насущных вопросов, с которыми сталкиваются психологи. Её актуальность обусловлена переходом в последнее десятилетие профессии психолога из категории «штучных» в разряд массовых, что влечёт за собой ухудшение уровня подготовки будущих специалистов и впоследствии приводит к снижению качества работающих психологов. Студент-психолог постепенно превращается в пассивного накопителя знаний, умений и навыков, в то время как его профессионально-личностный потенциал остаётся нереализованным. А поскольку профессия психолога является весьма напряжённой и требует актуализации всех имеющихся внутренних ресурсов для решения профессиональных задач и достижения профессионального успеха, невозможно переоценить роль психологической культуры в становлении специалиста данного профиля.

Исходя из этого, важным представляется изучение особенностей психологической культуры студентов с целью оценки её состояния, что обусловлено необходимостью её развития путём создания оптимальных условий в процессе обучения.

В связи с этим нами было проведено исследование, целью которого является определение особенностей психологической культуры студентов-психологов.

На основании существующих исследований, рассматривающих отдельные аспекты психологической культуры личности, мы предположили, что состояние психологической культуры у студентов-психологов не достигает оптимального уровня.

Объектом нашего исследования является психологическая культура личности.

Предметом выступили особенности аутопсихологической культуры студентов-психологов.

Наше исследование проводилось на базе факультета психологии БелГУ, в нём принимали участие 80 студентов-психологов 1-5 курсов.

Анализ специальной литературы показал, что не существует единого понимания, определения и общепринятой структуры психологической культуры. В нашем исследовании психологическую культуру мы рассматриваем как самостоятельное образование и опираемся на концепцию психологической культуры, разработанную Н.И. Исаевой. В этой концепции психологическая культура рассматривается как способ гармонизации внутреннего мира личности, системообразующим конструктом которого является «Я», и гармонизации внутреннего мира с миром внешним. Пси-

хологическая культура рассматривается в качестве инварианта, дифференцированного в процессе профессионализации на аутопсихологическую, предметно-психологическую и социально-психологическую культуру, выступающих факторами развития профессиональной культуры.

В нашем исследовании мы занимались изучением аутопсихологической культуры как системообразующего компонента психологической культуры.

Аутопсихологическая культура – это свойство личности, заключающееся в готовности и способности субъекта поддерживать гармонию внутри себя. Под внутренней гармонией мы понимаем гармонию внутреннего мира личности, гармонию с самим собой, гармонию таких аспектов самосознания как «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» и таких модальностей как «Хочу», «Могу», «Надо». Аутопсихологическая культура характеризует высокий уровень самосознания, саморегуляции и готовности личности к целенаправленной работе по личностному и профессиональному саморазвитию и самокоррекции. Аутопсихологическая культура обеспечивает направленность активности личности на понимание себя, принятие себя, выстраивание своей самооценки, на осознание природы своего психического не только на уровне априорного знания, но и, главное, на уровне проживания разных когнитивных и эмоционально-волевых состояний и открытия на этой основе резервных возможностей собственной психики, мира своего Я.

Решая задачу изучения состояния культуры «Я» мы использовали методику О.И. Моткова «Психологическая культура», которая была модифицирована нами с целью исследования гармоничности между модальностями самосознания «Хочу», «Могу», «Надо», а также гармоничности между образами «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем».

В ходе исследования было выявлено, что 17,5 % от общего числа испытуемых имеют оптимальное состояние психологической культуры по модальности «Хочу», «Могу», «Надо». У этих студентов, как правило, наблюдается ярко выраженное стремление понимать, познавать и ценить себя, принимать свои достоинства и недостатки, гибко управлять своим настроением, желанием, действием. Они считают, что всё это им очень необходимо воплотить в жизнь, что они способны это осуществить, и, как правило, реально реализуют свои стремления в жизни. Студенты с гармонично-оптимальным состоянием психологической культуры умеют устанавливать гармоничные отношения с самим собой, поддерживать единство и целостность внутреннего мира, внутреннюю гармонию.

У 70 % студентов-психологов наблюдается промежуточное состояние психологической культуры по модальностям «Хочу», «Могу», «Надо». Такое состояние характеризуется наличием гармонии между тем, что человек хочет, может, и тем, что ему необходимо осуществить, однако показатели по этим модальностям не достигают оптимального, высокого уровня. Т.е., при наличии гармонии между ними, желания, возможности и необходимость выражены либо на низком уровне, либо на среднем, либо на псевдовысоком. Такое состояние, на наш взгляд, не является опти-

мальным для развития личности, но содержит потенциальные возможности для этого при создании определённых условий.

12,5 % студентов отличаются неоптимальным состоянием психологической культуры. Для этих студентов характерно отсутствие гармонии с самим собой, рассогласование между различными модальностями. Это не является оптимальным для конструктивной жизнедеятельности и для развития личности в целом, поскольку содержит конфликт между желаниями человека, его возможностями и представлением об объективной необходимости.

Также было выявлено, что 30 % от общего числа испытуемых характеризуются оптимальным состоянием психологической культуры по аспектам самосознания «Я в прошлом-настоящем-будущем». Эти студенты активно стремились понимать, познавать и ценить себя, принимать свои достоинства и недостатки, гибко управлять своим настроением, желанием, действием в прошлом, стремятся в настоящем и будут стремиться в будущем. К тому же они считают, что эти стремления им удалось реализовать в своей прошлой жизни, удаётся сейчас и будет удаваться в дальнейшем. Таким образом, оптимальное состояние культуры «Я» заключается в достижении высокого уровня гармонии между компонентами самосознания и между представлениями о себе во времени от прошлого к будущему. Оптимальное состояние психологической культуры позволяет человеку быть в гармонии с собой и с окружающим миром, успешно решать поставленные перед ним задачи.

Для 35 % испытуемых характерно промежуточное состояние психологической культуры по аспектам самосознания «Я в прошлом-настоящем-будущем». Эти испытуемые не всегда стремились познавать и ценить себя, а также управлять своим поведением в прошлом, не всегда стремятся в настоящем, и, скорее всего, не всегда будут стремиться в будущем. Такое состояние культуры «Я», хотя и не является оптимальным, отражает наличие тенденции к саморазвитию и движению к достижению целостности и гармонии с самим собой.

У 35 % выборки выявлено неоптимальное состояние психологической культуры по аспектам самосознания «Я в прошлом-настоящем-будущем». Содержанием данного состояния выступает отсутствие культуры «Я» и наличие рассогласований между представлениями о себе в прошлом, настоящем и будущем.

Полученные результаты подтверждают наше предположение о том, что состояние психологической культуры студентов-психологов в большинстве случаев не достигает оптимального состояния. Исходя из вышеизложенного, весьма важно в период обучения не только создавать условия для овладения профессиональными знаниями, умениями, навыками, но и отводить центральное место формированию гармоничности внутреннего «Я», что, по-нашему мнению, влечёт за собой всестороннее развитие

личности, в том числе и развитие профессионально-важных качеств будущего специалиста. Всё это, на наш взгляд, впоследствии позволит выйти на новый качественный уровень развития профессионального сообщества и будет способствовать повышению культуры профессии психолога в целом.

Литература

1. Исаева Н.И. Профессиональная культура психолога образования. – М.; Белгород: МПГУ, БелГУ, 2002. – 235 с.
2. Психологическая культура личности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Н.И. Исаевой. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 360 с.
3. Дэвид Мацумото. Психология и культура. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 416 с.
4. Мотков О.И. Психология самопознания личности. – М., 1993.

*Г.А. Псарева
Н. рук. И.В. Аксенова*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СИБЛИНГОВ В СЕМЬЕ

Становление ребенка как личности начинается в семье. В семье ребенок впервые начинает взаимодействовать с окружающей его действительностью, строить свое отношение к ней. Именно поэтому психология семьи является одним из приоритетных направлений в работах отечественных и зарубежных ученых-психологов. Накоплен немалый опыт изучения семейных отношений, который касается в основном детско-родительских и супружеских отношений, в то время как взаимоотношения детей в семье остаются до сих пор малоизученным психологическим явлением.

Исследованием сиблингов занимались в основном зарубежные психологи, в числе которых были З. Фрейд, А. Адлер, У. Тоумен, К. Кортер, Дж. Данн. Среди отечественных авторов можно выделить Т.Г. Хоментausкаса, а также ряд молодых исследователей – Е.И. Карпунина, И.А. Корепанова, Н. Д. Пилипко.

В основном перечисленные авторы изучали влияние позиции рождения ребенка в семье на его личность и его взаимоотношения с родителями и сиблингом. Другой аспект изучения специфики развития сиблингов связан с исследованиями психологов различных факторов, влияющих на взаимоотношения сиблингов, таких как материнское отношение к детям; влияние старших сиблингов на формирование социальных умений у младших; влияние пола сиблинга на формирование идентичности; уход за младшим как

условие, способствующее формированию социального поведения и чувства ответственности у старшего сиблинга.

Таким образом, нельзя отрицать, что сиблинги являются значимыми агентами социализации и влияют на развитие и поведение друг друга.

Для нас же стал интересен поиск ответа на следующий вопрос, который и стал проблемой нашего исследования: какие типы взаимоотношений между сиблингами доминируют у детей младшего школьного возраста и как они проявляются?

Решение данной проблемы является целью исследования.

В качестве гипотезы выдвинуто следующее предположение: для детей младшего школьного возраста при взаимодействии с сиблингом являются характерными такие типы взаимоотношений, как враждебное поведение, которое может выражаться в виде ревности, агрессии/аутоагрессии, нежелания делиться и невербальной угрозы, так и просоциальное поведение, выражающееся в готовности делиться сиблингом, положительном подчинении родителям, сотрудничестве (помощи), а также поддержке, утешении и привязанности.

Объектом нашей работы стали семейные отношения, а предметом – взаимоотношения между сиблингами.

Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1. Определить доминирующий тип межличностных отношений между сиблингами.

2. Выделить преобладающие категории в просоциальном и враждебном поведении между детьми в семье.

3. Охарактеризовать особенности отношений между сиблингами.

В работе были использованы такие методы как: наблюдение, измерение, беседа.

Для диагностики нами были выбраны следующие методики: тест для исследования межличностных отношений между детьми в семье «Сказки Дюсса (Десперт)» в модификации О. Барановой, «Шкала соперничества» А.И. Бакран, проективный тест «Рисунок семьи» в интерпретации Г.Т. Хоментausкаса.

При подборе данных методик учитывалась их надежность, валидность, возрастной диапазон испытуемых, информативность результатов и, конечно, их соответствие плану исследования.

Исследование проводилось на базе МОУ №41 г. Белгорода. Выборку составили учащиеся 2-х и 3-х классов (19 мальчиков и 20 девочек), которые воспитываются в полных семьях с двумя детьми, причем разница в возрасте между ними составляла от 1 года до 10 лет, а также их родители в количестве 111 человек.

С целью изучения особенностей взаимоотношений между сиблингами в семье все испытуемые были разделены на две группы, по критерию порядка рождения. Численность старших детей составила 18 человек, а младших – 19.

С помощью проективной методики «Сказки Дюсса» нами было выявлено, что для большинства испытуемых (65% всей выборки) характерен просоциальный тип взаимоотношений с сиблингом, а для 35% обследуемых – враждебный.

Причем, просоциальное поведение является доминирующим как для младших (63%), так и для старших (67%) детей в семье в отличие от враждебного, составляющего 37% и 33% соответственно. Интересно то, что процентные показатели для обеих групп по двум критериям являются практически равными, разница между ними равна 5%, что предполагает наличие незначительных различий в отношениях испытуемых со своими сиблингами вне зависимости от их порядка рождения.

В результате анализа полученных результатов исследования были выделены категории просоциального и враждебного поведения, которые и определяют характеристику взаимоотношений между детьми в семье.

Так, основываясь на результаты нашего исследования, можно говорить о том, что для детей младшего школьного возраста наиболее характерно проявление просоциального поведения в виде готовности делиться со своим сиблингом. В то же время, родители (категория положительного подчинения родителю 13,6%) играют важную роль в формировании положительных отношений между детьми. Демонстрация же поддержки, привязанности в отношениях наблюдается в 12% случаях. Сотрудничество и помощь как категория просоциального поведения составляет всего 3%.

Проявление ревности (67,3%), а также агрессии/аутоагрессии (24,5%) как категории враждебного поведения в общении между сиблингами наблюдается чаще, чем невербальная угроза (2%) или нежелание делиться с сиблингом (6,1%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что для старших и младших детей в семье в наибольшей степени характерно проявления готовности делиться со своим сиблингом, что является показателем положительного отношения между детьми. Кроме того, было выявлено, что чаще всего именно ревность и агрессию испытывает ребенок по отношению к младшему или старшему сиблингу. Интересно также то, что показатели враждебного стиля взаимоотношений по всем категориям выше у младших детей в семье, где, по-видимому, второму ребенку уделяется меньше времени, чем в свое время старшему, причинами чего могут быть разные факторы в том числе и постоянно меняющиеся социально-экономические условия в нашей стране, хроническая усталость и занятость родителей.

Также нами была изучена степень выраженности чувства ревности к сиблингу с помощью методики «Шкала соперничества», по результатам проведения которой можно говорить о том, что 27% детей не испытывают ревность по отношению к другому ребенку в семье.

Помимо этого нами установлено, что степень выраженности ревности у 73% выборки находится на уровне ниже среднего, что в свою очередь указывает на отсутствие неблагоприятной для ребенка ситуации.

Мы предполагаем, что на достоверность результатов данной методики могло повлиять: во-первых, стремление детей дать социально-желаемые ответы, которые ориентируются на принятые в обществе определенные нормы, регламентирующие отношения в семье, и в частности взаимоотношения между сиблингами; во-вторых, характер предъявляемого ребенку стимульного материала, который оперирует в сознательной сфере ребенка, контролируемой им.

В то же время анализ результатов по методике «Рисунок семьи» по выделенным нами критериям указывает на то, что 90% испытуемых в той или иной степени оценивают отношения с сиблингом как благоприятные, и только 10% детей воспринимают их как негативно окрашенные. Необходимо отметить, что в большинстве рисунков преобладали критерии, характеризующие сиблинга, а соответственно и взаимоотношения с ним как значимую фигуру, имеющую определенный авторитет у ребенка вне зависимости от реальных отношений с ним.

Обобщая выше сказанное, можно сделать следующие выводы:

- в младшем школьном возрасте при взаимодействии с сиблингом доминирующим является просоциальное поведение, которое проявляется в готовности делиться с сиблингом, причем такая тенденция не зависит от порядка рождения;

- негативные отношения к сиблингу у младшего школьника выражаются чаще всего в форме ревности и агрессии /аутоагрессии;

- степень выраженности ревности к сиблингу соответствует уровню ниже среднего, что позволяет говорить о том, что при взаимоотношениях со вторым ребенком в семье у большинства испытуемых доминирует просоциальный тип поведения в какой-либо категории.

Следовательно, выдвинутая нами гипотеза, что для детей младшего школьного возраста при взаимодействии с сиблингом является характерным как враждебное поведение при взаимодействии с сиблингом, которое может выражаться в виде ревности, агрессии/аутоагрессии, нежелания делиться и невербальной угрозы, так и просоциальное поведение, выражающееся в готовности делиться сиблингом, положительном подчинении родителям, сотрудничестве (помощи), а также поддержке, утешении и привязанности подтвердилась.

Результаты, полученные нами в ходе исследования, интересны тем, что противоречат некоторым теоретическим данным, в которых утверждается, что для детей младшего школьного возраста в большей степени характерна демонстрация враждебного типа поведения, в частности агрессии и ревности, при взаимодействии с сиблингом. В нашем же исследовании мы установили, что в качестве доминирующего стиля взаимодействия между детьми является просоциальное поведение.

Возможно, наличие такого противоречия связано, во-первых, с устаревшими данными исследований, которые проводились 40-80-х годах прошлого столетия, а во-вторых – авторы, занимающиеся изучением данной проблематики, относятся в основном к зарубежной школе.

Таким образом, нами проанализированы новые, современные аспекты российской семьи, а именно взаимоотношения между сиблингами младшего школьного возраста в условиях развитой родительской компетентности.

Литература

1. Баранова О. Сказки Дюсса (Десперт). Тест для исследования межличностных отношений между детьми в семье // Школьный психолог. – 2001. – №25.
2. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. Записки детского психиатра. – М., 1988.
3. Кузьмина М. Сиблинги, или Каин и Авель в одной квартире // Школьный психолог. – 2000. – №17.
4. Махортова Г.Х. Расскажи сказку. Методика исследования детского самосознания. – М., 1997.
5. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. -8-е международ. изд. – СПб.: Питер, 2002.
6. Райгородский Д.Я. Родители и дети: учеб. пособие по педагогике для ф-тов психологии, педагогики и социальной работы. – Самара: Изд. дом БАХРАХ-М, 2003.
7. Хоментausкас Г.Т. Семья глазами ребенка. – М., 1989.
8. Шишова Т.Л. В ожидании младшего братика // Здоровье детей. – №1-2.

*Н.Ю. Полякова
Н. рук. В.А. Москвин*

МЕЖПОЛУШАРНАЯ АСИММЕТРИЯ И МЕХАНИЗМЫ СНА

Тайна сна интересовала людей на протяжении веков. Что происходит с человеком, когда он засыпает? У каждого народа и религии были свои толкования этой загадки, но ни одно из них не было достаточно убедительно. И только постепенно, благодаря прогрессу и развитию науки мы стали приближаться к пониманию этого необычного явления.

Сон – это особое функциональное психическое состояние человека со специфическими проявлениями в вегетативной и моторной сфере, которое характеризуется значительной обездвиженностью и отключенностью от воздействий внешнего мира. Сон представляет собой совокупность двух чередующихся фаз: ортодоксальной и парадоксальной. Нас интересует, прежде всего, фаза парадоксального сна, во время прохождения которой на электроэнцефалограмме (ЭЭГ) отмечаются колебания, сходные с регистрируемыми и в период бодрствования. Это свидетельствует о том, что и во время сна мозг напряженно работает, причем все процессы, вся деятельность качественно отличаются от выполняемой им днем.

Понять законы, принципы и механизмы этой работы можно, используя не только психофизиологические методы, но и анализируя ее качественную составляющую – сновидения. Сновидения являются сложными психическими процессами. Они состоят из накопленных в памяти человека психических образов, главным образом из зрительных представлений.

Учитывая всю сложность изучаемого явления, в его рассмотрении будет лучше двигаться от одного вопроса к другому, раскрывая содержание каждого из них.

Проблема длительности сновидений. Вполне закономерен вопрос: совпадает ли субъективное время сновидений и время объективного, реального мира? Скорее всего, нет.

О большой, иногда просто-таки фантастической скорости течения сновидений свидетельствуют данные множества исследований. Это самым убедительным образом показывает, что за объективно короткие промежутки времени «спящий мозг» выполняет огромную работу. Эти факты свидетельствуют о колоссальном объеме и больших возможностях подсознательной психической активности людей.

Следует при этом иметь в виду, что в сновидениях часто происходят внезапные скачкообразные переходы от одного сюжета к другому, т. е. используется своеобразная «кинематографическая техника», так же, как и в фильме, просматриваются только начало, главные сцены середины и конец.

Что происходит в моменты таких переходов от одной сцены к другой? Можно предположить, что в эти краткие интервалы подсознательные психические процессы протекают на еще более глубоких уровнях психики с помощью безобразных значений. Изображаются только самые существенные для личности проблематичные мысли, желания и образы, конфликты и т. п. В этом отношении структура многих сновидений напоминает структуру внутренней речи человека, в бодрствующем состоянии молча размышляющего над волнующими его проблемами.

Подтверждением этому могут выступить данные клинических наблюдений, которые показывают, что визуализация (представление с помощью зрительных образов) и вербализация (речевое выражение) сновидных мыслей осуществляется с помощью теснейшим образом взаимосвязанных механизмов. Причина, по-видимому, состоит в том, что скрытые мысли сновидений имеют в значительной мере речевую, хотя и недоступную для интроспекции форму. Таким образом, можно выдвинуть предположение о существовании особых законов кодирования речевой информации в зрительных образах и законов их декодирования. Каждый символ сновидения, по-видимому, имеет свои языковые эквиваленты.

Проблема творчества и интуиции в сновидениях. Сознательное мышление, наряду со своими большими преимуществами, имеет и серьезные недостатки. Из этих недостатков можно назвать: консервативность сознания; сверхосторожность; склонность к следованию за устоявшимися воззрениями.

Вместе с тем следует иметь в виду, что многие обладают более широкими внутренними возможностями осуществления творческой деятельности, чем в состоянии реализовать на уровне сознания, произвольно. Любопытно, что в сновидениях человек очень часто спонтанно освобождается от этих условностей и привычных точек зрения, он начинает более уверенно и смело выражать свои творческие способности.

Здесь просматривается взаимосвязь с повышением активности во время парадоксальной фазы именно правого полушария, которое, как известно, связано с симультанным, образным мышлением.

Интуицию в сновидениях можно рассматривать в двух аспектах: как творческое озарение и как предвидение будущих событий (антиципация). Интуитивное «озарение» происходит благодаря нескольким механизмам. Во-первых, происходит перемещение из глубин подсознательной сферы на предсознательный, самый близкий к сознанию, слой. Во-вторых, очень высока скорость психических процессов. И, в-третьих, происходит освобождение психики от принятых форм и схем, от конформистских условностей и получает простор так называемое нешаблонное мышление, которое, в отличие от шаблонного, осуществляется не по законам формальной логики, общепризнанными понятиями и представлениями. Такие интуитивные «озарения» в сновидениях, по-видимому, совершаются довольно часто, но известных нам достоверных случаев немного. Можно указать, по крайней мере, на три причины этого:

- а) большинство сновидений к утру и после пробуждения забываются;
- б) люди не всегда способны правильно оценить познавательные результаты, полученные в своих сновидениях;
- в) получаемые в сновидениях новые, творческие результаты очень часто выступают в символической форме и нуждаются в специальном толковании.

Люди, не имеющие профессиональной подготовки в области психологии сновидений, редко могут правильно истолковать значение этих символических образов и действий.

Подобные интуитивные озарения также, по всей видимости, связаны с большей активностью во время сновидений правого полушария, так как оно обеспечивает восприятие мира целиком, во всех его взаимосвязях и отношениях, а не последовательное, логическое рассмотрение одного объекта за другим.

Что касается предвидения будущих событий, то такие сновидения могут возникать по следующей схеме:

восприятие подпороговых раздражителей – ее подсознательная обработка – образование сновидения – пробуждение и осознание сновидения – понимание его предвосхищающей природы. Затем человек может предпринимать определенные действия.

Особенности функциональной асимметрии мозга и сновидения. Проблема межполушарных отношений в стадии быстрого сна остается спорной. С одной стороны, в ряде исследований показано преобладание активности правого полушария во время сновидений: более высокая мощность спек-

тра ЭЭГ справа; усиление кровотока в правой височно-затылочной области у больных нарколепсией во время сновидений и галлюцинаций; более высокая активность левой руки в психомоторных тестах при пробуждении из быстрого сна по сравнению с пробуждениями из медленного сна и бодрствованием, причем эта относительно более высокая активность левой руки коррелирует с более яркими отчетами о сновидениях.

В другом исследовании испытуемым, мужчинам и женщинам, при пробуждении из быстрого и медленного сна предъявлялись 3 теста на правополушарные функции и 3 теста на левополушарные функции. Учитывалась выраженность право- и леворукости. У праворуких женщин выявлено доминирование левого полушария при пробуждении из медленного сна и правого полушария при пробуждении из быстрого сна. У праворуких мужчин отмечалось также доминирование левого полушария после медленного сна, а при пробуждении из быстрого сна различия не выявлялось. Если тестирование проводилось спустя более 30 мин после пробуждения, различия в выполнении тестов при пробуждении из разных стадий сна сглаживались.

Частота отчетов о типичных, насыщенных образами сновидениях не зависела от наличия и выраженности правополушарной доминантности, что в принципе может быть объяснено одинаковым сдвигом в сторону активации правого полушария во время быстрого сна как у лиц с исходным доминированием правого, так и у лиц с исходным доминированием левого полушария.

Есть данные о сохранности отчетов о сновидениях после комиссуротомии (пересечения мозолистого тела) у 4 больных из 12. Правда, сновидения при этом становятся более простыми и однозначными, с легко прослеживаемыми причинно-следственными связями. Можно, следовательно, предположить, что в ряде случаев левое полушарие принимает участие в генерации сновиденческой активности, которая качественно отличается от таковой, связанной с правым полушарием.

Это одна сторона вопроса. Другая же состоит в том, что сам процесс вербализации сновидений требует активного соучастия левого полушария. Отсюда напрашивается вывод, что правое и левое полушария могут отвечать за разные аспекты сновиденческой активности.

Основные функции сновидений. Остается открытым вопрос об основном назначении сновидений, для чего они необходимы? Здесь существуют разные точки зрения. Так, *К. Миллер* предположил, что сновидения выполняют следующие основные функции:

- а) ассимиляции тревоги;
- б) удовлетворения импульсов;
- в) катарсиса;
- г) синтеза;
- д) развития мастерства, т. е. различных навыков;
- е) повторения воспринятого;
- ж) обучения.

Другая точка зрения принадлежит В.С. Ротенбергу. Он считает, что одна из основных функций сновидений – восстановление поисковой ак-

тивности, что обеспечивает успешную адаптацию. Предпосылки поисковой активности – врожденные и биологически обусловлены. Без поискового поведения не было бы прогресса ни отдельного индивида, ни всей популяции в целом. В рамках восстановления поисковой активности во время сновидений идет разрешение внутренних конфликтов, уменьшение тревожности, укрепление психологических защит. Особенность позиции В.С. Ротенберга заключается в том, что он говорит о замене реальной проблемной ситуации в сновидении искусственной, воображаемой, решение которой и восстанавливает поисковую активность. С нашей точки зрения, в сновидении происходит работа над решением реальных жизненных трудностей и задач, стоящих перед человеком.

В любом случае, в течении подсознательных сновидных процессов, в организации их работы самым непосредственным образом участвует динамичная система взаимодействующих полушарий. Исследование закономерностей ее работы будет способствовать созданию более полной картины организации подсознательной психической активности, глубокому пониманию механизмов функционирования основных структур психики.

*Р.В. Крыжка
Н. рук. Е.Н. Шутенко*

ПРОБЛЕМА ВОЛИ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В пятом веке до нашей эры древнегреческий философ Платон в своём диалоге «Государство» писал о трёх началах человеческой души:

1. Разумное – то, с помощью которого человек может рассуждать.
2. Вождедеющее (неразумное) – «из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями».
3. Яростное – «...то, которое берёт верх над побуждающим началом», благодаря ему, человек становится способным «переносить голод, стужу и все подобные этим муки, лишь бы победить».

Трудно переоценить значение воли. Благодаря ней мы организуем наше поведение, деятельность, поступки, добиваемся лёгких и трудных, близких и дальних целей. Воля позволяет нам преодолевать страхи, непосредственные импульсы, влечения. А волевые проявления отдельных личностей (Сократ, Александр Македонский, Дж. Бруно) вошли в историю, став предметом восхищения и идеалом мужества.

Стоит ли говорить, что таким феноменом как воля часто интересовались писатели, философы, психологи. Несмотря на это, до сих пор наблюдаем отсутствие наиболее общепринятых взглядов на её природу.

Существуют 2 значения, в которых употребляют это понятие:

1) «Воля – свобода в проявлении чего-либо.

2) «Воля – способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели» (С. И. Ожегов).

Воля – способность к выбору деятельности и к внутренним усилиям, необходимым для её осуществления» (Философский энциклопедический словарь).

Человеческое мышление способно к анализу и абстрагированию, но в реальной действительности вещи и явления не анализируемы, они составляют целое. Данные операции оказываются необходимыми в процессе познания бытия, но для понимания истинной сущности явления необходимо осуществить обратное – синтез. «Она (задача, которую ставит перед человеком чувственный мир – авт.) заключается в том, чтобы подвергнуть анализу суммарный итоговый эффект ещё неизвестных воздействий, преломившихся через ещё неизвестные внутренние свойства вещей, расчленив различные воздействия, которым подвергаются вещи, выделив из них основные, вычленив в суммарном эффекте каждое из воздействий на вещь, воздействие и внутренние свойства вещи... с тем, чтобы затем, соотнося, синтезируя данные, полученные в результате такого анализа, восстановить целостную картину действительности и объяснить её» (С. Л. Рубинштейн).

Поэтому таким важным оказывается необходимость постоянно помнить о том, что воля есть продукт аналитической работы мозга, феномен, который невозможно понять, не учитывая целостности, единства психики, её проявлений, а также временного измерения, т. е. филогенетического развития.

Выше мы уже упоминали о различиях в точках зрения на природу воли, в одних случаях она признается бесспорно, в других ставится под сомнение.

Отрицание свободы воли

Простой принцип детерминизма (учения «о первоначальной определяемости всех происходящих в мире процессов, включая все процессы человеческой жизни») отрицает свободу воли (антропологическо-этический детерминизм). У любого явления есть причины. Свеча горит, потому, что её зажгли. Человек голоден потому, что в его организме не хватает питательных веществ. Так, горящая спичка и нехватка питательных веществ выступают причинами данных явлений. Далее нужно сказать, что нехватка углеводов в организме человека выступает не единственной причиной голода, этих причин множество: это нервная система, которая сигнализирует нам о недостатке калорий, это и ситуация, в которую попал индивид, это и отсутствие возможностей, которые могли бы удовлетворить потребность, и т. д. Множество таких причин, взаимодействуя между собой, образуют систему, которая, в свою очередь, порождает некоторое явление, а точнее, систему явлений (*или даже систему систем!*). Таким образом, любое явление с необходимостью предопределяет система детерминант. Но тут возникает вопрос возможности учёта всех детерминант. Получается, что:

- количество предопределяющих факторов, действующих одновременно, неизбежно стремится к бесконечности;
- глубина сущностных признаков конкретной детерминанты также окажется неисчерпаемой;
- далее анализируя временное измерение, пытаюсь определить детерминанты детерминант, мы никогда не придём к первоисточнику.

Вышеперечисленные факты ставят под сомнение саму теорию детерминизма.

Кроме того, согласно принципу системности, составные элементы системы, интегрируясь друг с другом, порождают качественно иное свойство. Данный принцип с неизбежностью должен распространяться и на систему детерминант.

Возможно, что в этом, «качественно ином», а также в категории бесконечности и нужно искать «секрет» свободы.

Отрицание существования волевых качеств личности

Все живые существа «стремятся» избежать неблагоприятного для них состояния (состояния, которое они испытывают) и соответственно приблизиться к благоприятному. На всех стадиях развития один и тот же принцип существования – движение от отрицательного состояния к положительному. Таков один из механизмов существования живого.

Чем на более высокой ступени развития находится живая система, тем сложнее этот механизм.

На уровне человеческого развития он достигает максимальной сложности. В результате он принимает такие формы и закономерности своего функционирования, которые настолько сильно видоизменяют его, что увидеть и признать за этими формами тот самый общий, фундаментальный механизм становится очень трудно.

Итак, человек как живой организм тоже живёт по этому принципу. Любая форма человеческой активности направлена на достижение более благоприятного состояния. Защитный рефлекс может избавить человека от ожога, употребление пищи позволяет удовлетворить чувство голода, изучение философии вызывает эмоцию интереса, а чувство симпатии побуждает нас к общению. В совокупности все подобные факторы и составляют мотивацию человека.

Но большинство поступков человека, на первый взгляд, прямо противоречит вышеизложенным предположениям. Люди, совершая волевое усилие, преодолевают непосредственные потребности, желания. Вместо непосредственного получения удовольствия подчиняют свою деятельность более отдалённым целям, часто осуществляя большие физические и психические усилия, преодолевая трудности, осуществляя сложные процессы саморегуляции и переживая «борьбу мотивов». Эти и другие явления, составляя, по мнению многих психологов, сущность воли, практически не оставляют у них сомнений по поводу реальности последней.

Как уже было сказано, принцип гедонизма у человека оказывается настолько завуалированным, видоизменённым, непохожим на такой же принцип у низших животных. Этому способствует высокий уровень развития

психики человека, его нравственные качества, высшие психические функции, культура. Всё это и многое другое создаёт для человека определённое соотношение благоприятного и неблагоприятного состояния, и в зависимости от того, какое из них окажется доминирующим, в каждом конкретном соотношении, и будет определяться направление волевого акта.

Приведём пример для иллюстрации вышесказанного. Допустим, подросток, желающий доказать другим свою смелость, прыгает в воду с высокой вышки, преодолевая свой страх. С одной стороны, он испытывает сильное чувство страха перед предстоящим прыжком, с другой, понимает, что если он не прыгнет, его будут считать трусом. Он прыгает, т. к. в данном случае социальный страх (например, страх стыда) оказывается сильнее биологического. Схожие процессы (стремление снизить неблагоприятное состояние или приблизиться к благоприятному) можно обнаружить и в других волевых актах.

Нужно сказать, что данный пример представляет собой продукт абстрагирования и преувеличения существенных признаков и закономерностей, конечно, в действительности всё гораздо сложнее. Например, мотивов, заставляющих человека совершить волевой акт, гораздо больше как в количественном, так и в качественном отношении (биологические и социальные потребности, установки, интересы, страхи, желания и др.). Но неизменным остаётся один принцип – принцип движения к более благоприятному состоянию.

Философский аргумент, утверждающий существование воли

Если мы принимаем предположения, основанные на теории детерминизма и гедонистических принципов, то остаются нерешёнными важные вопросы:

- какое значение имеет для человека факт субъективного ощущения свободы воли и переживания волевого усилия?
- Какое значение имеет для человека факт осознания себя самого?

На эти вопросы возможно ответить, если мы будем рассматривать волю через временной параметр, через её появление в филогенезе.

Согласно такому взгляду, воля, сознание представляют собой некоторый ароморфоз, сравнимый по значимости с появлением нервной системы у кишечнополостных (или даже с зарождением жизни на земле). Его главная функция – управление. Человек получает способность «видеть себя со стороны», осознавать самого себя, осознавать то, что он осознает. Он приобретает способность самому выбирать «свой путь». У животных всё решают их инстинкты и окружающая среда, но у человека часть ответственности переносится на него самого. Теперь появляется что-то вроде «внутреннего Бога». Таким образом, природа «возлагает» на человека ответственность за себя самого, за других людей, животных, за мир в целом...

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – 782 с.
2. Платон. Диалоги. – М.: АСТ, 2005. – 384 с.
3. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 541 с.
4. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 427 с.

РОЛЬ САМООЦЕНКИ В РАЗВИТИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ ОБ ОТНОШЕНИИ К НИМ ЗНАЧИМЫХ ДРУГИХ

Исследование экспектаций (ожиданий человеком отношений, оценок, представлений о нем окружающих) является актуальным в современной психологии, поскольку их результаты позволяют судить о том, в какой мере эти идеальные представления личности об отношении к ней окружающих можно считать показателем сохранности связи людей между собой, а также позволяют судить о роли мнений, оценок других для укрепления позиции личности.

Одним из первых в разработке этой проблемы был А. Смит, который писал, что отношение индивида к себе, его самооценка зависят от «зеркала», глядя в которое мы можем «глазами других людей изучать свое собственное поведение», что мы судим о себе и своих поступках во многом так, как, нам кажется, об этом судят другие. Главным ориентиром в становлении Я-концепции, по мнению Смита, является «Я» другого человека – представления о том, что о нем думают другие [1; 39].

Дж. Мид впервые раскрывая в зарубежной психологии содержание понятия экспектации, говорит о том, что этот феномен обнаруживается в двух основных аспектах: в аспекте ожидания, предвосхищения идеального представления и в аспекте принятия субъектом, включения в свое «Я» оценок, представлений об этом «Я» других людей. Т. Шибутани связывает экспектации, представления «Я глазами другого» с Я-концепцией, развивающейся в социальном взаимодействии. Значительный вклад в исследование социальных представлений внесли такие представители французской социологической школы, как Г. Зиммель, М. Вебер, Э. Дюркгейм, С. Московичи, Л. Леви-Брюль и др. [7, 203-210].

В отечественной психологии проблема экспектаций личности впервые была поставлена С.Л. Рубинштейном, который выделяет структуру сознания, состоящую из отношений – к миру, к другим и к себе [6].

Развивая точку зрения С.Л. Рубинштейна, К.А. Альбуханова-Славская включила в структуру индивидуального сознания ту составляющую, которую в последующем социальные психологи обозначили как экспектацию, то есть ожидание отношений других людей. Экспериментальному исследованию была подвергнута структура сознания, включающая три составляющих – отношение к другим, к себе и других ко мне (т.е. – экспектации) [2, 59].

А.В. Петровский, изучая проблему ожидания оценок, выдвинул положение о том, что самовосприятие личности зависит от сопоставления того, что человек видит в себе (самооценка) с тем, что он видит в других (оценка индивидом окружающих), и с тем, что, по его предположению, видят в нем другие (ожидаемая оценка).

В.А. Петровский предлагает понимать под «значимым другим» продукт отраженной субъектности, как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения «Человек отражен во мне как субъект» означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру [5; 19-20]. Им была выдвинута гипотеза о существовании трехмерной модели значимого другого, в которой выделяются три формы метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого» [4]. Согласно этой модели, существуют три основных генерализованных и достаточно независимых друг от друга фактора, которые закономерно обуславливают значимость одного человека для другого. Первый – его авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. Второй – эмоциональный статус «значимого другого», его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызвать симпатию или антипатию – т. е. аттракция. Третий – институционализованная роль, в которой доминируют властные полномочия: статус власти.

Анализ исследований психологических механизмов эспектаций позволяет констатировать, что значимый другой оказывает влияние на формирование личности человека, на становление его «Я-концепции», но остается актуальным вопрос о том, каким образом взаимосвязаны представления личности об отношении к ней значимых других и ее самооценка? Это составило *проблему* нашего исследования.

Цель исследования – выявить, каким образом на представления личности об отношении к ней значимых других влияет ее самооценка.

Гипотеза исследования – самооценка связана с эспектациями: высокая самооценка предполагает ожидание высоких оценок своих личностных качеств, а низкая самооценка, наоборот, предполагает ожидание низких оценок своих личностных качеств.

Для реализации цели были выбраны следующие диагностические методики:

1. Личностный дифференциал.
2. Методика по выявлению представлений об отношении к личности значимых других.
3. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF).

В исследовании принимали участие студенты 1, 3, и 4-го курсов факультета психологии Белгородского государственного университета в количестве 100 человек.

Полученные эмпирические данные позволяют сделать следующие выводы.

Значимыми для студентов-психологов являются: мать, отец, брат/сестра, супруг/любимый, друзья, коллеги, начальство. Студенты, воспринимая себя «глазами других», различают оценки родителей, собственной семьи, коллег, начальства, друзей. В оценках семьи для них

значимы практически все характеристики, а в оценках коллег, друзей и начальства – отношенческие, поведенческие и профессиональные.

Ожидаемые оценки личности коррелируют с самооценкой. Так, студентам с высокой самооценкой свойственно ожидать и высоких оценок со стороны значимых для них людей. Студенты, у которых высокая самооценка по фактору «Оценка» (О) и «Активность» (А) личностного дифференциала, для которых свойственны удовлетворенность собственным поведением, внешностью, жизнью, являются активными, общительными и независимыми, в основном ориентируются на оценки собственной семьи и друзей, а те, у кого высокая самооценка по фактору «Сила» (С) личностного дифференциала – студенты, уверенные в себе и независимые, – чаще ориентируются на оценки членов семьи и начальства.

Студенты же с низкой самооценкой ожидают и низких оценок со стороны значимых других. Так, для студентов с низкой самооценкой по фактору О (неудовлетворенные своим поведением, своим уровнем достижения и критически относящиеся к себе студенты) свойственно ожидание и низких оценок со стороны всех, выделенных нами экспертов (родителей, брата/сестры, супруга/любимого, друзей, коллег, начальства). Те, у кого низкие показатели по такому фактору (С) личностного дифференциала (т.е. это зависимые от внешних обстоятельств, окружающих, оценок студенты, у которых недостаточно развит самоконтроль), в основном ориентируются на оценки членов семьи, друзей и коллег. И студенты с низкой самооценкой по фактору А (студенты, которым свойственны такие черты, как интровертированность, пассивность, скрытность) ожидают низких оценок от друзей, брата/сестры.

Проведенное исследование подтверждает выдвинутое предположение, что самооценка связана с ожиданиями: высокая самооценка действительно предполагает ожидание высоких оценок своих личностных качеств, а низкая самооценка, наоборот, предполагает ожидание низких оценок своих личностных качеств.

Литература

1. Альбуханова-Славская К.А. Представление личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – №5. – С. 38-47.
2. Альбуханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды. – М., 1999. – 224 с.
3. Гордиенко Е.В. Представления личности об отношении к ней других людей: Дис. ... канд. наук. – М., 2000.
4. Петровский В. А. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. – 1991. – №1. – С. 7-19.
5. Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987. – 240 с.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М., 1997.
7. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д, 1998. – 544 с.

СЕМЕЙНАЯ ДЕЗАДАПТАЦИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Экономический упадок в обществе породил глубокий социальный кризис, способствовал усилению таких болезней общества, как алкоголизм, наркомания, безнадзорность, преступность и др. Сегодня в России насчитывается около 700 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них около 40% становятся алкоголиками и наркоманами, 10% кончают жизнь самоубийством, 40% совершают преступления. На социально-профилактическом учете состоит свыше 200 тыс. родителей, не выполняющих своих родительских обязанностей; судами ежегодно выносятся до 30 тыс. определений о лишении родительских прав.

Мы привыкли отдельно рассматривать беспризорность, отдельно наркоманию, отдельно преступность. Но ведь всем известно, что источник данных явлений один – это социальная дезадаптация, корни которой лежат в дезадаптированной семье. Это связано с тем, что ключевым условием оптимального психосоциального развития ребенка является семья. Признавая значимость семьи как ведущего института социализации, мы следующим образом определяем семейную дезадаптацию. **Семейная дезадаптация** – это состояние ребенка, связанное с таким нарушением семейных отношений, при которых он не может найти «свое место в семье» и в оптимальной степени реализовать потенциальные возможности возрастного развития, свои способности к самореализации и личностному росту.

Следовательно, главная причина дезадаптации ребенка – это психотравмирующая ситуация, в которой он находится в семье. В этом контексте психотравмирующей ситуацией для ребенка могут выступать: наркологическая отягощенность семьи, обусловленная клинически установленным алкоголизмом или наркотизацией одного или нескольких членов семьи, жестокое отношение к детям, а также лишение родителей родительских прав с последующей передачей обслеуемого на воспитание и обучение в учебно-воспитательные учреждения интернатного типа; акцентированные или аномально-личностные расстройства, а также психические нарушения у одного из членов семьи, сопровождающиеся конфликтными длительными отношениями; криминологическая отягощенность семьи в связи с судимостями, отбыванием наказания в исправительно-трудовых учреждениях одного из членов семьи.

К данной психотравмирующей ситуации ребенок должен приспособиться. Поэтому у каждого человека заложен адаптационный барьер, который имеет две основы:

- биологическую – это то, что заложено в ребенке генетически;
- социальную – т.е. социальный опыт. Естественно, чем младше ребенок, тем меньше социальный опыт и меньше адаптационный барьер.

В состоянии психического напряжения происходит приближение барьера адаптированного психического реагирования к индивидуальной критической величине – предел толерантности. При этом ребенок использует все резервные возможности и может осуществлять особенно сложную деятельность, предвидя и контролируя свои поступки и не испытывая тревоги, страха и растерянности, препятствующих адекватному поведению. Длительное, и особенно резкое, напряжение функциональной активности барьера психической адаптации приводит к его перенапряжению, что проявляется в предневротических состояниях, выражающихся лишь в отдельных, наиболее легких нарушениях (повышенная чувствительность к обычным раздражителям, незначительная тревожная напряженность, беспокойство, элементы заторможенности или суетливости в поведении, бессонница и др.). Они не вызывают изменений целенаправленности поведения ребенка и адекватности его аффекта, носят временный и парциальный характер.

Если же давление на барьер психической адаптации усиливается и все его резервные возможности оказываются исчерпанными, то происходит надрыв барьера – нарушенная целостность ослабляет возможности психической активности, а значит, сужаются рамки приспособительной адаптированной психической деятельности и появляются качественно и количественно новые формы приспособительных реакций, алкоголь, наркотики, суицидальные мысли и др. Это ведет к сокращению границ адекватного и целенаправленного поведения ребенка и расстройству его адаптации как способности ребенка нормально существовать.

Расстройства адаптации включают в себя следующие моменты:

- 1) неадекватное восприятие себя и окружающего;
- 2) нарушение системы взаимоотношений с другими;
- 3) нарушение ведущего вида деятельности.

Так как психотравмирующая ситуация, в которой находятся дети, время и сила ее воздействия в каждой семье различны, следовательно, приходится говорить и о различной степени неблагополучия семей. Поэтому задачей нашего исследования было выявление уровней семейной дезадаптации в г. Белгороде.

На сегодняшний день проблема семейной дезадаптации по оценке экспертов, в г. Белгороде является актуальной (74,3%). Основными критериями, на основании которых семьи относят к дезадаптированным, по мнению большинства являются:

- асоциальное поведение членов семьи: алкоголизм, наркомания, преступность, проституция (38,4%);
- неблагоприятный психологический климат в семье (23,6%);
- нарушение структуры семьи (18,3%);
- пренебрежение детьми, их избиение, эксплуатация, издевательство (17%).

По результатам исследования можно сказать, что в половине случаев (76,3%) – это неполные семьи (кто-то из родителей умер либо отсутст-

вует вообще) и семьи в разводе. Как правило, такие семьи характеризуются неблагоприятным психологическим климатом (88,2%), когда в одной или нескольких сферах семейных взаимоотношений существуют хронические трудности и конфликты; члены семьи испытывают постоянную тревожность, эмоциональный дискомфорт; в отношениях господствует отчуждение. Причем неблагоприятные отношения трансформируются в кризисные, характеризующиеся полным непониманием, враждебностью друг к другу, вспышками насилия (психического, физического, сексуального), желанием разорвать связывающие узы. Материальное положение таких семей (86,3%) ниже нормы, они относятся к малообеспеченным. Вследствие этого семья не может удовлетворять самые насущные потребности в пище, одежде, жилье. Следовательно, 86,3% таких семей имеют низкий социально-экономический статус.

Практически в каждой семье (93,4%) имеются различного рода социальные девиации: алкоголизм (62,3%), наркомания (15,4%), криминальность (20,3%) и проституция (2%).

Таким образом, в результате проведенного исследования на основе анализа структурных и функциональных характеристик дезадаптированной семьи, а также индивидуальных особенностей ее членов нами предложена система уровней семейной дезадаптации, которая включает в себя:

1 уровень: семьи, в которых проблемы имеют незначительное проявление и находятся на начальной стадии развития неблагополучия.

Для этого уровня характерны следующие показатели:

- периодические ссоры в полной семье, в основном на бытовой почве;
- материальная обеспеченность, высокое качество жилищных условий;
- периодическое употребление алкоголя одного из членов семьи.

2 уровень: семьи, в которых социальные и другие противоречия обостряют взаимоотношения членов семьи друг с другом с окружением до критического уровня.

Показатели:

- систематические конфликты в семье;
- асоциальное поведение одного из членов семьи;
- равнодушие к детям, отчуждение, пассивность;
- психические заболевания членов семьи;
- социальные условия проживания удовлетворительные.

3 уровень: семьи, потерявшие всякую жизненную перспективу, инертные по отношению к своей судьбе и судьбе собственных детей.

Показатели:

- кризисные отношения в семье, характеризующиеся полным непониманием, враждебностью друг к другу, вспышками насилия;
- асоциальное поведение обоих родителей: алкоголизм, наркомания, осложненное криминальностью;

- жестокое отношение к детям, вовлечение их в преступную и антиобщественную деятельность;
- лишение родительских прав;
- антисанитарные условия проживания.

В результате данной типологии, которая предусматривает выделение трех уровней семейной дезадаптации от низкого к среднему и высокому, все исследуемые семьи распределились в следующем процентном соотношении:

- 1 уровень – 6,3%;
- 2 уровень – 43,4%;
- 3 уровень – 50,3%.

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать вывод, что уровень семейной дезадаптации в г. Белгороде является крайне высоким. Однако здесь нужно учитывать одно обстоятельство: в банке данных находится информация о семьях, в которых уже прогрессирует дезадаптация и налицо видимые ее признаки.

Разрешением проблемы дезадаптации семьи в первую очередь должен заниматься социальный педагог, так как именно он, непосредственно контактируя с ребенком, может уловить едва заметные отклонения от нормы в его поведении, которые являются сигналом о неблагополучии в семье. Поэтому для работы социального педагога с семьями различного уровня дезадаптации нами предложены некоторые рекомендации, которые состоят из трех блоков в соответствии с тремя уровнями семейной дезадаптации.

В первый блок входит работа с семьями 1-го уровня дезадаптации. Преобладающим видом помощи данного типа семьи должны стать:

1. Семейное консультирование.
2. Привлечение родителей, близких членов семьи к организации и проведению родительских собраний, конференций.
3. Периодический патронаж раз в полгода.

Второй блок наших рекомендаций направлен на работу с семьями 2-го уровня дезадаптации:

1. Взаимодействие с Комиссией по делам несовершеннолетних по решению проблем семьи и привлечение ее к участию в малых педсоветах.
2. Индивидуальная работа с членами семьи и близким окружением (через консультирование, индивидуальные беседы и так далее).
3. Привлечение родителей к оказанию помощи в организации школьных мероприятий.
4. Привлечение родителей к участию в работе тренинговых групп.
5. Совместная работа семьи с общественным советом.

Третий блок наших рекомендаций направлен на оказание помощи семьям 3-го уровня дезадаптации:

1. Усиленный социальный патронаж.
2. Официальный и неофициальный надзор.

3. Сотрудничество с органами опеки и попечительства, с Комиссией по делам несовершеннолетних, с участковым инспектором по делам несовершеннолетних в процессе оказания помощи семье.

Таким образом, дифференциация дезадаптированных семей и оказываемых им форм помощи по уровням позволит решить актуальнейшую задачу – ликвидировать причины психотравмирующей ситуации в семье, что, в конечном итоге, позволит снизить уровень семейной дезадаптации и сократить число дезадаптированных семей.

И.Г. Дронова
Н. рук. Е.А. Кожемякин

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В современных российских условиях социальных, политических, экономических реформ особую значимость приобретают процессы межэтнического взаимодействия различных этнических групп, которые находят свое проявление во всех сферах социальной жизни.

В сводке миграции населения Управления по делам миграции УВД Белгородской области с 1992 года по март 2004 зафиксированы следующие цифры. В 1992 году (с этого года начался бурный процесс перемещения и стала осуществляться регистрация) в Белгородскую область прибыло 33 946 мигрантов. В 1993 году прибыло 35 0322 человека. Пик миграции пришелся на 1994 год. Вспомним события того периода в Таджикистане, и будут понятны причины всплеска перемещения. В этом году в область прибыло 41 101 человек, затем потоки плавно пошли на убыль: в 1995 году в область прибыло 32 680, в 1996 – 28 959, в 1997 – 27 046, в 1998 – 27 697, в 1999 – 27 528, в 2000 – 24 576, в 2001 – 20 394, в 2002 – 21 52, в 2003 – 19 219 человек.

В 2004 году тенденция сохраняется. В результате за годы распада СССР, вооруженных конфликтов и реформ в Белгородскую область прибыло 342 903 человека.

География переселенцев в Белгородскую область обширна, различны представители и по национальной принадлежности: украинцы, белорусы, татары, армяне, грузины, узбеки, таджики, корейцы, чеченцы и т.д.

Оседают мигранты в основном в развитых районах – Губкинском, Шебекинском, Яковлевском, Белгороде и Белгородском районе.

Для изучения современного состояния этнопсихологических отношений в регионе было проведено социологическое исследование.

Вопрос о длительности проживания на территории Белгородской области показал, что 46,2% проживают здесь 5-10 лет; 30,8% – 1-1,5 года;

15,4% – свыше 10 лет. Из этого следует, что большинство опрошенных уже знакомы с укладом жизни белгородцев.

Серия вопросов, посвященных межэтническому общению, выявила, что представители этнических меньшинств общаются с местными жителями с удовольствием (46,1%); проявляют интерес (38,5%).

На вопрос о близости общения респонденты ответили следующим образом:

- 69,2 % опрошенных могут принимать местных жителей как друзей;

- 15,4 % могут принимать как родственников посредством брака;

- 7,7% могут общаться с местными жителями только как соседи.

Это свидетельствует о том, что у этнических меньшинств, опрошенных нами, дистанция в общении с местными жителями невелика и динамична.

Главным затруднением в общении с местными жителями, по мнению респондентов, является нежелание общаться и недружелюбие со стороны белгородцев (38,5%); взаимное непонимание (15,4%). Об этом свидетельствует и ранее проведенное исследование среди жителей Белгородской области, направленное на изучение отношения местного населения к представителям других национальностей, результаты которого показывают, что 57% опрошенных относятся к приезжим безразлично, 31 % относятся откровенно недружелюбно, и лишь 12 % проявили в своем отношении к представителям иных национальностей сочувствие, стремление помочь. Можно отметить гиперчувствительность опрошенных к так называемым лицам кавказской национальности. Именно эта группа занимает лидирующие позиции в ответах на вопрос анкеты "К представителям какой национальности Вы относитесь скорее негативно, чем положительно?" Значительная доля респондентов (57 % местных жителей) высказались за запрещение прописки кавказцев в городе, обосновывая это их участием в криминальной деятельности на территории России, в распространении наркотиков, стремлением брать под свой контроль движение товаров и денег.

Кроме "кавказцев" население Белгородской области относится нетерпимо к таджикам, цыганам (15 % местных жителей и 33 % студентов), "мусульманам" (7 % местных жителей, 10 % студентов).

Среди местного населения 21 % опрошенных отметили негативное отношение к представителям любой национальности.

Таким образом, отношение местного населения к представителям иных национальностей характеризуется невысоким уровнем терпимости; фобия имеет ярко выраженную этническую основу, а в массовом сознании образ приезжего прочно связан с так называемыми "лицами кавказской национальности", таджиками, цыганами, приехавшими в город для обогащения, торгующими на рынке, распространяющими грязь, болезнь, разврат.

Для опрошенных нами представителей иных национальностей характерна развитая степень этнической толерантности. Так, для 69,5 % респондентов национальность человека при общении с ним не имеет большого значения.

На вопрос о приемлемости для опрошенных традиций и обычаев местных жителей 84,6 % ответили, что они стремятся понять и изучить традиции и обычаи местных жителей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что респонденты обладают более высоким уровнем культурной толерантности, нежели местные жители.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что состояние межэтнических отношений на территории Белгородской области характеризуется наличием многих нерешенных проблем. У представителей иных национальностей это трудности в процессе адаптации к социокультурным особенностям региона, характеру и поведению местных жителей, низкий уровень терпимости, стереотипизация массового сознания, распространение ксенофобии.

Несмотря на полиэтничный состав нашего государства и достаточно большой опыт совместного проживания многих народов, проводимые в последние годы исследования в области межнационального общения и анализ возникающих этнопсихологических проблем показывают, что в процессе взаимной адаптации у людей неизбежно возникают трудности в общении и взаимодействии с людьми другой национальности, вероисповедания, других традиций, обычаев, привычек. И это не случайно. Ведь национально-психологические особенности, являясь устойчивыми образованиями и обеспечивающие в нормальных обстоятельствах первичное социальное и природно-психологическое единство людей, в ситуации нестабильности, обострения конфликтов выходят на передний план и непосредственно детерминируют кризисное, часто спонтанное поведение населения многих регионов страны.

Поэтому особенно актуальными на сегодняшний день представляются проблемы подготовки специалистов по социальной работе и создания специальных программ для обучения способам предотвращения этнопсихологических проблем. Существует настоятельная необходимость создания системы профилактических мероприятий по регулированию межнациональных отношений, обеспечения на государственном и местном уровнях условий для корректировки деформированных проявлений этнического самосознания в ходе возникновения этнопсихологических проблем. Не меньшее значение приобретает и выработка стратегии и тактики воспитания толерантности к представителям других наций и этносов. Все это является предпосылками для создания на государственном и местном уровнях системы функционирования специалистов, ответственных за межнациональные отношения, отслеживающих характер и содержание межэтнических связей и взаимодействия, способных дать четкие рекомендации по облегчению взаимной адаптации представителей разных этносов, по поддержанию стабильности совместной их жизнедеятельности и профилактике и разрешению возникающих этнопсихологических проблем.

Раздел 5. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

*М.А. Бутырина
Н. рук. М.П. Спирин*

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ У ДЕВОЧЕК 6–7 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКОЙ

Художественная гимнастика – сложно-координационный вид спорта. По мнению тренера сборной России, Заслуженного тренера Э.П. Аверкович, специфика ее проявляется в выполнении большого количества сложно-технических движений свободного характера, которые объединяются в композицию [1].

В композиции в соответствии с требованиями соревнований должны присутствовать обязательные элементы на каждую группу тела: поворот, равновесие, прыжок, гибкость. Для качественного выполнения обязательных элементов требуются высокая подвижность в плечевом, тазобедренном и коленном суставах, а также в поясничном отделе позвоночника, что наиболее положительно будет сказываться на выполнении элементов.

Высокий уровень гибкости позволяет спортсменкам воспитывать выразительность движений, пластичность, технически и амплитудно выполнять элементы, что также может положительно сказаться на оценке результатов соревновательной деятельности. Эластичность мышц, связок и суставов также уменьшает вероятность травм.

При недостаточной подвижности в суставах движения ограничены, скованы и усложняется процесс освоения двигательных навыков. Процесс развития гибкости в художественной гимнастике, как указывает Э.П. Аверкович, представляет собой многолетнюю деятельность и является составной частью каждого тренировочного занятия [1].

Целью наших исследований являлась разработка и экспериментальная проверка эффективности методики развития гибкости у девочек 6-7 лет. В ходе наших исследований решались следующие задачи:

- 1) выявить состояние вопроса по данным специальной литературы;
- 2) разработать методику развития гибкости для девочек 6-7 лет;
- 3) определить эффективность методики развития гибкости для гимнасток учебно-тренировочной группы;
- 4) разработать практические рекомендации для тренеров, работающих с девочками 6-7 лет.

Нами предполагалось, что комплексы упражнений, разработанных М.А. Говоровой для гимнасток 10-12 лет, при некоторой адаптации будут эффективны для развития гибкости и у девочек 6-7 лет [2].

Исследования проходили на базе областной СДЮШОР отделения художественной гимнастики. Эксперимент проводился с октября 2005 года по апрель 2006 года. Исследования проводились в гимнастическом зале СДЮШОР под руководством Заслуженного тренера России К.В. Борисенко. В исследование входила группа начальной подготовки 2-го года обучения, которая была разделена на экспериментальную и контрольную.

В состав экспериментальной группы входили 8 девочек 1998-99 гг. рождения. В соответствии с требованиями спортивной школы, занятия проводились по 2 часа 4 раза в неделю. На каждом занятии в этой группе мы использовали комплекс упражнений М.А. Говоровой для гимнасток 10-12 лет, в который были внесены изменения: уменьшено количество подходов и количество повторений в каждом упражнении. В этот комплекс было включено 8 упражнений на развитие гибкости в плечевом, тазобедренном, коленном суставах, а также в поясничном отделе позвоночника. На выполнение этого комплекса упражнений на каждом занятии отводилось 15 минут. С помощью этой методики мы развивали пассивную и активную гибкость.

В контрольную группу входили 8 девочек 1998-99 гг. рождения, занимавшихся также по 2 часа 4 раза в неделю.

Педагогический эксперимент проводился в пять этапов:

- 1) □ контрольное измерение;
- 2) □ учебно-тренировочный процесс;
- 3) □ промежуточное тестирование;
- 4) □ учебно-тренировочный процесс;
- 5) □ итоговое тестирование.

Окончательные результаты нашего исследования были обработаны с помощью метода непараметрической статистики [3], где выявлены положительные изменения во всех контрольных упражнениях, что следует считать статически значимым (вероятность ошибки не превышает 5%).

Контрольные упражнения	До эксперимента		Промежуточное тестирование		После эксперимента	
	Средняя арифм.	δ	Средняя арифм.	δ	Средняя арифм.	δ
«Прокручивание»	22,0	4,77	21,8	4,64	18,5	4,38
«Мост»	10,1	2,65	9,9	2,39	7,3	1,99
«Складка»	14,8	1,19	13,8	0,93	11,5	0,93
«Правый шпагат»	13,8	1,19	13,6	1,33	10,3	1,06
«Поперечный»	15,6	1,99	15,3	1,72	12,5	1,59
«Левый шпагат»	17,5	1,46	17,3	1,72	13,6	1,19
Значения	Средняя арифм.	δ	Средняя арифм.	δ	Средняя арифм.	δ

Результаты, которые, представлены в таблице, показывают прирост гибкости во всех контрольных упражнениях. Наиболее эффективными оказались «мост» – развитие гибкости в поясничном отделе позвоночника (на 27 %); «поперечный и левый шпагат» – развитие гибкости в тазобедренном суставе (на 20 и 22 %); «прокручивание» – развитие гибкости в плечевом суставе (на 16 %).

Эти результаты доказывают, что комплекс упражнений М.А. Говоровой эффективен и для гимнасток 6 – 7 лет. Это позволяет нам рекомендовать тренерам, работающим с девочками данного возраста, включать упражнения на развитие гибкости в плечевом, тазобедренном, коленном суставах и поясничном отделе позвоночника из комплекса М.А. Говоровой.

Литература

1. Аверкович Э.П. Методика проведения занятий по художественной гимнастике с детьми 5-6 лет. – М.: Федерация художественной гимнастики России, 2001. – 78 с.
2. Говорова М.А. Общая и специальная физическая подготовка в художественной гимнастике. – М.: Федерация художественной гимнастики России, 2000. – 114 с.
3. Железняк Ю.Д. Петров П.К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 264 с.

*М.Р. Хабутдинов
Н. рук. А.В. Воронков*

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ СИЛЫ МЫШЦ ПРЕДПЛЕЧЬЯ И КИСТИ У РУКОБОРЦЕВ МАССОВЫХ РАЗРЯДОВ

Популярность армспорта как одного из наиболее доступных видов единоборств растет с каждым годом. Армспорт является одним из средств физического воспитания, получивших общенародное признание за свою доступность и зрелищность. Особенной популярностью он пользуется среди молодежи, хотя его динамичность и универсальность дает возможность заниматься им людям любого возраста. Как вид спорта армрестлинг в нашей стране появился в 1989 г. В настоящее время российские спортсмены уверенно занимают лидирующее положение в мире в борьбе на руках. Динамично развивается армспорт на Белгородчине. Ежегодно проводятся и имеют большую популярность среди населения областная спартакиада среди городов и районов, областная спартакиада вузов. Во многих городах и районах массовые физкультурно-спортивные праздники не обходятся без соревнований рукоборцев. Быстрые темпы развития этого вида спорта требуют подготовки соответствующих специалистов по армспорту, наличия эффективных методик развития необходимых для борьбы на руках физических качеств. Однако в настоящее время наблюдается нехватка специальной литературы по армспорту. Это побуждает многих

тренеров и спортсменов самостоятельно разрабатывать методики тренировок и проверять их эффективность на практике.

Армспорт относится к скоростно-силовым видам спорта, где основной двигательной задачей спортсмена является развитие максимальной мощности соревновательного движения, т.е. за кратчайшее время необходимо развить максимальную силу. Следовательно, в процессе специальной физической подготовки рукоборца особое внимание нужно уделять развитию взрывной силы.

Еще одной особенностью армспорта является то, что во время поединков основная нагрузка приходится на мышцы рук (мышцы плеча и предплечья) и суставы (локтевой и лучезапястный). Особенностью рукоборца являются хорошо развитые мышцы предплечья и сильная кисть. На товарищеских поединках рукоборцев с представителями других силовых видов спорта (борцов, пауэрлифтеров, культуристов) можно наблюдать, как уверенно атлеты, занимающиеся армспортом, выигрывают кисть у своего соперника и лишают его возможности применить в полной мере имеющуюся силу мышц плеча.

Значение сильных мышц предплечья и кисти в армспорте очень велико. В этом виде спорта работа над развитием этих мышц составляет большой объем в специальной силовой подготовке каждого спортсмена. Тем не менее, в специальной литературе нами не обнаружено методик по развитию силы мышц предплечья и кисти, что определило актуальность нашего исследования. В связи с этим мы сформулировали цель исследования – разработать методику развития силы мышц предплечья и кисти у юношей, занимающихся армспортом.

Объект исследования: специальная физическая подготовка юношей, занимающихся армспортом.

Предмет исследования: особенности развития силы мышц предплечья и кисти у рукоборцев массовых спортивных разрядов.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

1. На основе данных литературных источников обобщить и систематизировать рекомендации специалистов по организации специальной физической подготовки рукоборца.

2. Определить значение силы мышц предплечья в армспорте и систематизировать рекомендации специалистов по развитию силы этих групп мышц.

3. Разработать методику для развития силы мышц предплечья и кисти для рукоборцев массовых спортивных разрядов и экспериментально проверить ее эффективность.

4. Разработать практические рекомендации по организации тренировочного процесса юношей, занимающихся армспортом.

Гипотеза: предполагается, что использование всего многообразия движений в лучезапястном суставе, а также варьирование исходных положений предплечья во время упражнений эффективно для развития силы мышц предплечья и кисти для рукоборцев.

Новизна исследования заключается в том, что была разработана методика развития силы мышц предплечья и кисти для рукоборцев массовых спортивных разрядов.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения разработанной нами методики в процессе подготовки спортсменов, занимающихся армспортом.

В нашей работе мы использовали следующие методы исследования: педагогическое наблюдение, тестирование двигательных способностей, анализ и обобщение литературных источников, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Для осуществления педагогического эксперимента мы выделили 10 человек, составивших контрольную (5 человек) и экспериментальную (5 человек) группы. Все участники эксперимента имели стаж занятий армспортом от 1 до 2 лет и выступали на соревнованиях на уровне 2-3 спортивных разрядов. Группы комплектовались с помощью метода попарной выборки и были однородны.

Эксперимент проводился с целью сравнения эффективности различных методик для развития силы мышц предплечья и кисти в тренировочном процессе рукоборцев. Эксперимент проводился на базе атлетического клуба «Муромец» с февраля по май 2005 г.

Занятия в экспериментальной и контрольной группах проводились три раза в неделю по понедельникам, средам и пятницам. Продолжительность каждого тренировочного занятия составляла около 120 мин. Общий объем тренировочной работы составил 80 часов в каждой из групп. Существенное отличие предполагали комплексы тренировки мышц предплечья и кисти в экспериментальной группе от контрольной. В программах тренировки мышц предплечья и кисти в контрольной группе использовались упражнения, наиболее часто рекомендуемые специалистами различных силовых видов спорта. В экспериментальной группе комплекс упражнений для данных мышц был дополнен нами с учетом специфики армспорта (пронация предплечья, отведение кисти, сгибание кисти в различных исходных положениях, сгибание пальцев с согнутой кистью). Кроме этого, в каждой группе уделялось большое внимание общей физической подготовке, совершенствованию техники борьбы, тренировочным поединкам.

С целью определения уровня специальной физической подготовленности до и после педагогического эксперимента проводилось тестирование двигательных способностей. В программу тестирования были включены следующие упражнения для определения силы и силовой выносливости мышц предплечья и кисти:

1. Кистевая динамометрия.
2. Кистевая динамометрия с согнутой кистью.
3. Вис на перекладине на одной руке.
4. Сгибание кисти со штангой.
5. Тяга «верхом» из стартового положения.
6. Пронация предплечья в специальном тренажере.

Все упражнения выполнялись на обе руки. Таким образом, в каждой группе из пяти человек мы имеем по десять измерений в каждом тесте. По окончании эксперимента было проведено итоговое тестирование по всем показателям как в контрольной, так и в экспериментальной группах. Результаты тестирования подверглись математической обработке по Т-критерию Стьюдента. Результаты математической обработки отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Сравнение результатов предварительного и итогового тестирования в контрольной и экспериментальной группах

Виды контрольных испытаний	Группа	До эксперимента		После эксперимента		t	Прирост %	P
		$\bar{X}_1 \pm m$	δ	$\bar{X}_2 \pm m$	δ			
Кистевая динамометрия (кг)	Контрольная	54,2 ± 2,6	7,8	57,3 ± 2,5	7,7	0,9	5,7	> 0.05
	Эксперим.	55,1 ± 2,7	8,1	58,1 ± 2,5	8,0	0,8	5,4	> 0.05
Кистевая динамометрия с сог. кистью (кг)	Контрольная	18,8 ± 1,4	4,2	22,1 ± 1,4	4,3	1,7	17,6	> 0.05
	Эксперим.	19,7 ± 1,3	3,9	24,2 ± 1,0	3,1	2,7	22,8	< 0,05
Вис на перекладине (сек.)	Контрольная	40 ± 3,8	11,4	44,4 ± 3,5	10,5	0,9	11	> 0.05
	Эксперим.	43,9 ± 3,2	9,7	51,7 ± 3,2	9,5	1,7	17,8	> 0.05
Сгибание кисти со штангой (кг)	Контрольная	39,3 ± 0,8	2,4	44,6 ± 0,9	2,7	4,4	13,5	< 0,05
	Эксперим.	40 ± 1,1	3,2	44,5 ± 1,0	3,0	3,1	11,3	< 0,05
Тяга «верхом» (кг)	Контрольная	19 ± 0,9	2,8	21,8 ± 1,0	3,0	2,05	14,7	> 0.05
	Эксперим.	19,8 ± 1,3	3,9	22,6 ± 1,2	3,5	1,6	14,1	> 0.05
Пронация предплечья (кг)	Контрольная	10,5 ± 0,6	1,7	12,2 ± 0,6	1,9	2,0	16,2	> 0.05
	Эксперим.	11,3 ± 0,6	1,9	13,7 ± 0,7	2,1	2,5	21,2	< 0,05

Из таблицы 1 видно, что в контрольной группе из всех показателей достоверно улучшился результат в сгибании кисти со штангой. Этот показатель характеризует уровень развития максимальной силы мышц-сгибателей кисти. Результат вырос с 39,3 кг до 44,6 кг (на 13,5 %). По остальным измеряемым нами показателям в контрольной группе произошло некоторое увеличение результатов, которые нельзя считать достоверными, так как $P > 0,05$. Это можно объяснить малой продолжительностью нашего эксперимента (3 месяца). Другая картина наблюдается в экспериментальной группе, достоверный прирост в которой произошел в трех показателях из шести. На 22,8 % (с 19,7 кг до 24,2 кг) улучшился среднегрупповой показатель в сжимании эспандера с согнутой кистью ($P < 0,05$). Этот показатель очень важен для рукоборцев, так как поединки часто проходят при таком положении кисти. Также прирост оказался достовер-

ным в таком необходимом в армспорте движении, как пронация предплечья. Результат в этом тесте вырос на 21,2 % (с 11,3 кг до 13,7 кг; $P < 0,05$). Кроме этого, как и в контрольной группе, произошел достоверный прирост в сгибании кисти со штангой. Результат в этом упражнении вырос с 40 кг до 44,5 кг ($P < 0,05$), что составляет 11,3 %. По тем показателям, в которых не отмечается достоверного улучшения результатов, так же как и в контрольной группе, наблюдается некоторый прирост.

Из табл. 2 видно, что прирост в экспериментальной группе достоверно больше в показателях, отражающих развитие максимальной силы мышц-сгибателей пальцев и пронирующих предплечье. Так, в тесте сжатие эспандера с согнутой кистью прирост в контрольной группе составил 3,3 кг в то время как в экспериментальной – 4,5 кг ($P < 0,05$). В пронации предплечья в тренажере прирост в контрольной группе составил 1,7 кг а в экспериментальной 2,4 кг ($P < 0,05$). Кроме этого достоверно больший прирост произошел в виси на перекладине на одной руке, Это упражнение отражает уровень развития выносливости мышц-сгибателей пальцев. В контрольной группе результат в этом упражнении увеличился на 4,4 с, в то время как в экспериментальной на 7,8 с ($P < 0,05$).

Таблица 2

**Сравнение приростов
в контрольной и экспериментальной группе**

Группа Упражнение	Контрольная			Экспериментальная			t	P
	X	δ	m	X	δ	m		
Кистевая динамометрия (кг)	3,1	1	0,3	3,0	1	0,3	0,2	> 0.05
Кистевая динамометрия с сог. кистью (кг)	3,3	1	0,3	4,5	1	0,3	2,6	< 0.05
Вис на перекладине (с)	4,4	1,0	0,3	7,8	1,3	0,4	6,2	< 0.05
Сгибание кисти со штангой (кг)	5,3	1,3	0,4	4,5	1,6	0,5	1,2	> 0.05
Тяга «верхом» (кг)	2,8	0,6	0,2	2,8	0,6	0,2	0	> 0.05
Пронация предплечья (кг)	1,7	0,5	0,2	2,4	0,3	0,1	3,6	< 0.05

Полученные в результате нашего эксперимента данные позволяют говорить о том, что наиболее популярные в атлетической гимнастике упражнения для развития силы мышц предплечья и кисти не отвечают полностью требованиям к подготовке рукоборцев. Мало внимания уделяется таким специфичным движениям, как пронация и супинация предплечья, отведение кисти и сгибание пальцев с согнутой кистью. Поэтому тренировочный процесс в армспорте необходимо дополнять движениями, схо-

жими по своей структуре с движениями, выполняемыми во время поединка. В нашей работе участники экспериментальной группы выполняли для мышц предплечья и кисти как упражнения, наиболее популярные в атлетической гимнастике, так и упражнения, разработанные нами с учетом соревновательной деятельности в армспорте. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что экспериментальная методика, в которую были включены упражнения, продиктованные спецификой армспорта (пронация предплечья, отведение кисти, сгибание кисти в различных исходных положениях, сгибание пальцев с согнутой кистью), наиболее эффективна для развития силы мышц предплечья и кисти у рукоборцев, чем методика, применяющаяся в контрольной группе.

Литература

1. Бельский И.В. Системы эффективной тренировки: Армрестлинг. Бодибилдинг. Бенчпресс. Пауэрлифтинг. – Мн.: ООО «Вида - Н», 2002. – 352 с. – (Стратегия силы).
2. Дворкин Л.С. Силовые единоборства. – М.: Изд-во «Феникс», 2001 – 162 с.
3. Живора П.В., Рахматов А.И. Армспорт: техника, тактика, методика обучения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 112 с.
4. Усанов Е.И., Бурмистров В.Н. Армрестлинг – борьба на руках: учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 289 с., ил.

*Д.В. Воробей
Н. рук. В.К. Климова*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА СТРЕЛКОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОДГОТОВКИ

Одним из наиболее сложных в координационном отношении видов спорта, требующим высокой точности и стабильности воспроизведения соревновательных упражнений, является пулевая стрельба. В настоящее время специалисты в области пулевой стрельбы в качестве одного из важных направлений повышения уровня технической подготовленности спортсменов выделяют необходимость изучения координационной структуры двигательных действий стрелков-пулевиков [3].

Повышение эффективности тренировочного процесса в стрелковом спорте может осуществляться в различных направлениях: увеличение объема тренировочной работы, совершенствование содержания всех видов подготовки, разработка новых средств и методов тренировки, а также совершенствование организации системы управления тренировочным

процессом и внедрение автоматизированной системы управления. Сегодняшний этап развития стрелкового спорта как у нас в стране, так и за рубежом, характеризуется ростом спортивных результатов. Это обусловлено более совершенным спортивным оружием и применением более совершенных патронов, высоким методическим уровнем подготовки спортсменов. Однако методика подготовки высококвалифицированных спортсменов в стрелковом спорте нуждается в дальнейшем совершенствовании в соответствии с теми требованиями, которые ставит современный уровень развития спортивной науки [4].

Значительное место в подготовке спортсменов-стрелков высокой квалификации занимают технические средства тренировки.

Вопрос о применении технических средств в тренировочном процессе стрелков весьма актуален. В силу своих особенностей спортивная стрельба очень нуждается в контролирующих устройствах с объективной регистрацией пространственных характеристик. Стрелку высокого класса особенно необходимо контролировать всю сложную структуру техники, отыскивая резерв для совершенствования в ее микроэлементах [2].

В процессе тренировки получение информации о действиях стрелка происходит методом визуальных наблюдений тренера, оценки субъективных ощущений самого стрелка, сопоставлением их с результатом стрельбы.

Как указывает Л.М. Вайнштейн: «Тренеру же видны только поза стрелка и частично выжим спуска. Устойчивость тренер определяет визуально – относительно какой-либо точки на фоне за удерживаемой винтовкой» [5].

Заслуженный мастер спорта М. Умаров писал, что «порой тренеру трудно, а иногда и невозможно уловить тончайшие изменения и отклонения в исполнении отдельных технических действий стрелка при производстве выстрела. Поэтому вооружение тренеров доступными методами объективного контроля, с помощью которых можно шлифовать приемы, безусловно, повысят темпы и качество подготовки высококвалифицированных стрелков» [5]. Это побудило нас изучить проблему технического обеспечения тренировочного процесса в пулевой стрельбе.

Целью исследования является изучение эффективности повышения спортивного мастерства средствами технической подготовки.

Внедрение технических средств (тренажеров, следящих устройств и т.д.) в тренировочный процесс в стрелковом спорте необходимо для того, чтобы сделать этот процесс более эффективным и управляемым. Ведущими российскими производителями стрелковых тренажеров являются ООО "АМА" (Санкт-Петербург) и ЗАО НПП "СКАТТ" (Москва).

Оптико-электронный тренажер СКАТТ разработан и производится ЗАО НПП "СКАТТ" (г. Москва). Этот тренажер целесообразнее всего использовать при подготовке начинающих и высококласных стрелков [1]. Именно этот тренажер приобретен для тренировки стрелков г. Белгорода.

ЗАО НПП "СКАТТ" – предприятие, созданное 8 лет назад совместно со сборной командой России по пулевой стрельбе с целью разработки и производства стрелковых компьютерных тренажеров высочайшего класса как для профессионалов, так и для начинающих. Тренажеры СКАТТ предназначены для обучения стрельбе и повышению стрелкового мастерства, проведения тренировок в помещениях от 4 до 12 м, 50 м (с имитацией до 1000 м) с использованием практически любого вида стрелкового оружия. Главным достоинством тренажеров СКАТТ является отображение на экране компьютера очень точной и абсолютно объективной траектории прицеливания на мишени при выполнении выстрела (в реальном времени) и регистрация с высокой точностью достоинства пробойны (погрешность не более 0,1 мм на дистанции 10 м).

В основе конструкции тренажеров СКАТТ лежит принцип определения координат при помощи инфракрасного излучателя, размещённого в корпусе электронной мишени, и приёмника инфракрасного излучения, закрепляемого на оружии. Данные с приёмника (сенсора) поступают в вычислительный блок тренажёра, который преобразует их для последующей передачи в персональный компьютер. Попадая в компьютер, данные обрабатываются программой СКАТТ, которая отображает их на экране монитора в виде траектории прицеливания и расположения пробойны на мишени.

При разработке программного обеспечения был учтен богатый опыт, накопленный ведущими тренерами и спортсменами России по пулевой стрельбе.

Программное обеспечение тренажёра позволяет:

- производить калибровку фотоприемника,
- производить разделение тренировки на этапы,
- выбирать вид мишени для стрельбы и самому создавать мишень требуемых параметров,
 - изменять масштаб отображаемой области мишени,
 - установить параметры выстрела (время, отводимое на выстрел; номер выстрела и его результат; смещение центра пробойны относительно центра мишени по горизонтали и вертикали; длину отображаемой точки прицеливания по горизонтали и вертикали),
- производить сохранение результатов тренировки с возможностью их просмотра как в процессе тренировки, так и после нее.

СКАТТ – это электронный тренажер, предназначенный для обучения стрельбе. В отличие от устройств, позволяющих лишь регистрировать пробойну на мишени, СКАТТ фиксирует предысторию выстрела в виде траектории прицеливания (то есть перемещения оружия относительно мишени). Траектория отображается на экране компьютера (рис.1). Анализ траектории позволяет понять полученный результат выстрела, выявить ошибки, допущенные в процессе прицеливания и обработки спуска.

Рис. 1. График изменения скорости движения траектории мушки по мишени за одну секунду до выстрела

Критерии анализа информации тренажером СКАТТ включают:

- список выстрелов;
- общую информацию;
- расстояние от центра;
- координацию;
- смещение момента выстрела;
- скорость траектории прицеливания;
- интервалы между выстрелами;
- прогноз результата.

Использование в стрелковой практике тренажера СКАТТ дает ряд преимуществ перед традиционной методикой: устойчивость оружия из объекта пристального наблюдения и субъективных оценок превращается в реальный объект для совершенствования. При постоянном сравнении информации на мониторе с собственными ощущениями и наблюдениями появляется возможность более точной оценки качества выполненных элементов (прицеливание, спуск курка и т.д.). К несомненным достоинствам тренажеров СКАТТ можно отнести следующее: кроме значительной экономии патронов, этот тренажер повышает эффективность тренировок. При обучении новичков время подготовки для сдачи каких-либо нормативов сокращается в 3-4 раза. Спортсменам звания мастер спорта и выше СКАТТ помогает выявить мелкие ошибки, которые невозможно найти при стрельбе патронами. СКАТТ – это компьютерный тренажер, поэтому здесь можно использовать все возможности и удобства, которые предоставляет компьютер [6].

Данный тренажер применяется в СДЮШОР города Белгорода по пулевой стрельбе, где занимается более 60 спортсменов различного уровня подготовки. Однако эффективность применения его на разных этапах подготовки не анализировалась. Очень важное значение имеет использование тренажера Скатт на начальном этапе подготовки спортсменов.

Использование прибора СКАТТ дает возможность исследовать динамику развития координационных способностей у стрелков начальной подготовки, что будет учитываться при конструктивном и формирующем эксперименте предполагаемой дипломной работы. Гипотезой дипломной

работы является предположение, что применение новых технических средств тренировки в группе начальной подготовки (спортсмены 13-14 лет) приведет к формированию правильного навыка стрельбы за более короткий период, что благоприятно скажется на соревновательной деятельности спортсменов.

Литература

1. Гришко М.В. Современные стрелковые тренажеры // Мир безопасности.- 2003 г. – №10. – 143 с.
2. Жилина М.Я. Методика тренировки стрелка-спортсмена. – М.: ДОСААФ, 1986. – 401 с.
3. Кашуба В.А. Совершенствование координационной структуры двигательных действий стрелков-пулевиков на этапе специализированной базовой подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Киев, 1994. – 24 с.
4. Михайлов Б.Е. Вопросы теории и техники пулевой спортивной стрельбы. – М.: ДОСААФ, 1987. – 61 с.
5. Потапов А. Приемы стрельбы. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 215 с.
6. ЗАО НПП Скатт: <http://www.scatt.ru>

*В.Ю. Кунахова
Н. рук. В.К. Климова*

МЕТОДИКА ТРЕНИРОВКИ СЕНСОРНЫХ СИСТЕМ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ ГАНДБОЛИСТОВ 12-13 ЛЕТ

Гандбол – игра, формирующая у гандболиста комплексное восприятие, в основе которого лежит тонкая дифференцировка раздражителей, поступающих от различных анализаторов: мышечно-двигательного, слухового, тактильного, вестибулярного, зрительного. Особое значение имеют характеристики зрительного восприятия и, прежде всего, глубинного зрения (глазомера) и объема зрения (периферического зрения). Если первое связано с дистанционно-динамическими особенностями восприятия движущегося объекта, со способностью оценить расстояние до летящего мяча, до движущегося партнера, то второе – с их местонахождением в игровом пространстве [1].

Актуальность. В современном юношеском спорте отмечается рост интенсивности и объема физической нагрузки, что не может считаться единственным средством, способствующим улучшению техники и повышению спортивных результатов. Пути повышения спортивного мастерства нужно искать в активизации сенсорных систем организма, в частности зрительной и вестибулярной анализаторных систем.

Цель. Разработать методику развития функций зрительной и вестибулярной анализаторных систем гандболистов 12-13 лет для совершенствования технической подготовки.

Объект исследования. Учебно-тренировочный процесс при занятиях гандболом.

Предмет исследования. Методика, направленная на совершенствование функций вестибулярной и зрительной анализаторных систем.

Гипотеза. Предполагается, что экспериментальная методика, направленная на совершенствование функций вестибулярной и зрительной анализаторных систем путем включения в учебно-тренировочный процесс экспериментального комплекса упражнений позволит повысить уровень технической подготовки подростков, занимающихся в секции гандбола.

Методы исследования:

1. Анализ научно-методической литературы;
2. Педагогическое наблюдение;
3. Педагогический эксперимент;
4. Физиологическое тестирование (пробы Ромберга, Яроцкого, ВНИИФКа, определение остроты зрения, границ поля зрения, вычисление поля зрения);
5. Тестирование технической подготовленности (ведение мяча 30 м, обводка на дистанции 30 м, челночный бег на 100 м, броски мяча на точность, комплексное упражнение) ;
6. Методы математической статистики.

Методика и организация исследования. Исследование проводилось с 18 мальчиками-гандболистами 12-13-летнего возраста четвертого года обучения на базе СДЮСШОР №1. Занятия проводились три раза в неделю, продолжительность одного занятия составляла 120 мин.

Экспериментальная группа (9 человек) занималась по предложенной программе, которая представляла собой внедрение в тренировочный процесс специальных комплексов физических упражнений, направленных на тренировку зрительной и вестибулярной сенсорных систем. Комплексы упражнений формировались выборочно из предложенных упражнений и занимали 10% времени подготовительной и основной частей тренировочного занятия. Упражнения комплексов проводились строго регламентированным и игровым методами, при этом соблюдались последовательность, постепенность, систематичность, учитывались индивидуальные особенности занимающихся.

Контрольная группа (9 человек) занималась по стандартной программе групп подготовки по гандболу СДЮСШОР. При тестировании состояния анализаторной и вестибулярных систем в начале эксперимента определено, что сформированные контрольная и экспериментальная группы являются однородными по оценке развития этих систем.

Результаты исследования. При анализе показателей, определяющих состояние зрительного анализатора (границы поля зрения и площадь поля зрения для красного, белого и зеленого цвета для правого и левого глаза), выявлены статистически достоверные различия между экспери-

В соответствии с увеличением границ поля периферического зрения статистически достоверно увеличились и показатели площади поля периферического зрения. Обращает на себя внимание тот факт, что для левого глаза (как в контрольной, так и в экспериментальной группе) прирост был более значительным, чем для правого глаза. В то же время в экспериментальной группе приросты значений всех показателей для обоих глаз и для всех цветов были практически в 2 раза больше, чем аналогичные показатели контрольной группы. Это свидетельствует о том, что в ходе тренировочного процесса не используются и слабо развиваются механизмы периферического зрения и зрительные функции неведущего (в данном случае левого) глаза.

Таблица 1

Динамика показателей функциональных тестов зрительного анализатора экспериментальной и контрольной групп

Пробы/Группы		Контрольная		Экспериментальная		Р между группами	
		До экспер.	После экспер.	До экспер.	После экспер.	До Эксп.	После эксп.
		$x \pm m$	$x \pm m$	$x \pm m$	$x \pm m$		
Острота зрения	<i>Правый глаз</i>	1±0	1±0	1±0	1±0	>0,05	>0,05
	<i>Левый глаз</i>	1±0	1±0	1±0	1±0	>0,05	<0,05
Границы поля зрения (градус)	<i>Правый глаз</i> Красный цвет	49,3± 4,0	53,5±2,8	50,2±1,2	62,4±1,3	>0,05	<0,05
	Зеленый цвет	50,8± 3,3	60,0±2,7	52,3± 4,1	70,7± 4,2	>0,05	<0,05
	Белый цвет	66,7± 3,2	78,3± 3,3	68,2± 3,3	88,3± 2,1	>0,05	<0,05
	<i>Левый глаз</i> Красный цвет	41,4±2,7	46,3±1,1	44,2± 3,1	61,4± 6,1	>0,05	<0,05
	Зеленый цвет	48,8±2,1	57,3±2,7	49,1± 2,3	63,3± 7,2	>0,05	<0,05
	Белый цвет	67,2±2,7	74,6±5,2	66,1± 5,7	81,6± 4,2	>0,05	<0,05

Данные, определяющие устойчивость вестибулярного анализатора, выявили статистически достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами ($p < 0,05$) (рис.2). На первой позиции – значения показателей в начале эксперимента, на второй – по окончании эксперимента.

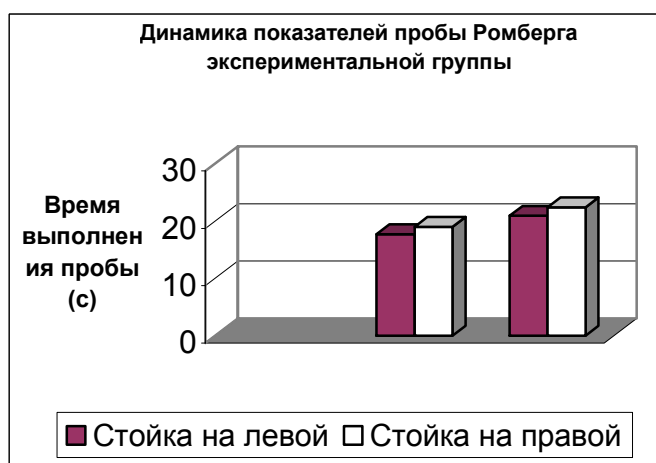
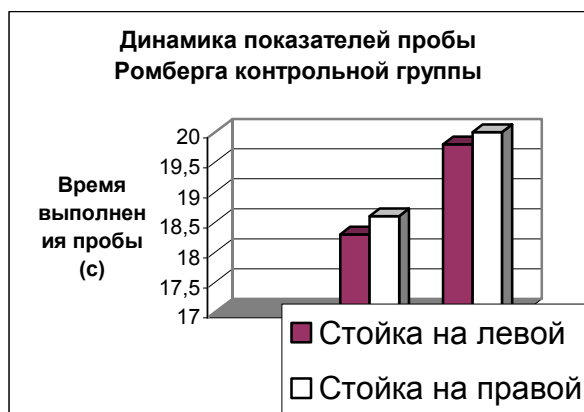

Рис. 2. Динамика значения показателей состояния вестибулярного анализатора

При оценке показателей пробы ВНИИФКа, применяемой для оценки состояния вестибулярного анализатора, в ходе эксперимента были получены следующие данные. В начале эксперимента в экспериментальной группе было четыре человека с хорошей реакцией на нагрузку, три – со слабой и два человека со средней реакцией организма. После завершения эксперимента было установлено, что в экспериментальной группе один человек перешел из группы со средней реакцией в группу со слабой реакцией организма на данную нагрузку. Это свидетельствует об улучшении устойчивости вестибулярного аппарата. В контрольной группе изменений отмечено не было.

Развитие функций анализаторных систем повлияло на техническую подготовленность (табл. 2).

Преимущество в выполнении технических действий гандболистами экспериментальной группы объясняется тем, что совершенствование зрительной и вестибулярной сенсорных систем позволяет значительно улучшить ориентацию в пространстве и выделение значимой информации из потоков внешних сигналов. Это, в свою очередь, повышает точность и координацию движений, расширяет сферу деятельности организма [2].

Изменение технической подготовленности в ходе эксперимента

Упражнения\Группы	Контрольная		Экспериментальная		Р между группами	
	Нач. x±m	Окон. x ±m	Нач. x±m	Окон. x±m	Нач. x±m	Окон. x±m
Ведение мяча 30м (с)	5,4±0,2	5,3±0,1	5,4±0,3	5,0±0,2	>0,05	<0,05
Обводка на дистанции 30 м (с)						
1.Ведение правой рукой	7,5±0,4	7,4±0,2	7,5±0,4	6,9±0,3	>0,05	<0,05
2. Ведение левой рукой	8,1±0,5	8,0±0,3	8,0±0,5	7,2±0,2	>0,05	<0,05
Челночный бег на 100 м (с)	26,8±0,3	26,4±0,4	26,8±0,4	25,7±0,3	>0,05	<0,05
Комплексное упражнение (с)	74±0,2	73±0,2	73±0,3	65±0,4	>0,05	<0,05

По окончании исследования можно сделать следующие выводы:

1. При анализе литературных источников установлено, что при организации тренировочного процесса начинающих гандболистов практически не уделяется внимание развитию анализаторных систем.

2. Предложенный комплекс упражнений, введенный в тренировочный процесс, направлен на развитие анализаторных систем, в частности зрительной и вестибулярной.

3. Эффективность комплекса подтверждена тем, что в экспериментальной группе отмечено статистически достоверное увеличение всех исследуемых показателей зрительной системы (границы поля периферического зрения, площадь поля периферического зрения).

4. При применении предложенной методики установлено, что в экспериментальной группе статистически достоверно увеличились следующие показатели, характеризующие состояние вестибулярного анализатора: пробы Ромберга, пробы Яроцкого, пробы ВНИИФКа.

5. Установлено, что в экспериментальной группе улучшилась техническая подготовленность спортсменов, что подтверждается статистически достоверным изменением в тестах: ведение мяча 30 м, обводка на дистанции 30 м, челночный бег на 100 м, броски мяча на точность, комплексное упражнение.

Литература

1. Железняк Ю.Д., Портнов Ю.М., Савин В.П. / Спортивные игры: совершенствование спортивного мастерства: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. под ред. Железняка Ю.Д., Портнова Ю.П. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 400 с.

2. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: Учеб. – М.: Тера – Спорт, Олимпия Пресс, 2001. – 520 с.

РЕГУЛЯЦИЯ ПРЕДСТАРТОВЫХ СОСТОЯНИЙ И СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СТРЕЛКОВ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМЫ АГИМ (АУТО-ГИПНО-ИДЕО-МОТОРИКИ)

Пулевая стрельба – индивидуальный вид спорта, осуществляемый вне прямого единоборства с противником, и требования к атлетическим качествам стрелка – силе, быстроте, выносливости – невелики. Все его действия определены, многократно отрететированы, в значительной степени освоены.

В связи с этим наше исследование направлено на изучение основных свойств внимания, темперамента и регуляции неблагоприятных психофизиологических состояний у высококвалифицированных стрелков с помощью ауто-гипно-идео-моторной тренировки (АГИМ).

Система АГИМ – это метод психического самовнушения, при котором работа мозга сосредоточена в основном на «тренировке представлений» [2]. Основное содержание метода составляют формулы, направленные на создание пониженной активности различных систем организма. Это позволяет при самых сильных эмоциональных дистрессовых переживаниях адекватно оценивать обстановку, сохранять ясную, хорошую голову и при этом совершенно спокойное состояние. АГИМ включает освоение приемов произвольной регуляции психического состояния в направлении успокоения и мобилизации [5, 4].

Гипотеза исследования: нами предполагалось, что с помощью методов саморегуляции, в частности ауто-гипно-идео-моторной тренировки (АГИМ), высококвалифицированные стрелки способны существенным образом повысить свою помехоустойчивость и результативность выступления на соревнованиях, а также корректировать свои психофизиологические состояния на тренировках и во время соревнований. В условиях соревнования стрелку очень сложно сохранить навыки сложных координаций, тонких мышечных усилий, составляющих технику меткого прицельного выстрела. Кроме того, стрелку приходится, с одной стороны, в высокой степени концентрировать внимание, а с другой – переключать его в момент нажатия на спусковой крючок [3,1]. Именно поэтому регуляция неблагоприятных психофизиологических состояний, влияющих на свойство внимания, у высококвалифицированных стрелков с помощью ауто-гипно-идео-моторной тренировки является **актуальной**.

Целью нашей работы явилось изучение возможности повышения помехоустойчивости стрелков высокой квалификации и коррекции их психических состояний во время тренировок, соревнований с использованием приемов ауто-гипно-идео-моторной тренировки.

Задачами исследования являются:

1. Изучение показаний индивидуально-психологических особенностей, концентрацию и переключение внимания у стрелков высокой классификации, влияющих на результативность их выступления на соревнованиях.

2. Апробация специально разработанного комплекса ауто-гипно-идео-моторной тренировки, повышающего эффективность соревновательной деятельности стрелков высокого класса.

3. Разработка и внедрение практических рекомендаций, связанных с регуляцией неблагоприятных предстартовых состояний и свойств внимания, оказывающих влияние на производство прицельного выстрела.

Объектом исследования явились неблагоприятные предстартовые состояния (тревожное ожидание и страх), а также показатели концентрации и переключения внимания у стрелков высокого класса.

В качестве **предмета исследования** нами рассматривались высококвалифицированные стрелки в условиях тренировки и соревнований. Исследование было проведено на высококвалифицированных стрелках : 17 мастерах спорта и 19 мастерах спорта международного класса.

В проведенном исследовании приняли участие члены взрослой и молодежной сборной команды России по пулевой стрельбе. Среди них: бронзовый призер Олимпийских игр 2000 года, чемпионка мира 1994 года ЗМС Феклистова Мария; рекордсмен мира 1998 года, неоднократный чемпион Европы, победитель и призер Кубков мира МСМК Блинов Александр; участники Олимпийских игр и победители Чемпионатов Европы МСМК Ермоленко Юрий и МСМК Злыденный Александр; чемпион мира 1998 года МСМК Приходченко Константин; серебряный призер Чемпионата Европы 1997 года Давыдов Денис; серебряный призер Чемпионата Европы 1998 года Грибанов Марк и другие спортсмены.

Для определения показателя концентрации внимания использовались таблицы Бурдона – Анфимова. В результате эксперимента высчитывается коэффициент концентрации внимания (К), коэффициент аккуратности (А) и коэффициент продуктивности (Е). Для изучения переключения внимания у высококвалифицированных стрелков использовалась цифровая черно-красная таблица Шульте.

Данные изучения концентрации и переключения внимания у высококвалифицированных стрелков, которые были разделены на две большие группы: мастеров спорта (МС) и мастеров спорта международного класса (МСМК) – приведены в табл. 1.

В свою очередь они были разделены по видам стрельбы: на стрелков из винтовки, из пистолета и по движущейся мишени.

Сравнительная характеристика свойств внимания у МС и МСМК

Вид стрельбы	Спортивная квалификация	К	А	Е	Н	Переключение внимания
Винтовка	МСМК	96,3	0,98	1199	1221	68,5*
	МС	96,4	0,975	1258	1288	89,5
Пистолет	МСМК	93,7	0,963	1174	1220	98,3
	МС	94,4	0,97	1237 ^x	1282	73*
Движущаяся мишень	МСМК	93,3	0,97	1223 ^x	1264	84,5*
	МС	97,5*	0,98	1135	1159	125

Обозначения: * – достоверность различий $p < 0,05$;
 x – достоверность различий $p < 0,01$.

Было установлено, что у МСМК по показателю концентрированности (96,3%) и аккуратности внимания (0,98 ед.) преимущество имеют винтовочники. Предположительно это связано с большой продолжительностью выполнения некоторых упражнений (более 3-х часов), с высочайшим уровнем результатов и (в связи с этим) высокой ценой ошибки, что требует высокой и длительной сосредоточенности внимания. В продуктивности внимания (1223 знака) лучшими оказались стрелки по движущейся мишени. Это связано с тем, что в данном виде стрельбы время, отведенное на выстрел, строго ограничено: всего 2,5 с – «быстрый бег» мишени и 5 с – «медленный».

Возможности отложить выстрел у них нет, поэтому высокая продуктивность внимания в течение всего времени выполнения упражнения для этих стрелков – неотъемлемое условие ведения стрельбы на высоком уровне. Коэффициент концентрированности внимания у стрелков по движущейся мишени среди МСМК оказался самым низким (93,3%) по сравнению с представителями других видов стрельбы. Вероятнее всего, это связано с тем, что у них, в силу специфики стрельбы, важным является не концентрированность, а распределение и переключение внимания: стрелку необходимо увидеть появляющуюся мишень, поднять оружие, найти мишень в оптическом прицеле, совместить прицельные приспособления с точкой прицеливания и произвести спуск курка. В то же время у них обнаруживается достаточно высокий коэффициент аккуратности внимания, он равен 0,97 единиц, что, вероятно, объясняется строго регламентированным временем на выстрел. Мастера спорта международного класса имеют разные показатели и в переключении внимания.

Выполнение прицельного выстрела требует очень быстрого и своевременного переключения внимания с прицеливания на спуск курка. Ярче всего это свойство проявляется у винтовочников – 68,5 с.

По нашему мнению, это связано с тем, что каждый раз, выполняя выстрел, эти спортсмены тренируют переключение внимания не только в момент нажатия на спусковой крючок, но и тщательно проверяя изготовку, контролируя положение головы, давление кисти на рукоятку, тонус мышц, а также следя за направлением ветра, переменной освещенности мишени и прочими условиями.

В проявлении свойств внимания МС различных видов стрельбы имеют определенные различия с МСМК.

Самые высокие показатели в концентрации (97,5%) и аккуратности (0,98 ед.) имеют стрелки по движущейся мишени. Переключение внимания оказалось лучшим у пистолетчиков (73 с). Им проигрывают винтовочники (89,5 с) и стрелки по движущейся мишени (125 с). Это подчеркивает отличительную способность стрельбы пистолетчиков, которая связана со своевременностью переключать внимание с прицеливания на спуск курка.

Коэффициент продуктивности у МС оказался наиболее высоким у винтовочников (1258 знаков). Это и естественно, так как продолжительность стрельбы у них в некоторых упражнениях достигает трех часов. Именно поэтому, по нашему мнению, на фоне высокой аккуратности (0,975 ед.) обнаруживается достаточно высокая продуктивность их внимания.

Сравнивая показатели свойств внимания у МС и МСМК мы установили, что МС стрелки по движущейся мишени гораздо лучше концентрируют внимание (97,5%), чем МСМК (93,3%). Предположительно, это связано с их повышенной мотивацией в достижении более высоких спортивных результатов. Именно поэтому МС ведут стрельбу более сосредоточенно и аккуратно. В результате чего переключение внимания у них находится на довольно низком уровне (125 мл/с) по сравнению с МСМК (84,5 мл/с). Вероятно, стрелкам более высокого класса с помощью длительных тренировок удалось повысить переключение внимания за счет некоторого снижения концентрированности и аккуратности работы до допустимого уровня. Подобная зависимость в переключении внимания обнаруживается и у винтовочников. Однако в данном случае МСМК проявили способность в переключении внимания таким образом, что это не сказалось на снижении их способности к концентрации. Вероятно, у МСМК выработанный динамический стереотип оказывается более прочным и находится на более высоком уровне, при котором переключение внимания во время производства выстрела с прицеливания на движение указательного пальца происходит более легко и автоматизированно, на уровне динамического стереотипа. У стрелков из пистолета подобной зависимости не обнаружено: по-видимому, пистолетчикам высокого класса приходится держать под контролем сознания все фазы прицельного выстрела.

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось установить, что стрелковый спорт предъявляет высочайшие требования как к концентрации, так и к переключению внимания.

Результаты проведенного исследования и педагогического эксперимента позволяют сделать следующие выводы:

1. Было выявлено, что 89% высококвалифицированных стрелков проявляют способность к 100% концентрации внимания. Особенно на высоком уровне концентрация внимания обнаруживается у винтовочников. Они способны в течение довольно длительного времени соревновательной стрельбы, в состоянии сильной психической напряженности при производстве метких выстрелов сохранять высокую концентрацию внимания. Лучше других у винтовочников проявляется и способность к переключению внимания, хотя известно, что данное свойство внимания находится в противоборствующих, антагонистических отношениях с концентрацией, так как они обусловлены врожденными типологическими особенностями: переключение внимания обусловлено подвижностью процессов возбуждения и торможения, а концентрация требует инертности нервных процессов. Поэтому считается, что ни один спортсмен не может в высокой степени одинаково хорошо концентрировать и переключать свое внимание. Однако винтовочникам удалось поспорить с природой, они смогли развить в себе эту уникальную способность концентрировать и переключать внимание и заставить их работать одновременно с целью повышения эффективности ведения соревновательной борьбы.

2. Среди МСМК наиболее ярко способность концентрировать внимание выражена у винтовочников ($K=96,3\%$). Большая продолжительность выполнения упражнений, высочайший уровень результатов и большая цена ошибки требуют от этих спортсменов колоссальной сосредоточенности и аккуратности внимания при ведении стрельбы. Кроме того, винтовочники лучше других проявили способность к переключению внимания (68,5 мл/с). Выработанные в их центральной нервной системе прочные условно-рефлекторные связи позволяют им переключать внимание с прицеливания на движение указательного пальца при нажатии на спуск более легко и автоматизированно, практически без контроля сознания.

3. Среди МС в концентрации внимания лучшими оказались стрелки по движущей мишени ($K=97,5\%$). Эти же спортсмены проявляли и наибольшую аккуратность внимания ($A=0,98$ ед.). Однако такое важное для этого вида стрельбы свойство внимания, как переключение, у них выражено довольно слабо (125 мл/с). Вероятно, этим спортсменам еще не удалось сформировать у себя систему прочных условно-рефлекторных связей. Поэтому им приходится держать под контролем сознания все фазы прицельного выстрела.

4. Сравнительная характеристика свойств внимания у МС и МСМК показала, что винтовочники и стрелки по движущей мишени более высокого класса способны переключать свое внимание гораздо лучше, чем МС. В концентрации внимания у пистолетчиков и винтовочников между МС и МСМК существенных различий нет, а среди стрелков по движущей мишени МС показали способность концентрировать внимание гораздо

лучше (97,5%), чем МСМК (93,3%), что, вероятно, обусловлено их повышенной мотивацией в достижении более высоких спортивных результатов. Различие у этих стрелков обнаруживается и по переключению внимания. У МС оно находится на довольно низком уровне (125 мл/с), а вот МСМК смогли увеличить это свойство внимания (84,5 мл/с) за счет снижения концентрации и аккуратности в работе до некоторого допустимого уровня.

5. Разработанная и предложенная нами система АГИМ является не только эффективным средством регуляции внимания стрелков и их помехоустойчивости, но также позволяет легко и быстро входить в состояние оптимальной боевой готовности и сохранять его в течение всего времени соревновательной стрельбы.

Литература

1. Алексеев А.В. Себя преодолеть! – 3-е изд., перераб., доп. – М.: Физкультура и спорт, 1985. – 192 с.
2. Алексеев А.В. Познай себя, или Ключ к резервам психики. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 315 с.
3. Вайнштейн Л.М. Психология в пулевой стрельбе. – М.: ДОСААФ, 1981. – 142 с.
4. Грицаенко М.В., Кубланов М.М. Регуляция эмоциональных состояний в пулевой стрельбе: учеб.-метод. пособие. – Воронеж, 2003. – 65 с.
5. Шульц И.Г. Аутогенная тренировка : пер. с нем. С.Л. Дземешкевича / под ред. В.Е. Рожнова. – М.: Медицина, 1985. – 31 с.

*И.С. Сахаров
Н.рук. А.Г. Наметченко*

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНИКИ БЕГА ШКОЛЬНИКОВ 10–11 ЛЕТ

Занятия физическими упражнениями, спортивная тренировка предусматривают достижение определенных целей в развитии человека. Следовательно, данный процесс должен быть целенаправленным. Однако во всех без исключения видах легкой атлетики можно найти многие и многие примеры, когда применяемые в них упражнения, методы и организационные установки неадекватны целевому направлению, которого необходимо достичь для реализации запланированного двигательного (спортивного) результата. В итоге такие тренировочные воздействия формируют в организме адаптационные процессы, направленные в той или иной степени мимо поставленной цели, а иногда даже в противоположную сторону [1].

Методика организации дифференцированного подхода к учащимся в процессе физического воспитания еще недостаточно разработана. Это подтверждается и незначительным количеством публикаций по данному вопросу. В пособиях по физическому воспитанию детей дифференцированный подход излагается в общедидактическом плане, только как необходимость учета индивидуальных особенностей физического развития и здоровья детей [3]. В официальных материалах, в частности организационно-методических указаниях по физической культуре, с одной стороны, говорится о необходимости осуществлять дифференцированный подход, с другой – предлагается общий материал физических упражнений и даются лишь некоторые методические указания в очень общей форме [4].

Актуальность исследования заключается в необходимости разработки метода дифференцированного подбора специальных упражнений при обучении детей 10-11 лет технике бега на короткие дистанции на основе параметров поставленной цели.

Цель исследования – расширить возможности учителей физической культуры в выборе методов, форм и средств при обучении технике бега.

Объект исследования – методика обучения и совершенствования техники бега школьников 10-11 лет.

Предмет исследования – дифференциация специальных упражнений на основе заданных параметров цели при обучении технике бега младших школьников.

Задачи исследования:

1. Выявить индивидуальные особенности техники бега школьников 10-11 лет при использовании традиционного подхода в обучении.

2. Разработать методику дифференцированного подбора специальных упражнений, на основе заданного параметра цели при совершенствовании техники бега юных легкоатлетов.

3. Определить влияние дифференцированного подбора специальных упражнений на совершенствование техники бега школьников 10-11 лет.

Гипотеза исследования. Мы предполагали, что при совершенствовании техники бега юных легкоатлетов необходим дифференцированный подбор специальных упражнений для каждого ученика в отдельности в зависимости от его индивидуально-технических особенностей.

Практическая значимость. Знание методики дифференцированного подбора специальных упражнений на основе заданного параметра цели поможет учителю физической культуры и тренерам ДЮСШ в их практической работе.

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы следующие методы:

- 1) теоретический анализ и обобщение литературных источников по избранной теме;

- 2) педагогические наблюдения;

- 3) контрольно-педагогические испытания;

- 4) педагогический эксперимент;

5) математическая статистика [2].

Педагогический эксперимент проводился на базе школы-гимназии №10 г. Белгорода с 1 сентября 2004 г. по 15 мая 2005 г. В эксперименте участвовали школьники 10-11 лет. Были сформированы две группы школьников, которые занимались в секции по ОФП. Количество испытуемых в первой группе, которая была определена как экспериментальная, занималось 15 учащихся, во второй – 12. В эксперименте принимали участие только мальчики. Занятия в обеих группах проводились 2 раза в неделю по 1,5 часа. Обе группы занимались по одному плану. Различия заключались лишь в том, что в 20% времени, отводимого на занятия, в 1 группе применялся дифференцированный подбор специальных упражнений на основе параметров поставленной цели.

В начале эксперимента у каждого из занимающихся определялись основные ошибки в технике бега. Для каждого или для группы занимающихся, которые имели одинаковые ошибки в технике бега, дифференцированно подбирались специальные упражнения, которые по своей структуре могли способствовать закреплению отмеченных ошибок, исключались из применяемых комплексов для этой категории детей.

Изучение степени развития скоростно-силовых качеств учащихся было проведено путем анализа результатов выполнения ими специально подобранных контрольных заданий. В постановке данного исследования мы исходили из представления о том, что от степени развития скоростно-силовых качеств во многом зависит и освоение техники бега.

В контрольные задания по определению степени развития скоростно-силовых качеств были включены тесты, применяемые в США при определении физической подготовленности детей общеобразовательных школ [7].

Это бег на 30 м с хода, прыжки в длину с места, метание набивного мяча из-за головы, из исходного положения, сидя на полу.

Для определения технической подготовленности в беге были использованы критерии оценок в баллах [3].

Эти тесты применялись нами в начале и конце педагогического эксперимента. Результаты первоначального тестирования показали, что в обеих группах степень развития скоростно-силовых качеств и овладения техникой бега юных легкоатлетов 10-11 лет находились приблизительно на одном уровне.

В конце эксперимента было проведено повторное тестирование. Оценка техники бега проводилась тремя учителями школы. Визуальное наблюдение велось в трех плоскостях – спереди, слева и справа бегущего. Каждый учитель наблюдал и оценивал один из элементов техники бега, результаты которого представлены в таб.1. Рассматривая полученные результаты после повторного определения степени технической подготовленности в беге школьников 10-11 лет, мы видим огромное преимущество детей из экспериментальной группы, где постоянно применялся дифференцированный подход в подборе специальных упражнений для каждого ученика в отдельности.

**Динамика совершенствования техники бега
у детей 10–11 лет за экспериментальный период**

Элементы контроля	оценка в баллах			
	экспериментальная группа		контрольная группа	
техники бега	начало	конец	различ.	Межгр.
	$X \pm m$	$X \pm m$	% P	% P
Положение головы и тулов.	$2,6 \pm 0,6$	$3,9 \pm 0,5$	$40,0 < 0,01$	$2,7 \pm 2,8 \pm 3,6 > 0,05 < 0,01$
Движение рук	$2,7 \pm 0,4$	$4,0 \pm 0,5$	$38,8 < 0,01$	$2,6 \pm 2,8 \pm 7,4 > 0,05 < 0,01$
Законченность отталкивания	$2,4 \pm 0,6$	$4,1 \pm 0,5$	$52,3 < 0,01$	$2,5 \pm 2,7 \pm 7,6 > 0,05 < 0,01$
Постановка ног	$2,5 \pm 0,3$	$3,9 \pm 0,4$	$43,7 < 0,01$	$2,4 \pm 2,5 \pm 4,0 < 0,05 < 0,01$
Движение бедер	$2,6 \pm 0,7$	$3,9 \pm 0,6$	$40,0 < 0,01$	$2,6 \pm 2,7 \pm 3,7 > 0,05 < 0,01$
Движение стопы	$2,6 \pm 0,4$	$3,9 \pm 0,5$	$40,6 < 0,01$	$2,8 \pm 2,9 \pm 3,5 > 0,05 < 0,01$

При анализе экспериментальных данных развития скоростно-силовых качеств, которые представлены в табл. 2, мы видим, что в обеих группах под действием специальных упражнений произошли значительные изменения.

Таблица 2

**Влияние дифференцированно подобранных специальных упражнений
на технику бега школьников 10-11 лет**

Виды испытаний	экспериментальная группа		контрольная группа		Меж. групп
	начало	конец	начало	конец	
	$X \pm m$	$X \pm m$	$X \pm m$	$X \pm m$	% P P

Бег на 30 м 5,2±0,43 4,5±0,61 14,4 < 0,01 5,2±0,37 5,0±0,40 3,9 < 0,05 < 0,01
с хода

Прыжки 163±2,3 168±3,2 3,0 <0,05 166±3,3 171±2,8 2,9 <0,05 >0,05
в длину
с места

Метание 395±10,2 410±12,3 3,7 <0,05 397±15,4 412±28,9 3,7 <0,05 >0,05
набивного
мяча

Итоговый анализ данных развития скоростно-силовых качеств показал, что результаты обеих групп в прыжках в длину с места и метании набивного мяча из-за головы не имеют достоверных различий. Исключением явились показатели бега на 30 м с хода. Развитие быстроты в беге произошли в обеих группах, однако не в равной степени. Так, прирост быстроты в беге у детей из 1 (экспериментальной) группы составил 14,4%, а во 2 (контрольной) – 3,9%.

Эти различия, с нашей точки зрения, произошли за счет улучшения техники бега школьников из 1 группы, в тренировочных занятиях которых применялся дифференцированный подход при подборе специальных упражнений на основе поставленной цели.

По результатам настоящего исследования можно рекомендовать учителям и тренерам ДЮСШ в обучении и совершенствовании двигательных действий использовать метод дифференцированного подбора специальных упражнений на основе параметров поставленной цели.

Выводы

1. Анализ литературных источников показал, что закономерности становления техники бега у детей 10-11 лет многими учеными рассматривались лишь на основе среднестатистических данных [5, 6, 3]. В то же время применение на практике общих средств и методов для всей группы занимающихся не во всех случаях приводит к желаемому результату. Практически нет сведений о дифференцированном подходе в подборе специальных упражнений при совершенствовании техники бега на основе заданных параметров цели.

2. Анализ результатов предварительного исследования выявил многогранность технических отклонений в беге детей 10-11 лет, занимающихся в группах ОФП. Так, при пятибалльной системе оценки техники бега у них были зафиксированы низкие показатели в обеих группах (в 1 группе – 15,4 балла и 15,6 балла из 30 возможных).

3. Применение дифференцированного подхода в подборе специальных упражнений позволило детям из 1 (экспериментальной группы) значительно улучшить результат в беге на 30 м с хода на 14,4%, а во 2 (кон-

трольной), где применялись общие упражнения для всей группы, – на 3,9%. Это преимущество было достигнуто за счет улучшения техники бега под действием упражнений, подобранных на основе параметров поставленной цели.

4. Оптимизация педагогического процесса в обучении и совершенствовании техники бега детей школьного возраста невозможна без учета индивидуальных технических особенностей занимающихся и дифференцированного подбора адекватных тренировочных воздействий.

5. Применение дифференцированного подбора специальных упражнений для каждого занимающегося в отдельности или целой группы, имеющих общность технических ошибок при обучении и совершенствовании техники бега, дает возможность осуществлять целенаправленное управление учебным процессом.

Литература

1. Боген М.М. Обучение двигательным действиям. – М.: Физкультура и спорт, 1985.
2. Железняк Ю.В., Петров П.К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте. – М.: Академия, 2001. – 264 с.
3. Жилкин А.И. Легкая атлетика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.И.Жилкин, В.С. Кузьмин, Е.В.Сидорчук. – 2-е изд. – М.: Изд. центр «Академия», 2005 – 464 с.
4. Зимкин Н.В. Двигательный навык // Физиология человека. – 4-е изд. – М., 1970.
5. Ишмухаметов М.Г. Дифференцированный подход к учащимся на уроках физической культуры в 4-6 классах общеобразовательной школы – Тула, 1992. – 95 с.
6. Мазниченко В.В. О стадиях формирования навыка в процессе обучения двигательным действиям // Теория и практика физической культуры, 1964.– № 11.– С. 12-14.
7. Мазниченко В.В. Двигательные навыки в спорте (Методическая разработка для студентов спорт. фак.). – Малаховка: МОГИФК, 1981.- 38 с.
8. Филин В.П., Семенов В.Г., Алабин В.Г. Современные методы исследований в спорте: учеб. пособие / под общей ред. В.П.Филина. – Харьков: «Основа». 1994 – 132 с.

*Я.В. Тарабан, В.Ю. Сальник
Н.рук. В.К. Климова*

ИППОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

С древнейших времен известно благотворное влияние на здоровье человека верховой езды и общения с лошадьми. В современной Европе лечебная верховая езда стала развиваться в последние 30-40 лет. В России практика использования иппотерапии началась с открытия в 1991 году в Москве детского экологического центра «Живая нить». Позднее иппотерапия вошла в комплекс реабилитационных средств, применяемых и в других реабилитационных центрах.

Иппотерапия – это физиотерапевтическое лечение, основанное на нейрофизиологии, использующее лошадь и верховую езду. Выполняется при содействии терапевтов, получивших специальное образование, или специалистов по адаптивной физической культуре [3].

Иппотерапия является признанным средством реабилитирующего воздействия на больных соматическими, психическими заболеваниями. Она может применяться при сердечных, желудочно-кишечных и ещё множестве других заболеваний и отклонений в состоянии здоровья.

При занятиях иппотерапией (или ЛВЕ – лечебной верховой ездой) обеспечивается одновременное включение в работу практически всех групп мышц тела всадника. Это происходит на рефлекторном уровне, поскольку, сидя на лошади, двигаясь вместе с нею и на ней, пациент в течение всего сеанса инстинктивно старается сохранить равновесие, чтобы не упасть с лошади, тем самым побуждает к активной работе как здоровые, так и пораженные болезнью мышцы своего тела [2].

Иппотерапия опирается на лечебно-профилактический характер влияния верховой езды, воздействие на организм человека, осуществляется через нервно-гуморальный механизм и подчиняется законам адаптации к физическим нагрузкам формирования двигательных навыков.

Под влиянием лечебно-профилактического воздействия физических упражнений в организме происходит активная перестройка функций. Температура тела лошади выше человеческой на 1,5 градуса. Движения мышц спины идущей лошади разогревают и массируют спастичные мышцы ног всадника, усиливая кровоток в конечностях. Улучшение кровотока в целом улучшает кровоснабжение мозга.

Современная физиология рассматривает любую деятельность организма человека как единого целого, совокупность физических и психических свойств и взаимоотношений с окружающей средой.

Иппотерапия воздействует на организм человека через два мощных фактора: психогенный и биомеханический. Соотношение удельного веса этих механизмов в каждом случае зависит от заболевания и задач, решаемых с помощью иппотерапии.

Психогенный механизм складывается из общения с живым организмом – лошадью, крупным темпераментным и сильным животным, обладание и управление которым дарит больному ощущение победы от повиновения ему такого огромного мощного существа. Кроме этого, необходимо учитывать впечатление, производимое непривычно большим пространством вокруг больного (манеж или плац на открытом воздухе), которое позволяет ему почувствовать себя свободным, раскрепощенным.

Необходимо подчеркнуть, что психогенный фактор по-разному раскрывается в конкретных нозологиях. Например, если при неврозах лечебный эффект несет чувство победы, свободы, раскрепощенности,

то при ДЦП ведущее значение имеет страх (боязнь не удержаться на лошади и др.), что заставляет больного напрячь все усилия, сконцентрировать внимание, скоррегировать сохраняющие равновесие движения и тем самым произвольно подавить патологические очаги возбуждения центров моторики.

Вторым мощным фактором воздействия иппотерапии является биомеханический фактор, т.е. влияние колебаний, возникающих и идущих от спины движущейся лошади в трех взаимоперпендикулярных плоскостях. Эти колебания имеют среднюю амплитуду и навязываются больному, будучи различными при различных аллюрах. Ритмичные колебания вызывают поочередное напряжение и относительное расслабление мышц туловища, что обуславливает удержание тела больного на лошади во время ее движения.

Биомеханический фактор способствует созданию у больных новых рефлексов, развитию равновесия, координации движений. Развитие равновесия сопровождается в человеческом организме развитием симметрии, а именно симметричного развития мышц туловища, конечностей, суставно-связочного аппарата, т. е. всего опорно-двигательного аппарата, а также симметричных внутренних органов. В то же время выработка баланса всадника на лошади на разных аллюрах способствует возникновению и закреплению новых условных и безусловных рефлексов. Все это вместе взятое способствует формированию нового двигательного навыка.

Кроме того, для обездвиженного больного очень важна имитация движений человека, идущего нормальным шагом, так как тело имеет свои компенсаторные механизмы запоминания полученного опыта.

Под действием физических упражнений происходит активация висцеральных органов и систем, а механизм активации заключается в повышении функции симпатической нервной системы и ретикулярной формации под регулирующим управлением коры головного мозга. Возбуждение симпатической нервной системы стимулирует обмен веществ и способствует быстрому и экономному расходу энергии.

Физические упражнения улучшают двигательную функцию, координацию между нервными импульсами и увеличивают максимальную производительную силу мышц, даже нетренированных, т.е. имеется эффект «переноса» тренировочных влияний [1].

Положительный эффект занятий лечебной верховой ездой неоспорим, но все же не следует забывать, что, как и в других сферах физиотерапии, в иппотерапии тоже много разнообразных противопоказаний. К ним относятся все заболевания в остром периоде, сердечно-сосудистая недостаточность, тяжелая артериальная гипертония с гипертоническими кризами, опасность эмболии (тромбофлебит), аллергия на лошадь и ее окружение, негативные влияния на сопутствующие заболевания.

Учитывая многофакторность лечебного воздействия иппотерапии на состояние здоровья пациентов, следует, вероятно, предпринять усилия

для создания в г. Белгороде отделения иппотерапии, осуществляющего многопрофильную (социальную, медицинскую, педагогическую, психологическую) реабилитацию детей и подростков с ограниченными возможностями.

Программа реабилитации пациентов с отклонениями в состоянии здоровья с применением метода иппотерапии позволит преодолеть следующие негативные явления и тенденции:

- увеличение в городе и области количества детей-инвалидов и подростков с ограниченными возможностями;
- отношение общества к инвалиду как к неполноценному индивиду;
- недостаточное внимание учреждений образования к детям, требующим индивидуального подхода;
- отсутствие координации и взаимопонимания заинтересованных ведомств, организаций в работе по проблемам семей, воспитывающих детей-инвалидов.

Ожидаемые результаты реализации программы:

- реализация проблем социальной адаптации и интеграции детей и подростков с ограниченными возможностями в обществе (семья, имеющая ребенка-инвалида, должна стать центральным реабилитационным пространством в адаптации ребенка к жизни, уметь жить и растить полноправного члена общества);
- создание условий для вовлечения инвалидов в общественную деятельность;
- формирование общественного мнения на основе регулярного освещения в средствах массовой информации проблем инвалидов и их семей.

Возможные долговременные последствия реализации программы: Обеспечение возможности максимальной и полноценной социальной интеграции детей и подростков с ограниченными возможностями в общество.

Перспектива дальнейшей работы: преемственность в работе с различными общественными организациями и обществами инвалидов.

Литература

1. Джосвик Ф., Киттридж М., Макковен Л., Макпарленд К., Вудз С. Вопросы и ответы: пособие по терапевт. верховой езде. – М.: «Московский конноспортивный клуб инвалидов», 2000. – 232 с.
2. Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике: учеб. материалы и исследования Немецкого кураториума по терапевт. верховой езде. В 3 ч. Ч. 1; пер. с нем. – М.: «Конноспортивный клуб инвалидов». – 2004. – 216 с.
3. Штраус И. Иппотерапия: нейрофизиологическое лечение с применением верховой езды: пер. с англ. – М.: «Московский конноспортивный клуб инвалидов», 2000. – 102 с.

РАЗВИТИЕ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ЮНЫХ АКРОБАТОВ

Координационная подготовка является важным фактором достижения высоких спортивных результатов во многих видах спорта. В последнее время специалисты выделяют ее в отдельную сторону подготовки спортсмена наряду с физической, технико-тактической, психологической подготовками [1, 3, 4]. Высокий уровень развития координационных способностей (КС), достигнутый на начальных этапах спортивной тренировки, является важным фактором оптимизации кондиционной и технической подготовки высококвалифицированных спортсменов, позволяет избежать застоя в росте результатов, делает соревновательные движения экономичными, вариативными, разнообразными и более эффективными. Кроме того, широкая координационная подготовка на начальных этапах тренировки помогает легче осваивать новые формы движений и тем самым обогащать двигательный опыт юных спортсменов. Для успешного освоения техники акробатических упражнений на этапе начальной подготовки важное значение имеют такие КС, как способность к оценке и регуляции динамических и пространственно-временных параметров движений, способность к сохранению устойчивости позы (равновесия), способность к ориентированию в пространстве, способность к согласованию (соединению, отдельных движений и действий в целостные двигательные комбинации и т.д.) проявляются не в чистом виде, а в сложном взаимодействии [2].

На этапе начальной подготовки акробатов формируется «школа» движений. Цели «школы» движений в сложно-координационном виде спорта:

1. Развить координационные способности юных спортсменов к равновесию, пространственному и временному анализу движений и упражнений, дифференцированию мышечных усилий, устойчивости и чувствительности вестибулярных реакций, симметрии и асимметрии движений, оценки поз и положений тела, темпу и ритму движений и др.

2. Научить детей выполнять большое количество разнообразных простых упражнений, создав таким образом фонд движений, необходимый для того, чтобы «специализировать» сенсорные системы организма для эффективного выполнения упражнений постепенно возрастающей сложности в условиях тренировочных занятий и соревнований.

3. Сформировать у юных спортсменов гимнастический стиль выполнения упражнений, для которого характерны: красивая осанка, правильные линии тела, прямые ноги, оттянутые носки, точность поз и положений тела, динамизм движений, хореографичность, артистизм.

Современный этап развития акробатики характеризуется высоким уровнем спортивно-технических достижений, которые определяют повышенные требования к всесторонней подготовке. Всесторонняя подготовка в спортивной акробатике связана с освоением за относительно короткий срок и с наименьшей затратой сил большого арсенала двигательных действий. Эти действия характеризуются сложным сочетанием и координацией движений, а это требует от спортсменов значительных физических кондиций и, в частности, достаточного уровня развития специальных двигательных качеств. В нашем случае это координационные способности. Исследования ученых свидетельствуют, что наиболее благоприятный период для целенаправленного развития всевозможных КС – возраст от 5 до 7 лет; с 7 до 11-12 лет целенаправленная тренировка дает второй по значимости эффект.

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать координационную тренировку акробатов 9-11 лет на основе гармонического соединения процесса развития КС с воспитанием кондиционных способностей.

Задачи 1) определить важнейшие КС для акробатов, 2) разработать общие и специальные средства и методы их развития, 3) разработать упражнения, сопряжено развивающие важнейшие координационные и кондиционные способности акробатов.

При проведении исследования использовались следующие методы: анализ литературных источников, педагогический эксперимент, тестирование двигательных-координационных способностей, методы математической статистики.

Для решения поставленных задач была разработана методика, развивающая специфические КС: к ориентированию в пространстве, кинестезическому дифференцированию, сохранению равновесия, вестибулярной устойчивости и др. Эффективность методики была проверена в трехмесячном педагогическом эксперименте, в котором приняли участие контрольная и экспериментальная группы юных акробатов в возрасте 9-11 лет – учащиеся групп СДЮШОР. Учебно-тренировочные занятия, как в экспериментальной (Э), так и в контрольной (К) группах, проводились пять раз в неделю. Длительность каждого занятия не превышала 90 минут.

Координационная тренировка экспериментальной группы представляла собой 4 комплекса упражнений, направленных на развитие ведущих КС. Каждый комплекс упражнений отражает специфику двигательной координации акробата.

Комплекс 1: а) задания на точность воспроизведения одновременных или последовательных движений и положений рук, ног и туловища при выполнении общеразвивающих упражнений без предметов; б) групповые упражнения в кругу с гимнастическими палками в форме игровых и соревновательных упражнений (подготовительная часть учебно-тренировочного занятия – 5-6 мин).

Комплекс 2 направлен на:

- развитие способности к равновесию;
- выполнение освоенных двигательных действий после «раздражения» вестибулярного аппарата (упражнения в равновесии сразу после кувырков, вращений и т.п., воздействующие на вестибулярный аппарат);

– ориентирование в пространстве – точно определять и своевременно изменять положение тела и осуществлять движение в нужном направлении, умение дифференцировать параметры движений (гимнастические задания на помосте);

– прыжки с вращениями в одну и другую сторону на максимальное количество градусов (на половину, на одну треть) или прыжки на заданное количество градусов и т.д.

– задания на точность дифференцирования параметров движений по методике «контрастных заданий».

Комплекс 2 выполнялся на помосте в конце основной или в начале заключительной части учебно-тренировочного занятия (5-7 мин).

Комплексы 3-4 составлялись с той же направленностью, что и комплекс 2, только выполнялись на батуте и включались в тренировочный процесс в заключительной части (6-8 мин). Интенсивность и координационная сложность выполнения упражнений преимущественно низкая и средняя, так как запас двигательных умений и навыков минимален.

В конце исследования в экспериментальной группе по сравнению с контрольной произошли существенные позитивные изменения: повысился уровень развития способности к равновесию, способности к ориентированию в пространстве, способности к реагированию. Результаты педагогического эксперимента, проведенного на юных акробатах, позволили установить, что разнообразные специфические КС можно успешно воспитывать уже на этапе начальной спортивной специализации. Во время соответствующей координационной тренировки испытуемые экспериментальной группы примерно на 20-50% опережали сверстников, занимающихся только по общепринятой программе (контрольная группа). Результаты эксперимента представлены в табл.

Таблица

Различия показателей координационных способностей контрольной и экспериментальной групп

№ п/п	Контрольные упражнения	Группы	До эксперимента	После эксперимента	Темп прироста в % Р
1	Балансировка на гимнастической скамье, (с)- способность к равновесию	Э	6,62 ± 0,38	5,98 ± 0,35	9,59<
		К	6,51 ± 0,40	6,35 ± 0,39	2,49<
2	Оценка статического равновесия, (с) – способность к равновесию	Э	87,6 ± 11,66	99,20 ± 9,15	13,16<
		К	89,1 ± 11,06	95,90 ± 9,33	7,53<
3	Бег к пронумерованным медицинболам, (с) – способность к ориентированию в пространстве	Э	10,2 ± 0,30	9,18 ± 0,22	10,21<
		К	10,16 ± 0,29	9,73 ± 0,29	4,20<
4	Реакция – мяч, (см) – способность к реагированию	Э	131,9 ± 4,15	122,60 ± 3,72	7,05<
		К	131,2 ± 3,83	127,70 ± 3,92	2,70<

По окончании педагогического эксперимента произошли существенные изменения в регистрируемых показателях: наибольшие изменения зафиксированы в упражнении «балансирование на гимнастической скамейке» – на 9,59% ($P < 0,05$); в К – 2,49% ($P < 0,05$); в статическом равновесии Э – 13,16% ($P < 0,05$), К – 7,5% ($P < 0,05$); в беге к пронумерованным медицинболам Э – 10,21% ($P < 0,05$), К – 4,2% ($P < 0,05$); в упражнении «реакция – мяч» Э – 7,05% ($P < 0,05$), К – 2,7% ($P < 0,05$) – соответственно. Установлено, что прирост результатов тестовых упражнений наблюдается как в экспериментальной, так и в контрольной группах.

Таким образом, результаты педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что применение разработанной методики целенаправленного развития координационных способностей детей 9-11 лет достаточно эффективно. Систематическое использование специальных координационных упражнений, направленных на развитие важнейших для акробатики координационных способностей, – основополагающее положение координационной тренировки.

Литература

1. Верхошанский Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 331 с.
2. Коркин В.П. Акробатика. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – 128 с.
3. Лях В.И. Тесты в физическом воспитании школьников. – М., 1988. – 271 с.
4. Лях В.И. Двигательные способности школьников: основы теории и методики развития. – М.: Терра-Спорт, 2000. – 192 с.

*Махов В.И.
Н. рук. Никулин И.Н.*

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТИЙ АТЛЕТИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКОЙ ПОДРОСТКОВ 14-15 ЛЕТ

Многочисленные исследования доказывают, что занятия атлетической гимнастикой способствуют формированию у подростков телосложения, развитию силовых качеств, исправлению и совершенствованию осанки, коррекции телосложения, повышению уровня двигательной активности. Для этого в процессе силовой подготовки используется большое количество методов, в том числе и изометрический, однако мнения специалистов по его применению разноречивы. Одним из достоинств изометрического метода является возможность направленно воздействовать на любую группу мышц при требуемом угле в суставе. При динамической работе максимальное усилие (при необходимом угле в суставе) может проявиться, как правило, только на доли секунды. В некоторых упражнениях это вообще невозможно, ибо снаряд по инерции проходит те

положения, в которых напряжение мышц дало бы наибольший эффект. При изометрической же тренировке можно точно фиксировать угол в суставе, при котором необходимо проявить максимальное усилие. По мнению некоторых специалистов, при выполнении упражнения в изометрическом режиме значительно улучшается концентрация сознания на работающих мышцах, что очень важно при работе с начинающими атлетами и подростками [2]. В то же время ряд исследователей отмечают второстепенность изометрического метода в силовой подготовке [3]. Недостаточность и разноречивость рекомендаций по методике выполнения изометрических упражнений у подростков и определило актуальность данного исследования. Требуют уточнения вопросы о количестве подходов, времени напряжения работающих мышц, количество тренировок в неделю. Особенно это важно при силовой подготовке у подростков, так как у них ещё не полностью сформированы функциональные системы и опорно-двигательный аппарат.

Проблема исследования заключается в разрешении противоречия между необходимостью использования силовых упражнений, выполняемых с помощью изометрического метода и отсутствием конкретных методических рекомендаций по составлению тренировочных комплексов для развития силовых качеств у подростков 14–15 лет.

Цель исследования: разработать и экспериментально проверить методику силовой подготовки подростков при занятиях атлетической гимнастикой.

Объект исследования: процесс силовой подготовки подростков 14-15 лет.

Предмет: особенности методики силовой подготовки подростков при занятиях атлетической гимнастикой.

Гипотеза: предполагается, что комплексное использование в силовой подготовке подростков изометрического и повторного метода в соотношении 50:50 будет более эффективным для развития силовых качеств, чем использование только метода повторных усилий.

Задачи:

1. Выявить возрастные особенности занятий силовыми упражнениями лиц подросткового возраста.

2. Разработать и экспериментально проверить методику занятий атлетической гимнастикой подростков 14-15 лет с использованием изометрических упражнений.

3. Опираясь на результаты исследования, разработать практические рекомендации по повышению эффективности занятий с отягощениями подростков 14-15 лет.

Новизна исследования заключается в разработке и апробации методики занятий подростков атлетической гимнастикой с использованием изометрического метода. Практическая значимость заключается в разработке практических рекомендаций по использованию изометрического метода, метода повторных усилий и комбинированного метода у подростков, занимающихся атлетической гимнастикой.

В исследовании были использованы следующие методы: анализ и обобщение данных научных литературных источников, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, тестирование двигательных способностей, антропометрия, методы математической статистики.

Для проверки обоснованности выдвинутой гипотезы был организован формирующий эксперимент, который проводился с 15 сентября 2005 года по 1 марта 2006 года. Эксперимент проводился на базе тренажерного зала МСДЦ «ЦМИ» (Управляющий зала Шоков А.Н.)

В формирующем эксперименте приняли участие подростки 14-15 лет, имеющие стаж организованных занятий в атлетическом зале не более 2-х месяцев. Всего в формирующем эксперименте приняло участие 12 человек, из них 6 составили контрольную группу и 6 экспериментальную.

Предварительное и итоговое обследование занимающихся в обеих группах включало в себя тестирование двигательных способностей и измерение некоторых антропометрических данных. Тестирование двигательных способностей включало в себя следующие контрольные упражнения: жим штанги лежа на горизонтальной скамье – показатель максимальной силы больших грудных мышц, трехглавых мышц плеча (трицепсов) и дельтовидных (передние пучки); подтягивание на перекладине в висе – показатель силовой выносливости мышц верхнего плечевого пояса, мышц средней части спины, двуглавых плеча; подъем туловища из положения лежа за 30 секунд – показатель силовой выносливости мышц брюшного пресса, прыжок в длину с места – показатель взрывной силы мышц ног; удержание в висе на согнутых руках – показатель силовой выносливости рук; удержание «угла» в висе – показатель силовой выносливости мышц брюшного пресса и мышц ног.

Антропометрия включала в себя замеры обхватов грудной клетки, талии, бедра и рук у занимающихся в обеих группах.

Основными отличиями в методике занятий контрольной и экспериментальной групп было следующее: в экспериментальной группе в качестве средств силовой подготовки использовались упражнения с свободными отягощениями и с собственным весом, выполняемые в изометрическом режиме. Методика занятий в экспериментальной группе была разработана нами. Комплекс упражнений специальной силовой подготовки для занимающихся контрольной группы включал в себя упражнения с свободными отягощениями и весом тела занимающихся, выполняемые в динамическом режиме. Подбор упражнений в обеих группах осуществлялся по принципу «анатомического атласа», т.е. упражнения подбирались таким образом, чтобы на отдельной тренировке были охвачены все основные группы мышц. Данный принцип рекомендуется начинающим атлетам ведущими специалистами [1,4].

Заключительный этап формирующего эксперимента включал в себя итоговое обследование указанных выше показателей у занимающихся обеих групп. Результаты итогового тестирования обрабатывались с целью

определения достоверности различий по t – критерию Стьюдента. Достоверными считались различия на 5%-ом уровне значимости.

До начала эксперимента не обнаружено достоверных различий ни по одному из показателей предварительного обследования испытуемых. Это соответствует требованиям, предъявляемым к организации формирующего эксперимента, и свидетельствует о том, что группы были однородны.

Результаты прироста показателей итогового обследования испытуемых обеих групп следующие.

По окончании формирующего эксперимента достоверные различия в пользу занимающихся экспериментальной группы обнаружены в контрольных упражнениях: висе на перекладине на согнутых руках и в подтягивании в висе на перекладине.

Так, в висе на согнутых руках занимающиеся экспериментальной группы показали средний прирост результатов 5 с, тогда как занимающиеся контрольной группы лишь 2,6 с. Это мы объясняем использованием изометрических упражнений, направленных на повышение максимальной силы и силовой выносливости мышц спины и сгибателей рук.

Достоверное увеличение среднегруппового результата в подтягивании на перекладине (X экспер. = 2,6 раза; а X контр. = 1,3 раза) мы объясняем положительным влиянием изометрического метода на увеличение силовой динамической выносливости мышц спины и сгибателей рук. По другим показателям прироста результатов и достоверных различий не обнаружено, хотя отмечается увеличение среднегрупповых результатов в пользу занимающихся экспериментальной группы: в жиме штанги лёжа в экспериментальной группе $X = 6,6$ кг.; а X контр. = 5 кг., X в удержании угла в экспер. = 1 с; а X контр.=0,6 с.

Отсутствие достоверных различий по указанным показателям мы объясняем либо недостаточной продолжительностью формирующего эксперимента, либо незначительной разницей между контрольной и экспериментальной методикой реализуемой в данном возрасте.

Таблица

Результаты сравнительного анализа прироста показателей антропометрии по данным итогового обследования

Упражнения	Вес (кг)		Обхват грудной клетки (см)		Обхват талии (см)		Обхват бедра (см)		Бицепс (см)	
	Эк.	К.	Эк.	К.	Эк.	К.	Эк.	К.	Эк.	К.
X (ср. арифмет)	0,8	0,3	1,5	0,6	0,6	0,16	1,2	0,8	1	0,8
σ	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,4	0,8	0,4	0,4	0,4
m	0,2	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2
t	1,6		2,25		1,5		0,9		0,6	
p	$p > 0,05$		$p < 0,05$		$p > 0,05$		$p > 0,05$		$p > 0,05$	

Как показывают данные таблицы прироста результатов показателей антропометрии, по окончании формирующего эксперимента достоверные различия в пользу занимающихся экспериментальной группы обнаружены в показателе «Обхват грудной клетки», у занимающихся в экспериментальной группе средний прирост результата – 1,5 см, тогда как у занимающихся контрольной группы средний прирост составил 0,5 см. Это мы объясняем эффективностью применения изометрического метода и метода повторных усилий у подростков, занимающихся атлетической гимнастикой.

По другим параметрам прироста показателей и достоверных различий не обнаружено, хотя отмечается увеличение среднегрупповых показателей в пользу занимающихся экспериментальной группы.

Таким образом, формирующий эксперимент доказал более высокую эффективность экспериментальной методики силовой подготовки подростков 14-15 лет.

Литература

1. Вейдер Д. Строительство тела по системе Джо Вейдера.- М. Физкультура и спорт, 1992. – 112 с.
2. Дворкин Л.С. Тяжёлая атлетика: учеб. для вузов / Л.С. Дворкин, А.П. Слободян. – М.: Советский спорт, 2005. Гл. 1, 2. – 600 с.
3. Курьсь В.Н. Основы силовой подготовки юношей. – М.: Советский спорт, 2004. – 264 с.: илл.
4. Ягодин В.В. Атлетическая гимнастика для подростков. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1995. – 111 с.

Раздел 6. ЖУРНАЛИСТИКА

*Л.С. Горбукова
Н. рук. С.В. Ушакова*

СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАДИОРЕПОРТАЖА

Одна из тенденций современного радиовещания – стремление к сжатости текста в эфире, "высушиванию" информации, жестким временным требованиям, и, как следствие этого, к малым эфирным формам. Данная тенденция проявляется и в традиционном репортаже, который приобретает черты все большей краткости и оперативности. В определенном смысле репортаж утрачивает свою значимость, но в измененном, трансформированном виде продолжает существовать и сегодня.

Радиорепортаж – синтетический жанр радиожурналистики. Именно поэтому его нельзя отнести к типу только лишь информационных материалов. В пределах своей формы радиорепортаж предоставляет автору свободу композиционного построения, а значит, определенную свободу осмысления и преобразования событийного ряда в текстовый его вариант.

Исследованию репортажа как жанру журналистики уделяли внимание такие ученые, как В.В. Смирнов [8], А.А. Тертычный, К.Ю. Новиков [5], Г.Я. Солганик и многие другие. Содержательным представляется и анализ радиорепортажа с когнитивной точки зрения, суть которой заключается в попытке понять, каковы же общие принципы языкового кодирования журналистом информации о действительности в радиорепортаже.

Реальное событие, в которое «погружается» журналист, становится медиа-событием [7]. А результатом воплощения его в языковую форму для трансляции в СМИ становится медиа-текст. Таким образом, можно сделать вывод, что в момент создания и восприятия текста используются определенные когнитивные операции, что проявляется в языке и через язык. В ходе текстовой деятельности активизируется внимание к языку как средству «материализации» (кодирования) данных о мире. Текст не столько рассказывает о реальности, сколько творит новую реальность. Действительность является лишь материалом, из которого конструируется необходимый сюжет. В зависимости от жанра, от прагматических установок автора меняется и способ моделирования картины мира, и сам мир, представленный в журналистском тексте, в данном случае в радиорепортаже.

Репортаж – жанр фабульный. Журналист «свертывает» событие в радиорепортаже до нескольких наиболее существенных и значимых эпизодов. Данная операция носит когнитивный характер и находит отраже-

ние именно в языке. Здесь актуальной становится **категория условности**, а самой универсальной формой категории условности является **пространственно-временная условность**. В данной работе мы анализируем аспекты временной организации радиорепортажа, т.е. темпоральность, а также то, какими языковыми средствами она выражается в репортаже.

Исследователи категории событийности как общей категории, предопределяющей текстовое развертывание (в частности петербургский исследователь В.Я. Шабес [9]), утверждают, что событие разворачивается во времени и в этом смысле является линейной единицей. Однако событие – многомерная единица, поскольку протекает не только во времени, но и в пространстве. Линейность события естественным образом отражается непосредственно в линейной организации текста. Многомерность события отражается сравнительно произвольным образом. Строгого порядка вербализации категорий Места и Времени не существует.

В радиорепортаже время *прерывисто, условно*, так как *не соответствует по продолжительности реальному времени описываемого события*. Говорящий, в данном случае журналист, «линеизирует» нелинейные фрагменты события в сравнительно произвольном порядке, допуская перестановки эпизодов по своему усмотрению» [9, с. 155]. Таким образом, из всего сказанного следует, что журналист использует в радиорепортаже такие языковые средства, которые позволяют «свернуть» событие в слово, а затем это слово как бы вновь «развернется» в событие в интерпретации слушателя. Получается, что время «сжимается-разжимается» именно посредством языка.

Категория времени проявляется в радиорепортаже, прежде всего, на грамматическом уровне и воплощается в функционально-грамматической категории темпоральности [1]. Ядро темпоральности в радиорепортаже представлено системой времен глагола (настоящего, прошедшего и будущего), а вот периферия, т.е. гораздо менее частотные средства выражения, представлена аналитическими причастно-страдательными формами, формами полных причастий прошедшего и настоящего времени, безглагольными синтаксическими конструкциями, а также лексическими единицами с обстоятельственной семантикой (например: сейчас, через две недели, вчера, год тому назад и т.д.); можно выделить и различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, не имеющие определенной и однородной структурной характеристики, например, *тогдашний, вспоминается* и т.д. Очень важную роль в радиорепортаже играет не вообще темпоральность, а временной порядок, т.е. представление временной оси, репрезентирующей события процессами, состояниями, обозначениями последовательности действий, моментов речи и интервалов (*после этого, через десять минут т.п.*), характерными именно для радиорепортажа временными детерминантами, отсылающими к точному реальному времени (*в три ноль-ноль*).

Проведя предварительный анализ временных показателей в радиорепортаже, мы пришли к выводу, что выбор темпоральных форм и их

комбинация в тексте определяется не реальным моментом речи, а представлением автора о соотношении времени события и времени его восприятия, наблюдения. Иными словами, точка отсчета времени не фиксируется моментом порождения речи, она подвижна и может перемещаться по воле говорящего, как его наблюдательный пункт, в разных направлениях по отношению к оси событий. Итак, движение времени в радиорепортаже не однолинейно и не однонаправленно.

В объемном пространстве текстового времени Г.А. Золотова [3] выделяет три оси, или линии, которые могут взаимодействовать.

Линия Т1 представляет **календарное**, природное, объективно бегущее время, внешнее по отношению к тексту, однонаправленное и необратимое. Календарное время, как правило, не входит в текст радиорепортажа. Оно проявляется в «подводке», которая является репрезентирующей рамкой радиорепортажа. Например: **(1) Сегодня** флагман Российского Полярного флота «Академик Федоров» отошел от причала Невской гавани и взял курс к берегам Антарктиды; **(2) Неудачей закончилась этой ночью** в Париже попытка студентов отбить у полиции старейший университет страны – Сорбонну; **(3) В канун Дня защиты детей** выпускной бал прошёл в детском саду № 47.

Линия Т2 реализует текстовое, **событийное** время (речь идет о событиях, составляющих содержание данного текста); оно может быть спроецировано на хронологическую ось, но это отнюдь не обязательное условие построения текста. Главным здесь как раз и будет временный порядок в плане одновременности или разновременности, предшествования или следования. Примеры из радиорепортажей: *Министр Внутренних дел Франции призвал строго покарать всех задержанных, правда, просил полицейских проводить различия между подлинными манифестантами и погромщиками; С трибуны у памятника Марксу на Театральной площади выступали руководители левых политических сил. Они требовали отменить реформу ЖКХ и повысить прожиточный минимум граждан* и т.д.

Линия Т3 – это линия **перцептивная**, выражающая позицию говорящего (пишущего), реальную или мыслительную, во времени и пространстве по отношению к событиям текста. Следуя вдоль событийной линии, журналист воспроизводит «видимое» и «слышимое», и он может инверсировать порядок изложения. Очень образно эту линию охарактеризовала Г.А. Золотова: «Роль говорящего можно сравнить с ролью кинооператора, стремящегося запечатлеть изображаемое с разных точек зрения, а вместе с тем с ролью режиссера, отбирающего и монтирующего кадры» (Золотова и др. 1998: 23). Примеры из радиорепортажей: *Судя по некоторым косвенным признакам, решение о проведении спец. операции на Октябрьской площади было принято примерно за 15 минут до ее начала. Где-то в три ноль-ноль, о том, что будет проведена спец. операция узнали журналисты. Сама операция началась в три ноль пять. Журналистов оттеснили от палаточного лагеря, который возвели оппозиционеры примерно метров на пятьдесят, и*

сказали, что это в целях безопасности представителей прессы; Инциденты возникли с самого начала 700-тысячной манифестации протеста, когда на ее участников начали нападать хулиганы из социально неблагополучных городов-спутников Парижа. Нападавшие отнимали у демонстрантов мобильные телефоны и фотоаппараты. Были разгромлены несколько кафе, предприняты попытки ограбления универмагов. Схватки с хулиганами продолжаются в настоящее время на площади Республики; 60 % явки избирателей на избирательные участки для республики с непростой обстановкой – это достижение. Что же касается итогов, то в принципе они уже определились, хотя, возможно, будут меняться в течение сегодняшнего дня. Во всяком случае, очевидно, что победила «Единая Россия» и т.д. Из примеров видно, что именно перцептивные элементы репортажа являются наиболее значимыми с точки зрения формирования его когнитивной структуры, которая позволяет слушателю соотносить себя с автором в момент восприятия радиорепортажа. Из этого следует то, что слушатель зависит от журналиста в своем восприятии репортажа. Важной для журналиста в этом случае становится задача не перегрузить радиорепортаж перцептивными элементами.

Итак, событийное время в радиорепортаже – категория **креативная** – создается главным образом соотношением линий Т2 и Т3. Реализуется это соотношение через видо-временные формы глаголов той или иной семантики, через референтный/нереферентный статус имен, а также с помощью дейктических, модальных и других языковых средств. Монтируя темпоральное пространство текста, автор передает его с разной степенью абстракции – более конкретной или менее конкретной, следовательно, и в разном темпе, но при этом он должен «программировать» восприятие слушателя и «обеспечивать» его необходимым количеством элементов, позволяющих радиослушателю адекватно замыслу интерпретировать текст репортажа.

Литература

1. Бондарко А.В. Основы функциональной семантики: языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, 2001. – 260 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста. – М., Изд-во «Логос» 2002. – 280 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 397 с.
4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
5. Новиков К.Ю. Радиореporter и радиорепортаж в XXI веке: История и трансформация жанра, перспективы профессии. – М.: Изд-во «ВК», 2005. – 88 с.
6. Радиожурналистика: учебник / под ред. А.А. Шереля. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 304 с.
7. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле конца XX века. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 382 с.
8. Смирнов В.В. Жанры радио журналистики. – М.: Аспект пресс, 2002 – 288 с.
9. Шабес В.Я. Событие и текст. – М.: Высш. шк., 1989. – 175 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРВЬЮ В БЕЛГОРОДСКОЙ ПРЕССЕ

Интервью для журналиста – это, с одной стороны, способ получения информации путем непосредственного общения с человеком, владеющим этой информацией, а с другой – публицистический жанр в форме диалога, в котором журналист с помощью системы вопросов помогает интервьюируемому как можно полнее, логически последовательно раскрыть тему разговора. Профессиональные журналисты называют творческое импровизированное интервью «высшим пилотажем».

Газетное интервью привлекает читателя потому, что информация, представленная в форме диалога, кажется более достоверной, идет в «прямом эфире» от интервьюируемого. Журналисты центральных газет, таких как «Литературная газета», «Новая газета», «Известия», «Аргументы и факты» нередко обращаются к этому жанру. «Аргументы и факты» полностью выстраивают свои публикации в вопросно-ответной форме.

Существуют постоянные рубрики, где публикуются материалы, написанные в этом жанре, а некоторые журналисты специализируются только на интервью. Интервью привлекает читателя потому, что информация, представленная в форме диалога, кажется более достоверной, идет в «прямом эфире» от интервьюируемого. Активно работают в жанре интервью и белгородские журналисты.

Как часто публикуется интервью на страницах белгородских газет? Кто выступает в роли интервьюируемых? Какие разновидности интервью можно увидеть в белгородских газетах? Каковы структурно-семантические особенности текстов, написанных в форме интервью? Чтобы дать ответы на эти вопросы, мы изучили опубликованные в белгородской прессе интервью в газетах «Белгородская правда», «Белгородские известия», «Смена» за период с апреля 2005 года по март 2006 года включительно.

Говоря о видовом разнообразии интервью в белгородской прессе, мы пользовались классификацией С.Н. Ильченко [1] и А.А. Тертычного [5], в основе которых лежит разграничение интервью по цели и содержанию беседы.

Особенностью газеты «Смена» является то, что в этом издании можно обнаружить множество интервью-знакомств, в которых «персональной» выступает неординарная личность. Такие интервью характерны для страницы «Вторая смена», где публикуются начинающие журналисты. На этой же странице публикации в форме интервью наиболее частотны. Наряду с этой разновидностью встречаются информационные интервью, а проблемных, экспертных интервью почти нет.

Интервью в «Белгородских известиях» чаще пишутся «по поводу». В этом издании ярко проявляется та характеристика жанра интер-

вью, которая была дана исследователем М.Н. Кимом: «Жанр интервью всегда нацелен на отображение определенного мнения людей о тех или иных событиях, явлениях и тенденциях жизни» [2]. Интервью в «Белгородских известиях» – это прежде всего отражение мнений о каких-либо событиях, актуальных проблемах, о чем свидетельствуют названия рубрик, в которых тексты интервью публикуются: «компетентное мнение», «на перекрестке мнений», «наши интервью», «актуальное интервью». В этом издании можно найти множество экспертных интервью, где собеседник – обязательно компетентный специалист, который имеет право отвечать на вопросы журналиста и информировать читателей.

В «Белгородской правде» нелегко отличить интервью-знакомство от интервью информационного, так как материал одновременно и знакомит нас с интересной персоной и сообщает о каком-либо событии. Например, интервью с художественным руководителем Государственного струнного квартета имени М. Глинки О.Г. Смирновым. Автор публикации одновременно сосредоточивает интерес читателей на «персоне» – руководителе коллектива – и сообщает читателям о состоявшемся концерте, рассказывает, какие произведения звучали, описывает впечатление публики. Публикуются на страницах издания также экспертные, проблемные интервью, которые можно отнести к аналитическим.

Белгородские журналисты, работая в жанре интервью, в основном придерживаются трехчастной структуры текстов этого жанра, но в некоторые «вопросно-ответные» тексты все же добавляются те «недиалогические элементы», о которых пишет в своем исследовании З.С. Смелкова [4]. Этот прием уже давно и широко используется журналистами центральных изданий.

В нашей работе мы выявили особенности каждой из частей интервью. Как известно, существует множество видов лидирующих абзацев в интервью. Широкое разнообразие их продемонстрировано в интервью центральных изданий, но лишь малая часть представлена на «белгородских» газетных страницах.

В белгородской прессе наиболее частотными являются:

– **лид описательный**, который просто информирует читателя о теме. *Представление обывателя о преступности вполне укладывается в традиционные сюжетные рамки теледетективов – кражи, убийства, стрельба, погони... В канун Дня милиции наш корреспондент встретился с исполняющим обязанности заместителя начальника УВД области по экономической безопасности А.К. Щербаченко, чтобы порасспросить о проблемах, с которыми сталкиваются в своей работе «убэповцы»* («Белгородские известия» от 8 ноября 2005 года).

– **лид специальный**, то есть интригующий, заставляющий перейти непосредственно к тексту интервью *На очередном заседании кружка практической психологии в Белгородском государственном институте культуры студенты изучали физиогномику – науку о соответствии особенностей внешности человека определенным чертам его характера. Ру-*

ководитель кружка ... предложила некоторым из новичков выйти к доске, а остальным – охарактеризовать этих незнакомцев, руководствуясь их внешностью («Смена» №3 от 11 января 2006 года).

– **лид-история:** «Постановка мюзикла «Новые приключения колобка», написанного белгородским композитором, членом союза композиторов России, руководителем детской музыкально-театральной студии «Звуки музыки» Еленой Латыши-Бирюковой, стала заметным событием в культурной жизни Белгорода. Где бы ни показывали его юные артисты, спектакли неизменно проходят на ура.... Так было на представлении, которое состоялось во Дворце культуры п. Майский» («Смена» №5 от 18 января 2006 года).

– **лид-вопрос** или **прямое обращение:** «Без малого двадцать лет работает на профсоюзной ниве Николай Михайлович Шаталов. Год назад он был избран заместителем председателя областного объединения организаций профсоюзов. Нашу беседу о профсоюзном движении на Белгородчине я предварил просьбой к Николаю Михайловичу – рассказать немного о себе» («Белгородские известия» № 222-223 от 21 декабря 2005 года).

– **лид-деталь:** «Среди инспекторов по делам несовершеннолетних больше молодых хрупких женщин. Недавно мы побывали в отделе милиции №4 УВД города Белгорода и встретились с занимающей эту непростую должность Оксаной Павловной Сальниковой, которая согласилась с нами пообщаться и ответила на вопросы».

Основная часть интервью строится на системе вопросов-ответов, которые образуют диалогические единства. Исследователь М. Лукина подразделяет вопросы на прямые – не прямые, открытые – закрытые, уточняющие, развивающие, контрольные, уличающие, количественные, гипотетические, проективные, переходные, пассивные и мимические, а также выделяет группу вопросов, которых следует избегать: риторические, подсказывающие вопросы, два вопроса в одном, пространственные, перегруженные, длинные, бестактные вопросы, «провокационные», «льстивые», банальные вопросы [3].

Белгородские журналисты чаще всего задают вопросы **прямые, закрытые:**

– *А что должен делать человек, заметивший в своём кошельке фальшивку, которую ему, например, дали где-то на сдачу?* («Белгородские известия» от 8 ноября 2005 года).

А также **уточняющие, развивающие, количественные:**

– **Оксана Павловна, кем вы мечтали стать в детстве?** (прямой, закрытый)

Всегда мечтала быть дизайнером. Мне очень нравилось моделировать одежду.

– **Вместо этого моделируете поведение трудных подростков... Может, это выбор ваших родителей?..** (уточняющий)

– *Вовсе нет, мои родители всегда хотели видеть меня медиком и, когда узнали о моем выборе, были против.*

– ***Почему именно инспектор по делам несовершеннолетних?*** (развивающий)

– *С этим связана следующая история...*

– ***Сколько детей вы помогаете?*** (количественный)

– *На данный момент в нашем отделе на учёте состоит более 100 несовершеннолетних правонарушителей («Смена», № 46, 2005).*

Бывает так, что журналист не буквально задает вопрос, а своими репликами побуждает интервьюера к рассказу.

Интервьюер: ***Насколько мне известно, контрафакты стали самой настоящей бедой нашего времени – в магазинах и переходах продаются пиратские диски, кассеты... Говорят даже, что в России новые голливудские фильмы продаются на видеокассетах раньше, чем проходит премьерный показ...***

Интервьюируемый: *Добросовестные участники рынка, использующие объекты авторского права и смежных прав в коммерческих целях, ежегодно недополучают огромные суммы из-за наводнившего прилавки контрафакта..... в ходе проведения специальных мероприятий нашими сотрудниками установлена группа жителей Белгорода, занимающаяся незаконным тиражированием аудио- и видеопроизведений, записанных на CD и DVD.*

В «Белгородских известиях» журналисты задают объемные вопросы, в которых сообщается множество фактов, акцентируется внимание на какой-либо проблеме. Чаще всего это интервью редактора газеты Ф.Ф. Хрусталева с должностным лицом, занимающим высокий пост или руководителем крупного предприятия. Пример – интервью с генеральным директором ОАО «БЭЗРК-Белгранкорм» А.В. Орловым («Белгородские известия» от 10 декабря). Однако перегруженными вопросы журналиста считать нельзя, потому что упоминание каждого факта в них говорит об осведомленности интервьюера, и оправдано самим ходом разговора. Интервьюируемому интереснее общаться с таким осведомленным собеседником, а читатель получает полную картину действительности.

Третья часть интервью – заключение. Это может быть ответ на итоговый вопрос или заключительное суждение журналиста, которое ставит логическую точку. Первое интервью в белгородских газетах встречается чаще.

Как уже было отмечено выше, журналисты белгородских изданий добавляют в структуру интервью «не диалогические» элементы. Ярким примером комбинации диалога и авторских «вставок» служит интервью О. Шевцова с председателем колхоза имени Фрунзе В.Я. Гориним («Смена» №1, 1.01.2006). Эти «вставки» под названием «Языком цифр» сообщают интересные факты о деятельности колхоза. Они выстроены с учетом смысла вопросов, удачно сверстаны и поэтому не раздражают.

Приведем пример единства: ***вопрос- ответ- «вставка»:***

– ***Василий Яковлевич, согласно целевой программе развития свиноводства, к 2010 году производство свинины в Белгородской области***

должно вырасти почти в десять раз. Насколько реально, на ваш взгляд, выполнение этого замысла?

– Абсолютно реально. Вы посмотрите, какими темпами строятся крупные свиноводческие комплексы! Мы в колхозе начинали со строительства свиноферм в 1965 году – и были первопроходцами. А сейчас немного отстали от современных технологий. В селе Стригуны Борисовского района уже функционирует крупный комплекс на 10 тысяч тонн свинины в год... я иной раз выезжаю посмотреть, как он работает, а потом думаю, надо нам не отставать...

ЯЗЫКОМ ЦИФР: в прошлом году чистая прибыль колхоза имени Фрунзе составила 154 миллиона рублей, в нынешнем – 200 миллионов рублей. Это в два раза больше, чем, к примеру выделяется на сельское хозяйство в бюджете Кировской, да и ряда других областей России. За этот год реализовано сельхозпродукции на 800 миллионов рублей, в казну заплачено почти 100 миллионов налогов.

В таких вставках подаются интересные факты, которые публиковать в форме ответа на вопрос было бы неудобно:

«Забота о людях в колхозе имени Фрунзе видна, что называется, невооруженным глазом. На 1600 семей приходится около тысячи автомобилей. У самого Горина своей машины нет – только колхозная.

В селах на территории хозяйства – восемь хоров. Не так давно на костюмы для одного бессоновского хора было потрачено 500 тысяч рублей. На недавний концерт Ирины Аллегровой в Белгород поехали 35 человек из хора водителей – лучшие билеты приобретены за счет колхоза.

На содержание детских садов в этом году колхоз выделил 4,2 миллиона рублей».

Эта публикация не единственный пример «четырёхчастного» интервью. Встречаются и другие его виды. Из этого можно сделать вывод, что белгородские журналисты пытаются разнообразить свои публикации в этом жанре, привнося в них черты, характерные для общероссийских изданий, что особенно заметно на структурно-семантическом уровне.

Литература

1. Ильченко С.Н. Интервью в журналистском творчестве : учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 93 с.
2. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 320 с.
3. Лукина М. Технология интервью: учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 2005 - 192 с.
4. Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А. Риторические основы журналистики: Работа над жанрами газеты: учеб. пособие для студ. ф-тов журналистики. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.
5. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

*Т.В. Кирпилева
Н. рук. С.М. Нарожняя*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЖУРНАЛИСТ» (КОНЕЦ 1990-х – 2000-е ГОДЫ)

«Истории мстить бессмысленно, как и смеяться над ней. Что было – не изменить. Но её надо знать и помнить», – говорил военный историк Д. Волкогонов и, бесспорно, был прав: знание истории помогает нам двигаться вперёд, избегая ошибок прошлого. Журнал «Журналист» нередко публикует материалы на историческую тему, являясь негласным учебным пособием для журналистов, источником общекультурных знаний.

«Журналисту» уже 92 года, и само это издание – это ещё одна страница в истории российской печати. Первый в истории отечественной печати профессиональный журнал, увидевший свет в январе 1914 г., ратовал за принятие прогрессивного «Закона о печати», активно боролся против судебного произвола в отношении редакций и журналистов, поддерживал начинания международного конгресса журналистов. С возникновением советской печати была связана необходимость подготовки своих, большевистских кадров. Первого августа 1920 года и появился на свет серенький, непрезентабельный бюллетень – «Красный журналист». Затем журнал именовался «Большевистская печать», «Советская печать», пока в 1967 году усилиями Егора Яковлева и его соратников издание не получило свое исконное название – «Журналист».

С перестройкой «Журналист» сразу и безоговорочно стал на сторону демократических преобразований в стране, первым опубликовал проект Закона о средствах массовой информации. «Рухнула столько десятилетий удушавшая журналистику и литературу система тотальной цензуры. Наступил новый ренессанс российской прессы. Ее обновленная, свободная жизнь коснулась и «Журналиста». Ведь свобода слова – это и свобода дела для всяческих сил, готовых либо заткнуть ей рот, либо использовать для своих целей», – говорит Г. Мальцев, нынешний редактор этого издания, поднимающего самые насущные, острейшие проблемы бытия журналистского цеха.

... В начале января 2000 г. вся пишущая братия отмечала замечательный юбилей - 300 лет российской профессиональной журналистики. За полтора года до празднования – с пятого номера в 2001 г. – «Журналист» начал цикл публикаций по истории российской печати, ведь юбилей – это повод поговорить о том, откуда мы, какие и куда нам двигаться дальше.

Статья И. Симанчука «Пётр I и его “Ведомости”» [2] лаконично и кратко рассказывает историю зарождения и долгого существования первого русского печатного издания, а также повествует о рукописных предшественниках «Ведомостей».

Петр I отлично понимал необходимость и важность информирования широких кругов государства обо всех делах и свершениях, поэтому и издал в декабре 1702 года указ об учреждении газеты под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случавшихся в Московском государстве и иных окрестных странах». Примечательно, что «Ведомости» царь распорядился «продавать в мир», «стало быть, им суждено было выйти за пределы дворца и шагнуть на более широкие просторы» [2, с. 56].

Автор повествует и о талантливых работниках «первой ласточки» российской прессы – о «главном редакторе», коим был сам Пётр, о первом репортере в истории отечественных СМИ Якове Синявиче и самобытном солдате-распространителе Василии Татищеве, который впоследствии дошел до звания академика, создал первую многотомную историю российскую с самых древних времен. В завершении статьи И. Симанчук предложил увековечить участие этих славных людей в рождении «Ведомостей», присвоив их имена ежегодным премиям в области журналистики.

Разговор о Петре Великом – не только мудром издателе, но и талантливым журналисте – в статье «С пером и шпагой» продолжил Юрий Макунин: «Только на основании полтавских репортажей Петру логично присвоить и титул первого военного журналиста на Руси» [3]. Автор подробно освещает писательскую деятельность русского реформатора, и, как бы это странно ни звучало, деятельность его «имиджмейкера» – дипломата Шафирова – и «пиарщика» – барона Гюйсена. Так, Петр Павлович Шафиров, написав книгу «Рассуждение, какие законные причины Петр первый ... к начатию войны против короля Карла XII шведского в 1700 году имел», создал безусловный панегирик властителю. Барон же потрудился опровергнуть сведения о Руси, изложенные противником самодержца.

В «Журналисте» можно встретить познавательные и занимательные истории из глубин прошедших веков. Такова статья Николая Якунина «Дело редактора А. Краевского» [4]. В публикации Павла Большакова, опытного журналиста, историка дореволюционной печати, воскрешается память о человеке, имя которого в конце XIX века знала вся просвещенная Россия. Это Папий Павлович Подбельский (П.П.П.) – редактор рукописного ученического журнала «Бродяга». Автор предлагает хотя бы гипотетически подышать воздухом исторической эпохи, которым дышали гимназисты 70-х годов XIX в., ставшие в дальнейшем «революционными бродягами» – соратниками Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, народовольцами, социал-демократами, анархистами, меньшевиками, эсерами и просто каторжанами [5].

... Одним из «обласканных» цензурой молодых литераторов начала XIX века в России был Иван Петрович Пнин, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В «Журналисте» [6] воспроизводится «Письмо к издателю» («Журнал российской словесности», 1805 г.), которое публицист сопроводил саркастичным комментарием –

«перевод с маньчжурского». Перевод с несуществующего языка, упоминание, что рукопись очень древняя – это нарочитая маскировка, а содержание «Письма» исключительно в духе того времени.

О низкопоклоннической деятельности «главных пчеловодов России» (по выражению Пушкина) – скандально известного Фаддея Булгарина и Николая Греча, издававших исключительно верноподданническую газету «Северная пчела», – рассказывает Илья Симанчук. В завершении автор приходит к неутешительному выводу: «Бумага, как видно, и тогда всё терпела. А цензура практически выступала покровительницей бездарности и пошлости. Хотя читаешь ныне иные писания и думаешь: «Ну почему у нас нет на них цензуры?»[6].

В 1999 г. «Журналист» не обошел вниманием знаменательную дату – 200-летие А.С. Пушкина. Так, Никита Вайнонен опубликовал статью-расследование «...Он мог бессмертной славой газет наполнить номера» [7]. Автор подробно освещает журналистскую деятельность Александра Сергеевича и приводит ряд фактов, позволяющих возложить вину за смерть поэта на министра С.С. Уварова.

Русские военные корреспонденты – особая когорта в отечественной журналистике. К сожалению, установить, кто стоял во главе этой славной шеренги, не представляется возможным: в первом же номере «Ведомостей» публиковались заметки о боевых действиях русских войск против шведских интервентов, но они были без подписи. «Поэтому настоящие профессиональные военные корреспонденции относятся к Отечественной войне 1812 года», – так считает Илья Симанчук. В своей публикации «Военкор Куницын и другие» [8] журналист рассказывает об Александре Куницыне, профессоре Царскосельского лицея, незаурядной личности и блестящем военкоре. Статья Александра Менделеева [9] повествует о забытом на родине военкоре Василии Немировиче-Данченко (старшем брате знаменитого режиссера). На рубеже XIX-XX вв. репортер пяти войн, он широко был известен в России, а затем в Англии был удостоен звания «король военкоров».

В наши дни часто проявляется упрощенный подход в оценке фактов и явлений советского прошлого, безусловно, наложившего отпечаток на сознания миллионов людей и сформировавшего их повседневное мировосприятие. Историю не перепишешь, она остается такой, какой ей было уготовано быть сложившимися обстоятельствами. Не перепишешь и историю журналистики советского времени.

Казалось бы, почти полтора десятилетия, прошедшие с той поры, – срок достаточный, чтобы взвешенно представить, какой в действительности она была, наша журналистика. Конечно же, нелепо отрывать СМИ от конкретной политической обстановки. Но значит ли это, что накопленный советской журналистикой опыт лишь негативного свойства и его за ненадобностью следует отбросить? «Осмыслить всё наработанное СМИ в тот период, что не утратило своей актуальности сегодня, по-моему, очень важная задача. Особенно в наше время, когда прежние идеалы померкли,

а новые еще окончательно не выработаны», – призывает Дмитрий Стровский [10]. В своих полемических заметках он размышляет о том, какая же журналистика была демократичнее – та или нынешняя. Вывод напрашивается следующий: советская пресса была ближе к народу, ее воспринимали как помощника, собеседника. Сегодня же, несмотря на известную свободу слова, обмен взглядами в печати почти прекратился, мнение читателя стремительно сходит на нет. И если в местной (преимущественно районной) прессе жанр письма еще присутствует, то в центральной письма стали чуть ли не анахронизмом.

Мы можем извлекать пользу для нашей прессы из уроков прошлого. Материалы «Журналиста» помогают по-новому воспринимать минувшее противоречивое время, учат, в частности, работе с читательской аудиторией. Пример подобного отголоска минувших лет – злободневный фельетон из «Русского слова» за 1913 год, опубликованный в «Журналисте» [11]. Фельетон рассказывает о «неизвестном господине в форме какого-то ведомства», который явился в редакцию и сначала робко, а потом, рыдая, просил напечатать в газете «ну, хоть то, что я - жулик». Странный господин приводил даже уйму доказательств своего мошенничества, умоляя непреклонного журналиста: ведь стоит на страницах газеты сказать «хоть слово против кого-нибудь – и человек обеспечен»: «Из мрази, можно сказать, в люди выводили. Разве я не знаю силы прогрессивной печати.... Ведь это же остался единственный путь сделать карьеру, выбиться в люди», – сокрушается мошенник. После такой тирады газетчик соглашается напечатать о жулике. «И, разобравшись в его документах, я могу сказать теперь по совести: «Иван Иванович Иванов – действительно прохвост высокой марки. Пусть его делает карьеру!» – заключает фельетонный журналист. Такая сатирическая ситуация могла бы появиться в современных изданиях и была бы не менее актуальна.

Из всего сказанного выше можно сделать выводы о том, что публикации в журнале «Журналист» на историческую тему позволяют:

- а) расширить кругозор читателей;
- б) по-новому взглянуть на противоречия ушедшего времени, проблемы прошлого и настоящего, в том числе в области журналистики;
- в) развивать интерес наших современников к истории российской прессы;
- г) расширить представление читателей о выдающихся деятелях отечественной журналистики и их творчестве.

Литература

1. Мальцев Г. Зеркало нашей профессии // Журналист. – № 1. – 2004.
2. Симанчук И. Пётр I и его «Ведомости» // Журналист. – № 5. – 2001.
3. Макунин Ю. С. Пером и шпагой // Журналист. – № 10. – 2001.
4. Якутин Н. Дело редактора Краевского // Журналист. – 2000.
5. Большаков П. П.П.П. // Журналист. – № 10. – 2004.
6. Симанчук И. Цензура – любимое дитя диктатуры // Журналист. – № 8. – 2001.

7. Вайнонен Н. Он мог бессмертной славой газет наполнить номера // Журналист. – № 7. – 1999.
8. Симанчук И. Военкор Куницын и другие // Журналист. – № 7. – 2002.
9. Менделеев А. Репортер пяти войн // Журналист. – № 11. – 2000.
10. Стровский А. О прессе советской замолвим ли слово? // Журналист. – № 11. – 2002.
11. Соколовский Р. Сила печати // Журналист. – № 9. – 2004.

*Подгорная Е.В.
Н. рук. Крюкова С.В.*

О ТЕНДЕНЦИЯХ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Язык печатных СМИ и процессы, происходящие в нем, на наш взгляд, – очень актуальная и интересная тема, которая требует подробного изучения. Современные тексты периодических изданий предоставляют обширное поле деятельности для исследователей, так как именно они не только отражают изменения, происходящие в русском языке, но и способствуют формированию новых традиций использования слова.

На основании общих принципов анализа публицистических текстов можно обнаружить индивидуальные особенности авторских текстов и выявить стандартные моменты, используемые в большинстве материалов, то есть наглядно увидеть и обозначить тенденции языка современных СМИ. Так, характерными для публицистики являются **реминисценции**, внедрение **разговорной** (иногда бранной) лексики, разнообразные **стилистические фигуры** (риторические вопросы и восклицания), **преодоление стандартизации лексического состава, отказ от использования традиционных оценочных «газетизмов» и клише**, использование **метафор** и других **тропов**.

Чтобы подтвердить теоретические положения, проследим особенности текстов СМИ на материале публикаций «Литературной газеты» («ЛГ») за 2005 – 2006 годы. Именно эту газету, на наш взгляд, можно отнести к качественной прессе как в плане подбора фактического материала, так и по части стилистического воплощения авторского замысла.

Рассмотрим тенденции языка печатных СМИ в двух направлениях – стилистическое использование лексических средств и стилистическое использование грамматических средств.

Если говорить о лексике, то ее возможности журналисты используют максимально. Ни один материал не обходится без использования многозначности, омонимии, антонимии. В текстах присутствует достаточно много тропов, которые, как известно, усиливают действенность высказывания благодаря тому, что к чисто логическому его содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки. Чаще всего в материалах встречается метафора:

Если в футболе активно действует рынок игроков и тренеров, то не слышно, чтобы какое-то издание стремилось перекупить у конкурента главного редактора или «сильное перо» («ЛГ», №38, 2005).

Если хоть на время наступить на горло нашему неистребимому интеллигентскому катастрофизму, то легко обнаружить многие и многие благодатные перемены («ЛГ», №1, 2006).

А тот факт, что телевидение берет за ручку гражданина, едва научившегося ходить, ... и ведет его до гробовой доски: многие все еще досматривают сериалы, позволяет говорить о возможностях телевидения «создавать» человека по своим чертежам и эскизам («ЛГ», № 14, 2006).

Реже встречаем перифразу: Известно, нет такого студента – и тем более студентки, – которые бы, сдав экзамены по всем наукам, не устремились бы тотчас к первой встречной цыганке, чтобы узнать про длину своей дороги в казённый дом («ЛГ», №54, 2005), олицетворение Практически на всех телеканалах в дневное время вопиет реклама вечернего кинопоказа, содержащая, как правило, лихую нарезку наиболее «выигрышных» эпизодов фильма («ЛГ», №53, 2005), сравнение: Иногда, как лошадь, гоготала («ЛГ», №10, 2005).

Кроме того, исследуя лексическое наполнение текста, мы отметили тенденцию включения в публикации большого количества разговорной (иногда бранной) лексики. Уже вполне привычно выглядят в тексте слова: засадил в ухо, втюхать, елы-палы! («ЛГ» №51, 2005). Привлекает внимание внедрение стилистически ярко окрашенного слова в относительно нейтральный контекст. Это приводит к тому, что все предложение приобретает чаще всего негативную оценку: И основные национальные богатства не оказались бы в руках близких к власти прохиндеев и жуликов, капитал не вывозился бы из страны, развивались бы промышленность, сельское хозяйство и высокие технологии («ЛГ», №48, 2005); Интересно, с чьего бодуна привили эту традицию – тащить на нее в качестве подарков разносолы и прочие кулинарные, и не только, чудеса? («ЛГ», № 5, 2005); Не нравится – вали из центра в какое-нибудь «Коровино-Фуниково» («ЛГ», №2-3, 2006).

Встречается в журналистских текстах и такой прием, как повторение. Чаще всего для убедительности, для того чтобы заострить внимание на конкретном моменте. Если слово употреблено дважды, значит, оно важно: Так что грех, грех было отечественной словесности веяний времени не услышать, а, услышав, не развить, не углубить... («ЛГ», № 13, 2006).

Неотъемлемой частью текстов СМИ сегодня стали реминисценции – цитирование «чужих» текстов (афоризмов, фраз из кинофильмов, песен, художественных произведений): К тому же слишком хорошо известно, какие скелеты из шкафов времен его деятельности в правительстве можно надоставать («ЛГ», №9, 2005). Реминисценции формируют так называемое пространство гипертекстуальности, которое очень актуально в связи с развитием информационных технологий и стремлением к формированию мирового информационного общества.

Главная тенденция, которая проявляется при употреблении реминисценций в медиатекстах, – стремление к деконструкции: *Кучма сделал свое дело, Кучма теперь может уйти* («ЛГ», №5, 2005) (Ср.: Мавр сделал свое дело, мавр может уходить); *«Ящик» и Пандора (заголовок)* («ЛГ», №2-3, 2005) (Ср.: ящик Пандоры).

Деконструкции в текстах могут подвергаться и фразеологизмы: *Так что нынешним исполнителям бессмертных образов двоих «заклятых друзей» и вечных оппонентов, а именно Игорю Петренко и Юрию Колокольникову, придется изрядно потрудиться, чтобы завоевать право на свое место в этом выдающемся культурологическом строю* («ЛГ», №42, 2005). Деконструкция состоит в замене компонента фразеологизма *заклятые враги* словом с противоположным значением – *друзья*.

Нельзя обойти вниманием и использование в текстах печатных СМИ так называемого «самовИтого слова»: *Да, свобода говорения есть, но нет свободы слышания* («ЛГ», №38, 2005), *Захлёбывающийся урапатриотический репортаж напоминал захватскую манеру советских журналистов – сказать о том, чего и в помине нет* («ЛГ», №28, 2005), *А если совсем всё это постмодернячество надоест, то провалиться в литературное забытьё* («ЛГ», №38, 2005). Обычно подобный прием используется для привлечения внимания к явлению, обозначенному данным словом.

В синтаксисе журналистских материалов также находим ряд широкоупотребительных приемов. По нашим наблюдениям, излюбленными стилистическими фигурами публикаций является риторический вопрос и восклицание. Они увеличивают экспрессию текста: *А куда в таких потемках мы можем прийти?* или: *Сколько за рубежом было протестов против развития нашей атомной энергетики!* («ЛГ» №13, 2006). Среди восклицаний нередки параллельные конструкции: *Девочки – в кинозалы! Мальчики в избы-читальни за Толстым!* («ЛГ», №11, 2005) или: *За что ни хватились – все гнило! Все коррумпировано! Все неуправляемо!* («ЛГ», №54, 2005).

Частое явление – использование антитезы: *Интер.net или Интер.da?* (заголовок) («ЛГ», №9, 2005); *И глумливая физиономия интригана Березовского, тут же соткавшегося из политической пены за спиной Касьянова, внушает весьма сильные, но радостные чувства* («ЛГ», №9, 2005); градации – *Все наши «показатели» были липовыми, завышенными, только один реально, неизменно, из года в год, шел в гору* («ЛГ», №2-3, 2006); умолчания – *«Да автор полный ...» – сказал я себе, но что-то заставило дочитать статью до конца* («ЛГ», №43, 2005).

Нередки в текстах «Литературной газеты» параллельные конструкции, также направленные на заострение внимания, на усиление эмоциональности изложения, на «оживление» языка: *Отчего тогда его страдания? Отчего он хочет разговаривать именно с Иешуа? Отчего он так добивается, чтобы Иешуа сказал, что казни не было, что Пилату это померещилось?* («ЛГ», №1, 2006).

Несколько слов нужно сказать и об авторских ремарках. Они выражают авторскую оценку явления, часто служат для создания ироничного контекста: *Скажут: «Что мешает подростку взять с полки в библиотеке (вот именно, в библиотеке: ведь дома такого «мусора» уже почти никто не держит!) книги вышеперечисленных авторов?» Увы!* («ЛГ», №13, 2006), *Сейчас именно такой момент, когда эти понятия должны слиться, а значит, патриотизм (в хорошем смысле этого слова) нам крайне необходим.* («ЛГ», № 30-31, 2005).

Для синтаксиса газетной публицистики характерны простые осложненные конструкции. Это связано со стремлением «облегчить» повествование. Востребованы и неполные конструкции: *Какие проблемы? Отцы и дети? Старуха-процентщица? Бедный Вертер? Один щелчок – и готово* («ЛГ», №13, 2006); нередко используются бессоюзные предложения: *В этом можно увидеть главную идею, вернее, казус романа: оправданность жизни человека всем, что его окружает не в высшем, а, так сказать, заместительном смысле* («ЛГ», № 38, 2005). Часто для экспрессии употребляется тире: *Промышленное производство – в глубокой деградации, сельское хозяйство – в упадке, продукции высоких технологий кот наплакал, а те деньги, которые наши недалёкие министры держат в кубышке на чёрный день, будут быстро проедены* («ЛГ» № 48, 2005).

Многие, поначалу единичные, стилистические приемы в процессе неоднократного применения становятся общеупотребительными, и в этом проявляются тенденции развития языка текстов СМИ на современном этапе.

Ю.Ю. Хаустова
Н. рук. А.В. Полонский

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИМПТОМЫ КУЛЬТУРНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере текстов СМИ)

Процессы, происходящие в языке на всех его уровнях, становятся особенно заметными в наиболее динамичные периоды жизни общества. С 1990-х годов в России произошли глобальные перемены в культурной, социально-политической и мировоззренческой сферах. Реальностью стало демократическое устройство государства. Новый уклад жизни отражается и в языке, прежде всего в языке публицистики.

Языковым симптомом, характеризующим нынешнее культурное состояние современного российского общества, стала демократизация языка, проявляющаяся в абсолютной «свободе» автора обращаться к любым стилистическим пластам языка. Анализ федеральных газет, таких как «Аргументы и факты», «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» позволил заметить следующее.

Язык современных печатных СМИ стал не просто более раскован, а приблизился к непринужденному разговору, о чём свидетельствует частое обращение авторов к разговорной лексике: *Работники просто **опешили**: как такое может быть?* («Комсомольская правда»), *Если раньше главным фольклорным изменщиком был муж, то **нынче** ему всё чаще отводится роль **рогоносца*** («Комсомольская правда»), *Некачественная икра вполне может оказаться пересоленной, и не только, потому что солят её **«на глазок»*** («Известия»), *Поездка в «горячую точку» была абсолютной **липой***. Как и красивая *агитка* про «командира с большой буквы» («Московский комсомолец»). В этих примерах наблюдается влияние массовой культуры на аудиторию, потребляющую продукт СМИ.

«Обогащение» языка печатных СМИ преимущественно идёт за счет обращения к сниженной лексике, прежде всего – жаргонной и просторечной: *Бывшие **«братки»** хотя и снимали золотые цепи толщиной в палец, но от них по-прежнему попахивает кабаком и **«малиной»*** («Аргументы и факты»), *Её либо производят на тех же заводах, что и официальную, но, к примеру, по ночам, либо **абы где**, в полной антисанитарии* («Известия»).

Некоторые жаргонизмы и просторечия многими воспринимаются как вполне литературные слова.

Мир охвачен глобализацией. Учёные по-разному относятся к этому явлению, что, разумеется, не мешает ему распространяться и углубляться. Лидером при этом оказалась западная цивилизация (страны западной Европы, США). Лейтмотивом глобализации является распространение на весь мир модели жизни «западного человека». Лексический строй языка отреагировал на это мгновенно. Атрибутами современной российской жизни стали «пиццерии», «хаузы» и «боулинги». Например: «У меня в доме – шаром покати, – говорит ведущий «Русского радио». Ему в ответ: «Ты что, в боулинге живёшь?»

Современные тексты СМИ характеризуются повышенной метафоричностью. Чем же вызвано столь частое обращение к метафорам? Люди познают окружающий мир путём сравнений, а значит, метафоричность отражает состояние современного общественного мышления, стремящегося к множественности прочтения ситуации. С этим связано возникновение новых метафорических словосочетаний, номинирующих возникающие в общественной жизни процессы и реалии: *Маленького бродягу, найденного на лондонской улице, поселили в апартаментах **«железной леди»*** («Комсомольская правда»), *Если учитывать все оперативные службы, то их даже больше, чем **флаговых номеров*** («Комсомольская правда»), ***Бюрократическая машина** сопротивлялась, как могла* («Аргументы и факты»), *Впрочем, передышка в **«газовой войне»** может оказаться непродолжительной* («Аргументы и факты»); *Клонирование разного рода **«скинхедов»**, популярность нацболовских **«экинов»**, живучесть неотроцкистского бренда **«Че Гевара»** и, наконец, та роль, которую молодёжь сыграла в **«оранжевой революции»** на Украине, – свидетельство того,*

что молодое поколение не намерено отсиживаться в «Макдоналдсах» («Аргументы и факты»); Нет сомнений, что, как только на Украине угаснет предвыборный «газовый психоз», расчётливая украинская невеста потянет к нам свои обольстительные губки («Аргументы и факты»); И я не верю, что **контрактная армия** спасёт от дедовщины («Аргументы и факты»); Последним рецидивом «славянской солидарности» был, пожалуй, знаменитый и вызывающий удивление всей Европы бросок российского полка миротворцев в Приштину во время югославского конфликта («Аргументы и факты»).

Метафоричность и употребление некодифицированной лексики делают газетные материалы экспрессивными и эмоциональными, что координирует с психологическими особенностями современного общества и, прежде всего, молодежи: *Говорят, из-за наплыва гостей некоторым VIPам пришлось **нарезать** круги по Ивановской площади, чтоб найти место для парковки* («Аргументы и факты»). В данном контексте слово «нарезать» утратило своё словарное значение: 1. Разделять на части. 2. Разделить ножом. 3. Сделать нарезы, нарезку. 4. Размежёвывать, определить границы, участки и приобрело новое – «колесить, проезжать повторяющийся путь». Таким же изменениям (утрата прежнего, словарного значения и приобретение нового) подверглась семантика выделенных слов в следующих примерах: *Она даже обрадовалась – рассказала милиционеру о своих проблемах и попросила **«пробить»** звонивших* («Московский комсомолец»); *В случае **неуставняка** с устными жалобами солдат может обратиться к любому командиру, а с письменным заявлением – строго по армейской иерархической лестнице* («Аргументы и факты»); *На мощной домашней **«персоналке»** послание, зашифрованное с помощью PGP ключом в 384 бита, можно раскрыть за несколько суток – грубый, но наглядный пример* («Комсомольская правда»); *Он **гнёт** свою линию: смерти не желал, **«заказ»** сделал понарошку. Но Катя может не беспокоиться – он уже договорился с ними о встрече и уверен, что сможет разрулить ситуацию. И снова появился герой Никитин и **утряс** проблему* («Московский комсомолец»).

Стремление к повышенной экспрессивности отразилось в обращении к броским названиям газетных материалов: *Япония взяла астероид на абордаж, Эйштейна поставили на счётчик, Танцовщицам Дега измерили температуру* («Известия»); *Наши компьютеры следят за нами?* («Комсомольская правда»); *Верю, надеюсь, убью...* («Московский комсомолец»); *Хай живее морская кавалерия!, Тарифы: где яйцо, а где курица* (о повышении цен на бензин), *Он сходил в ООН* («Аргументы и факты»). Это необходимо, чтобы завоевать аудиторию, стремящуюся к оригинальности. Это говорит также о желании освободиться от традиционного, изжившего себя прошлого, в котором зачастую поощрялось именно «серое».

Молодёжь перестала читать художественную литературу. Чтение ограничивается программными произведениями и книгами, предлагаемыми массовой культурой. На основании этого справедливо говорят о назревающей гуманитарной катастрофе.

Данная тенденция нашла прямое отражение и в языке. Язык примитивизируется. Массовой культуре он не нужен как развитой, красоты излишни. Необходим простой, понятный всем, поэтому и появляется на страницах газет лексика, не зафиксированная в словарях.

За последнее десятилетие в нашей стране произошли политические и экономические преобразования. Для возрождения России как самобытного и самодостаточного государства, уважаемого мировым сообществом, необходимо, чтобы растущие поколения развивались и становились субъектами собственной жизнедеятельности, определяющими смысл своей жизни как саморазвитие и самоактуализацию во имя Отечества. Под влиянием требований жизни произошли изменения и в образовании. В традиционной педагогике, ориентированной на реализацию преимущественно образовательных целей, в центре внимания находились знания, в которых закреплено духовное богатство человека, накопленное в процессе поисков и исторического опыта. Очевидно, что эта тенденция отразилась и в печатных СМИ, но приобрела здесь иной характер: не воспитательный и не направленный на сохранение исторического языкового богатства, которое, в первую очередь, сосредоточено в лексикализованных сочетаниях слов, а как средство выразительности и экспрессии: *Никитин прикусил язык* («Московский комсомолец»), *Россия вот уже несколько лет топчется на месте, которое придворные политологи ласково называют «стабильностью»* («Аргументы и факты»), *Но муж и жена лишь опускали глаза* («Комсомольская правда»), *На свадебной церемонии, как вспоминают сотрудницы «службы Гименя», жених и невеста просто светились от радости* (Комсомольская правда), *Эйштейн – forever!* («Известия»), *В ту минуту матёрый морской волк* показался мне наивным ребёнком («Комсомольская правда»), *Поездка в «горячую точку» была абсолютной липой. Как и агитка про «командира с большой буквы»* («Московский комсомолец») *Ребята, положи руку на сердце – а чего ещё вы могли ожидать?* («Аргументы и факты»), *До боли знакомый* клон киевского майдана весело строил очередной революционный городок – гремела музыка, пареньки пили кофе, лидеры оппозиции уже не покидали площадь («Комсомольская правда»)

Значительную роль в текстах СМИ играет ирония: *Россия вот уже несколько лет топчется на месте, которое придворные политологи ласково называют «стабильностью»* («Аргументы и факты»); *Днём позже спецслужбы предотвратили «покушение» на любимого президента* («Аргументы и факты»). *Надежда на успех мероприятия сохраняется, но прыгающий на 10 метров робот «Минерва» весом 600 граммов утерян, похоже, навсегда. Астероид так и не превратился в легкоатлетический сектор* («Известия»); *Путин, прибывший на открытие информцентра, побил все свои рекорды немногословия: за 15 минут умудрился не проронить ни слова* («Комсомольская правда»). Этот троп необходим для нестандартного, живого, остроумного изложения фактов чаще негативного характера: *Большинство «умельцев» при изготовлении браконьерской ик-*

ры добавляют в неё также немного борной кислоты в качестве консерванта, и на вкус этого не узнать («Известия»); Отправившись после застолья домой, первую брачную ночь новоявленные супруги посвятили... пересчету подарков, в основном – денег («Комсомольская правда»). Причины обращения к иронии в языке СМИ обнаруживают корни на уровне каждодневного общения. Жизнь в условиях рыночной экономической системы предполагает конкуренцию, что делает людей более закрытыми. Каждый находится в своей скорлупе, боится показать свою сущность. Поколение становится жестче. Наблюдается боязнь показать добрые качества, так как это посчитают слабостью. Чёрный юмор кажется светлее и воспринимается без обид. Уходит в прошлое употребление эвфемизмов. Чаще говорят прямо, в лицо и не всегда корректно: *На этом предположении и строится исключительная – больше, чем у Христа, – популярность Эйнштейна* («Известия»).

Говорить несерьёзно стало модным. Даже друзья ощущаются лишь на уровне шуток. Это нашло отражение в языке СМИ, тексты которых превращаются в каком-то смысле в «дружеский междусобойчик», по определению М.И. Исаева [1]. В условиях такого «междусобойчика» не всегда удаётся следить не только за правильностью речи, но и за её точностью.

Литература

1. Исаев М.И. Наше речевое пространство. – М.: Русский язык, 1992. – 254 с.

*Д.В. Иванченко
Н. рук. С.В. Крюкова*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ТЕКСТАХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Язык средств массовой информации, особенно газетной печати, интересует нас с точки зрения использования в нем средств выразительности – стилистических фигур. В качестве материала для наблюдений используются тексты из всероссийского ежедневного общественно-политического издания «Известия» и областной общественно-политической газеты «Белгородские известия».

Риторическое усиление речи путем использования фигур, по мнению С.И. Виноградова [1], – один из важнейших стилистических приемов и в то же время средство повышения эстетического уровня текста.

В.Г. Костомаров [2], выделив основную черту языка газеты (стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности) отметил, что для реализации этой тенденции широкие возможности представляют фигуры речи – отступления от нейтрального способа изложения с

целью эмоционального и эстетического воздействия. Стандартизованность обеспечивается воспроизводимостью фигур: в их основе лежат определенные схемы, которые в речи могут наполняться каждый раз новыми словами. Эти схемы закреплены многовековой культурной деятельностью человечества и обеспечивают отточенность формы. Экспрессия возникает либо в результате ментальных операций сближения-противопоставления, либо вследствие разрушения привычных речевых формул и стереотипов, либо благодаря умелым изменениям речевой тактики.

С точки зрения Л.А. Новикова [3], **фигура** – форма речи, а не поэтического мышления: она не вносит ничего нового, расширяющего наше художественное познание. Ее главное назначение – усилить впечатление от чего-либо, сделать его более ярким, выразительным, наглядным и подчеркнутым. Старые грамматики и риторика называли эти своеобразные формы «движения речи» фигурами по аналогии с фигурами в танцах. Танец доставляет эстетическое удовольствие в том случае, если он не беспорядочен, хаотичен, а воплощен в определенные фигуры движения. Точно так же и речь. Именно особая группировка слов, их определенное расположение способны во много раз увеличивать эмоциональное воздействие текста. Возьмем, к примеру, фигуру противопоставления – антитезу: *Попытка Ющенко помешать нам станет боем тщедушного хлопца с боксером-тяжеловесом; «Зачем людям с «чистыми руками» договариваться с «преступниками»? («Известия», 22 марта 2006); Мир – мазанкам, война – майдану! («Известия», 15 марта, 2006.)* Эффект контраста здесь усиливается за счет того, что смысловые различия слов как бы сведены в фокус противопоставления: отброшено случайное, второстепенное, подчеркнуто главное, характерное. Точно так же черное пятно на белом фоне кажется еще чернее, а белое пятно на черном фоне – еще белее, хотя сами цвета при этом не изменяются. Усиливается, как в стилистической фигуре, лишь само впечатление при их восприятии.

В газетах встречаются практически все фигуры речи, однако значительно преобладают четыре группы: вопросы различных типов, повторы, создаваемые средствами разных языковых уровней, бессоюзие и многосоюзие и структурно-графические выделения.

С первых же строк статьи читатель часто встречается с такими разновидностями вопросов, как дубитация и объективизация (по классификации С.И. Виноградова [1]). **Дубитация** – это ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения: *Понятия «геном», «стволовые клетки», «микродобавки» становятся привычными в нашем лексиконе. Но кто стоит за сложными технологическими разработками? Каким даром должен обладать человек, способный создавать, творить? Что движет им в научном поиске? Ответить на эти вопросы может только сам исследователь («Белгородские известия», 7 марта, 2006); Сколько у политической партии денег? Кто их дает? Что он ждет взамен? И что получает?*

Партийные вожди на эти sacramентальные вопросы отвечают невнятно («Известия», 21 марта, 2006).

Давно замечено, что умение ставить вопросы природе отличает гениального ученого от посредственного. То же можно сказать о журналисте в отношении общества. По сформулированным в начале статьи вопросам читатель судит о проницательности журналиста, о сходствах и различиях между собственной и авторской точками зрения, об актуальности темы и о том, представляет ли она интерес. Дубитация – это и своего рода план дальнейшего изложения, и способ установить контакт с читателем. Вопрос всегда обращен к собеседнику и требует от него ответной реакции. Таким образом, высвечивание тех или иных граней проблемы происходит как бы на глазах у читателя и при его участии. От этого возрастает убедительность вывода.

Объективизация – это вопрос, на который автор отвечает сам: *Что, времена были другими? Да нет, времена здесь, пожалуй, ни при чем. Может быть, люди были другими или другой была идеология? Может, дети в те далекие времена рассматривались как опора родителей в старости, и чем больше их было, тем крепче была семья? Однако и в наше время есть люди, для которых вечные жизненные ценности выше материальных благ, которые хотят и могут воспитывать детей («Белгородские известия», 7 марта, 2006); В чем же главная интрига нынешних выборов? Они позволяют продолжить начатый в ходе «оранжевой революции» культурно-цивилизационный выбор («Известия», 23 марта, 2006).*

Объективизация служит для высвечивания отдельных сторон основного вопроса по мере развертывания текста. Фигуры этого типа располагаются, главным образом в начале абзацев. Наряду с метатекстом они создают каркас рассуждения, причем не только фиксируют поворотные пункты мысли, но и продвигают рассуждение вперед. Смена утвердительной интонации на вопросительную позволяет оживить внимание читателя, восстановить ослабший контакт с ним, внести разнообразие в авторский монолог, создав иллюзию диалога.

Риторический вопрос – это экспрессивное утверждение или отрицание: *И уже возникают вопросы: а не стоят ли за спинами игроков совсем уж крупные фигуры? И рождаются уже подозрения: а не раздута ли вся эта история с Сычевым ради того, чтобы изменить развитие политической ситуации в России? («Известия», 23 марта, 2006); «И когда только селяне всё успевают?!; Как тут не порадоваться хозяевам фермы! («Белгородские известия», 3 марта, 2006).* Риторический вопрос интонационно и структурно выделяется на фоне повествовательных предложений, что вносит в речь элемент неожиданности и тем самым усиливает ее выразительность. Некоторая театральность этого приема повышает стилистический статус текста, поднимает его над обыденной речью.

Риторическим восклицанием, по классическому определению, называется показное выражение эмоций. В письменном тексте эта псевдоэмоция оформляется графически (восклицательным знаком) и структурно:

Разве можно не восхищаться, глядя на феерическое разнообразие прекрасных цветущих растений прямо под куполом зимнего сада, который разместили в пищевом блоке областной больницы! Или не испытывать восторга, отдыхая в зеленом внутреннем дворике университета! («Белгородские известия», 7 марта, 2006). Восклицательный знак в таких высказываниях – это способ привлечь внимание читателя и побудить его разделить авторское негодование, изумление, восхищение.

Умолчание – указание в письменном тексте графическими средствами (многоточием) на невысказанность части мысли: *Карла дель Понте: «Я разъярена... Его смерть для меня – сокрушительное поражение. Мне казалось невозможным, что столько лет труда, вложенной энергии, кропотливого следствия – все оказалось напрасным... («Известия», 15 марта, 2006)* Многоточие – это заговорщическое подмигивание автора читателю, намек на известные обоим факты или обоюдно разделяемые точки зрения.

Вторая группа фигур, занимающих важное место в языке газеты, – это повторы разных типов. Известная мудрость гласит: что скажут трижды, тому верит народ. Повторяющиеся сегменты фиксируются памятью и влияют на формирование отношения к соответствующей проблеме. Повторы могут создаваться средствами любого языкового уровня. На лексическом уровне это может быть буквальная повтор слов: *И все они, несомненно, начнут осваивать Сеть. И не попасть в их сети простому пользователю Интернета будет практически нереально («Известия», 16 марта, 2006).*

Анафора, или единоначатие, – повторение начальных частей (слова, словосочетания, предложения) двух или более относительно самостоятельных отрезков речи. Единый зачин делает речь экспрессивной, выразительно подчеркивая основную мысль текста. *Да, занимал высокие посты, был «тайным советником вождей» в ЦК, работал в привилегированной (тогда) газете. Да, в диссидентах не состоял – но вот прошли годы, и сегодня те же диссиденты пишут о нем с уважением. («Известия», 13 марта, 2006); Слободана Милошевича судили за то, что он, исполняя долг Президента, до конца отстаивал интересы граждан своей страны. Судили те, кто разжиг межэтнические и межконфессиональные войны на территории Югославии. Судили те, кто исповедует антигуманный принцип – разделяй и властвуй. Судили те, кто отдал приказ бомбить мирные города и села Сербии, кто превратил Белград – один из красивейших городов Европы – в руины. («Белгородские известия», 14 марта, 2006).*

Повтор – это важнейший стилиобразующий компонент газеты, выходящий далеко за рамки фигур речи, затрагивающий макроструктуру текста, как, например, повтор информации в заголовке, в сводке и непосредственно в тексте статьи.

Третье место по частоте употребления в тексте занимают многосоюзие и бессоюзие. Многосоюзие (**полисиндетон**) – риторическая фигура, состоящая в намеренном повторении сочинительных союзов для логи-

ческого и интонационного выделения перечисляемых понятий: *Иными словами – или как дворянского интеллигента, или как убежденного православно-го. Или как славянофила, не вполне понимая, что это такое* («Известия», ср.22 марта, 2006); *И все-таки старооскольцы превзошли всех. Была здесь и знаменитая роговатовская каша – «катанка», и федоровский квас с хреном и мятой, и гречишный кисель...* («Белгородские известия», 3 марта, 2006). Речь замедляется, паузы и повторяющийся союз выделяют слова, экспрессивно подчеркивая их смысловую значимость.

Бессоюзие (**асиндетон**) – это сознательный отказ от соединения союзами перечисляемых понятий: *Зато развивать национальные языки и культуры, заниматься бизнесом, торговать, искать работу в обновленном союзном демократическом государстве было бы куда проще* («Известия», 1 марта, 2006); *Иными словами: грядет всеобщая забастовка всех и всяких дорожников – работников метро, водителей автобусов, железнодорожников, служащих паромных переправ, авиационных служб...* («Известия», 23 марта, 2006). В таких случаях за каждой запятой чувствуется выразительная (нередко трагическая) пауза, подчеркивающая перечисляемые слова.

Наконец, структурно-графические выделения. К ним относятся парцелляция, эпифраз и др. С помощью этих фигур внимание читателя обращается на один из компонентов высказывания, который в общем потоке речи мог бы остаться незамеченным.

Парцелляция – в письменном тексте отделение точкой одного или нескольких последних слов высказывания для привлечения к ним внимания читателя и придания им нового звучания: *Даже в глуши (от Вышних Пен почти 100 километров до Белгорода) кипит жизнь. Жизнь людей, достойных уважения и восхищения* («Белгородские известия», 3 марта, 2006); *Впереди праздник красоты, обаяния, нежности. Женский день.* («Белгородские известия», 7 марта, 2006); *Заслуги первоучастников огромны. Сделали больше многих политиков. Поскольку отоваривали страну. Причем в самое тяжелое время. Когда народ был готов снести всех подряд. И коммунистов, и демократов. Никто бы не остановил А «мулы» смогли* («Известия», 15 марта, 2006).

Эпифраз, или присоединение – добавочное, уточняющее предложение или словосочетание, присоединяемое к уже законченному предложению, например: *Перед первым концертом (Ровеньского района) организаторы акции (областное управление культуры, Центр народного творчества и Центр музыкального искусства) меньше всего были уверены в том, что публика (по таким морозам!) проявит самостоятельно активность, и подключили так называемые административные ресурсы; Никто и предположить не мог, что зрителей придет столько, что большой зал Центра музыкального искусства не сможет вместить всех желающих, что кому-то придется смотреть программу стоя (почти два часа!), а кому-то и вовсе не удастся «пробиться» в переполненное концертное помещение* («Белгородские известия», 3 марта, 2006). Эпифраз дает приращение информации.

Стилистические фигуры – это сильное и эффективное средство воздействия, средство усиления выразительности речи. Все фигуры речи благодаря их формульной отточенности и завершенности используются в газетных текстах, поэтому содержащие их фразы нередко оказываются графически выделенными, с них начинается знакомство с газетой, их замечает раньше других речевых приемов.

Литература

1. Виноградов С.И. Культура русской речи – Электронный ресурс: <http://ufalaw.narod.ru/1/rus/>.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – МГУ, 1971.
3. Новиков Л.А. Искусство слова. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.

Научное издание

ВЕСТНИК СНО
СБОРНИК СТУДЕНЧЕСКИХ
НАУЧНЫХ РАБОТ

ЧАСТЬ II

Выпуск X

Редакторы *Е.В. Петрунова, О.В. Анохина*
Компьютерная верстка *И.В. Берлина*

Подписано в печать 02.04.2007. Формат 60×84/16
Гарнитура Times. Усл. п. л. 22,32. Тираж 180 экз. Заказ № 94.
Оригинал-макет подготовлен к печати и тиражирован
в издательстве Белгородского государственного университета
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85